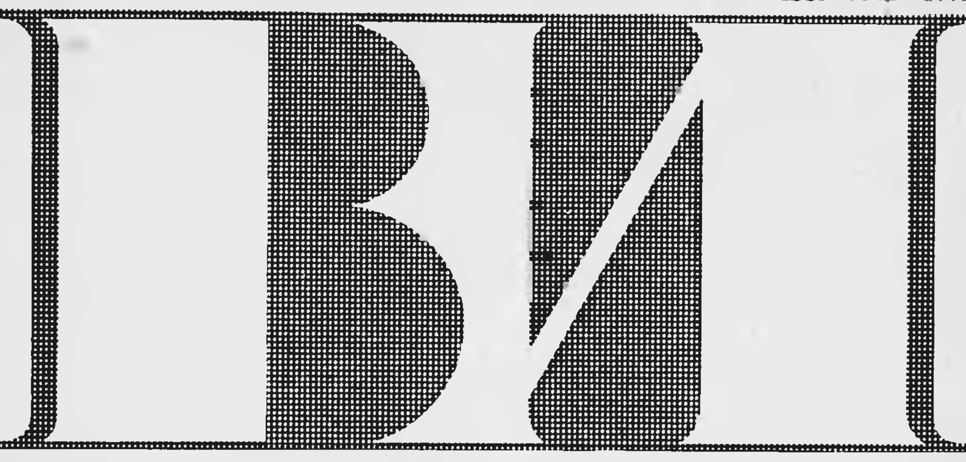
23-1-14

ISSN 0042—8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/91

2 р. 25 к. Индекс 70145

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ 12/91

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/91

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Выходит
с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»
МОСКВА

СТАТЬИ

Конституционалисты-демократы и их критики

Ш. Галай

Клио обошлась с кадетами хуже, чем с другими всероссийскими несоциалистическими партиями, если не считать крайне правых. В то время как имеются (на Западе) две монографии об октябристах и одна о националистах[1], аналогичных работ по истории кадетов еще нет. Появилось лишь несколько частных исследований, но в них охвачены только начальный и конечный периоды существования этой партии[2].

Лидерам ее повезло не больше. До сих пор опубликованы только две современные подробные биографии кадетских лидеров: труды Р. Пайпса о П. Б. Струве и работа Т. Рихи о П. Н. Милюкове[3]. Каковы бы ни были причины такого положения, представляется очевидным, что они не связаны с недостатком источников. Руководители кадетов были весьма плодовиты: они много писали и выступали. У них также было обостренное чувство истории (некоторые из них, как Милюков, являлись профессиональными историками), и они придавали огромное значение устному и печатному слову, стремясь оказать влияние на общественное мнение, а также на будущие поколения историков. С этой целью они максимально использовали свободу слова, существовавшую в России с 1905 г. до Октябрьской революции.

Не считая многочисленных брошюр и листовок, выпущенных партией, особенно в первые два года ее существования, и официального «Вестника Партии народной свободы», который перестал выходить в конце 1907 г., они располагали двумя ежедневными газетами. «Речь» являлась неофициальным органом Милюкова и большинства партии; «Русские ведомости» в значительной мере отражали взгляды правого ее крыла. Милюков и его сторонники контролировали массовую ежедневную газету «Современное слово» и еженедельник «Право». У Струве были собственные издания: «Полярная звезда», «Свобода и культура», «Русская мысль». Кроме того, кадетские лидеры имели доступ к большинству независимых газет и периодических изданий России того времени.

Речи кадетских депутатов в Думе публиковались в ее стенографических отчетах и в прессе. Партийные лидеры читали лекции и доклады по всей стране, вступали в полемику друг с другом и с политическими противниками, устраивали митинги, конференции, съезды, материалы которых (за исключением VI съезда, состоявшегося в феврале 1916 г.) были напечатаны[4]. Наконец, находясь в эмиграции, лидеры кадетов опубликовали мемуары, полемические работы и труды, посвященные анализу событий, в которых они принимали участие.

Галай Шмуэль — профессор Бен-Гурионского университета (Негев, Израиль). Автор монографии «Освободительное движение в России (1900—1905 гг.)».

Таким образом, существуют обширные материалы по истории кадетов, не считая архивных документов и работ политических противников кадетов. Эти источники гораздо богаче доступных материалов по октябристам и националистам, вместе взятым. Почему же в таком случае до сих пор нет общей работы по истории кадетов?

В отношении советской историографии на этот вопрос ответить несложно. В прошлом советским историкам мешали политические соображения, строгие ограничения вследствие устойчивой враждебности В. И. Ленина к партии кадетов. Их претензия (обоснованная по крайней мере до февраля 1917 г.) на роль надклассовой партии, представляющей интересы всей нации, задевала его марксистские убеждения, и он неустанно стремился «сорвать с них маску», разоблачая их «истинное буржуазное нутро». Существовала, однако, и другая причина враждебности, связанная больше с политическими, чем с идеологическими соображениями.

По крайней мере до роспуска II Думы и столыпинского переворота 3 июня 1907 г. Ленин со стороны кадетов видел наиболее значительную угрозу своим планам по сравнению с другими партиями России (не говоря уж о самодержавии). Кадеты получили беспрецедентную поддержку масс и даже поколебали преданность рабочего класса социалистам, которую социал-демократы рассматривали как свою «законную» монополию. Успех кадетов серьезно ослаблял шансы революции. Этим объясняется резкость нападок Ленина на кадетов и тех социал-демократических деятелей, которые, подобно Г. В. Плеханову, выступали за ограниченное сотрудничество с кадетами. Ленин утверждал, что кадеты являются партией «контрреволюционной буржуазии» и что они предают народ и его «истинную» свободу, постоянно стремясь к «сделке» с царизмом[5].

Учитывая эту враждебность, ясно, почему в Советском Союзе нет общей работы по истории кадетов. Частные исследования, опубликованные до сих пор, содержат важные новые материалы, но в целом подход их авторов не объективен, как показывают (за единичными исключениями) даже их заглавия. Гораздо труднее объяснить, почему подобной работы не появилось на Западе. Там историки не были стеснены политическими соображениями, подобными описанным выше. Но и они не свободны от господствующих политических убеждений, культурных традиций и тенденций в историографии. Мне представляется, что существующий пробел объясняется тремя причинами.

Самый характер свидетельств, оставленных кадетскими лидерами, с их стремлением обеспечить себе «посмертную добрую память», иногда приводил к прямо противоположным результатам. Пренебрежение, вызываемое таким стремлением у ряда историков[6], еще более усиливалось некоторыми малопривлекательными чертами Милюкова, отразившимися в его работах: самодовольством и несклонностью признавать ошибочность своих суждений.

Сказывается также место, принадлежавшее кадетам на русской политической сцене до Февральской революции. Самый факт, что эта левоцентристская партия неизменно придерживалась середины политического спектра, вел к нападкам на нее как слева, так и справа. К сожалению, политические битвы того времени все еще воздействуют не только на советских, но также и на западных историков, подрывая в их глазах репутацию кадетов. Кадеты, пожалуй, единственная крупная русская партия, отношение к которой не изменилось в лучшую сторону за последние два десятилетия. Можно сказать, что фактически недооценка кадетов продолжает оставаться единственной неизменной чертой быстро меняющейся историографической ситуации.

Большинство западных специалистов, писавших в 50-е и 60-е годы, «созрело» во время второй мировой и «холодной» войн. Их интерпретация истории в известной мере отражала духовные травмы и политические взгляды того времени. Будучи свидетелями ужасных последствий как правого, так и левого политического экстремизма, а также попыток практически применить биологический детерминизм и исторический материализм, они увидели высшую политическую зрелость в терпимости и умеренности. Для них доказательством государственной мудрости являлось стремление не к конфронтации, а к поискам компромиссов. Казалось бы, это должно было содействовать укреплению репутации кадетов. Но случилось прямо противоположное: перевесило влияние, оказанное той интерпретацией деятельности кадетов, какую ретроспективно предложил В. А. Маклаков.

Главное обвинение, выдвинутое Маклаковым против своих коллег по партии, состояло в том, что они объединились с революционерами, чтобы с их помощью прийти к власти. Такая тактика, утверждал он, создала непреодолимые препятствия примирению реформированного самодержавия с обществом и тем самым невольно содействовала конечной катастрофе[7]. Этот тезис не слишком оригинален: он представляет собой утонченную версию обвинений, выдвинутых правыми партиями сразу после учреждения Государственной думы[8]. Но его тщательная аргументация убедила историков, занимавшихся этим периодом, особенно тех, которых Л. Хаимсон относил к «стабилизационной школе»[9].

Историки этой школы утверждали, что развитие событий в России после 1905 г. создало потенциальные возможности для эволюционного выхода из кризиса. Русское общество становилось все более устойчивым, и, если бы не дестабилизирующее влияние войны, царский режим независимо от желания самодержца мог постепенно и мирно перейти в развитый конституционный строй, и власть оказалась бы в руках либералов. Эти историки доказывали, что октябристы и правые кадеты, уловив данную перспективу, пытались ускорить процесс перехода. Непримиримость же и радикализм центра и левого крыла кадетов помешали подобному переходу, содействуя в итоге победе большевизма. В 60-е годы такой подход настраивал больше на исследование октябристов и представителей правого крыла кадетов, таких, как Струве, чем на изучение этой партии с ее лидерами в целом.

В статье, посвященной вопросам социальной стабильности в городах России, Хаимсон подверг резкой критике «стабилизационную школу»[10]. Он заявил, что русское общество в думский период становилось менее, а не более стабильным и что война если и оказала какое-то влияние, то, способствуя вначале стабилизации и единению общества, отсрочила революционный взрыв на два с половиной года. Соответственно, накануне войны не существовало возможности мирного либерально-конституционного разрешения острого социально-политического кризиса. Что же касается кадетов, то их Хаимсон упрекал за излишнюю умеренность (а не чрезмерную радикальность), тем самым повторяя обвинения, выдвинутые русской неленинской левой[11].

Но Хаимсон пошел и дальше. Если не было места для мирного разрешения кризиса, как утверждает он, то в таком случае не имеет никакого значения, какую политику проводили кадеты (и другие умеренные политические партии), так как их усилия, направленные на преодоление кризиса нереволюционным путем, были обречены на провал. Смысл его обращения к западным историкам состоял в том, что следует заниматься не либералами любых оттенков, а важными социальными силами и их политическими представителями, особенно городскими рабочими и социал-демократами.

Развитие исследований по социальной истории способствовало тому, что в новом поколении западных историков конца 60-х и начала 70-х годов Хаимсон нашел отзывчивую аудиторию. Избавленные от травм старшего поколения и готовые сочувствовать преобладающим радикальным настроениям, многие из них с большой охотой последовали совету изучать «массы» и революционные партии. Это направление исследований соответствовало господствующей тенденции современной исторической науки заниматься социальной историей. Историки этого поколения опубликовали много работ[12]. И все же на Западе не появилось ни одной монографии по истории кадетской партии, не считая книги Т. Эммонса о выборах в I Думу и образовании несоциалистических партий, причем в ней охватывается лишь начальный этап существования этой партии.

Отсутствие общего труда о партии кадетов — явный пробел в историографии, но в то же время создание его представляет собой труднейшую задачу. Историк, стремящийся описать партию такой, какой она была в действительности, должен отфильтровать многочисленные наслоения ложных представлений, ошибочные интерпретации ее целей, политики и даже социально-политического облика. Для преодоления этих трудностей лучше всего исходить главным образом из материалов того времени, по возможности избегая полемических работ, вышедших после 1917 года. Ниже затронуты лишь две проблемы: социально-политический облик партии и ее отношение к вопросу о власти. Некоторые из предварительных выводов моих штудий подтверждают, а другие опровергают принятые представления о «кадетстве».

В какой мере верно, если верно вообще, утверждение, что кадеты являлись «буржуазной» партией? Безусловно неверно, если понимать буржуазность в том смысле, как ее трактовали некоторые современные им левые критики (не считая Ленина и его сторонников) и позднее советские историки[13]. Социальный состав партии, как недавно признал один советский историк[14], говорит в пользу утверждения кадетов, что они являются левоцентристской и надклассовой партией[15], а именно партией, представляющей нужды и интересы всех слоев русского общества, и особенно низших классов (следовательно, как это и было в действительности, интересы всей страны). В период наивысшей их популярности, начиная с избирательной кампании в I Думу и до ее роспуска, рядовой состав кадетской партии как бы воспроизводил строение русского общества, так как большинство ее членов составляли приказчики, мелкие чиновники, рабочие и крестьяне. По мнению того же автора, «буржуазный характер» кадетской партии нашел выражение в составе ее лидеров, «обуржуазившихся помещиков и буржуазной интеллигенции»[16] (если эти определения имеют какой-то смысл). Это утверждение соответствует, конечно, ленинским высказываниям, но не фактам, насколько они нам известны.

Утверждение, что социальное происхождение определяет политические убеждения, оказалось эффективным оружием в руках Ленина в борьбе с его противниками. Оно также содействовало ослаблению шансов либерализма стать альтернативой как самодержавию, так и большевизму. Однако эта идея представляет собой в целом вульгаризацию и искажение марксизма, а в отношении кадетов явно противоречит действительности. Скорее уж можно утверждать (как на это указывали и более объективные, чем Ленин, современники и западные историки), что в кадетском руководстве были слабо представлены торговые и промышленные круги[17]. Также и их программу нельзя назвать «буржуазной», если понимать это в том смысле, что она защищала интересы деловых кругов или землевладельцев. Верно прямо противоположное утверждение. Социальные пункты кадетской программы[18] весьма близки «практическим» требованиям (программе-минимуму) двух основных социалистических партий — социал-демократической и эсеровской (настолько близки, что некоторые историки считают аграрный раздел кадетской программы насквозь социалистическим по своему характеру)[19].

Даже если не полностью соглашаться с этим мнением, трудно сомневаться, что социальные пункты кадетской программы придавали ей явно «небуржуазный» характер. Согласно этим пунктам, партия брала на себя обязательство сделать «население, обрабатывающее землю собственным трудом», основой сельского хозяйства и бороться за увеличение земельного фонда, находящегося в распоряжении этого класса. С этой целью предлагалось прибегнуть даже к принудительному отчуждению частновладельческих земель при условии компенсации их собственников государством по справедливым, а не рыночным ценам. Кадеты обещали наделить нуждающееся крестьянство дополнительной землей в соответствии с местными обычаями землевладения и землепользования, то есть в основном на праве не частной собственности, а личного или общинного владения. Кадеты ставили целью введение восьмичасового рабочего дня в промышленности, сокращение косвенных налогов с постепенной заменой их прогрессивным обложением доходов, имуществ и наследства.

Эти и другие требования и обязательства подкрепляют утверждение Милюкова на учредительном съезде партии, что идеологически кадеты не похожи на либеральные партии западноевропейского типа, а «ближе всего подходят к интеллигентским группам, которые известны под названием „социальных реформаторов"»[20]. Не только обязательства, записанные в программе кадетов, но также и их политика доказали, что в этом вопросе он был прав.

В общем партия кадетов оставалась верна социальным пунктам своей программы. Это особенно заметно в период I и II Дум, когда велико было искушение отказаться от подобных пунктов ради получения власти. Влияние кадетов достигло тогда своего апогея, а их лидеры вели переговоры с влиятельными представителями правящей верхушки об условиях формирования кадетского кабинета, вхождения в коалиционное правительство или спасения II Думы[21]. Переговоры с самого начала были обречены на провал из-за позиции царя и его твердолобого окружения. Они отказывались даже обсуждать вопрос об ограничении исполнительной власти царя, необходимом для создания кадетского министерства или даже коалиционного правительства из чиновников и умеренных либералов. Самое большее, на что, по-видимому, готов был согласиться Николай II, это включить в правительство несколько умеренных «общественных деятелей» при условии, что они войдут в правительство как отдельные лица, не связанные никакой партийной программой, и не получат важных министерских портфелей[22].

Лишь очень постепенно лидеры всех партий, участвовавших в переговорах, — кадетов, октябристов и мирнообновленцев, — а также члены правящей верхушки осознали, насколько ограниченны уступки, приемлемые для царя. Вначале все они верили или (если говорить о некоторых официальных лицах) делали вид, что верят в возможность достигнуть соглашения, если кадеты умерят свои социальные требования. От кадетов требовали, в частности, смягчить аграрные пункты их программы, исключив требование принудительного отчуждения земель, и порвать с трудовиками. Со своей стороны кадеты были готовы пойти на большие уступки, чтобы удовлетворить требования властей, но не могли, да и не хотели отказаться от далеко идущих социальных реформ. Они были особенно непреклонны в отношении требования принудительного отчуждения и отказывались рассматривать вопрос о полном разрыве с трудовиками.

Эта неуступчивость не только дала их противникам повод для критики, но также привела к тому, что историки стали придавать особо важное значение аграрной программе кадетов и высказывали предположение, что именно она явилась главной причиной роспуска I и II Дум[23]. Основываясь на существующих свидетельствах, можно прийти к выводу, что она действительно явилась важным фактором при выборе момента для роспуска, но этот фактор имел очень слабое влияние, а может быть, и не повлиял на решение царя и его окружения избавиться как можно скорее от этих двух «революционных сборищ».

Кадеты не могли отречься от своих обязательств провести социальные реформы или порвать с трудовиками, не совершая при этом, как выразился советский историк, политического «харакири»[24]. Такая акция не только ставила под вопрос самое существование только что созданной партии, но и устраняла почву для какого бы то ни было соглашения с властями. Последние вступили в переговоры с лидерами кадетов только потому, что, во-первых, их партия занимала в Думе доминирующее положение, которое не сохранилось бы надолго в случае разрыва с трудовиками, во-вторых, что еще важнее, результаты выборов в I Думу (и в меньшей мере во II-ую) выявили поддержку кадетов массами.

Своей победой на выборах кадеты были обязаны не только (и не главным образом) превосходной организации своей партийной машины, как в известной мере можно заключить на основании работы Т. Эммонса[25]. Видимо, не сыграла роли и точность формулировок их программы[26]. Победа кадетов была скорее следствием большой привлекательности их политического курса, а также того широко известного в то время и доказанного факта, что лидеры кадетов заслуживают доверия. Это убедило избирателей, уставших от насилия, что кадеты смогут решить проблемы России мирным путем, если им будет дана такая возможность[27]. Для кадетов уступить требованиям властей означало бы не только изменить своим предвыборным обещаниям, но и погубить репутацию их лидеров, заслуженную в прошлом, которая как раз и вызывала доверие избирателей к партии. Однако существовали и другие, даже более веские соображения, не позволявшие кадетам уступить в указанных вопросах властям.

Вопреки утверждениям ряда историков[28] политические и электоральные соображения, как бы ни были они важны, не являлись тем, что помешало кадетам отказаться от своих обязательств провести социальные реформы. Большинство кадетских лидеров выступало за социальную справедливость принципиально, а не исходя из соображений политических выгод, чему немало подтверждений в источниках. Вначале по крайней мере некоторые из них (П. Б. Струве, А. А. Корнилов) считали себя настоящими социалистами[29]. Но даже и те из них, кто называл себя «чистыми конституционалистами», принимали идею, что в условиях России социальная справедливость, основанная на быстром улучшении жизни и культурного уровня масс, является необходимым предварительным условием эволюционного развития страны и установления прочного либерально-конституционного строя.

За шесть лет до основания партии И. И. Петрункевич излагал эту мысль в сле-

дующей форме: «Теперь взгляни на наше крестьянство, — писал он сыну 22 октября 1899 г., — и ты должен будешь признать, что мы обречены на самый варварский общественный порядок, пока вся эта масса людей не станет богаче и независимее, чтобы стать умственно зрелее и чувствовать потребность в более совершенном порядке и чтобы получить вкус к интересам более высокого порядка»[30].

Для лидеров кадетов было вполне естественно после победы на выборах добиваться власти, хотя они стремились не к полному ее захвату, а лишь к участию в ней. Однако получить власть они хотели не ради нее самой, а для осуществления своей программы. Иначе они вообще не приняли бы участия в организации освободительного движения. Поэтому маловероятно, что они могли когда-либо отказаться от своих обязательств по проведению социальных реформ, даже если бы никакие политические соображения не играли роли. Это мнение подтверждается далее и политикой большинства кадетской партии после роспуска II Думы.

Столыпинский переворот положил конец надеждам кадетов на участие в управлении государством в обозримом будущем. (Эти надежды ожили с созданием Прогрессивного блока после тяжелых поражений русской армии летом 1915 года[31].) Хотя соблазн получения политической власти и отсутствовал в 1907—1915 гг., существовали обстоятельства, которые создавали для кадетов искушение отказаться от борьбы за радикальные социальные реформы. Наиболее важное значение имели резкое сокращение по закону 3 июня 1907 г. избирательных прав низших слоев населения, особенно крестьянства, и национальных меньшинств, а также возникновение в 1908 г. оппозиционных настроений в среде настоящей буржуазии — руководителей торговли и промышленности, во главе которых стояли такие московские магнаты, как братья Рябушинские, А. И. Коновалов и другие. Следствием их политической активизации было основание влиятельной ежедневной газеты «Утро России»[32] и формирование — в ходе и после выборов в IV Думу — либерально-империалистической Прогрессивной партии, неофициальным выразителем взглядов которой стала эта газета.

Растущее политическое влияние прогрессистов, которые откровенно называли себя представителями интересов подымающейся буржуазии, резкое сокращение круга избирателей, на которых могли рассчитывать кадеты, ослабление позиций их провинциальных партийных организаций[33] и разочарование многих лидеров в политическом курсе партии — все это создавало искушение приспособить ее программу к господствующим настроениям привилегированных слоев общества. Представлялось целесообразным исключить требование социальной справедливости и основываться в своих предвыборных лозунгах и призывах к народу на патриотизме и империалистической политике. За это выступало правое крыло кадетов, но только один Струве готов был идти по этому пути до конца.

Хотя формально он оставался членом партии кадетов и входил в состав ее ЦК до 1915 г., на деле же стал главным идеологом деловых кругов, которые поддерживали новую Прогрессивную партию[34]. В приспособлении к модным тогда идеям империализма и социального дарвинизма Струве, по-видимому, превзошел всех своих коллег в правом крыле партии. Он также, видимо, сохранил верность по крайней мере одной из ключевых идей марксизма, воспринятой им в молодости, — вере в важную роль классовых интересов как активной силы, вызывающей изменения общественных отношений. Так, когда его политической целью являлась замена самодержавия конституционно-демократическим строем, основанным на социальной справедливости, Струве возлагал надежды сначала (в социал-демократической фазе своего развития) на формирующийся рабочий класс, а затем (в период деятельности в «Освобождении») на либеральных помещиков-земцев и радикальную интеллигенцию.

К 1908 г. политические цели Струве подверглись глубоким изменениям. Хотя он и оставался либералом в том смысле, что во внутренних делах страны предпочитал представительное правление и власть закона произволу самодержавия, его главной политической целью стала совершенно иная задача. Он хотел, чтобы Россия стала сверхдержавой (Великой Россией). Струве подчеркивал, что положение великой державы в мире Россия займет, только став сильной экономически. Цели же социальной справедливости, по его мысли, должны были — вследствие относительной отсталости России того времени — отступить перед задачей экономического роста, и его новой надеждой на будущее стал возникающий капиталистический класс. «Он упрекал русскую интеллигенцию, — пишет Пайпс, — за ее враждебность к капитализму и капиталистам, порожденную интересом к «распределению» и игнорированием «производительности». Он требовал от интеллигенции, чтобы она научилась ценить высокую производительность и экономическую культуру (то есть капитализм. — *Ш. Г.*), которая делает эту производительность возможной»[35].

Другие лидеры правых кадетов, наиболее влиятельным из которых был Маклаков, не прошли марксистской фазы в своем развитии и поэтому придавали гораздо меньшее, чем Струве, значение классам и классовым интересам. Ставя своей целью резко сократить обязательства кадетов в отношении проведения социальных реформ, они, однако, не были готовы к роли выразителей интересов крупных деловых кругов и отличались от Струве также своим отношением к патриотизму и империалистической политике. Для них это было не столько частью их мировоззрения, сколько тактическим ходом, необходимым для того, чтобы возвратить себе хотя бы частично политическую поддержку, которую кадеты потеряли после 1907 г., и объединить народ, государство и общество[36].

И действительно, когда весной 1914 г. правые кадеты (за исключением Струве) осознали, что массы не отзывчивы на патриотические и панславистские лозунги и что угроза войны в Европе становится все более реальной, их позиция в области внешней политики стала почти тождественной позиции Милюкова и большинства кадетов. Они также требовали, чтобы Россия любой ценой избегала участия в общеевропейской войне, даже если бы это означало бросить балканских славян на произвол судьбы. Один только Струве упорно выступал в защиту активной политики на Балканах и приветствовал возможность войны в Европе.

Неизменная поддержка центром и левым крылом кадетов радикальных социальных реформ и признание надклассовости своей партии выразились, в частности, в их отношении к внешней политике России перед войной. Их общая склонность к миру и оппозиция любой политике, влекущей за собой общеевропейскую войну, хорошо документированы в литературе. Однако менее известно, что защита ими умеренной и разумной политики в разгар кампании биологического национализма, шовинизма и империализма была в известной мере обусловлена пониманием несовпадения нужд России с узкими частными интересами промышленников и торговцев. Это в какой-то мере объясняет тот факт, что кадеты гораздо благожелательнее, чем Рябушинские с их окружением, восприняли Потсдамское соглашение 1910—1911 гг. с Германией. Это также помогает понять, почему их гораздо меньше, чем промышленные и торговые круги, встревожило и временное закрытие проливов 6 апреля 1912 г. и обострение вопроса о возобновлении торгового договора с Германией.

Ни программа, ни политика кадетов, как видно, не оправдывают применения эпитета «буржуазная», приклеенного партии кадетов ее соперниками и противниками слева — со столь трагическими последствиями для России. И только если рассматривать термин «буржуазный» как синоним либерально-демократического политического строя и плюралистического общества, можно назвать конституционно-демократическую партию «буржуазной».

Вопросу о власти основатели партии кадетов до 1905 г. уделяли не так уж много внимания. Самодержавие все еще представлялось весьма прочным, и непосредственная задача заключалась в том, чтобы организовать нереволюционную оппозицию, превратить ее в силу, способную ликвидировать существующий режим. Вопрос же о том, как именно будет после ликвидации царизма создан новый конституционно-демократический политический строй, каким путем политическая власть будет передана из рук самодержца лидерам оппозиции, почти не рассматривался. Так, во введении к работе «Самодержавие и земство» Струве лишь заявлял, что либералы смогут прийти к власти в России, если неизбежная борьба между правительством и революционерами зайдет в тупик.

Четыре года спустя Милюков высказался лишь немногим подробнее. Он предупреждал царя, что в его собственных интересах принять программу «Освобождения», в противном случае его могут принудить к гораздо более тяжелым уступкам, способным привести к более или менее открытой социальной революции. Милюков также давал понять, что осуществление программы «Освобождения» надо вверить самим деятелям этого движения. Он заявлял, что это движение не предоставит

своих членов в распоряжение царя, не окажет ему никакого доверия и не даст никакой отсрочки, пока царь не примет полностью эту программу. Но даже и в этом случае члены движения не будут уверены, что смогут спасти Россию от дилетантской политики царя и повести страну без потрясений по пути мирного политического развития[37].

К тому времени, когда было опубликовано предупреждение Милюкова, лидеры «Освобождения» приняли политику «никаких врагов слева» и пошли на развязывание революции 1905 года. Как и все другие силы, боровшиеся против самодержавия, они выдвинули требование, чтобы новый конституционно-демократический строй был установлен Учредительным собранием, избранным на основе всеобщего избирательного права. Но в отличие от революционеров и более экстремистски настроенных участников освободительного движения, которые в последующем порвали с ним, основатели кадетской партии надеялись на то, что власти созовут такое собрание, и рассчитывали сыграть в нем важную, если не решающую роль. И все же они так и не сказали конкретно, как именно власть должна быть передана из рук царя и его министров лидерам собрания. Опубликование Манифеста 17 октября в то время, когда учредительный съезд кадетской партии еще не закончил свою работу, побудило кадетов обсудить этот вопрос. В изменившейся обстановке неопределенные общие формулировки уже не удовлетворяли, вопрос о власти теперь стал настоятельным, и появилась необходимость предложить соответствующий план деятельности.

Такой план был изложен в Заявлении, принятом на заключительном заседании съезда 18 октября. В этом документе проявились свойства Милюкова: проницательность анализа и беспристрастность. Первый из двух разделов Заявления представлял собой наспех составленный анализ Манифеста и сопровождавшего его доклада С. Ю. Витте царю. Тон Заявления был резким, но критика в целом была точной и безошибочно указывала на непоследовательность и недостаточность сделанных самодержавием уступок. Этот раздел документа заканчивался словами, что «задачей конституционно-демократической партии остается достижение поставленной раньше цели — Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, без различий пола, национальности и вероисповедания, причем реформированная в силу манифеста 17 октября Государственная дума может служить для партии лишь одним из средств на пути к осуществлению той же цели, с сохранением постоянной и тесной связи с общим ходом освободительного движения вне Думы»[38].

Если бы Заявление заканчивалось только на этой ноте, это могло дать дополнительные основания для обвинения со стороны правых, что основатели партии были фактически революционерами. Однако Заявление опровергало такое впечатление и показывало истинную политическую окраску его авторов — последовательных конституционалистов-демократов, которые предпочитают революционному перевороту путь мирных перемен. Во второй части Заявления впервые детально излагались взгляды руководителей кадетов по вопросу о том, как следует произвести смену власти нереволюционными средствами. Этой цели они надеялись достигнуть, рассчитывая на решающую роль монарха в этом процессе, — факт, который в значительной мере объясняет, почему кадеты предпочли монархию республиканской форме правления[39].

Авторы Заявления обращались к царю с призывом довести до конца дело, начатое Манифестом 17 октября, немедленно воплотить в жизнь обещанные им основные права, отменить все исключительные законы; дать амнистию «по всем так называемым политическим и религиозным преступлениям»; издать закон о выборах, основанный на всеобщем избирательном праве, чтобы избрать не намеченную по Манифесту Думу, а Учредительное собрание. Оно должно будет принять «основной закон» страны (то есть положить начало конституционной и парламентарной монархии) и составить кабинет министров из представителей большинства.

Особенно примечательно, что до созыва Учредительного собрания Николаю II предлагалось использовать свою исполнительную власть для того, чтобы облегчить мирный переход от «старого режима» к новому строю. Для этого предполагалось «удаление из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное негодование, и составление временного делового кабинета» по

выбору царя, исключая лиц, скомпрометировавших себя в прошлом (хотя при этом и не упоминался прямо Витте, нет сомнений, что кадеты имели в виду также и его)[40]. Наконец, хотя это не было высказано прямо, от Николая II ожидали, что он будет использовать свою власть над армией, в целом еще преданной ему, для защиты нового строя от правых и левых экстремистов и от крестьянских бунтов до тех пор, пока этот строй не укоренится в массах благодаря проведению социальных реформ.

Конституционные демократы верили, что их программа, тактика и прошлые заслуги позволят им добиться достаточной поддержки народа, чтобы провести эти реформы. Победа на выборах вскоре доказала, что их надежды были основаны на реалистической оценке перспектив, а не представляли собой лишь благие пожелания. Однако нельзя сказать того же об их вере в способность царя понять глубину кризиса и в его готовность проводить неприемлемую для него политику, даже если она, возможно, спасла бы династию и империю.

Хотя выдвинутый кадетами план, строго говоря, не был тождествен требованию капитуляции царского правительства, как утверждают некоторые западные историки[41], он ставил Николая II перед еще более тяжелой задачей. От него требовалось не только самому подчиниться новому конституционному строю, но и использовать в переходный период оставшуюся у него власть в интересах проведения коренных преобразований. Чтобы сыграть подобную роль, Николаю II необходимо было иметь такие убеждения, волю и способности, какие проявил в наши дни Хуан Карлос, король Испании [42]. Нет нужды говорить, что этих качеств царь был лишен. Он не имел намерений стать конституционным монархом, пока это зависело от него[43]. А когда Февральская революция не оставила ему выбора, для него, видимо, легче оказалось отречься от престола, чем согласиться на формирование правительства, ответственного перед Государственной думой.

Примечания

1. BIRTH T. Die Oktobristen (1905—1913). Stuttgart. 1974; PINCHUK B.-C. The Octobrists in the Third Duma, 1907—1912. Seattle—Lnd. 1974; EDELMAN R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. New Brunswick. 1980; ШЕЛОХАЕВ В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М. 1987.
2. ROSENBERG W.G. Liberals in the Russian Revolution. Princeton University Press. 1974; EMMONS T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Harvard University Press. 1983. См. также: ШЕЛОХАЕВ В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией, 1905—1907 гг. М. 1983.
3. PIPES R. Struve. Liberal on the Left, 1870—1905. Harvard University Press. 1970; e j u s d. Struve. Liberal on the Right, 1905—1944. Harvard University Press. 1980; RIHA Th. A Russian European. Paul Milyukov in Russian Politics. University of Notre Dame Press. 1969.
4. Об этом съезде см.: PEARSON R. Milyukov and the Sixth Kadet Congress. — The Slavonic and East European Review, Vol. 53, 1975, № 131.
5. В работе Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906 г.) содержатся почти все формулировки, приведенные здесь (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12).
6. См., напр., ROSENBERG W. Op. cit., p. 6; PEARSON R. The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism. 1914—1917. Lnd. 1977, pp. 4—6.
7. См. KARPOVICH M. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Milyukov. In: Simmons E. J. (ed.). Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Harvard University Press. 1955, pp. 129—143.
8. Почти все главные пункты обвинения Маклакова содержатся в комментарии А. Фрэнсиса по поводу роспуска Думы. Повторяя высказывания твердолобых представителей русского двора, он, в частности, писал: «Но сама Дума, и особенно конституционно-демократическая партия в Думе... вынудила многих умеренных представителей всех классов населения одобрить рескрипт о роспуске Думы». Кадеты «не только допускали, чтобы в их присутствии провозглашались анархистские доктрины, которым нет места в их политических принципах, но даже объединились с теми, кто провозглашал эти доктрины, рассматривая их как союзника в борьбе против правительства, несомненно, в надежде поставить экстремистов под свой контроль, когда они, с их помощью, придут к власти. Эти методы не только не имели оправдания, но и потерпели провал. Правительство, как на это и рассчитывали, было испугано, но страх заставил его не отказаться от власти, а принять энергичные меры. Дума

была распущена; кадеты не только потерпели поражение, но и были дискредитированы; симпатии октябристов, конституционалистов в глубине души, оказались на стороне кабинета Столыпина, которому они, возможно, окажут и активную поддержку» (FRANCIS A. Russia Revisited. — The Times, 11.VIII. 1906). О Фрэнсисе см.: HARRISON W. The British Press and the Russian Revolution of 1905—1907. — Oxford Slavonic Papers, New Series, Vol. 8, 1974, pp. 75—95.

9. О «стабилизационной школе», критике ее Хаимсоном и искажении этой школой образа кадетов см.: GALAI S. A Liberal's Vision of Russia's Future, 1905—1914. The case of Ivan Petrunkevich. In: ELWOOD R. C. (ed.). Russian and East European History. Berkeley. 1984; e j u s d. The Tragic Dilemma of Russian Liberalism and its Reflection in Ivan Il'ich Petrunkevich's Letters to his Son. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 29, 1981, Hf. 1. S. 2—3.

10. HAIMSON L. The Problems of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917. — Slavic Review, Vol. 23, 1964, № 4; Vol. 24, 1965, № 1.
11. Эти обвинения выражают самую суть нападок на кадетов (во время выборов в I Думу) со стороны бывших соратников по освободительному движению. Выступления против них в то время, особенно в Петербурге, возглавлял В. А. Мякотин. За несколько месяцев до этого он еще был членом Союза освобождения и личным другом Милюкова, а затем стал одним из основателей Народно-социалистической партии. Нападки эти печатали в 1906 г. журнал «Народное хозяйство» (№ 29, 19.I. (1.II.), газета «Наша жизнь» (№ 375, 21.II. (6.III.); № 377, 23.II. (8.III.); № 381, 28.II. (13.III.); и др.
12. Имеется обзор исследований, выполненных западными специалистами в русле «социальной истории», связанных главным образом с Октябрьской революцией (SUNY R. G. Towards a Social History of the October Revolution. — The Americal Historical Review, Vol.88, 1983, № 1). Кроме того, появились монографии по следующим темам: грамотность, просвещение и народная культура (BROOKS J. When Russia Learned to Read. Princeton, 1985); дворянство (BECKER S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb (ILL.) 1985; MANNING R. T. The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton. 1982); солдаты и отношения между армией и населением (BUSHNELL J. Mutiny amid Repression. Indiana University Press. 1985; FULLER W. C. Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia. 1881—1914. Princeton University Press. 1985); женский вопрос (EDMONDSON L. H. Feminism in Russia. 1900—1917. Stanford Univesity Press. 1984; ENGEL B. A. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia. Columbia University Press. 1983; GLICKMAN R. L. Russian Factory Women. University of California Press. 1984); городской рабочий класс (BONNEL V. E. Roots of Rebellion. University of California Press. 1983; ENGELSTEIN L. Moscow. 1905: Working Class Organization and Political Conflict. Stanford University Press. 1982; KOENKER D. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton University Press. 1981; MANDEL D. The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime. Lnd. 1983; e j u s d. The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power from the July Days 1917 to July, 1918. Lnd. 1984; SMITH S. A. Red Petrograd. Columbia University Press. 1983; SWAIN G. Russian Social Democracy and the Legal Labour Movement, 1906—1914. Lnd. 1983).
13. Самый ранний пример третирования кадетов как «буржуазной» или «мелкобуржуазной» партии левым небольшевистским критиком см.: Наша жизнь, № 40, 7.XII.1905, с. 3.
14. См. ШЕЛОХАЕВ В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии, с. 69—70.
15. См., напр., Конституционно-демократическая партия. Съезд 12—18 октября 1905 г. Б. м. Б. г. (далее — Первый съезд).
16. ШЕЛОХАЕВ В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии, с. 66—69, 83.
17. См., напр., БЛАНК А. По поводу съезда К.—Д. партии. — Народное хозяйство, № 27, 17(30). I.1906, с. 2; ROSENBERG W. Op.cit., pp. 25—26.
18. Программа кадетов, утвержденная 2 съездом партии, оставалась неизменной до 1917 года (Конституционно-демократическая партия. Постановления II съезда 5—11 января 1906 г. и программа. СПб. 1906 (далее — Второй съезд), с. 21—30). Треть программы (19 параграфов из 57) непосредственно посвящена социальной политике партии. В разделе V (§§30—35) излагаются предложения в области финансовой и экономической политики, в VI (§§36—40) — принципы решения аграрного вопроса, в VII (§§41—49) — принципы политики в области рабочего законодательства. Позиция кадетов по социальным вопросам нашла отражение также в требованиях, изложенных в других разделах программы, в частности в VIII (всеобщее, обязательное и бесплатное начальное образование, профессиональное обучение).
19. См.: FLEISCHHAUER I. The Agrarian Program of the Russian Constitutional Democrats. — Cahiers du monde russe et sovietique. T. 20, 1979, № 2; ЛЕОНТОВИЧ В. В. История либерализма в России, 1762—1914 гг. Париж. 1980, с. 254—265.
20. Первый съезд, с. 7—8.
21. Об этих переговорах см.: СТАРЦЕВ В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л. 1977, с. 8—30; ШЕЛОХАЕВ В. В. Кадеты — главная партия либеральной бужуазии, с. 214—233, 272—289. Новейший опыт анализа этих переговоров см. MANNING R. Op. cit., pp. 245—259, 295—321.

Однако эта работа страдает двумя недочетами: заявления Столыпина о его искренности во время контактов с кадетами автор принимает за чистую монету и, кроме того, она, по-видимому, преувеличивает роль Объединенного дворянства в срыве переговоров и роспуске I и II Дум.
22. См. GALAI S. The Tragic Dilemma, pp. 16—17.
23. См.: FLEISCHHAUER I. Op. cit., p. 173; MANNING R. Op. cit., pp. 258—259, 317—321; ZIMMERMAN J. E. The Kadets and the Duma, 1905—1907. In: TIMBERLAKE Ch. E. (ed.). Essays on Russian Liberalism. University of Missouri Press. 1972, pp. 130, 134—138; ШЕЛОХАЕВ В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии, с. 279—280.
24. ШЕЛОХАЕВ В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии, с. 217.
25. EMMONS T. Op. cit., p. 200.
26. О том, что сами партийные лидеры не придавали большого значения точной формулировке программы, можно заключить, в частности, на основании их отношения к §31 (с требованием об отмене выкупных платежей). Через две недели после учредительного съезда кадетской партии, одобрившего программу, был опубликован указ о сокращении этих платежей вдвое начиная с 1 января 1906 г. и о полной их отмене с 1 января 1907 года. Но ни на втором съезде, пересмотревшем партийную программу, ни на последующих съездах указанный параграф не был исключен и оставался в программе в своей первоначальной формулировке до 1917 г. (см. Программа партии народной свободы. Пг. 1917, с. 9).
27. Наблюдатели, даже критически относившиеся к ним, с самого начала кампании по выборам в I Думу предсказывали, что обещание кадетов проводить преобразования мирным путем найдет благоприятный отклик у избирателей (БЕРДЯЕВ Н. Русская Жиронда. — Наша жизнь, 5(18).II.; 22.III(4.IV). 1906; Без заглавия. 27.III.1906).
28. См., напр., ROSENBERG W. G. Kadets and the Politics of Ambivalence, 1905—1917. In: TIMBERLAKE Ch. E. (ed.). Op. cit., pp. 145—148; MANNING R. T. Op. cit., p. 253; ШЕЛОХАЕВ В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии, с. 217.
29. КОРНИЛОВ А. Еще о Конституционно-демократической партии и трудящихся массах. — Наша жизнь, 2(15).II.1906; PIPES R. Struve. Liberal on the Right, pp. 37, 103. См. также: Сын Отечества, 1(14).XII.1905 (передовая статья «Партия кадетов»); Народное хозяйство, 17(30).I.1906. Имеются и другие независимые свидетельства о существовании значительного социалистического контингента в составе партии кадетов в это время.
30. Цит. по:Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 29. 1981. Hf. 1, S. 7.
31. См.: PEARSON R. Op. cit.; СЛОНИМСКИЙ А. Г. Катастрофа русского либерализма. Душанбе. 1975.
32. Газета «Утро России» выходила в 1907 г. очень недолго, но после возобновления ее издания в 1909 г. приобрела вес и заняла прочное положение в русской журналистике.
33. См.: GALAI S. The Tragic Dilemma, pp. 24—25; ROSENBERG W. Op. cit., p.24.
34. WEST J. The Moscow Progressists, Princeton. 1975, pp. 221—241, 322—332ff.; PIPES R. Struve. Liberal on the Right, pp. 218—219, 169—186; LIEVEN D.C.B. Russia and the Origins of the First World War. Lnd. 1983, pp. 126—128.
35. PIPES R. Struve. Liberal on the Right, p. 184. Подробнее см.: GALAI S. The Kadets and Russia's Foreign Policy. In: Study Group on the Russian Revolution, Coll. 1986, № 12.
36. Что касается источников сверхпатриотизма и империализма Струве, то я теперь склонен думать, что они составляли неотъемлемую часть его нового мировоззрения.
37. См. GALAI S. The Liberation Movement in Russia, 1900—1905. Cambridge (Mass.). 1973, p. 213.
38. Первый съезд, с. 25.
39. Эта позиция была утверждена как официальная политика партии на II съезде (январь 1906 года). На нем к ее программе было добавлено, что «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией» (Второй съезд, с. 23).
40. Сходные идеи выдвигал и Струве, но он делал еще один шаг в этом направлении, требуя, чтобы временное правительство было составлено из представителей как большинства, так и меньшинства земства (СТРУВЕ П. Революция. — Полярная звезда, 15.XII.1906, с. 8).
41. См. напр., MENLIGER H. D., THOMPSON J. M. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Indiana University Press. 1972, p. 82.
42. О Хуане Карлосе и решающей роли, которую он сыграл в преобразовании франкистского режима в демократический строй, см.: CARR R., AIZPURA J.P.F. Spain. Dictatorship to Democracy. Lnd. 1981, pp. 207—221, 226; GILMOUR D. The Transformation of Spain. Lnd. 1985, pp. 133—140, 147—150, 161, 241—248, 271; PRESTON P. The Triumph of Democracy in Spain. Lnd.—N.Y. 1986.
43. Множество свидетельств не оставляют сомнений на этот счет. Обстоятельный анализ взглядов царя по этому вопросу см.: SZEFTEL M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Bruxelles. 1976, pp. 206—211.

Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409—1411 гг.) в свете новейших исследований

М. Бискуп

В польской историографии значительное место занимает проблема вооруженной борьбы Польши и Литвы с Тевтонским орденом в Пруссии, поддерживаемым ливонской ветвью этой рыцарской духовной корпорации. Повышенный интерес к данным событиям можно объяснить тремя факторами: во-первых, серьезной ролью, которую вооруженная борьба сыграла в первой и особенно в начале второй половины XV в., обусловив сначала приостановление агрессии Тевтонского ордена против Литвы и северных земель Польского королевства (1409—1435 гг.), а затем и разгром орденского государства в Пруссии с помощью прусских сословий и подчинение остатков его территории Польше (1454—1466 гг.); последний этап борьбы — так называемая прусская война 1519—1521 гг., которая повлияла на процессы, направленные на секуляризацию подвластной ордену Пруссии в 1525 г.; во-вторых, формированием после 1945 г. коллективов, особенно в торуньском и лодзинском центрах, которые смогли предпринять более полные исследования широко понимаемых вопросов вооруженной борьбы Польши и Литвы с Орденом с использованием новейших методов, в том числе в области истории вооружения и археологии; в-третьих, получением более широкого доступа к архиву Немецкого ордена сначала в г. Гёттинген (ФРГ), в настоящее время — в Берлине (бывший Государственный архив в Кёнигсберге), а также к собраниям Центрального архива Немецкого ордена в Вене. Кроме того, исследователи использовали материалы польских архивов, особенно в Гданьске и Торуни, где хранятся основные источники по истории войн Польши и прусских сословий с Тевтонским орденом.

Все эти факторы в совокупности способствовали появлению ряда современных, выполненных польскими историками, в основном уже опубликованных исследований, которые позволяют сегодня шире и глубже осветить вооруженную борьбу Польши и Литвы с Тевтонским орденом в XV—начале XVI века.

Польская историография изучала сначала общие черты и условия функционирования и создания государства Тевтонского ордена в Пруссии. Полученные результаты нашли отражение в работах К. Гурского[1], Г. Лабуды и др.[2] В них представлен общий фон экспансии Немецкого ордена сначала на Гданьское Поморье (аннексия его в 1308—1309 гг.) и неудачи политической и вооруженной борьбы возрожденного Польского королевства, лишь периодически поддерживаемого Литвой

Бискуп Мариан — профессор истории университета в Торуни (Польша), автор «Истории Ордена крестоносцев в Пруссии» и других книг.

времен Гедимина, необходимость временного отказа от Гданьского Поморья в пользу Ордена в 1343 году. Однако в сознании польского общества и в политической идеологии времен последних Пястов и первых Ягеллонов проблема Гданьского Поморья осталась постоянным элементом программы возврата утраченных территорий хотя бы в более отдаленном будущем. Во второй половине XIV в. первое место в польской политике занимала проблема унии с Литвой (с 1386 г.), ее христианизации, совместной борьбы с нарастающей агрессией усиливающего свою мощь Тевтонского ордена.

Польские исследования указывают на серьезную угрозу, которую представляла собой так называемая вооруженная миссия Ордена по отношению к литовским землям, осуществляемая якобы в интересах всего западного христианства с помощью западного рыцарства, участвующего в походах против прибалтийских «сарацинов». Их поддерживали и австрийские Габсбурги — враги Польши, а также Люксембурги Чехии и Венгрии. Орден узурпировал исключительное право на осуществление христианской миссии на Балтике, отвергая польскую деятельность как мнимую и спасая таким образом основы своего существования в данном регионе.

Используя стремления князя Витовта к сохранению независимости Литвы от Польши, Орден сумел в 1398 г. завладеть Жемайтией, добиваясь временного объединения прусской и ливонской ветвей вдоль побережья Балтики. В том же году Орден покорил шведский остров Готланд. В 1402 г. орденские власти выкупили у Сигизмунда Люксембургского так называемую Новую Марку, охватывая Польшу с северо-запада, вступили также во владение, в результате залогов, некоторыми северными землями Польского королевства (Добжинская земля). Одновременно Орден укреплял свои позиции в раздробленной территориально Ливонии, намереваясь начать экспансию на Новгород Великий.

Эти действия таили в себе большую опасность как для Литвы, охватываемой, как обручем, с северо-востока и запада, так и для Польши. В Восточной Европе встала, таким образом, дилемма «кто — кого», и в складывавшейся политической обстановке было важно, какие позиции займет польско-литовская монархия.

Когда попытки мирных переговоров оказались безуспешными, а власть в Ордене с 1407 г. перешли к энергичному и экспансивному великому магистру Ульриху фон Юнгингену, стало неизбежным вооруженное столкновение Ордена с Польшей и Литвой, которые олицетворяли собой новые политические и социальные факторы и идеологические воззрения, получившие выражение в доктрине обращения язычников в христианство без применения насилия, с признанием их права на мирное существование. Орден же представлял устаревшую средневековую доктрину принудительного обращения в католицизм, не только обосновывающую «создание условий» для миссии, но и позволяющую захватывать языческие территории и порабощать их жителей.

Причиной начала так называемой Великой войны — первого крупного вооруженного столкновения Польши и Литвы с Тевтонским орденом — единодушно считается покорение и угнетение орденскими властями к 1409 г. Жемайтии, что привело к началу восстания, которое политически поддержали польский король Ягелло и великий князь литовский Витовт.

Великий магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген, предвосхищая возможность военной поддержки Литвы со стороны Польши, решил напасть на Ягелло. Тевтонский орден развязал вооруженную агрессию против совершенно не подготовленной к войне Польши в августе 1409 года. Поэтому первый этап Великой войны проходил под знаком превосходства тевтонских сил, которые временно заняли некоторые польские земли (Добжинская земля, северная Куявия).

Ягелло не оказал достойного сопротивления, к тому же войска Витовта могли прибыть в район боевых действий лишь на следующий год. Собранные наспех силы польского ополчения осенью 1409 г. смогли лишь частично вернуть утраченные территории в Куявии, поэтому король охотно согласился на девятимесячное перемирие (до 24 июня 1410 г.), которому способствовало посредничество чешского короля Вацлава Люксембургского. Не осуществив полную концентрацию польских и литовских сил, поздней осенью нельзя было продолжать кампанию в Пруссии, тем более что Тевтонский орден рассчитывал привлечь на свою сторону Витовта и изолировать Польшу. Однако эти расчеты оказались неверными, равно как и безуспешная попытка чешского посредничества. Вацлав Люксембургский в дальней-

шем встал на позицию признания права Ордена на всю Литву и запрещения Польше оказывать помощь «неверным» в Литве.

Польша и Литва зимой и весной 1410 г. начали широко задуманную подготовку к совместной кампании против Ордена после 24 июня, — кампании, которая должна была привести объединенные армии на поля Грюнвальда. Военная кампания 1410 г. и Грюнвальдская битва уже многие годы являются предметом интенсивных и углубленных исследований польских историков. Продолжительное время господствовали взгляды С. Кучинского, автора обширной монографии[3]. Эта работа вызвала оживленную полемику, в которую включился и ее автор. Слабость его выводов заключалась в отсутствии полного анализа источников — основных летописных свидетельств (прежде всего так называемой Cronica conflictus и «Annales» Я. Длугоша), а также в недостаточном использовании материалов раскопок на поле боя под Грюнвальдом.

Невыясненными оставались вопросы о количестве войск и вооружения обеих воюющих сторон. Эти проблемы в последние годы освещены в работах лодзинских археологов и специалистов по оружию, работающих под руководством проф. А. Надольского[4]. Он организовал коллектив, который с 1979 г. ведет раскопки на месте Грюнвальдской битвы. Работы шведского исследователя С. Экдаля о тевтонских отрядах и об источниках, касающихся Грюнвальда, также внесли много нового в исследование темы[5], которая, однако, не раскрыта полностью. Соответствующие исследования в Польше продолжаются, создано даже новое периодическое издание «Studia grunwaldzkie» («Грюнвальдские исследования»).

В уже проведенных исследованиях была сделана попытка выяснить экономический и военный потенциал воюющих сторон весной 1410 года. По размерам территории Польское королевство (240 тыс. кв. км) и Великое княжество Литовское (1100 тыс. кв. км) значительно превосходили земли прусского Ордена (58 тыс. кв. км). По числу населения польско-литовская сторона (около 1800 тыс. человек в Польше, около 300 тыс. — в этнографической Литве, для входивших в ее состав русских земель нет данных) также имела превосходство над тевтонцами (около 500 тыс. человек). Но это подавляющее территориально-демографическое превосходство уравновешивалось более четкой организацией и более высоким уровнем урбанизированности Пруссии и ее богатыми финансовыми ресурсами. Тевтонский орден мог также рассчитывать на помощь ливонской и немецкой ветвей, а также Люксембургов Чехии и Венгрии, мог провести набор наемников за деньги. Польша и Литва такими возможностями не обладали. Ядром польских и литовских сил являлось конное ополчение шляхты или литовско-русских бояр, горожане и крестьяне (в рыцарских отрядах и немногочисленной пехоте).

Определение численного состава вооруженных сил Польши и Литвы, готовых к летнему походу 1410 г., весьма условно и указывает лишь на имевшиеся возможности: Польша — около 18 тыс. конницы, главным образом шляхетской, небольшое число наемников и около 12 тыс. обозных, мастеровых и представителей других вспомогательных служб — всего около 30 тыс. человек, вставших под родовые и земские хоругви (не менее 51). Великое княжество Литовское — приблизительные оценочные данные, в частности З. Сперальского[6], предполагают возможность набора около 11 тыс. конников в 40 хоругвях, состоящих из литовских, жемайтских и русских бояр с определенным количеством крестьянского элемента в роли боярской службы или в немногочисленных пеших отрядах. Следовательно, на долю Польши приходилось $^2/_3$, а на долю Великого княжества около $^1/_3$ конницы. Таким образом, вся польско-литовская армия могла насчитывать около 41 тыс. конников и некоторое количество пехоты, численность которой неизвестна. Эта армия была не только самой крупной за всю историю средневековой Польши и Литвы, но и Европы того времени.

В польской армии преобладал католический славянский элемент, прежде всего польский, было немного русских, еще меньше чехов и немцев (среди рыцарства или пеших горожан). Армия Великого княжества Литовского в этническом отношении была более сложной. Некоторые исследователи считают, что около $^1/_3$ ее составляли балтийские литовцы и жмудины, а около $^2/_3$ — русины, около 1 тыс. татар Джалалэддина. Часть воинов этой армии исповедовала католицизм, часть — православие, а остальные — татары, часть жмудинов и литовцев — были язычниками, что облегчало тевтонцам антиягеллонскую пропаганду.

Вооружение польской армии отвечало западноевропейским нормам (доспехи, холодное оружие — копья и мечи, арбалеты). Литовско-русские отряды имели более легкое оружие, в частности легкие пики и луки вместо копий и арбалетов, а также более легких коней, что обеспечивало конным отрядам большую маневренность. Весьма важным фактором была убежденность в необходимости решительного сражения со столь опасным врагом, угрожающим существованию государственной независимости (Литва), безопасности и политической роли «малой родины», в частности северных земель Польши. Поэтому все исследователи говорят о высоком боевом духе польско-литовской армии, что оказало значительное влияние на ход многочасового сражения.

Враг — войска Ордена — располагал мощными вооруженными силами. По оценкам исследователей, сделанным в последнее время, у него насчитывалось около 16 тыс. конницы и около 5 тыс. пехоты, а если добавить несколько тысяч обозной челяди, то общее число достигало около 25 тыс. человек. Одних только тевтонских братьев насчитывалось около 500, но именно они были на командных постах, возглавляли «знамена», отряды, состоящие из служебного рыцарства (светского), сельских старост (солтысов) и крестьян, а также ратников из больших городов, рыцарей из Западной Европы и около 3700 наемников из Силезии и Чехии.

Этнический состав этой армии был, однако, весьма сложным. Немецкий элемент, разумеется, преобладал в Ордене, а также среди определенной части рыцарей и наемников, горожан и крестьян. Но значительна была и роль славянского — поляков и кашубов, — а также балтийского элемента — пруссов из восточных районов Пруссии. Пропорции этих трех этнических групп — немецкой, славянской и балтийской — нельзя установить (возможно, по $^1/_3$ каждая), но общий тон этой армии задавал немецкий элемент благодаря командной роли, языку команд и песнопений на поле боя.

В вопрос о вооружении армии Ордена польские исследования внесли ряд уточнений: оно было похоже на польские или западноевропейские стандарты с некоторыми особенностями, заимствованными у пруссов (шлемы, щиты) и литовцев (пики). Тевтонская армия располагала большим числом арбалетов, а также артиллерией, которую намеревалась использовать в начале сражения. Крестоносцы обладали также значительным боевым опытом, полученным в сражениях с Литвой и на Балтике.

Моральный дух этой армии тоже был достаточно высок: идеология государства, осуществляющего миссию, была еще достаточно сильна в Пруссии и склоняла к лояльности большинство подданных Ордена. Поэтому противник польско-литовской стороны, несмотря на то что он уступал ей почти на треть по численности, был достаточно грозным, располагая лучшим боевым оснащением по сравнению с легковооруженными литовско-русскими силами, а также имея большой боевой опыт, подкрепляемый хорошей организованностью и дисциплиной.

Важен вопрос, кто были главные военачальники воюющих сторон. Если войсками тевтонской стороны командовал великий магистр Ульрих фон Юнгинген, запальчивый воин, но хороший тактик, вопрос, кто был главным военачальником польско-литовской стороны, остается предметом многолетней дискуссии. Одни считают, что это был Ягелло, другие — Витовт, а может быть, даже и краковский мечник Зындрам из Машковиц. Можно сказать, что большинство исследователей с Кучинским во главе[7], используя источники, полностью исключает Зындрама из Машковиц, а главнокомандующим обеими армиями считает Ягелло — воина, опытного в сражениях с Орденом, Москвой и татарами, знакомого с военной тактикой как восточной, так и тевтонской. Конечно, Ягелло, командовавший армией Польского королевства, считался с мнениями командиров во главе с Витовтом, командовавшим литовско-русской армией. Но главное руководство обеими армиями было в руках опытного и талантливого вождя — Ягелло, поддерживаемого им же подобранными командирами и соратниками. Это не могло не повлиять на концепцию всей кампании, генерального сражения и его хода, в котором с блеском проявился настоящий полководческий гений короля.

Сегодня хорошо известно, что концепция летней кампании 1410 г. была заранее тщательно продумана Ягелло и другими командирами во главе с Витовтом. Она заключалась в новаторской идее сконцентрировать большинство вооруженных сил в одном пункте, чтобы оттуда после 24 июня нанести сокрушительный удар в сер-

дце тевтонского государства — его столицу Мальборк. Одновременно планировалось создать видимость атаки рассеянными силами с нескольких сторон на Пруссию. Поэтому великий магистр счел необходимым рассредоточить собственные вооруженные силы почти на всем польско-литовском пограничье, а особенно в южной зоне Гданьского Поморья вдоль Вислы, и именно туда во второй половине июня стянул значительные силы (район Свеце).

В то же самое время до 30 июня 1410 г. была осуществлена концентрация польской и литовской армий на правом берегу Вислы, в Мазовии около Червиньска, что позволило им совершить марш на север в направлении Пруссии. Попытки ведения переговоров, предпринятые по инициативе послов венгерского короля Сигизмунда Люксембургского, не принесли результатов, поскольку Ягелло потребовал от Ордена отказаться от своих притязаний на Жемайтию и возвратить польскую Добжинскую землю. Таким образом, главной политической целью вооруженной кампании Польши и Литвы было приостановление экспансии крестоносцев в отношении Жемайтии (и вообще Литвы), а также против северных польских земель, причем без попытки ликвидировать существование Тевтонского ордена в Пруссии.

Эти переговоры ненадолго прервали поход великой армии, которая вступила в границы Пруссии, устремляясь к бродам на реке Дрвенца около замка в Кужентнике. Здесь выяснилось, что великий магистр сумел все же перебросить значительные силы с левого берега Вислы и неожиданно для наступавших перекрыл дорогу. Поэтому Ягелло принял решение немедленно отступить из-под Кужентника и направить всю армию на восток, чтобы обойти Дрвенцу и ее истоки в районе Оструды. Этот план был осуществлен. 13 июля польская и литовская армии заняли по пути городок и замок Домбрувно, беженцы из которого известили великого магистра о направлении марша войск Ягелло. В ночь на 15 июля они двинулись дальше в северо-восточном направлении и остановились поблизости озера Лубень, намереваясь после утреннего отдыха на его берегу следовать через село Стембарк (Танненберг) на Ольштынек — Оструду к истокам Дрвенцы.

Однако армия Ордена, которая пришла сюда, по всей вероятности, ранним утром 15 июля, хотя без некоторых своих отрядов (в частности, без опаздывающих наемников и группы войск с Гданьского Поморья), расположилась лагерем, вероятнее всего, между селами Стембарк и Грюнефельде, названным потом Грюнвальдом. В последнее время некоторые ученые (С. Экдаль) считают, что армия Ордена была размещена вдоль дороги Грюнвальд — Лодвигово, фронтом на восток, но до сих пор нет доказательств этого.

Скорее всего, войска Ордена были размещены между селами Стембарк и Лодвигово вместе с пушками и пехотой, поскольку великий магистр намеревался заставить войска Ягелло принять оборонительно-наступательную битву на склоне в долину, что было выгодно для армии Ордена. Следовательно, сначала он был намерен использовать артиллерию и пехоту с легкой конницей, за которой стояла тяжелая конница, выделив около 16 отрядов в качестве резерва для следующей фазы сражения. Это свидетельствовало о продуманном стратегическом замысле великого магистра. Отряды Ордена стояли под не менее чем 51 «знаменем» во главе с флюгером (гонфаноном) великого магистра с крестом Ордена.

Ягелло быстро разобрался в невыгодной для него обстановке на поле будущей битвы, поэтому несколько часов задерживал выступление в поход войск из лесов у озера Лубень. Лишь после концентрации всех сил и обследования местности он приказал развертывать боевые порядки шириной в 2,5 км между селами Лодвигово и Стембарк ближе к лесу. Польскими отрядами на левом фланге командовал Зындрам из Машковиц, литовско-русскими на правом фланге — Витовт. Часть конных отрядов была, однако, оставлена в тылу у озера Лубень в резерве. Пехота и артиллерия не учитывались Ягелло в плане сражения, которое рассматривалось как типичный средневековый бой конницы с конницей.

Польские отряды (всего около 30 тыс. человек) в так называемом колонном строю вступили в бой под родовыми или прежде всего земскими хоругвями, которых насчитывалось около 50. Литовско-русские отряды (приблизительно 11 тыс. конников) тоже выступили в колонном строю под 40 хоругвями. Достоверно установлено, что командиром хоругви Виленской земли был воевода Петр Гаштолт. Командование над тремя смоленскими отрядами принял князь Семен Лингвен, брат

Ягелло. Татарские отряды были расставлены на правом фланге в качестве форпоста вместе с легковооруженными литовско-русскими отрядами.

Сам Ягелло как главнокомандующий всей армии Польши и Литвы предусмотрительно не намеревался включаться в вооруженную борьбу, со стороны наблюдая за ее ходом. Он намеренно, тактически оправданно медлил и не подавал сигнал к бою. Тогда великий магистр прислал к нему своих людей с двумя мечами для Ягелло и Витовта, вызвал их на бой (эти мечи до середины XIX в. находились в собраниях Чарторыских в Пулавах, потом были конфискованы царскими властями и пропали). Ягелло и Витовт спокойно восприняли этот оскорбительный вызов, который потом столетиями воспринимался поляками как символ тевтонского высокомерия и наглости. Великий магистр одновременно приказал отвести свои войска в долину Великого Потока, что дало больше места атакующим.

И вот тогда, около полудня, началось сражение с тевтонцами объединенных армий Польши и Литвы, продолжавшееся 6—7 часов. О его ходе имеются общие, неполные летописные данные, многие вопросы остаются еще не выясненными и дискуссионными. Битву начали легковооруженные литовские воины, находившиеся на правом фланге, поддерживаемые польскими наемными силами и форпостами с левого фланга. Эта атака смела тевтонскую артиллерию (бомбарды) и стрелков, замысел великого магистра использовать поначалу огнестрельное оружие и пехоту потерпел крах. В результате этого битва вскоре превратилась в столкновение конницы с конницей, согласно концепции Ягелло, причем в рукопашный бой включилась конница с обоих флангов.

Известно, что через некоторое время тевтонские войска стали теснить правофланговую литовскую группировку, которая начала отступать и частично покидать поле боя. До сих пор неясно, было ли бегство литовско-русских войск полностью или частично мнимым, по татарскому образцу (как предполагает С. Экдаль)[8]. Во всяком случае, часть из них (смоленские отряды) пробилась к левому польскому флангу или же укрылась среди резервных отрядов в лесу, часть бросилась врассыпную, увлекла за собой крупные силы тевтонцев с левого фланга, которые непредусмотрительно пустились в погоню в северо-восточном направлении, нанося большие потери преследуемым войскам. Это, впрочем, отвлекло силы крестоносцев от польского левого фланга, которому в дальнейшем пришлось вынести главную тяжесть сражения.

Несмотря на то что Ягелло укрепил его резервными отрядами, польские силы оказались в критическом положении, особенно когда упало большое знамя с Белым орлом. Однако кризис был преодолен, и возвращающаяся из погони за литовско-русскими отрядами тевтонская тяжелая конница нашла положение совсем критическим для правого фланга Ордена, силы которого отступали под натиском Ягелло в западном направлении, а частично оказались окруженными. Великий магистр тогда принял неожиданное решение. Он стремительно отвел в тыл 16 отрядов, чтобы с фланга атаковать побеждающую уже польскую армию. Но этот маневр был вовремя распознан Ягелло и другими польскими командирами, выставившими усиленные заслоны против этой группировки противника.

К вечеру наступила предпоследняя кровавая фаза битвы, когда польские войска, по всей вероятности поддержанные также литовско-русскими отрядами, разгромили вспомогательные отряды Ордена, великий магистр Ульрих фон Юнгинген и главные сановники Ордена погибли. В этой фазе битвы капитулировали «знамена» Хелминской земли, позже тевтонские власти сочли это изменой своих подданных. Результат сражения был предрешен, но часть тевтонских конников вырвалась из окружения и укрылась в обозе между Стембарком и Грюнвальдом, намереваясь там под защитой конных повозок организовать оборону с использованием артиллерии и пехоты. Часть этих обращенных в бегство конников преследовала легкая татарская и литовско-русская конница. Попытка обороны тевтонского лагеря оказалась неудачной, пехотные отряды из армии Ягелло, то есть вооруженные крестьяне, пошли на штурм, завершившийся сокрушительным поражением тевтонских сил.

Битва закончилась вечером полным триумфом польской и литовской армий. В ней погибло 203 орденских брата вместе с командным составом и несколько тысяч воинов из тевтонских войск, более десяти тысяч было пленено, но большинство, прежде всего прусское рыцарство и горожан, Ягелло отпустил домой. В армии

короля самые значительные потери понесли литовско-русские отряды, особенно в первой фазе сражения.

Причины этой необыкновенной победы Польши и Литвы сложны. Сегодня мы ищем их прежде всего в ошибках командования Ордена и командирских качествах Ягелло. Великий магистр был поставлен в тупик слишком быстрой концентрацией вооруженных сил противника. Кроме того, ему не хватило терпения дождаться, когда подоспеют подкрепления с Гданьского Поморья, что существенно ослабило боевую мощь войск Ордена.

На польско-литовской стороне был не только численный перевес и превосходство боевого духа войск, но и настойчивая последовательность в выполнении боевых задач, направленных на окружение и уничтожение врага. Автором концепции сражения был Ягелло при непосредственном участии Витовта и польских командиров, причем их замысел предполагал ведение боя по средневековому образцу: борьбу польской и литовско-русской конницы с тевтонской с задачей оттеснить последнюю на запад и окружить, а затем истребить либо взять в плен. Особого внимания заслуживает применение тактики видимого отступления, дававшей возможность обеспечить необходимую передышку как для польских воинов, так и для их боевых коней. Тактическая мобильность позволяла в нужный момент перегруппировать войска, численно укрепить отряды на опасных участках.

Применение в первой фазе битвы легковооруженной литовско-татарской конницы и пресечение попытки врага применить артиллерию и пехотных стрелков свидетельствуют о полководческом таланте главнокомандующего. Он не растерялся и не пал духом, когда началось беспорядочное отступление литовско-русского фланга, не отказался от осуществления поставленной задачи, потому что имел в своем распоряжении достаточные резервы как польских, так и литовско-русских конников. Это позволило устоять в наиболее критические моменты битвы, когда упало знамя с Белым орлом или когда пришлось отражать фланговую атаку 16 отрядов великого магистра. Концепция окружения значительной части неприятельской армии, а затем штурма орденского лагеря была осуществлена.

Без Ягелло не было бы такого Грюнвальда — так предполагают некоторые исследователи (с Кучинским во главе). Но ни в коей степени не отказывая польскому королю в его роли вождя, надо сказать, что осуществление его военного замысла было возможно только благодаря железной воле всей армии, как литовско-русской, так и польской, лишь в небольшой степени поддерживаемой наемными силезско-чешскими отрядами. Боевой вклад сначала литовско-русских бояр, а затем рыцарей из Малой Польши, Великой Польши и Червонной Руси, а в последней фазе битвы пеших воинов этих земель был необходимой гарантией конечной победы. Их мужество и стойкость в многочасовом сражении, то, что они не поддались настроениям отчаяния или паники в самой критической, послеполуденной фазе сражения, стали необходимым условием успеха их вождя, крупнейшего и беспримерного военного успеха Польского королевства и Литвы — победы над Тевтонским орденом.

Остается выяснить весьма существенный вопрос: каковы были последствия великой победы над Орденом для Польши и Литвы. Масштабы этой победы были неожиданными для самого польско-литовского командования — Ягелло и Витовта, а также их приближенных. Стало ясно, что реально осуществимы не только первоначальные цели борьбы (отпор экспансии Ордена против ягеллонской монархии, сохранение Литвой Жемайтии), но и вообще ликвидация самого тевтонского государства в Пруссии при условии получения поддержки и признания со стороны его подданных — прусских сословий. Другим последствием победы стало начало дипломатической и пропагандистской акции в Западной Европе, направленной против обвинения Польши тевтонскими властями в том, что она ведет вооруженную борьбу с духовной корпорацией, осуществляющей высокую миссию на благо христианства, что в этой борьбе она прибегает к помощи «язычников» во главе с «сарацинами», то есть татарами или схизматическими противниками католической веры.

Обе эти цели с 16 июля начали реализовываться, причем главным стал вопрос овладения всем тевтонским государством, взятие его столицы Мальборка и привлечение на сторону Польши и Литвы прусских сословий. Осуществлению этой последней задачи (за исключением Восточной Пруссии с Кёнигсбергом) способствовали «послегрюнвальдский шок» и надежды сословий на хозяйственные и госу-

дарственно-правовые уступки со стороны Ягелло. Более сложным оказалось взятие замка в Мальборке. Ягелло, в течение трех дней находившийся на поле боя или где-то поблизости, без промедления направил легковооруженные отряды, в том числе татар, к Мальборку, к которому они подошли самое позднее 22 июля. Но ворота замка были крепко заперты, светский командор Генрих фон Плауэн успел уже с 18 июля[9] подготовиться к обороне.

25 июля подоспели главные силы армии Польши и Литвы с Ягелло и Витовтом, началась 7-недельная осада замка, которая, однако, оказалась безуспешной из-за отсутствия достаточного количества артиллерии и осадных машин. Плауэн, избранный великим магистром, не намеревался принимать новые требования Польши и Литвы: уступить не только Жемайтию и Добжинскую землю, но и Гданьское Поморье, Хелминскую землю и Повисле с Мальборком. Литва рассчитывала получить северо-восточные территории Пруссии (очевидно, на правом берегу Преголы с устьем Немана и Клайпедой), а Мазовия — ее южные районы, то есть Мазуры. Следовательно, Ордену оставалась лишь часть центральной Пруссии с Кёнигсбергом.

Плауэн ждал ответа на его призывы о вооруженной помощи, направляемые после 22 июля к Германской империи, а также Сигизмунду и Вацлаву Люксембургским. Он заявлял, что Ягелло с Витовтом заняли и разоряют Пруссию с помощью «сарацинов», для которых хотят покорить прусское государство. Но реальную помощь Ордену оказала сначала тевтонская Ливония, которая в сентябре, угрожая польским и литовским селам в Пруссии, вынудила к отступлению войска Витовта и Ягелло из-под стен Мальборка. Позже Ягелло стал концентрировать свои силы на территории Куявии.

В октябре на Гданьское Поморье подошли вспомогательные отряды Ордена из Германии. Их удалось разбить в битве под Короновом (10 октября), которая, как и другие успехи местного значения, не смогла предотвратить возвращения Плауэном большинства прусских городов и земель. Кроме того, на территорию южной Польши в середине октября совершили из Словакии вооруженную диверсию войска Сигизмунда Люксембургского, что создало для Ягелло угрозу войны на два фронта. Поэтому в январе 1411 г. начались мнрные переговоры с Плауэном. Они привели к заключению 1 февраля 1411 г. мирного договора в Торуни.

В договоре речь шла не о ликвидации господства Ордена или подчинении большинства поморско-прусских земель Польше и Литве, а о Жемайтии — основной цели польско-литовской борьбы до 15 июля 1410 года. Четвертый пункт договора констатировал, что как Ягелло, так и Витовт вправе пожизненно обладать Жемайтией, которая после их смерти должна беспрепятственно вернуться под власть Ордена. Остальные же замки, города и земли, взятые обеими сторонами, должны быть немедленно возвращены их прежним владельцам. Несмотря на компромиссный характер пункта, касающегося Жемайтии, все же она оставалась под властью Литвы, которая добровольно не согласилась бы отдать ее тевтонским властям[10]. Поэтому можно сказать, что положения Торуньского договора 1411 г. в значительной степени реализовали первоначальные цели вооруженной польско-литовской кампании.

Можно ли считать, что договор 1411 г. был действительно «невыигранным миром» для Польши и Литвы, как утверждает большинство исследователей? Разумеется, нельзя, поскольку он давал, в конце концов, в значительной степени то, за что Польша и Литва боролись с осени 1409 г., то есть за освобождение Жемайтии и Добжинской земли, а также за предотвращение угрозы для Куявии и северной Мазовии. Осуществление этих целей было возможно только благодаря последствиям Грюнвальдской победы, которые явно повлияли на готовность Плауэна заключить соглашение с Польшей и Литвой.

Следовательно, договор 1411 г. документально закреплял факт отступления Ордена с его до сих пор нерушимой позиции на Балтийском море и приостановление его экспансии по отношению к землям Литвы и Польского королевства. Он открыл этап дальнейшей вооруженной борьбы Польши и Литвы с Орденом, продолжавшейся с 1414 до 1422 г., когда Литва окончательно добилась отказа Ордена от притязаний на Жемайтию и территории на Немане.

В середине XV в. Польша снискала себе нового союзника в прусских сословиях, которые в 1454 г. сдались Польше. В результате в Торуньском договоре 1466 г.

была закреплена польская власть на нижней Висле (так называемая Королевская Пруссия), а остальные земли орденской Пруссии с Кёнигсбергом перешли под косвенную, ленную власть Польши.

В этих полувековых переменах и противостояниях значительную роль играли результаты Великой войны и Грюнвальда, приведшие к экономическому и финансовому ослаблению Пруссии, вступившей в полосу внутреннего кризиса. Их итогом стало ослабление политической и военной мощи прусской ветви Ордена, обреченной с этих пор на помощь прусских сословий, что в свою очередь открыло путь к политической эмансипации и подорвало автократическую власть Ордена в результате основания в 1440 г. конфедерации прусских земель и городов (Прусского Союза). Это привело к подчинению прусских сословий Польше и ликвидации самостоятельности Ордена в 1466 году.

В заключение добавим, что исследования Великой войны и венчающей ее Грюнвальдской битвы довольно живо ведутся в польской историографии, в Германии и других странах. Следует ожидать пересмотра ряда положений, касающихся как общих вопросов этой войны, так и хода самой битвы. Более того, расширяется изучение традиций Грюнвальда в историографии и историческом сознании Польши периода позднего средневековья, а также в старопольский период (XVI—XVII вв.). Эти исследования касаются также обновления традиций Грюнвальда как источника надежды и веры в условиях непрекращающегося влияния идеологии прусского государства Гогенцоллернов в XIX в., идентифицирующегося с прошлым Ордена в Пруссии как экспансивного предшественника с антипольским лицом.

Определенную роль сыграли при этом польские произведения живописи («Битва под Грюнвальдом» Я. Матейко) и художественной литературы («Крестоносцы» Г. Сенкевича), которые приблизили к массам образ Грюнвальда, а с 1943 г. грюнвальдские традиции приобрели также международный характер (совместные действия славянского мира против гитлеровской Германии, причем взятие Берлина в 1945 г. отождествлялось с победой в 1410 г.), стали событием европейского масштаба, сыгравшим значительную роль в истории народов, живущих на Висле, Немане, Вилии, Двине и Днепре, и оказавшим существенное влияние на дальнейшее формирование их судеб.

Примечания

1. GÓRSKI K. Państwo krzyżacki w Prusaeh. Gdańsk — Bydgoszez 1946; e j u s d. Lakon Krzyżacki a powstanie państwa pruskiego. Wroctaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1977.
2. BISKUP M., LABUDA G. Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gdańsk. 1986.
3. KUCZYŃSKI S. M. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411. Wyd. 1. Warszawa. 1955; wyd. 5. Warszawa. 1987.
4. NÓWAKOWSKI A. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. i na poczatku XV w. Lódź. 1980.
5. EKDAHL S. Die «Banderia Prutenorum» des Jan Dtugosz. In: Eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Cöttingen. 1976; e j u s d. Die Schlacht bei Tannenberg 1410. T. 1. Brl. 1982.
6. SPIERALSKI Z. Czy koniec sporów o Grunwald? — Zapiski Historyczne, t. 39, z. 2, 1971, s. 91 i n.
7. KUCZYŃSKI S. M. Op. cit. Warszawa. 1960, s. 160 i n.
8. EKDAHL S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg. — Zeitschrift für Ostforschung, t. 12, 1963, S. 11 i n.
9. BISKUP M. Echa bitwy grunwaldzkiej i obleżęnia Malborka w niemieckiej galezi Zakonu Krzy'zackiego w lecie 1410 roku — Kommunikaty Mazursko-Warmińskie, 1984, nr. 1, s. 455—460.
10. KUCZYŃSKI S. M. Op. cit., s. 479 i n.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Монастыри и монашество на Руси (X—XII вв.)

Иеромонах Никон

В российской церковной литературе история монашества традиционно выделялась в качестве особого раздела церковной истории. Во второй половине XIX в. появились обобщающие работы по истории как русского, так и восточного монашества[1]. Довольно существенное внимание этой теме уделялось и в литературе последующего времени[2], развивавшей методологические принципы, заложенные русскими церковными историками второй половины XIX века. Хотя, по мнению некоторых светских исследователей, для всех этих работ характерны «рассмотрение истории монашества практически вне всякой связи с развитием общества»[3], а также «подмена» исследования «политически направленным набором штампов»[4], такой взгляд нельзя признать безукоризненным с точки зрения научной добросовестности и свободным от политической тенденциозности.

Непревратное понимание вопроса о месте и значении монашества в истории Церкви невозможно без усвоения того, что вообще оно представляет собою. Святитель Феофан Затворник писал: «Монашество есть, с отрешением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге... Так как сему настроению много мешает семейная и гражданская жизнь, то ищущие его удаляются от общества, разрывают или совсем не вступают в семейные связи»[5]. Монашеское отречение от мира ради идеала совершенства не имеет, однако, ничего общего с уходом из мира, отрицанием бытия, которое проповедуют буддизм и некоторые другие восточные вероучения. Греческое слово «монах» («один», «живущий в уединении») нашло себе в русском языке очень выразительный синоним — «инок», то есть человек, живущий иным образом, нежели остальные люди. Такое понимание, пожалуй, правильнее всего передает смысл христианской аскезы, посредством которой земное бытие преображается, становится «иным». Преображение это не ограничивается, конечно, пределами личного бытия уединенного подвижника. Уйдя из мира, монашествующие осуществляют высокую миссию служения спасению тех, кто пребывает в мире. Термин «иночество», конечно, не простое выражение очевидной разницы между бытом монастырским и мирским. Он ясно обнаруживает осознание молодым христианским обществом Киевской Руси смысла «инакости» первых русских черноризцев и ее значения для его духовной жизни.

Иеромонах Никон (в миру — Николай Николаевич Лысенко) — заведующий Отделением заочного обучения Минской духовной семинарии, кандидат богословия.

Первые монашеские обители возникли на Руси одновременно с принятием ею крещения в 988 году. Митрополит Киевский и всея Руси Иларион (1051—1054 гг.) в своем «Слове о Законе и Благодати» пишет об этом так: «И в одно время вся земля наша восславила Христа со Отцем и со Св. Духом. Тогда начал мрак идольский от нас отходить... Капища разрушались, а церкви поставлялись... Монастыри на горах воздвигли; черноризцы явились»[6]. «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха тоже содержит упоминание о черноризцах, хотя и косвенное. Описывая празднование св. Владимиром Господских праздников, Иаков Мних сообщает о поставлении трех трапез, одна из которых предназначалась «митрополиту с епископы и с черноризцы и с попы»[7]. Однако Повесть временных лет упоминает об основании первых монастырей только под 1037 г., причем летописец замечает: «Заложи Ярослав... по семь святаго Георгия монастырь и святыя Ирины... и черноризьци почаша множитися, и монастыреви починаху быти»[8].

Е. Е. Голубинский обратил внимание на это противоречие и выдвинул гипотезу, что «самый способ появления нашего первого «собственного, или настоящего», монастыря (в княжение Ярослава Мудрого. — *И. Н.*) необходимо предполагает предшествующее ему существование монастырей несобственных... Если князь построил монастырь, то, очевидно, имел в виду готовых монахов, которыми хотел населить его, ибо предполагать, чтобы он построил монастырь в ожидании, что когда-нибудь явятся на Руси монахи, чтобы населить его, или с намерением навербовать в него монахов из мирян, конечно, весьма странно; а если так, то очевидно, что он имел в виду готовых монахов монастырей несобственных»[9]. Голубинский предполагал, что такие «несобственные монастыри» представляли собою своего рода «монашеские слободки», возникавшие при приходских церквах, в их оградах, где каждый для себя ставил келью. «Необходимо думать, — писал он, — что эти несобственные монастыри не явились у нас... а ведут свое начало от древнейшего, быв заимствованы из Греции»[10].

Есть свидетельства и о том, что первые монахи появились на Руси еще до ее крещения. Об этом повествуют некоторые дошедшие до нас предания. К их числу относятся сказание об основании Свято-Троицкого монастыря преп. Сергием Валаамским[11] более чем за столетие до св. Владимира и встречающееся в скандинавских сагах известие об Горвальде-Исландце, основавшем на Руси монастырь около времени Владимирова крещения[12]. Распространение христианства происходило на Руси уже с 40—60-х годов IX в., и вполне резонно предположить, что в числе первых русских христиан были и такие, кто, желая всецело посвятить себя служению Богу, принял монашеские обеты.

Важную роль сыграли в первоначальной истории российского монашества выходцы из Византии. «Для приступа к крещению народа Владимир привел с собой из Корсуни, а для учреждения иерархии выписал из Константинополя вместе с епископами значительное количество священников... — писал Е. Е. Голубинский. — Не только необходимо думать, что в числе этих священников были священники черные, или иеромонахи, но и весьма вероятно думать, что последних была значительная часть и даже большинство: священники белые, как люди семейные и домовитые, едва ли могли иметь собственную охоту переселиться в Россию»[13]. Возможно, что на приходах, где служили греческие иеромонахи, и возникали первые возглавляемые ими «несобственные монастыри». На Руси могли обосновываться в качестве миссионерских центров и целые греческие монастырские общины. Сохранилось предание, что одна такая община основала Спасский монастырь близ Вышгорода[14]. Таким образом, Голубинский был прав: становление российского монашества испытывало на себе самое непосредственное влияние процессов, происходивших в жизни вселенского православия, центром которого в то время была Византия[15].

Конец первого тысячелетия христианской эры стал рубежом чрезвычайно важным в судьбах Восточной Европы. Христианизацией славянских народов завершается многовековой процесс становления религиозной и культурной общности, простирающейся от Британских островов до Урала и называемой «христианским миром». В это время Византия переживает своего рода «век просветительства», «фотиевский Ренессанс», смысл которого, как считает иеромонах Иоанн (Экономцев), заключается прежде всего в систематизации традиции, создании энциклопедий (богословских, литературных, естественнонаучных) — это век учреждения школ и академических центров, век педагогики[16]. Сам св. патриарх Фотий связывал всю эту деятельность с широкими миссионерскими задачами. Не случайно поэтому в его времена «появляется в целом необычайный для византийского общества интерес к другим языкам, что стимулирует лингвистические исследования»[17]. Апостольские труды Кирилла и Мефодия стали знамением времени.

Однако славяно-византийская общность созидалась не односторонними усилиями. Славянство не было пассивным элементом в этом процессе. Именно в это время пробуждается в нем жажда познания религиозной истины, которую нельзя было удовлетворить языческими верованиями и культом. Грандиозная работа по переложению на славянский язык Св. Писания, богослужебных книг, святоотеческих творений, выполненная солунскими братьями и их учениками, открыла для славянских народов уникальную возможность живого включения в духовную жизнь православного мира.

Славянское Евангелие оставило в народном сознании неизгладимый след, за сравнительно краткий исторический срок оно преобразило народную душу. «Русь не просто приняла христианство, она полюбила его всем сердцем, она расположилась к нему всей душой, она излегла к нему всем лучшим своим. Она приняла его себе в названье жителей, в пословицы и приметы, в строй мышления, в обязательный угол избы, его символ взяла себе во всеобщую охрану, его поименными святцами заменила всякий другой счетный календарь, с ним соразмерила весь план своей трудовой жизни, его храмам отдала лучшие места своих окружий, его службам — свои предрассветья, его постам свою выдержку, его праздникам — свой досуг, его странникам — свой кров и хлебушек»[18].

Наивно было бы считать, что в жизни молодой Русской Церкви, являющейся живой частью Православного мира, не существовало ни мучительных противоречий, ни болезненных надрывов. Уже не одно столетие внутри Восточной церкви протекали процессы, которые можно без преувеличения назвать тяжелой нравственной болезнью. Признаками ее были устранение народа от управления Церковью, рост деспотичности и претенциозности епископата, умножение числа недостойных своего сана архиереев и священников, упадок духовной жизни монашества. Болезнью этой, однако, заражены были не все. В тишине монастырей и скитов в конце X — начале XI в. нарождалось новое духовное течение как выражение живого религиозного переживания, строилось богословие, неотделимое от опыта духовной жизни. Наиболее ярким выразителем этого движения стал игумен монастыря св. Мамонта св. Симеон Новый Богослов. Его учение, несмотря на мистико-созерцательный характер, давало непосредственные ответы на важнейшие вопросы церковной жизни.

Со времен Крещения Руси Киев, как ни был он территориально удален от главных центров Православного мира, отнюдь не находился в положении его далекой периферии. Это обусловливалось в значительной мере тем, что процесс формирования славяно-византийского сообщества был одним из важнейших в жизни Православного мира той эпохи. Вопросы, волновавшие христианское общество Византии, нашли в жизни киевского христианства горячий и живой отклик. В середине XI в. экклезиологические проблемы, поставленные протоисихастским движением перед религиозным сознанием Православного Востока, оказываются центральными и в русской духовной жизни. Именно к этому времени относится возникновение Киево-Печерской обители.

Год ее основания — 1051-й — был одновременно и годом поставления первого русского по происхождению, избранного собором епископов Руси независимо от Константинополя, митрополита. Летопись преп. Нестора повествует: «Поставил Ярослав Илариона в митрополиты, русского родом, в церкви св. Софии, собрав для того епископов... Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и церковь тамошнюю, Святых Апостолов, и оказывал покровительство попам многим, среди которых был и пресвитер Иларион, человек благостный, книжник и постник. И приходил Иларион из Берестового на Днепр, на холм, где теперь стоит старый монастырь Печерский, и там молился. Выкопал он там пещерку малую, в две сажени, и приходя... отпевал там «часы» и молился Богу втайне. Затем Бог внушил

князю мысль поставить его митрополитом в церкви святой Софии, а пещерка эта так и осталась»[19].

Сюда-то, как повествует летопись, пришел в поисках места, «которое бы ему Бог указал» для поселения, постриженник одного из афонских монастырей, св. Антоний. Он поселился в пещере, выкопанной Иларионом. «И начал он жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды в меру вкушая, копая пещеру и не давая себе покоя, день и ночь в трудах пребывая... И известен стал Антоний всем и чтим, и начали приходить к нему братья, и стал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии 12 человек, и выкопали они пещеру большую и церковь и кельи... Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это Бог вас, братья, собрал, и вы здесь по благословению Святой Горы, по которому меня постриг игумен ее, а я вас постриг»[20].

Из летописного повествования явствует, что духовная связь с обителями Афона имела для первых печерских иноков особое значение. Другим очень важным моментом является явно обнаруживаемая связь между поставлением Илариона на Киевскую кафедру и началом Печерской обители. Значение, которое имело «совпадение» этих двух событий, становится очевидным, если обратиться к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в котором русское национальное самосознание впервые выразило себя ярко и полно. Богословские положения, содержащиеся в заключительной части этого памятника — в «Похвале князю нашему Владимиру, которым мы крещены», ясно показывают существенное сходство воззрений митрополита Илариона и протоисихастов, в особенности преп. Симеона Нового Богослова, на возможность благодатного познания Бога.

Примеры идейной близости воззрений митрополита Илариона и учения протоисихастов дают основание предположить, что и экклезиологические выводы, следующие из этого учения, могли быть также ему близки. Протоисихасты придавали подвижническому служению монашества в жизни Церкви особое значение и именно в нем видели «избранный народ Божий», которому в эпоху духовного оскудения вверено Богом хранение благодатных дарований. Киевское монашество в период, предшествовавший основанию Печерской обители, явно не соответствовало требованиям этого служения. Преп. Антоний, обойдя обители Киева и «не возлюбив» ни одной из них, вселяется в пещеру, выкопанную Иларионом, очевидно, не без ведома и благословения митрополита. У малой пещеры на днепровском берегу сошлись вместе первый русский богослов и принесший с собою благословение Святой Афонской Горы отец русского монашества. Эта встреча символична. В лице двух подвижников встретились два источника возвышенного движения человеческого духа, которое становится сердцевиной церковности православной Руси — святоотеческое богословие и аскеза.

Преп. Антоний был первым известным русским постриженником на Афоне. Лаврентьевская летопись сообщает, что «некий человек, именем мирьским от града Любеча... устремился в Святую Гору, и видя ту монастыря сущая, и возлюбив чернечьский образ приде в монастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложил образ мнишьс ий. Он же послушав его, постриже и, нарек имя ему Антоний, наказав его и научив чернечьскому образу»[21]. В каком именно монастыре на Афоне пострижен был преподобный — неизвестно. Наиболее достоверным представляется предание, сообщаемое иеромонахом Ипполитом (Вишневским), побывавшим на Афоне в 1708 г., согласно которому Антоний подвизался в Лавре св. Афанасия[22].

Как полагал историк афонского монашества Порфирий (Успенский), св. Антоний «как поклонник и соглядатай афонского монашества побывал во всех тамошних монастырях и скитах, и перед возвращением своим в Россию получил известное благословение от Прота Св. Горы и вместе игумена Афона-Карейской Лавры. В то время царь Константин Мономах удалил с этой горы мирских жителей и повелел называть и писать ее Горой Святой, давши ей новый устав. Такое преобразование Афона, без сомнения, понравилось Антонию и потому он у тамошнего Прота просил благословения на учреждение монашества в России под покровительством верховной власти мирской, а не духовной, по примеру монашества афонского, пользовавшегося подобным покровительством»[23]. Интересно предположение епископа Кириона (впоследствии Католикоса Грузии), что этим постригшим св. Антония Протом был ученик св. Афанасия Афонского, игумен Иверского монастыря преп. Евфимий, которое он основывает на свидетельстве грузинской рукописи, датиру-

емой около 1074 г., о принятии Иверским монастырем русских иноков для усовершенствования в монашеских подвигах[24]. Как бы то ни было, трудно не признать основательным предположение о наличии духовной связи между преп. Антонием и Печерским монашеством, с одной стороны, и преп. Афанасием Афонским и его Лаврой — с другой.

О преобразовании монашеской жизни Афона, связанного с именем св. Афанасия, епископ Порфирий (Успенский) писал: «По манию Афанасия, явились на Афоне большие благоустроенные монастыри и Лавры и в них, еще во дни его, поместились 3000 разнородных монахов, которые пришли из разных стран. Им он дал устав церковный, трапезный и келейный. С его легкой руки общежительные монастырники получили там перевес над своежительными безмолвниками, которых, однако, он считал выше всех монахов за их непрерывно молитвенное единение с Богом, потому что и сам был безмолвником»[25]. Этот афонский образец и воплощается при устроении Печерской обители. Вокруг преп. Антония-безмолвника, который первым принес на Русь исихастскую практику непрестанного моления в уединении затвора, «Бог совокупил братию по благословению Святой Горы». Поставив игуменом Варлаама, Антоний удалился, «как уж и прежде привык уединяться», и выкопал себе другую пещеру, где, по летописи, прожил 40 лет неисходно. Однако незримое присутствие его в дальнейшей жизни монастыря — и при построении монастыря на горе, над пещерой, и при устроении жизни обители по Студийскому уставу, и при построении Великой церкви Успения Богоматери — ясно ощущается.

Подобно разделению между афонскими «монастырниками» и безмолвниками, община Печерской обители как бы разделяется на пещеру (подземелье) и гору (верхний монастырь). «Два столпа печерские — Антоний и Феодосий — неразрывны, — отмечает П. Иванов, — один начальник подземной дружины, другой правитель видимого монастыря. Но, конечно, и тот и другой, как и вся братия, духовно живут и там и здесь»[26]. Печерская обитель стала на Руси первой, где начинает воплощаться духовный идеал протоисихастского движения, бывший сердцевиной жизни Православия в течение целой эпохи. В трудное и страшное время, когда вместо милости и любви в церковном управлении начинает преобладать администрирование и властвование, а вместо чистоты и нестяжания в монастырской жизни являются примеры корыстолюбия и эгоизма, как светила, «в пещере разгоняют тьму бесовскую молитвой и постом преподобный Антоний, блаженный Феодосий и великий Никон».

Как явствует из Печерского патерика, Никон был вторым насельником Иларионовой пещеры. Хотя преп. Нестор называет его великим, сведения о нем как в «Житии преподобного Феодосия», так и в Повести временных лет довольно скудны. При внимательном рассмотрении их создается впечатление, что здесь имело место намеренное умолчание. Конечно, немаловажную роль сыграло смирение самого преп. Никона, в игуменство которого создавались и Повесть и житие, однако тут, по-видимому, были и другие причины. Смелую и хорошо аргументированную гипотезу выдвинул М. Д. Приселков. Он полагает, что Никон Великий — это не кто иной, как митрополит Иларион, который после «своего удаления с кафедры около 1053 г. вновь возвращается к своим подвигам аскетизма в свою прежнюю пещерку с тою разницей против подвигов прежнего времени, что теперь он был не «попом», а «мнихом». Принятие им великого ангельского образа — схимы — снимало с него сан епископа и возвращало к пресвитерству, как могло снять и имя».

«Принимая остроумное предположение проф. Шлякова — что пострижения того времени происходили обычно в воскресенье, причем постригаемый получал имя святого, память которого падала на этот день, — продолжает Приселков, — получаем любопытное подтверждение нашей догадки о тождестве Илариона и Никона. Память Никона падала на воскресенье между 1051—1054 гг. один раз: это воскресенье 7 ноября 1053 года»[27]. Анализируя сведения о Никоне Великом, содержащиеся в трудах преп. Нестора — летописи и «Житии преподобного Феодосия», Приселков показывает выдающуюся его роль в событиях, знаменующих становление Киево-Печерской обители как особого, «старейшего» — не по возрасту, а по духовной значимости — монастыря, который стал совестью Киевской Руси.

Никон Великий был пресвитер и «черноризец искусный», постригавший по

повелению преп. Антония приходящих подвизаться вместе с ними в пещере. Так он постриг сына великого боярина и одного из придворных князя Изяслава под именами Варлаама и Ефрема. Разгневанный князь «повеле единого от них привести пред ся, дързнувших таковаа сътворити», и к нему привели преп. Никона. По-видимому, именно его, а не Антония князь считал виновным в том, что боярин и придворный избрали монашеский путь, предполагая, что он не только постриг, но, прежде того, сознательно склонил их на этот шаг. Приселков видит в этом указание на близость Никона в предшествовавшее время к великокняжескому двору.

Приводимый Нестором ответ Никона на обвинения и угрозы князя сам по себе очень выразителен: «Благодатию Божией аз есмъ постриг их повелением Небесного Царя и призвавшего их Иисуса Христа на таковый подвиг»[28]. Непосредственное подчинение Христу дает право быть свободным от произволений земной власти, как княжеской, так и церковной. Следование закону Духа Божия, закону благодати и свободы — вот основа и сущность христианской жизни в видении протоисихастов, в понимании автора «Слова о Законе и Благодати». Именно это понимание выразил в своем ответе великому князю Изяславу Никон Великий.

Хотя намерение преп. Антония с братией в ответ на угрозы князя покинуть Русскую землю заставило последнего сменить гнев на милость, по-видимому, смелость преп. Никона не была окончательно прощена. Вместе с неким монахом из монастыря св. Мины Никон Великий около 1061 г. был вынужден уйти из Киева. Придя к черноморскому берегу, он простился со своим спутником, который отплыл в сторону Константинополя, а сам «отъиде в остров Тмутороканьский, и ту обрет место чисто без града… и Божией благодатию возгради на нем, и бысть монастырь славен, иже и доныне есть, приклад (образец. — *И. Н.*) имый в сий Печерский монастырь»[29].

И на новом месте Никон Великий быстро становится влиятельным лицом. Именно его, после смерти князя Ростислава, граждане Тмутаракани «умоляют» быть их послом и просить князя Святослава Ярославича прислать своего сына на тмутараканский стол. Согласившись, Никон возвращается в Киев. После исполнения своей миссии он, «вся своя предав в руце блаженному Феодосию», который к этому времени стал игуменом, вновь вселяется в Печерскую обитель. «Феодосий… яко отца его себе имеяшеть. Темже, аще и коли къде отхо́дя поручаше тому братию… соблюдати и поучати, повелеваше и пакы великому Никону, яко се ис книг почитающе поучение творити братии»[30]. В поучении братии «из книг» Приселков видит указание на особую богословскую ученость преп. Никона, считая его «единственным лицом, которое могло вдохновить обитателей пещерки на создание из нее монастыря с введением строгого общежительного устава, которого в практике не было ни у нас, ни в Византии, и о котором можно было узнать лишь литературным путем и чрез создание в монастыре богословского и канонического знания — устроения школы будущих русских епископов»[31].

Спор о том, верно ли предположение о тождестве митрополита Илариона и Никона Великого, вряд ли удастся когда-либо разрешить, одинако важно то, что Приселков постиг существенную общность богословия и пастырства первого русского первосвятителя, подвижничества и пастырства печерских преподобных отцов. Эти светочи киевского христианства XI в. в богословии, в аскетике, в пастырстве, в сфере христианской общественности, наконец, утверждали те же принципы, которым следовали Максим Исповедник, Григорий Синаит, Симеон Благоговейный, Симеон Новый Богослов и Григорий Палама, принципы, которые никогда не умирали в традиции афонского безмолвствования.

По словам летописца, «Господь собрал в обитель Матери Своей таких черноризцев, которые сияли великими добродетелями». Собраны они были со всех концов Русской земли. Среди них, помимо киевлян (преподобных Варлаама, Ефрема, Исайи, Алипия, Агапита), мы видим выходцев из Курска (преп. Феодосий), Торопца (преп. Исаакий-затворник), Чернигова (Никола Святоша), Полоцка (преп. Арефа). В их числе варяги, угры, крещеные половцы, армяне и даже сирийцы. Сюда стекаются представители самых различных социальных слоев: рядом с черниговским князем Николой — просфорник Спиридон, который происходил из семьи простых поселян и «был совсем неграмотен и невежда в слове»; рядом с купцом Исаакием — профессиональный воин Моисей Угрин. «Исключительная замечательность этого явления Божией славы и силы, доселе не бывшего и после не

повторявшегося в Русской Церкви, в том, что не одинокий святой, как обычно, послан был в церковь, а целая община» — так определял духовное значение Печерской обители в первое столетие ее истории П. Иванов[32].

Дарами благодати Св. Духа были наделены многие печерские подвижники, причем каждый — особым, своим. Однако общим для всех был дар любви. Более всех наделен им преп. Феодосий, которого по праву можно считать не только славнейшим из печерских игуменов, но и устроителем и законодателем русского монашества. Игуменство Феодосия показывает, какую силу и власть обретает кротость и любовь, когда сообщество людей соединено истинно духовной целью и смыслом. «Отец же наш Феодосий, аще и старейшинство приим, не измени смирения своего правила… Тем же смиряяшеся, мьний всех ся творя и всем служах, и собою образ всем дая»… «еще же и руками своима деяху дело… по вся дни трудящеся»[33].

Св. Феодосий при этом превосходил всех трудолюбием и «делом телесным, бяше бо и телесем благ и крепок». Он всем помогал во время дневных трудов, когда же братия спала, брал выделенную каждому часть зерна, которое черноризцы выменивали на свои ремесленные изделия, молол его на ручной зернотерке и относил затем туда, откуда взял. Более всего святой печется об уставной бедности, отбирая по кельям все лишнее из одежды или снеди, чтобы сжечь это в печи «яко вражию часть»[34]. «Не имети — упование имеем» — было его принципом в управлении монастырем. Кроткий и милостивый, он становился суровым и непреклонным, когда сталкивался с проявлениями своекорыстной расчетливости.

Осуществляя идеал жизни по закону духа, а не по «плотскому мудрованию», печерские подвижники не только не изолировали свою общину от жизни мирского общества, но, напротив, поставили монастырь в самую тесную связь с ним. Место и время основания обители, равно как и черты духовного облика ее первоустроителей, указывают, что с самого начала Печерский монастырь имел предназначение насаждать и взращивать семена чистой, незамутненной веры, истинной, благодатной христианской жизни.

Отношения между обителью и мирским обществом во времена преп. Феодосия выражались в попечении игумена о спасении мирян. Он считал долгом иноков «трудиться в бдении и в молитвах за весь мир без престани»[35]. Другой обязанностью их было пастырство и учительство. Люди разного общественного положения, от князей до простых горожан, «прихождаху к великому Феодосию, исповедающе тому грехи своя». Они избирали Феодосия в духовные, или «покаяльные», отцы. Как «покаяльный» отец преп. Феодосий заботился «о духовных сынах своих, утешая и наказуя приходящая к нему, другоицы (в другой раз. — *И. Н.*) в домы их приходя и благословенье им подавая». Повествуя об этих посещениях, преп. Нестор в летописи передает атмосферу сердечной теплоты в отношениях святого старца с его духовными детьми.

Перед смертью преподобный препоручил своих «покаяльных» детей своему преемнику по игуменству — Стефану. Последний факт, по мнению С. И. Смирнова, говорит о том, что духовное окормление мирян Феодосий признавал обычным делом и естественной обязанностью монашеского звания[36]. Оно не связывалось с наличием священнического сана. Вспомним, что преп. Антоний, не имея сана, благословлял пресвитеров постригать в иноки и назначал игуменов «по праву божественного избранника». «Не отсюда ли берет начало русское старчество, огромное влияние которого среди народа на протяжении тысячелетия основывалось не на авторитете церковной власти, а на зримом проявлении харизматических даров, получаемых непосредственно от Бога»[37], — пишет отец Иоанн (Экономцев).

Преп. Нестор как в летописи, так и в «Житии» немало места отводит изображению взаимоотношений Феодосия и великих князей киевских Изяслава и Святослава Ярославичей. По его словам, Изяслав не мог обходиться без постоянного общения с печерским игуменом. Он то звал к себе, то сам приходил в обитель, причем не въезжал в монастырь со свитой, а всегда шел пешком и один. Даже скудная монастырская пища стала нравиться князю больше, чем роскошные кушанья с дворцовой кухни.

Однако ни особая любовь князя к Печерской обители, ни его милости и дары не смогли помешать ее инокам поднять голос в защиту попранной правды и обличить вероломство и жестокость Изяслава. В 1067 г. он обманом захватил в плен полоцкого князя Всеслава и двух его сыновей и посадил их в темницу. В 1068 г. Изя-

слав и двое его братьев, Святослав и Всеволод Ярославичи, потерпели поражение от половцев. Недовольные князем, не сумевшим защитить свою землю, киевляне изгнали Изяслава и, освободив из темницы, возвели на стол Всеслава. Однако, опираясь на военную помощь польского короля Болеслава, Изяслав в 1069 г. возвратился, и, прогнав Всеслава, учинил в Киеве жестокую расправу над участниками восстания: «Исече кияне... числом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины губиша, не испытав». Позиция печерской летописи в отношении этих деяний великого князя однозначно отрицательная.

Повесть печерского летописца[38] не оставляет сомнения в том, как восприняли преподобные Антоний и Феодосий с братией промыслительный смысл изгнания Изяслава в 1068 г.: «Это Бог явил тут силу Креста, потому что Изяслав целовал крест (Всеславу, клянясь, что не причинит ему зла. — *И. Н.*), а потом захватил его: потому и навел Бог поганых, Всеслава же явно освободил Крест Честный... Бог же показал силу Креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали Честного Креста, целовав его; если же преступит кто, то и на земле примет кару и в будущем веке казнь вечную»[39].

Жестокая расправа Изяслава над киевлянами побудила преп. Антония покинуть пещерный затвор и обличить великого князя. О последствиях этого обличения летописец говорит в другом месте: «Случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться на Антония из-за Всеслава. И, прислав, Святослав (брат Изяслава, князь Черниговский. — *И. Н.*) взял Антония в Чернигов. Антоний же, прийдя в Чернигов, облюбовал себе Балдинские горы; выкопав пещеру, там он и поселился», основав новый пещерный монастырь. Известно, что преподобный возвратился в Киев после того, как «князь Изяслав, поразмыслив лучше и убедившись в незлобии святого мужа, понял действия искусителя и, почувствовав сожаление, послал к Святославу в пределы Черниговские, умоляя Антония возвратиться в обитель Киевскую»[40], — говорится в житии, дошедшем до нас в поздней редакции.

В другой раз обнаружила себя учительность печерских иноков в обличении неправды, когда в 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи изгнали своего старшего брата Изяслава с киевского стола, нарушив отцовское завещание. «Святослав седе в Киеве, прогнав брата, преступив заповедь отчу, паче же Божью. Велий бо есть грех, преступати заповедь отца своего»[41], — говорит печерский летописец. В «Житии преподобного Феодосия» рассказывается о том, как он «исполнився Духа Святаго, начат того (Святослава. — *И. Н.*) обличати, яко неправедно сотвориша и не по закону седша на столе том, и яко отця си и брата старейшаго прогнавша».

Святослав впал в ярость. По Киеву прошел слух, что преподобному не миновать заключения, и многие из духовных его детей стали умолять его прекратить обличения. Услышав об угрожающем ему заточении, Феодосий «возрадовался духом... сказал: „Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни... Поэтому готов я принять смерть“». Этим ответом игумен смирил князя. Князь посылает к нему спросить, позволит ли он прийти ему или нет. Преподобный Феодосий дает ему свое благословение, и Святослав, прибыв с боярами в обитель, смиренно поведал, что не дерзал прийти, думая, что Феодосий гневается на него и не пустит в монастырь. На это преподобный ответил: «Подобает нам обличити и глаголати вам еже на спасение души, вам же лепо бы послушати того».

Таково было понятие печерского игумена об обязанности монахов обличать неправду, защищать попранные права. Потому только и вмешиваются в светские, политические дела, оставив на время безмолвие пещеры, Антоний и Феодосий, что видят в монашестве особое служение, смысл которого в том, чтобы, как говорит преп. Иоанн Лествичник, быть светом миру[42]. Характеризуя отношения Феодосия и князей его времени, П. Иванов пишет: «Каждый по-христиански разумный князь или царь всегда жаждет найти себе добрых советников и прежде всего святых, т. е. людей, руководимых Духом Святым, которые во всяком деле могут направить на путь истинный... В свою очередь на святых, если они не удалены Богом в пустыню (во время безнадежно самодержавных правителей), лежит святая обязанность приходить к царям и обличать и наставлять»[43].

Проявлялось служение печерских иноков миру и в заступничестве, которое в древней Руси обычно называлось печалованием. «Житие преподобного Феодосия» гласит: «Тако же сий блаженный отец наш Феодосий многим заступник бысть пред судьями и князи, избавляя тех, не бо можаху ни в чем преслушати его, ведуща и праведна и святя»[44]. В житии описывается случай, когда бедная вдова, обиженная судьей, придя в монастырь, встретила Феодосия и, не узнав его, спросила, дома ли игумен. Тот в ответ заметил: «Зачем он тебе нужен, он человек грешный». На что она возразила: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью». Ясно, что печалование было обычным делом печерского игумена и что оно было теснейшим образом связано с его огромным пастырским влиянием в мирской среде.

Особое значение для воспитания христианской общественности в Киевской Руси имела благотворительность Печерской обители, которая стала лучшим украшением ее общественного служения. По своим идеалам отцы русского монашества были убежденными нестяжателями. Отсюда настойчивое требование преп. Феодосия не иметь в монастыре ничего лишнего и не уповать на имение. Однако благотворительность он считал непременной обязанностью иноков. Не имея ничего своего, даже лишней одежды, печерские подвижники принимают богатые вклады и дары от людей состоятельных, чтобы раздавать их неимущим.

За монастырской оградой преподобный строит двор с церковью. Там принимались и получали от обители полное содержание нищие, больные и калеки. На это расходовалась десятая часть доходов обители. Оказывал милость игумен с братией и людям, находящимся в состоянии нравственной болезни, — преступникам, сидящим в тюрьме, которым «по вся субботы посылаше на потребу воз хлебов». Указывая на всеобъемлющий характер христианской благотворительности, преп. Феодосий говорит: «Аще ли видиши нага или голодна, или зимою или бедою одержима, аще ли то будет жидовин или сарацин или болгарин или еретик, или ото всех поганых — всякого помилуй и от беды избави я, аще можеши, и мзды от Бога не лишен будеши»[45].

Благотворительность как реализация христианской любви принципиально, по самой своей сущности отличается от благотворительности, осуществляемой из альтруистических побуждений. В отличие от альтруизма, вытекающего из «общечеловеческой» морали, следующей «стихиям мира сего», христианская любовь обращена к человеку как конкретному существу, вне зависимости от его личных свойств и социальных характеристик.

Как отмечает жизнеописатель святого игумена, многие «несмысленные» укоряли преподобного, виня его в расточительности. Много раз приходилось ему «от учеников своих укоризны и досаждения приимати». Роптавшие, прикрывая истинные мотивы своего недовольства — отсутствие любви и сострадания к людям, жадность и себялюбие, пытаются доказать, что достаточно благотворят миру уже своими молитвами, бдениями и постами, утверждая, что именно это — путь к спасению, а вовсе не милостыня их игумена, в которой они усматривают расточительность. Но преподобный духовным взором видит, что из тех сердец, в которых нет милости и любви, не может изливаться истинная, живая и горячая молитва, принимаемая Господом. Благотворительность Феодосия, хотя она и встречала сопротивление, конечно, не может рассматриваться как частная его деятельность. Будучи признанным «игуменом и архимандритом всея Руси», «начальником иже в Руси мнишескому чину», «общему житию первый начальник к Русской земле», своим словом и житием он являл образец для монашества всех последующих столетий.

Немалую значимость для усвоения и закрепления этого духовно-нравственного идеала имело и принятие Студийского общежительного устава, который «Феодосий... устави в монастыри своем... От того же монастыря, — пишет преп. Нестор, — прияша вси монастыри устав: тем же почтен есть монастырь Печерский старей всех». Устав строго, до часов и минут, регламентировал жизнь монашеской общины в целом и каждого монаха в отдельности, «како пети пенья монастырская, и поклон как держати, и почитати, и стоянья в церкви, и весь ряд церковный и на трапезе сиданье, и што ясти в кия дни, все с уставленьем»[46]. С точки зрения современных представлений устав этот должен был бы внести в жизнь обители черты дисциплинарной заорганизованности, изгоняющей дух братского соработничества на ниве Христовой, однако этого не происходит, потому что любовь христианская — любовь до единомыслия, приводящая каждого к отказу от своей воли, делающая каждого слугой другого.

Уже в первый год игуменства преп. Феодосия число иноков Печерской обители умножилось так, что монастырь, построенный над пещерой, стал тесен. Совсем

недалеко от новой пещеры, которую выкопал для себя преп. Антоний, было ровное место, на котором Феодосий решил построить новые монастырские здания. Земля эта, как, по-видимому, и прочие окрестности Берестова, принадлежала великому князю. Изяслав «слышав и рад бысть, и посла мужь свой, и вда имь гору ту. Игумен же и братия заложила церковь велику и монастырь оградиша столпемь, келье поставиша многы, церковь совершиша и иконами украсивша». Именно в этом новом монастыре, построенном около 1062 г., и был воплощен в жизнь общежительный Студийский устав.

Полученный из Константинополя список устава был прочитан св. Феодосием братии и после того, как был единодушно одобрен и принят, ознаменовал новую эпоху в жизни не только Киево-Печерской обители, но и русского монашества в целом. Главным условием, которое обеспечило перестроение жизни иноков по образцу новому и не привычному для Руси, особенно тем, что до малых подробностей определял монашескую жизнь, был личный пример Феодосия. Он учил братию святой жизни делом, прежде всего исполняя сам то, чего требовал от других.

Сочетанием ревности в вере с благоразумием, наставления с примером печерский игумен дал забытому уже в большинстве обителей Греции и неизвестному до того на Руси уставу действительно новую жизнь. Как отмечает церковный писатель прошлого века: «Для новообращенного народа (каким были восточные славяне в XI в.), естественно требовалось показать всю важность новой религии, — все ее превосходство над старой языческой верой. Но разумные убеждения не могли иметь надлежащего влияния на сердца грубые. Нужно было действовать на чувства, необходимы были и дела и чудеса апостольские. И то и другое показала обитель Печерская»[47]. Все сказания о чудесах печерских подвижников связаны с конкретными событиями и лицами, и память народа о святых и их чудотворениях неотделима от исторических свидетельств, образующих основу наших представлений о жизни Киевской Руси в XI—XII столетиях.

Подвиги и чудеса печерских иноков имели огромное значение для продолжавшейся в ту эпоху христианской миссии как среди славянских, так и угро-финских и тюркских племен, обитателей окраин Киевской державы. Слухи о них, конечно, доходили до периферии, быть может, даже быстрее, чем первые иноки-миссионеры. Небогатые свидетельства о том, как проходило в XI—XIII вв. приобщение дальних окраин Руси к христианству, показывают первостепенную роль Киево-Печерской обители в этом деле. Печерский монах Леонтий, став епископом Ростова, сумел насадить, наконец, христианство среди местных славян, чуди и мери, что не удалось сделать ни одному из его предшественников со времен св. Владимира. Его труды продолжили в Ростовской земле выходцы из Печерской обители Исаия и Димитрий.

Самому отдаленному от центра Киевской Руси славянскому племени вятичей, обитавших северо-восточнее Черниговской земли, благовестие Христово несли печерские монахи преп. Кукша и ученик его Никон. В глухих вологодских лесах пустынножитель Герасим, также из числа преподобных печерских, своими руками создал храм во имя Св. Троицы[48]. Даже бедствия плена не препятствовали печерским инокам благовествовать христианскую истину среди захвативших их врагов. Зачастую при этом свидетельствовали они свою веру мученической смертью, как преп. Евстратий и еще 30 иноков, захваченных половцами во время разорения Киева в 1095 году.

В течение всего удельного периода русской истории (XII — начало XIII в.) Киево-Печерская обитель не переставала быть главным духовным центром Руси. Это видно и из отношения к ней князей, о котором свидетельствуют краткие заметки летописца, и из общенародного почитания печерских святынь, отразившегося в былинах, песнях, духовных стихах. Летописец сообщает, что великий князь Святополк Всеволодович не выезжал из Киева, не помолясь у гроба преп. Феодосия и не взяв благословения у печерского игумена, по возвращении же приходил в обитель с благодарением Богу. Великий князь Ростислав Мстиславич каждую субботу и неделю Великого поста приглашал к своей трапезе 12 старцев печерских с игуменом, а в Лазареву субботу — всех старцев и наделял их милостыней. К игумену Поликарпу он питал особую любовь и во всем слушался его. Князь Ярополк перед смертью пожертвовал обители все свое достояние. Юрий Долгорукий тоже питал к Печерскому монастырю особую любовь и благоговение.

Замечательна судьба черниговского князя Николая (второе, славянское, имя его было Святослав, в быту — Святоша), которого настолько привлекла духовная жизнь печерской общины, что, оставив свое княжеское звание, он вступил в нее простым иноком и со смирением и твердостью проходил самые тяжелые монастырские послушания. Был поваром, дровосеком, привратником и только затем, по определению совета старцев, ушел в келейный затвор, где пребывал, погруженный в непрестанную безмолвную умно-сердечную молитву. «Он насадил своими руками при келье вертоград и во все время иночества никогда не бывал праздным, но всегда в руках своих имел рукоделие, а в устах молитву Иисусову сию: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»[49]. Но случалось князю-иноку и покидать свое уединение для того, чтобы призвать к миру своих братьев — черниговских князей, зачинщиков междоусобий и опустошителей родной земли. Этот подвижник, стяжавший мир Божий в себе, творил мир и вокруг себя.

Великий князь Андрей Боголюбский в 1159 г. при содействии митрополита Киевского исхлопотал у патриарха Константинопольского, чтобы тот взял Печерскую обитель под свое покровительство и непосредственное заведование по древнему праву ставропигии. Монастырь стал носить титул Архимандрии, Лавры и Ставропигии Патриаршей и Великокняжеской, а его настоятель получал звание архимандрита. Значение этого важного пожалования станет более понятно, если учесть, что с самого начала своего существования Киево-Печерская обитель была особым монастырем — не митрополичьим, не ктиторским, то есть княжеским или боярским.

Митрополия до и после Илариона, бывшая по преимуществу оплотом тех традиций административно-дисциплинарной организации церковной жизни, против которых вели борьбу протоисихасты, едва ли могла покровительствовать обители. Великие князья, начиная с Ярослава Мудрого, несмотря на конфликты, вызываемые порой обличениями их поступков печерскими иноками, традиционно выступали покровителями монастыря. Княжеский род был заинтересован и в устроении новых епархий на Руси и в организации церковной жизни в них. Эту задачу успешно могли выполнить епископы из числа иноков — воспитанников Печерской обители. Однако, когда с конца XI в. княжеские усобицы на Руси стали все более умножаться, становится реальной угроза влияния этой борьбы на позицию Киево-Печерского монастыря.

Великокняжеское покровительство в условиях, когда фактическое значение верховного правителя приобретает не тот, кто сидит в Киеве, а сильнейший из удельных князей, теряло всякое значение. Естественно было искать для общерусского духовного центра, каким являлся Печерский монастырь, более высокий статус, обеспечивающий его независимость во всех отношениях. Впрочем, абсолютной гарантии такой независимости и в этом случае не было. В 1168 г., еще при жизни Андрея Боголюбского, митрополит Константин II за разномыслие о постах в Господские праздники осудил соборным судом печерского архимандрита Поликарпа на заточение, чем грубо нарушил независимость обители. Летописец, повествуя о последовавшем затем, в 1169 г., разорении Киева войсками Андрея Боголюбского, Мстислава Изяславича Волынского и других союзных им князей, пишет: «Се же здеяся за грехи [киевлян], паче же за митрополичю неправду»[50].

Киево-Печерская Лавра в киевский период русской истории была центром не только духовной образованности, но и народного просвещения. Ярче всего, может быть, свидетельствуют об этом слова преп. Нестора, поучающего своих читателей: «Велика польза бывает от учения книжного… Книги указывают и учат нас пути покаяния. От слов книжных мы обретаем мудрость и воздержание; это реки, напояющие вселенную, это исходище мудрости. В книгах неисчетная глубина: ими утверждаемся в печали, они узда воздержания. Если прилежно поищем мудрости в книгах, то получим великую пользу для души своей». В этих словах выражена цельная и глубокая концепция культуры, понимаемой как реализация религиозной жизни, то есть духовной жизни в настоящем смысле этого слова. Зная из опыта ценность «книжного знания», печерские монахи проявляли неустанную заботу об умножении книг в обители и во всем стольном граде.

С первых дней существования обители возникает и монастырская библиотека, куда затем стекаются книги из славянских стран и с греческого Востока, усердно отыскиваемые и собираемые заботами ее игуменов. Как сообщает Патерик, всту-

пающие в монастырь как лучшую часть своего имущества приносили книги. Из «Жития преподобного Феодосия» известно, что боярин Климент принес в дар преподобному Евангелие. Пожертвовал в обитель свою библиотеку, на собрание которой употреблял большие средства, при вступлении в нее Никола Святоша.

Большинство оригинальных памятников древнерусской письменности XI—XIII вв. было создано в стенах Киево-Печерской обители. Среди них — Повесть временных лет, созданная в начале XII в. иноком Киево-Печерского монастыря преп. Нестором, прозванным за это летописцем. Она стала одной из самых любимых, читаемых и нравственно действенных книг, источником духовного и культурного воспитания русского народа.

Не меньшее, пожалуй, значение для русской культуры имеет Киево-Печерский патерик. Хотя свой окончательный вид он получил лишь в начале XVII в., когда к нему были присоединены жития преподобных отцов Дальних пещер, ядро его, образуемое посланием епископа Владимирского Симона иноку Поликарпу, посланием Поликарпа архимандриту Акиндину, житием преп. Феодосия и др., сформировалось в XII столетии. Эта книга была излюбленным домашним чтением православного русского человека на протяжении веков.

Особенное значение Печерской обители как духовного центра, оказывающего действенное влияние на религиозную, общественную и культурную жизнь всего русского общества, «архимандритии всей Русской земли», ясно осознавалось современниками. Очевидной была для них, конечно, и разница, существовавшая между Печерским и другими монастырями Киевской Руси и Византии: «Мнози бо монастыреве от царь и от боляр и от богатства поставлении, но не суть таковии, яковии же суть поставленнии слезами и пощением, молитвою и бдением, тем же почтен бысть монастырь Печерский, иже первее всех и честью выше всех»[51].

Из 68 известных монастырей домонгольского периода около двух третей были построены князьями, боярами, богатыми горожанами (по преимуществу новгородцами). Это было подражание византийской традиции, согласно которой люди знатные и состоятельные строили обители, чтобы иметь в них собственных молитвенников за свою душу, а затем, на склоне лет, сами принимали пострижение в таких обителях, часто становясь при этом игуменами. Уставного монашеского общежития в таких обителях, как правило, не было. Несмотря на размещение в городах, эти монастыри имели «келлиотское устроение», то есть такое, которое принято было у сирийских и египетских отшельников, когда каждый из братии имел собственную келью и свое имущество.

Вместе с традицией строить ктиторские монастыри некоторые из русских князей и знатных людей усвоили и другие византийские обычаи, далеко не способствующие правильному устроению духовной жизни в обителях. Такова была практика насильственного пострижения в монахи по политическим причинам. В 1205 г. галицкий князь Роман Мстиславич приказал постричь лишенного им власти киевского князя Рюрика Ростиславича и его жену. После смерти Романа в 1206 г. Рюрик «расстригся» и княжил в Киеве до 1215 г., супруга же его не пожелала, несмотря на его настояния, вернуться в мир и приняла схиму[52]. Другой византийский обычай, который вызывал у достойных русских пастырей справедливый протест, — пострижение на смертном одре. В этом случае обыденное сознание придавало обряду пострига магическую силу: представлялось, что одно только произнесение обетов, пострижение волос и облачение в монашеские одежды сделает умирающего чуть ли не святым. Игумен Поликарп в Печерском патерике писал об этом обычае: «Кто говорит: постригите меня, когда увидите, что я буду умирать, — того суетна вера и пострижение»[53]. Великий князь Ростислав, умирая в 1167 г., хотел было перед кончиной принять постриг, но не получил на это благословение от своего духовника священника Семиона.

Монастырскому землевладению и его месту в экономической жизни Руси в киевский период посвящена обширная литература, вышедшая из-под пера преимущественно светских ученых[54]. Отметим здесь лишь то, что практиковавшееся ктиторами обеспечение городских монастырей земельными угодиями с зависимым населением, ставившее братию в положение коллективных феодальных собственников, далеко не способствовало исполнению монашеством своей миссии. Наблюдались в городских ктиторских монастырях киевского времени и неизбежные отступления от принципов и правил устроения иноческого жития. Об этом свидетельствует «Моление» Даниила Заточника: «Мнози отшедше мира сего паки возвращаются, аки пес на своя блевотины, на мирское гонение: обиходят села и домы славных мира сего, аки пси ласкосердии, идеже пирове, ту чернцы и черницы беззаконнии, отеческий имея на себе сан, а блядив норов, святительский имея на себе сан, а обычай похаб»[55].

Однако не этими печальными явлениями характеризовалось общее состояние монашеской жизни в Русской Церкви. Безусловно, не недостатками и пороками, встречавшимися в монастырях того времени, а благотворным нравственно-преобразующим влиянием подвижничества и святости жизни черноризцев был обусловлен тот факт, что в киевскую эпоху русский народ усвоил аскетическое, чисто монашеское понимание христианства. Достаточно вспомнить преподобных Антония Римлянина и Варлаама Хутынского, имена которых дали названия двум прославленным монастырям в Новгороде, преп. Мартирия Старо-Русского, преп. Ефросинии, княжны Полоцкой, построившей в Полоцке Спасский женский и Богородицкий мужской монастыри, иноков-миссионеров Авраамия Ростовского и Ефрема Новоторжского, многих других подвижников, которые в разных концах Русской земли являли живые примеры христианского самоотречения, но не отвращались при этом и от горьких житейских нужд мирского человека, которому несли духовное просвещение, пастырское окормление и социальное заступничество.

Примечания:

1. ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ), епископ. Восток христианский: Египет и Синай. Б. м. 1857; ЕГО ЖЕ. Восток христианский: Сирия. Киев. 1874; ЕГО ЖЕ. Восток христианский: Афон. Киев. 1892; КАЗАНСКИЙ А. С. История православного монашества на Востоке. Ч. I. М. 1854; ч. II. М. 1856; ЕГО ЖЕ. История православного русского монашества от основания Печерской обители преп. Антонием до основания лавры св. Троицы преп. Сергием. М. 1855; КУДРЯВЦЕВ М. История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преп. Сергия Радонежского. М. 1881; ЛЕБЕДЕВ А. П. Новые и старые источники истории первоначального монашества. Б. м., б. г.; и др.
2. ФЕДОТОВ Г. П. Святые Древней Руси (X—XVII вв.). Нью-Йорк. 1959; ЕГО ЖЕ. Русское религиозное сознание. Загорск. Библиотека Московской духовной академии, рукопись. 1980; ИОАНН (КОЛОГРИВОВ), иеромонах. Очерки по истории русской святости. Брюссель. 1961; МЕЙЕНДОРФ И., протоиерей. Византия и возвышение Руси. Загорск. 1983; ЕГО ЖЕ. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР, т. 29, 1974, с. 291—305; ЕГО ЖЕ. Bizantine hesyhasm: Historical, Teological and Social Problems. Lnd. 1974; и др.
3. БОРИСОВ Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV вв. М. 1986, с. 11.
4. Там же, с. 21.
5. ФЕОФАН (ГОВОРОВ), епископ. Письма о христианской жизни. М. 1908, с. 21—22.
6. Слово о Законе и Благодати Илариона, митрополита Киевского. Богословские труды, 1987, т. 28, с. 323.
7. Цит. по: ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1, ч. I. М. 1901, с. 243.
8. Повесть временных лет (ПВЛ). Ч. 1. М.—Л. 1950, с. 102.
9. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. Ук. соч. Т. 1, ч. II. М. Б. г., с. 554—555.
10. Там же, с. 552, 553.
11. Сказание о жизни и чудесах преподобных Сергия и Германа — Валаамских чудотворцев. СПб. 1901, с. 10—11.
12. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. Ук. соч. Т. 1, ч. II, с. 556.
13. Там же, с. 556—557.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX, п/т 38, с. 725.
15. См. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. Ук. соч. Т. 1, ч. II, с. 562—563.
16. ЭКОНОМЦЕВ И., протоиерей. Исихазм и восточноевропейское возрождение. — Богословские труды, 1988, т. 29, с. 70.
17. ЭКОНОМЦЕВ И., протоиерей. «Золотой век» Симеона и древнерусская культура. — Журнал Московской патриархии, 1988, № 2, с. 57.
18. СОЛЖЕНИЦЫН А. И. Март 17-го. — Вестник Русского христианского движения (РХД), 1988, № 153, с. 113.
19. ПВЛ. Ч. 1, с. 305.

20. Там же, с. 306.
21. Цит. по: ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ), епископ. Восток христианский. Афон. История Афона. Т. III, ч. 2. СПб. 1892, с. 7—8.
22. ИППОЛИТ (ВИШНЕВСКИЙ), иеромонах. Пилигримация. — Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1879, тт. X—XII, с. 136.
23. ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ), епископ. Восток христианский. Афон, с. 8.
24. КИРИОН, епископ. Культурная роль Иверии в истории России. Тифлис. 1910, с. 91.
25. ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ). Ук. соч. Т. III, ч. 1, с. 154.
26. ИВАНОВ П. Тайна святых. Париж. 1970, с. 375.
27. ПРИСЕЛКОВ М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб. 1913, с. 182—183.
28. Житие преподобного Феодосия Печерского. В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М. 1978, с. 317.
29. Там же, с. 328.
30. Там же, с. 342.
31. ПРИСЕЛКОВ М. Д. Ук. соч., с. 184.
32. ИВАНОВ П. Ук. соч., с. 374.
33. Житие преподобного Феодосия, с. 330.
34. ФЕДОТОВ Г. П. Святые Древней Руси, с. 44.
35. ПВЛ. Ч. 1, с. 139.
36. СМИРНОВ С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси. Сергиев Посад. 1903, с. 8.
37. ЭКОНОМЦЕВ И., протоиерей. Некоторые особенности русского средневекового христианства. — Вестник РХД, 1988, № 153, с. 37.
38. Согласно «Разысканию о древнерусских летописных сводах» А. Шахматова, это повествование составлено Никоном Великим (Свод 1073 г.).
39. ПВЛ. Ч. 1, с. 315—316.
40. Киево-Печерский патерик. Джорданвилль. 1967, с. 15—16.
41. ПВЛ. Ч. 1, с. 130.
42. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Сергиев Посад. 1908, с. 181.
43. ИВАНОВ П. Ук. соч., с. 375.
44. Житие преподобного Феодосия, с. 362.
45. Цит. по: ЧЕРКАЛИН В., священник. Жизнь и творения преподобного Феодосия Печерского. Загорск. 1975, с. 84.
46. ПВЛ. Ч. 1, с. 107.
47. БОЖОВСКИЙ К. Киево-Печерская Лавра в период удельных князей русских. — Воскресное чтение, Киев, 1863/1864, № 10, с. 241.
48. ФИЛАРЕТ (ГУМИЛЕВСКИЙ), архиепископ. Жития святых. Март. СПб. 1855, с. 29.
49. Киево-Печерский патерик, с. 156.
50. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1872, с. 273.
51. Киево-Печерский патерик. В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII в. М. 1980, с. 438.
52. ПСРЛ. Т. 1, ч. 2. Л. 1927, стб. 420, 426.
53. Киево-Печерский патерик. В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII в., с. 211.
54. Обзор ее см.: ЩАПОВ Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М. 1989, с. 10—22.
55. Памятники литературы Древней Руси. XII в., с. 351.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Алексей Андреевич Аракчеев

К. М. Ячменихин

Всем знакомы хрестоматийные строки: «Всей России притеснитель...» Эту эпиграмму А. С. Пушкин написал в 1820 г., когда А. А. Аракчеев находился в зените могущества. Но есть и иные оценки. «Это лицо, — писал П. А. Вяземский, — как и многие другие лица современной истории, ожидает еще верного, строгого, но и беспристрастного суда истории потомственной, которая часто проверяет и очищает приговоры и суждения истории современной: ибо в этой последней нередко имеют слишком большое значение сплетни, предубеждения, личности и страсть текущего дня. Разумеется, из этих слов не дóлжно выводить какого-либо притязания на апологию Аракчеева. Мы говорим только о необходимости скептического воздержания в отношении к резким, исключительным и, по большей части, опрометчивым оценкам так называемого общественного мнения»[1].

Аракчеевы ведут свой дворянский род от новгородца Ивана Степанова Аракчеева, которому за службу и заслуги его предков в 1684 г. были пожалованы имения в Бежецкой пятине Новгородского уезда. Все Аракчеевы по мужской линии служили в армии. Отец А. А. Аракчеева служил в лейб-гвардии Преображенском полку и, воспользовавшись манифестом 1762 г. о вольности дворянства, вышел в отставку в чине поручика[2]. При разделе родового поместья ему досталась небольшая часть (20 душ крепостных) в Бежецком уезде Тверской губернии.

Алексей Андреевич Аракчеев родился 23 сентября 1768 г. в обычной мелкопоместной дворянской семье[3]. Мать, Елизавета Андреевна Витлицкая (ум. 1820 г.), которую он нежно любил и чутко к ней относился, приучила его с детства к практичности, аккуратности и бережливости. Отец, Андрей Андреевич (ум. 1796 г.), большого влияния на сына не оказывал. Алексей — старший из братьев — рос в обстановке набожности, постоянного физического труда и требовательности к себе, отличался замкнутостью и серьезностью уже в детские годы.

Грамматике и началам арифметики его обучил сельский дьячок, который вскоре, особенно в арифметике, стал отставать от своего ученика — мальчик мог в уме умножать довольно большие числа. Отец готовил его в подьячие, но, когда десятилетний Алексей увидел сыновей соседского помещика Г. И. Корсакова в мундирах артиллерийского и инженерного шляхетского корпуса, он твердо решил посвятить себя военной службе и поступить именно в этот корпус. В январе 1783 г. отец повез его в Петербург, но сразу оформить необходимые для зачисления документы не удалось, поскольку новый директор корпуса, генерал-лейтенант П. И. Мелиссино,

---

Ячменихин Константин Михайлович — кандидат исторических наук (Черниговский педагогический институт им. Т. Г. Шевченко).

ожидал утверждения в должности и не принимал прошений. Полгода Аракчеевым пришлось добиваться аудиенции, и только в июле, после того как мальчик отважился подойти к директору и со слезами на глазах изложил суть вопроса, он был зачислен в кадеты[4]. Не потому ли граф Аракчеев впоследствии так строго требовал, чтобы все запросы и жалобы как можно оперативнее доводились до его сведения, и добивался от подчиненных быстрого их разрешения?

В артиллерийском и инженерном шляхетском корпусе (впоследствии — 2-й кадетский) преподавали арифметику, геометрию, начала тригонометрии, фортификацию и артиллерийское дело. Поскольку учебная литература была преимущественно на иностранных языках, в корпусе изучали французский, немецкий и латинский языки. В «верхних» классах преподавание велось только на иностранных языках. Из «изящных» дисциплин кадет обучали танцам и фехтованию.

В корпусе Аракчеев особенно отличался в изучении военно-математических наук, не имея больших склонностей к гуманитарному циклу. Несмотря на слабое домашнее образование, он благодаря своему упорству уже через семь месяцев смог перейти в «верхний» класс. Его наставником в военно-математических науках был известный математик Верещагин, и Аракчеев в такой степени воспользовался его уроками, что в чине сержанта был назначен преподавателем арифметики и артиллерии[5]. Военный историк В. Ф. Ратч, собиравший материалы об Аракчееве, утверждает, что он свободно читал по-французски, говорил на этом языке, но выговор его был весьма «шершавым». По-немецки говорил довольно бегло, поскольку во время службы в гатчинских войсках ему часто приходилось общаться с офицерами немецкого происхождения.

В сентябре 1787 г. в чине армейского поручика (далеко не все выпускники кадетского корпуса сразу получали этот или соответствующий ему чин подпоручика артиллерии) он по окончании курса наук был оставлен в корпусе преподавателем математики и артиллерии[6]. Кроме того, в его ведение была передана корпусная библиотека. Во время войны 1788—1790 гг. со Швецией ему было поручено обучение рекрутов артиллерийскому делу, что было в тех условиях весьма сложной задачей. Аракчеев успешно справился с ней, прибегнув, между прочим, к составлению собственного учебного пособия — «Краткой артиллерийской записки в вопросах и ответах»[7].

В 1789 г. по протекции Мелиссино Аракчеев попал в дом графа Н. И. Салтыкова — в качестве учителя математики сыновей знатного вельможи. Это помогло бедному подпоручику артиллерии несколько поправить свои материальные дела. Через два года не без протекции Салтыкова он был назначен старшим адъютантом к Мелиссино, который упорно не желал этого, поскольку предпочитал иметь адъютантов из богатых семейств. Одновременно Аракчеев продолжал преподавать в корпусе и заведовать его библиотекой.

Осенью 1792 г. великий князь Павел Петрович обратился к Мелиссино с просьбой направить в гатчинские войска толкового артиллериста-практика. Тот назвал Аракчеева, пытаясь, по-видимому, избавиться таким образом от навязанного ему не столь блестящего адъютанта. Великий князь согласился, тем более что незадолго до этого присутствовал при стрельбе Аракчеева из мортиры и убедился в его искусстве и практических познаниях.

Новое назначение сыграло огромную роль в его судьбе. Командуя артиллерией гатчинских войск, он вошел в круг лиц, близких к «малому двору» наследника. При этом Аракчеев прекрасно понимал, что придворная карьера ему не по плечу и его положение в обществе будет зависеть в основном от собственных деловых качеств и способностей, от умения исполнять желания наследника в отношении гатчинских войск. И надо отдать ему должное — он быстро усвоил свою задачу и принялся за ее исполнение с большим усердием. В светских беседах он старался не принимать участия, проявляя интерес к обсуждению только служебных проблем. Не имея связей и ощутимой поддержки, он тем не менее держался независимо и не втягивался в дворцовые интриги. Все его помыслы были сосредоточены на одном — угодить великому князю.

Честолюбивое стремление выйти на первые роли, сознание своего превосходства в профессиональном плане заговорили в нем в тот момент, когда он соприкоснулся с высшими кругами общества. Еще недавно простой артиллерийский офицер, сын бедного бежецкого дворянина, за девять лет до этого вынужденный вместе с

отцом просить милостыню на паперти (ожидая в Петербурге решения о зачислении Алексея в корпус, они прожили все деньги, не имея в столице ни родственников, ни друзей), он ухватился за открывшуюся возможность и не щадил сил. Привычка к точной и безукоризненной самоотверженной исполнительности была заложена в нем с детства и развита кадетским корпусом, и это способствовало его быстрому продвижению по гатчинской служебной лестнице.

Впоследствии, уже будучи инспектором артиллерии, а затем и военным министром, Аракчеев провел значительные реформы в армии и артиллерии, и многие идеи этих реформ были заимствованы из практики гатчинских войск, причем идеи эти принадлежали не самому Аракчееву, а великому князю. Дело в том, что еще до прихода Аракчеева (1786) гатчинская артиллерия была сформирована и обучалась по новым правилам[8]. Кратко их суть сводилась к следующему: артиллерия выделялась в самостоятельный от армейских полков род войск и придавалась им только во время боевых действий; за основу комплектования рот бралось определенное количество орудий (12 стволов); значительно (почти наполовину) уменьшились их калибры, что привело к облегчению веса орудий, уменьшению размера лафетов и повысило подвижность и маневренность. Эти основные положения легли в основу

инструкции для артиллерии, написанной Аракчеевым в декабре 1795 г. и действовавшей вплоть до середины XIX века.

Из гатчинских войск впоследствии вышли хорошо подготовленные офицеры-артиллеристы, в обучении которых принимал участие и Аракчеев. Здесь же он познакомился с великим князем Александром Павловичем, командовавшим одним из гатчинских батальонов. Характерно, что в переписке Аракчеева с Павлом Петровичем и Александром Павловичем ни разу не упомянуто имя Екатерины II, а наследник еще до 1796 г. титуловался: ваше величество[9].

Как только Павел стал императором, на Аракчеева посыпались особые милости: 8 ноября 1796 г. он был произведен в генерал-майоры, 9 ноября назначен командиром сводного гренадерского батальона лейб-гвардии Преображенского полка, 13 ноября пожалован анненским кавалером и 12 декабря получил богатую Грузинскую вотчину в Новгородской губернии (более 2 тыс. душ крепостных). В день коронации Павла I, 5 апреля 1797 г., состоялось пожалование Аракчеева александровским кавалером и баронским титулом.

Достигнув столь высокого положения, он продолжал рассчитывать только на самого себя, не сближаясь ни с кем из высших сановников и пользуясь только покровительством императора, который высоко ценил его железную волю и крутой нрав, в чем они были очень близки друг к другу. Возможно, что такие черты характера Аракчеева формировались под непосредственным влиянием Павла I. Насколько император доверял ему, видно из того, что Аракчееву были одновременно поручены три должности: коменданта Петербурга, командира Преображенского полка и генерал-квартирмейстера всей армии (с 19 апреля 1797 г.).

Стиль деятельности Аракчеева хорошо вписывался в систему, которая насаждалась и поощрялась Павлом I: жесткая требовательность, холодность в обращении с сослуживцами, личное самоограничение и рвение по службе, требование крайних форм воинской дисциплины и внушение трепета. Вся его последующая деятельность проходила под знаком тех навыков, которые он усвоил, находясь в гатчинских войсках при Павле I.

Суровость армейских порядков тех времен отчасти коренилась в предшествующей эпохе. К концу царствования Екатерины II содержание, обучение и даже обмундирование личного состава стали во многом зависеть от полковых командиров. Тысячи рекрутов, особенно те, кто был обучен ремеслам, попадали не в полки, а в поместья своих командиров. Плохо был налажен учет строевого состава. Все это отразилось на боеспособности армии. Но правительство Павла I не нашло иного способа поднять престиж русского оружия, помимо насаждения крайних форм палочной дисциплины и «военно-балетного» искусства в прусских традициях. Естественно, что все это вызвало негативную реакцию в военных кругах, особенно в гвардии, где соблюдение воинской дисциплины было больше исключением, чем правилом.

Выискивая даже мелочные упущения по службе, Аракчеев незамедлительно докладывал о них императору, зная при этом, что гнев последнего мог сломать карьеру и жизнь любого офицера или генерала. Не избежал царского гнева и он сам. Речь идет об известном в литературе конфликте с подполковником Леном — георгиевским кавалером, который был одно время обер-квартирмейстером в войсках А. В. Суворова. Оскорбленный Аракчеевым, Лен пытался вызвать его на дуэль, но не застал его дома. Вернувшись к себе, он застрелился, оставив письмо с объяснением причин самоубийства. 1 февраля 1798 г. Аракчеев был уволен в отпуск с сохранением лишь должности генерал-квартирмейстера, а 18 марта того же года получил чистую отставку с производством в генерал-лейтенанты[10].

Однако первая опала продолжалась недолго. Павел I нуждался в людях, подобных Аракчееву. В мае он был «прощен» и возвращен на службу, получив, кроме прежней должности генерал-квартирмейстера, еще и должность инспектора всей артиллерии. Одновременно он был пожалован графским титулом, а в его герб император сам вписал девиз: «Без лести предан». Однако вскоре последовала вторая опала (октябрь 1799 — май 1803 г.; из ссылки возвратил его уже Александр I).

Все началось, казалось бы, с пустяка. В артиллерийском складе кто-то из солдат украл позумент со старинной гвардейской колесницы. Аракчеев должен был немедленно доложить о происшествии императору, но караул во время кражи нес батальон генерал-майора Андрея Аракчеева, и брат попытался выручить его, сказав императору, что охрана была якобы от полка генерал-лейтенанта Вильде, который и был немедленно отстранен от должности. Через И. П. Кутайсова Вильде сумел довести до императора правду, и 1 октября 1799 г. «за ложное донесение» оба брата были отправлены в отставку, причем Аракчееву было запрещено приезжать в столицу[11]. В армейских кругах его отставка вызвала радость: пошатнулась одна из опор бессмысленной железной дисциплины, которая изматывала своей педантичностью и жестокостью. Кроме того, гатчинцы, с которыми ассоциировался Аракчеев, влившись в старую гвардию, всегда вызывали у гвардейцев чувство презрения.

Служба Павлу I положила начало карьере Аракчеева. Однако трудно согласиться с утверждениями, что в этот период он оказывал сколько-нибудь значительное влияние на формирование внутренней политики или хотя бы на процесс насаждения в армии прусских порядков. Тем более неправомерно называть его временщиком при Павле I: для этого он все-таки занимал довольно скромные должности. То был лишь фундамент последующей головокружительной карьеры, которая продолжалась без малого 25 лет. И еще одна деталь: отсутствуют какие-либо надежные свидетельства садистской жестокости Аракчеева по отношению к подчиненным. Да, были жестокость, педантичная требовательность. Но версия о выдергивании усов и избиении тростью перекочевала в историографию из небесспорных сообщений мемуаристов.

О грузинских годах жизни Аракчеева (1799 — 1803) известно мало. В своем уединении он практически не покидал имения. (По непроверенным данным, накануне 11 марта 1801 г. Аракчеев был вызван Павлом I, однако заговорщики помешали ему приехать в Петербург.) Одним из его немногочисленных корреспондентов оставался Александр, сообщавший в письмах как о государственных, так и о личных делах, хотя и не поспешил возвратить его из ссылки, когда стал императором.

Преданность Аракчеева Павлу I и его идеям не вызывает сомнения. Но что же сблизило его с Александром I, который значительно отличался и от своего отца, и от Аракчеева как воспитанием, так и образом мыслей и приемами государственной деятельности? Был ли Аракчеев искренен? В чем был смысл этого союза? Ответы на эти вопросы заключаются во многих конкретных обстоятельствах. Александра I и Аракчеева очень сближала, например, страстная привязанность к армии, с ее строгими порядками, экзерцициями и вахтпарадами. Аракчеев всегда тонко улавливал настроения и желания своих покровителей, никогда не высказывал ни слова против, умело сдерживая свои чувства. Кроме того, Александр I, еще будучи наследником, получал от него существенную помощь: Аракчеев играл роль буфера между отцом и сыном, которого Екатерина II прочила в наследники, и это, естественно, не могло не наложить отпечаток на их взаимоотношения. Но когда Павел предложил Аракчееву следить за Александром как за «бабушкиным баловнем», то встретил категорический отказ.

В мае 1803 г. возвращенный на службу Аракчеев был назначен инспектором всей артиллерии, то есть, не выходя сразу на политическую авансцену, занятую участниками «негласного комитета», ведает только специфическими вопросами артиллерийского дела. В кампанию 1805 г. Аракчеев находился в свите императора. Но когда в разгар боя при Аустерлице Александр I предложил ему командовать одной из колонн, он, сославшись на расстроенные нервы, решительно отказался и после этого ни разу не принимал участия в боевых действиях. Большинство современников и историков полагали, что боевого генерала из Аракчеева не получилось из-за его патологической трусости.

Ведь в ту романтическую эпоху многие генералы и офицеры искали «поля брани». А вот Аракчеев в апреле 1812 г. писал брату Петру: «Но беспокоит меня то, что... велят мне ехать и быть в армии без пользы, а как кажется только пугалом мирским, и я уверен, что приятели мои употребят меня в первом возможном случае тем, где иметь я буду верный способ потерять жизнь»[12]. Сам он успокаивал себя тем, что считал своим уделом не командование войсками на поле боя, а военно-административную деятельность. И позже, в 1812 г., даже в составе императорской квартиры он не рисковал появляться на поле боя. Вероятно, поэтому он и не принял звания фельдмаршала, которое хотел присвоить ему наряду с Барклаем де Толли Александр I в марте 1814 года[13]. Это значило бы бросить вызов обществу.

Печатные экземпляры указа Аракчеев приказал немедленно уничтожить (в его личном архиве сохранился лишь один экземпляр).

Но все это не помешало дальнейшей дружбе и сотрудничеству с Александром I, которого, напротив, в трусости упрекнуть было трудно. Более того, в июне 1807 г. последовало присвоение Аракчееву чина генерала от артиллерии с назначением состоять при императоре «по артиллерийской части»[14] и с правом издавать от его имени указы по артиллерии. Тут-то и начались радикальные преобразования, которые сыграли свою роль в успешном исходе Отечественной войны и во время заграничных походов.

После заключения Тильзитского договора Александр I пытался путем замены отдельных должностных лиц сгладить впечатление от очевидных неудач во внешней политике. В январе 1808 г. Аракчеев стал военным министром и генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. Он согласился вступить на эти должности при условии значительного расширения полномочий военного министра, вплоть до подчинения ему главнокомандующих армиями. Требуя единоличных докладов императору по военному ведомству, Аракчеев пытался не допустить какого-либо соперничества своему влиянию на Александра I.

Естественно, что столь неожиданный для многих взлет Аракчеева вызвал бурю негодования со стороны сановников-аристократов, оттесненных им на второй план. Таким образом, Александр I является в своих отношениях к Аракчееву не жертвой безотчетного увлечения его личностью, а, наоборот, господином, сознательно употреблявшим Аракчеева в качестве орудия для исполнения своих планов. Когда Александр I был наследником, Аракчеев был ему нужен, чтобы заслониться от отца, а когда сам начал царствовать, то приближал к себе Аракчеева всякий раз, когда считал необходимым заслониться им от своих подданных[15]. Возвышение Аракчеева — жесткого, точного и волевого исполнителя — было ответом на недовольство общества условиями Тильзитского мира, континентальной блокадой, унижавшими чувство национального достоинства.

1806—1810 гг. — период первого возвышения Аракчеева. Оно шло параллельно с возвышением М. М. Сперанского, что отражает нарастание политических затруднений. Но возможности системы бюрократического централизма не были исчерпаны, и определенные паллиативные меры давали результаты. За два года (до января 1810 г.) военный министр сумел провести ряд значительных преобразований, особенно в комплектовании и обучении строевого состава. По его проектам были учреждены рекрутские депо для начальной подготовки рекрутов перед отправкой в линейные части и учебные карабинерные полки для обучения унтер-офицерского состава и музыкантов. В армии была окончательно введена дивизионная организация. Военная коллегия получила право самостоятельно решать многие вопросы, появилась должность дежурного генерала, в значительной степени освободившая военного министра от необходимости вникать во всевозможные мелкие дела.

Особенно много было сделано в артиллерии. По новому штатному расписанию артиллерия получила более совершенную структуру и мобильность; вводились экзамены для фейерверкеров, юнкеров и обер-офицеров (до поручика включительно) при занятии тех или иных должностей, совершенствовались учебные занятия и боевые стрельбы[16]. Артиллерийские подразделения были выделены в отдельный род войск и сведены в роты и бригады. Изменениям подверглась и материальная часть.

Значительные перемены произошли на заводах, выпускавших оружие и боеприпасы, а в артиллерийских арсеналах Аракчеев очень интересовался техническими новинками и был всегда в курсе дела по этой части. При создании военных поселений по его предложению в ряде округов были построены паровые лесопильные заводы, механические прачечные в госпиталях, а на оз. Ильмень и р. Волхов с 1819 г. появился буксирный пароход для перевозки строительных материалов. С 1825 г. начались регулярные пассажирские рейсы двух пароходов от Старой Руссы до Новой Чудовской дороги[17]. В бытность военным министром Аракчеев написал несколько статей по вопросам технологии изготовления пороха, селитры и выполнения боевых стрельб; при его непосредственном участии был создан Военно-ученый комитет и начат выпуск «Артиллерийского журнала».

Император доверил ему прием на службу и увольнение по своему усмотрению

чиновников комиссариатского и провиантского департаментов до шестого класса включительно. В знак особого отличия 30 августа 1808 г. Александр I повелел переименовать Ростовский мушкетерский полк в полк имени Аракчеева (с 27 января 1811 г. по 28 апреля 1834 г. — гренадерский графа Аракчеева полк).

Накануне 1812 г. Россия вела войны с Турцией, Персией, Швецией, Австрией и — фактически в результате участия в «континентальной блокаде» — с Англией. В советской историографии мало известен факт участия Аракчеева в русско-шведской войне 1808—1809 годов. В феврале 1809 г. он выехал в Финляндию, для того чтобы ускорить выполнение войсками приказа императора о переходе Ботнического залива и переносе военных действий на территорию Швеции. Общее руководство войсками на данном этапе войны принадлежало генералу Б. В. Кноррингу, главная квартира которого располагалась в Або. Под его началом находились корпуса М. Б. Барклая де Толли, П. А. Шувалова и П. И. Багратиона. Главнокомандующий, учитывая слабую материально-техническую обеспеченность армии, был противником зимнего перехода через залив.

В трудных условиях зимнего времени Аракчееву удалось в короткий срок пополнить запасы продовольствия, снаряжения и вооружения, однако и после этого его поддержал лишь Багратион. Только настойчивость военного министра заставила Кнорринга и Барклая де Толли предпринять труднейший переход и тем самым решить исход всей кампании и судьбу Финляндии. Аракчееву едва не был пожалован орден Андрея Первозванного, от которого он решительно отказался, поскольку непосредственного участия в походе не принимал. Однако Александр I нашел другой способ отметить его заслуги: «В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра графа Аракчеева, — говорилось в указе от 7 ноября 1809 г., — войскам отдавать следующие ему почести и в местах пребывания Его Императорского Величества»[18].

Заканчивался первый взлет карьеры Аракчеева, совпавший с периодом Тильзитского мира. Второй раз его звезда достигнет зенита в эпоху Священного союза. В промежутке Аракчеев как бы теряется на втором плане, хотя и не уходит с политической сцены. Причина, видимо, заключается в том, что к 1810 г. он в целом выполнил возложенную на него миссию — навел в армии более или менее надлежащий порядок. В период же военных действий 1812—1814 гг. он не мог выдвинуться, поскольку война требовала несколько иных качеств. Александр I был тогда популярен в армии и в народе и не очень нуждался в Аракчееве.

В чем же причина охлаждения императора к Аракчееву? Предприняв попытку некоторых реформ по проектам Сперанского, Александр I одновременно проводит при помощи Аракчеева политику «подтягивания общества». Предполагалось, что оба государственных деятеля смогут успешно выполнять эти задачи, не мешая друг другу. Но тщеславие Аракчеева не позволяло ему смириться с тем, что реформы готовились от него втайне и он вынужден делить расположение и покровительство императора со Сперанским. При этом он трезво оценивал себя, отзываясь о своем сопернике следующим образом: «Если бы у меня была треть ума Сперанского, я был бы великим человеком»[19]. Но в 1810 г. «единовластие» Аракчеева не устраивало царя. Возможно, тут повлияло усиление при дворе партии графа Н. И. Салтыкова и князя А. Н. Голицына, особенно ненавидевших военного министра[20].

Аракчеев уехал в Грузино, послал императору довольно резкую просьбу об отставке. Ссылаясь на недостаток образования, он называл себя «ремесленником» в военном деле, но главный упор делал на то, что «при вновь заводимых учреждениях (по реформам Сперанского. — *К. Я.*) потребуются более... просвещенные министры»[21]. Александр I сумел несколько сгладить конфликт, сыграв на слабости Аракчеева: его обидчивость идет-де вразрез с его постоянными уверениями в безграничной и беззаветной личной преданности его царю, он «предпочитает пользе империи свое мнимо затронутое честолюбие»[22]. Ему был предоставлен выбор: остаться на посту военного министра или возглавить департамент военных дел в создаваемом Государственном совете. Аракчеев выбрал последнее. Примирение завершилось императорским посещением летом 1810 г. Грузинской вотчины[23].

Падение Сперанского ненамного усилило позиции Аракчеева. Прямых свидетельств его участия в коалиции против Сперанского нет, но, вероятно, Александр I советовался с ним, прежде чем отправить Сперанского в ссылку. Аракчеев оста-

вался в числе участников совещаний, происходивших у императора в 1811 — начале 1812 года. В мае 1812 г. он сопровождает его в поездке в Вильну, а после начала военных действий — в укрепленный лагерь при Дриссе. Вместе с А. Д. Балашовым и А. С. Шишковым он убедил Александра I оставить армию и через Смоленск и Москву сопровождал его в Петербург. Впоследствии, будучи в составе императорской квартиры, занимался в основном комплектованием войск и артиллерийским снабжением.

В войну 1812 г. влияние Аракчеева на формирование внутренней политики постепенно набирает силу. Новое возвышение опять не было связано с каким-либо участием Аракчеева в многочисленных придворных группировках. Он выступал как ближайший личный поверенный императора. По свидетельству А. И. Михайловского-Данилевского, в тот момент, когда Москва находилась в руках неприятеля, Александр I никого к себе не допускал; Аракчеев был единственным докладчиком по всем текущим вопросам.

И в период Священного союза он преимущественно оставался только отличным исполнителем воли императора — будь то проект освобождения крестьян или создание военных поселений. Но при этом ему удавалось устранить любое влияние на Александра I со стороны других сановников. О «всевластии» же Аракчеева в последние десять лет царствования Александра I можно говорить лишь со значительными оговорками. Сила Аракчеева заключалась во владении высшими бюрократическими рычагами государственного аппарата, но «генерировать идеи» он не мог, хотя и был далеко не глупым человеком. Аракчеев прекрасно понимал это и считал, что каждый должен заниматься только тем делом, которое ему под силу.

После взятия Парижа, перед тем как расстаться (Александр I уезжал в Англию, а Аракчеев получил отпуск для лечения), они обменялись письмами, в которых заверили друг друга в безграничной любви и преданности. На обратном пути в Россию император еще раз встретился с Аракчеевым в Кёльне, что свидетельствует о его потребности в частых консультациях с первым «визирем» империи.

В начале августа 1814 г. император вызвал Аракчеева из Грузина. Ему было поручено заняться разбором прошений, поданных генералами и офицерами — участниками войны, в основном о вспомоществовании. Фактически же круг ведения Аракчеева был гораздо шире. Все дела, касающиеся государственного устройства и управления, рассматривались и готовились к всеподданнейшему докладу только канцелярией Аракчеева. Через него шли представления всех министерств и нередко даже «мнения» Государственного совета. В августе 1818 г. Аракчеев, несмотря на сопротивление министра финансов графа Д. А. Гурьева, был назначен руководителем канцелярии Комитета министров и тем самым получил официальную возможность влиять на важнейшие решения.

Разлад Александра I с общественным мнением и особенно с армией после окончания военных действий, вызванный нежеланием правительства проводить либеральные реформы, до известной степени возродил некоторые черты внутренней политики периода Тильзитского мира. Но в данный момент не было Сперанского, и ставка была сделана только на «твердую руку» Аракчеева. Вновь прикрываясь им, как щитом, Александр I попытался оградить свое имя от общественной критики и направить ее на непосредственного исполнителя своих решений, и это ему в определенной степени удалось. «Аракчеевщиной» историки, писатели и публицисты нередко склонны именовать деяния только самого Аракчеева, не вдаваясь в детальный анализ того, кто же направлял его руку.

Классическим примером является система военных поселений, насаждавшаяся по инициативе Александра I, причем первый опыт их введения относится к 1810—1812 гг., когда в Могилевской губернии была произведена попытка поселить запасной батальон Елецкого пехотного полка[24], но война прервала этот эксперимент.

После войны экономика России оказалась в крайне тяжелом положении: районы боевых действий подверглись разорению, сократилась торговля, переживала кризис финансовая система. Поскольку страна не могла провести даже частичную демобилизацию армии, перейдя к всеобщей воинской повинности, приходилось тратить на ее содержание более 50% бюджетных поступлений[25]. Кроме того, внешнеполитическая обстановка диктовала реорганизацию армии с увеличением ее численности путем создания обученного резерва. Сохранение рекрутских наборов вызывало недовольство и протест со стороны крестьянства, подрывая и производи-

тельные силы страны, лишая помещиков значительного количества рабочих рук. Стремясь разрешить хотя бы часть этих проблем, Александр I предложил вернуться к идее военных поселений.

Вопрос решался около 1816 г. в очень узком кругу, куда, кроме императора, входили только А. А. Аракчеев, А. П. Ермолов, генерал-лейтенант И. О. Витт и, по-видимому, чиновник собственной е. и. в. канцелярии И. Ф. Самбурский, без обсуждения в каком-либо правительственном органе. Александр I предлагал поселить войска по примеру казачьих полков вдоль западной границы. Аракчеев возразил: трудно, мол, ожидать со стороны западных государств «хищнических набегов, каким в старину подвергались казаки, поселенные на границе», а следовательно, в такого рода поселениях будет преобладать сельский элемент в ущерб военному[26].

После длительного обсуждения было решено поселить пехоту возле Новгорода, а кавалерию — на Украине. При этом Ермолов предложил ввести военные поселения без громкой огласки и, назначив войскам постоянные квартиры, предоставить им полную свободу «сливаться с населением страны». Под давлением Аракчеева такой вариант был отвергнут и принято решение о создании замкнутой единицы в виде округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка[27]. В идеале новая система должна была значительно сократить государственные расходы на содержание армии, ликвидировать рекрутские наборы в мирное время и тем самым облегчить экономическое положение страны. Создание зажиточного военного-земледельческого сословия расширило бы социальную базу самодержавия. К тому же, казалось, это обеспечивало надежное прикрытие границ и сокращало передислокацию войск в случае военных действий. Вполне конкретного плана, однако, не было; он формировался в ходе самого исполнения идеи.

Начало ее осуществления было положено созданием округов поселений пехоты в Новгородской губернии. К 1831 г. там возникли поселения гренадерского корпуса с артиллерией (без 3-й гренадерской дивизии), а в Могилевской и Витебской губерниях — двух саперных бригад, в Петербургской — Охтенского порохового завода, в Слободско-Украинской — 2-го резервного кавалерийского корпуса, в Херсонской и Екатеринославской — 3-го резервного кавалерийского корпуса. Поселениями было занято 32 тыс. кв. верст, в них сосредоточивалось более 573 тыс. душ обоего пола (без действующих батальонов)[28]. В процентном отношении поселенные войска едва ли достигали десятой части всего состава армии.

В составлении в 1817—1818 гг. основного нормативного документа — «Учреждения о военном поселении» — Аракчеев принимал непосредственное участие. В управлении военными поселениями чисто военные функции (боевая подготовка войск) сочетались с хозяйственными (организация строительных и мелиоративных работ, транспорта, промышленности и сельского хозяйства). Вначале были созданы низовые органы управления: полковые и ротные комитеты. Высшие органы начали оформляться несколько позже. Объясняя причины этого, Аракчеев писал в 1821 г. императору: «Я с намерением отлагал оное, дабы из опытов двухлетнего производства дел посредством штаба почерпнуть правила, сообразные действиям сего управления, столь же нового, как и обширного и многосложного».

Вначале ввиду большого объема операций по закупке материалов и инструментов был учрежден Экономический комитет военных поселений[29], независимый от «других учреждений и лиц» и подчиненный только Аракчееву: даже Главный штаб не вмешивался в управление ими. Такая автономия была возможна лишь в связи с особым положением Аракчеева в государственном аппарате. Именно это заставляло все министерства и главные управления всемерно содействовать новому делу поставками материалов и рабочей силы.

Свой талант практика Аракчеев направил на устройство и развитие системы военных поселений, вкладывая всю энергию, опыт и волю в фантастический проект Александра I. Будучи сам человеком пунктуальным, Аракчеев требовал дисциплины и от своих подчиненных. Все это в совокупности с его властью над бюрократическим аппаратом позволило ввести в жизнь военных поселений некоторые элементы планирования. В 1819 г. была учреждена должность начальника штаба, на которую был назначен флигель-адъютант полковник П. А. Клейнмихель.

В феврале 1821 г. все войска, подчиненные Аракчееву, были сведены в Отдельный корпус военных поселений, включавший, кроме собственно поселен-

ных войск, также войска, командируемые туда, где требовались строительные и мелиоративные работы. В марте того же года был создан ряд органов (штаб корпуса, Совет главного над военными поселениями начальника), потребовавшихся ввиду сложности и новизны дела и необходимости коллегиальных решений по таким вопросам, как рассмотрение новых проектов, покупка крупных имений, составление годовых планов и смет. Решения совета обретали силу только после визирования Аракчеевым и утверждения императором.

Попытка облагодетельствовать солдат и крестьян путем введения казарменных методов хозяйствования сразу натолкнулась на их отчаянное сопротивление, выливавшееся в бунты. Практически весь хозяйственный уклад в районах военных поселений, особенно в Новгородской губернии, был изменен. До того значительное количество крестьян было втянуто в товарно-денежные отношения. Перейдя же в разряд поселян-хозяев, они практически лишались этих связей и вместо того были обязаны содержать солдат действующих батальонов и эскадронов. Объективно государство было заинтересовано в создании зажиточного хозяйства поселянина, но используемые крайние формы принуждения (насильственное прикрепление поселян к земле, лишение их права заниматься торговлей, отходничеством и промыслами, регламентация многих сторон жизни и т. д.) приводили к разорению. Если основная масса крестьян, особенно непомещичьи, имела возможность приторговывать и развивать свое хозяйство, то экономика военных поселений загоняла их в тупик.

Аракчеев был твердо убежден, что каждый в государстве должен заниматься возложенным на него делом: крестьянин — выращивать хлеб, купец — торговать, чиновник — управлять. Поэтому крестьянин никак не может заниматься торговлей, отвлекающей его от основного рода деятельности. К тому же граф смотрел на военные поселения как на любимую игрушку императора, отдавая предпочтение форме. Примечательно, что в их переписке последних семи лет нет практически ни одного письма, где бы не упоминались военные поселения[30]. Насаждение военных поселений стало апогеем деятельности Аракчеева; соответственно и недовольство общественного мнения в связи с их введением обратилось полностью против него.

После Венского конгресса Александр I чрезвычайно увлекся внешней политикой, и ему нужен был человек, способный «подтянуть» общество, а главное — армию, впитавшую дух вольнодумства за время Отечественной войны и заграничных походов. На передний план выдвинулись охранительные задачи. Только Аракчеев, с его огромной волей, мог сдавить своей железной рукой общественные порывы. Боязнь революционных потрясений как в Западной Европе, так и внутри страны (восстание Семеновского полка было расценено Александром I не только как следствие жестокости полковника Шварца) побудила императора более решительно опереться на Аракчеева. Однако это не означает, что он был предоставлен самому себе. Когда после смерти Аракчеева Клейнмихель разбирал его архив, то обнаружилось, что черновики многих бумаг, подписанных Аракчеевым, были составлены императором[31].

Достигнув зенита, Аракчеев, казалось, мог бы не беспокоиться о прочности своих позиций. Но и в этот момент он не терпел даже тени какого-либо соперничества. На ключевые посты назначались преданные ему люди (князь Д. И. Лобанов-Ростовский, П. М. Волконский, В. П. Кочубей). Единственно удачной была замена Д. А. Гурьева Е. Ф. Канкриным на посту министра финансов, поскольку последний был на голову выше многих министров того времени. Но это было, как отмечает А. А. Кизеветтер, случайное счастливое исключение: все остальные креатуры Аракчеева отличались посредственностью и возбуждали своей деятельностью резкое недовольство общества[32].

Особую ненависть испытывал он к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну, который был дружен с императором с детства. Голицын являлся главным организатором библейских обществ в России, заботивших мистически настроенного Александра I не меньше, чем военные поселения. Свой план борьбы с Голицыным Аракчеев построил на том, чтобы опорочить мистическое движение с точки зрения политической благонадежности. Он сумел убедить Александра I, что библейские общества и другие предприятия Голицына по части просвещения есть та же революция, только прикрытая религиозным флагом. В этом Аракчееву помогли М. Л. Магницкий и игумен Юрьевского монастыря

Фотий[33], руками которых Аракчеев добился отставки Голицына. Это была последняя крупная победа Аракчеева в политической интриге.

Нельзя не упомянуть и об участии его в разработке проектов освобождения крестьян, к чему он приступил по поручению императора около 1818 года. Подлинник аракчеевского проекта не разыскан и известен только в изложении других лиц. Суть его в общих чертах сводилась к следующему. Владельческие крестьяне и дворовые люди с согласия помещиков постепенно выкупались казной. Кроме того, опять-таки с согласия помещиков, государство могло выкупить по 2 десятины пахотной земли на каждую ревизскую душу. Такая мизерность наделов, естественно, способствовала бы развитию арендных отношений и препятствовала полному отрыву крестьянского хозяйства от помещичьего. На покупку крестьян и земли правительство должно было отпускать ежегодно по 5 млн. руб., покрывая недостаток денег выпуском особых казначейских билетов. По мнению Аракчеева, интересы дворянства ограждались тем, что оно получало наличный капитал для уплаты долгов и развития хозяйства на новых условиях. Оставшиеся после выкупа государством земли должны были отдаваться в аренду малообеспеченным крестьянским хозяйствам.

Вторая половина 1825 — начало 1826 г. стали переломными в политической карьере Аракчеева. Летом 1825 г. императору поступил донос унтер-офицера Шервуда о группе заговорщиков, которые вели антиправительствеиную пропаганду в частях 2-й армии. Отправляясь на юг, Александр I поручил Аракчееву разобраться с этим делом. Но 10 сентября в Грузине дворовые люди убили Н. Ф. Минкину (Шумскую) — экономку графа, которая была его фавориткой более 25 лет[34]. Аракчеев был настолько потрясен ее смертью, что совершенно отошел от государственных дел и не выполнил важного поручения. Дела по Кабинету министров он передал статс-секретарю М. Н. Муравьеву, а командование корпусом военных поселений — генерал-майору А. Х. Эйлеру. Одновременно он отправил письмо Александру I, в котором изложил причины оставления всех государственных постов. Письма императора свидетельствуют, что он довольно снисходительно отнесся к этому шагу Аракчеева и даже пытался различными способами лично или через других лиц утешить графа.

Вторым ударом для Аракчеева стала неожиданная смерть императора 19 ноября 1825 года. Тем не менее он сумел быстро прийти в себя после потери могущественного покровителя и 30 ноября принял присягу Константину Павловичу, уведомив его, что «получил облегчение от болезни». Довольно оперативно проведенная повторная присяга поселенных войск Николаю I не смогла, однако, спасти их начальника. Император не простил Аракчееву его трусости 14 декабря, когда тот так и не вышел на Сенатскую площадь из Зимнего дворца, а также прежних унижений, когда великие князья часами дожидались аудиенции у Аракчеева. Впоследствии Шервуд писал, что курьер Аракчеева, которому он должен был передать важные сведения о заговорщиках, опоздал на несколько дней, а не будь этого, «никогда возмущения 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось, затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы»[35].

Окончательную точку в этом деле поставила собственная бестактность Аракчеева. 12 декабря 1825 г. великий князь Михаил Павлович писал Дибичу: «Третьего дня видел в первый раз графа Аракчеева. Он мне упомянул об этом деле (о заговоре. — *К. Я.*), не зная, на чем оно остановилось, и говорил про оное, потому что полагает его весьма важным. Я тогда же сообщил об этом Милорадовичу, который хотел видеться с Аракчеевым; но как граф принял за правило никого у себя и нигде не видеть, даже и по службе, то и не пустил к себе Милорадовича, хотя он и велел сказать, что он от меня»[36]. 20 декабря Аракчеев был освобожден от заведования делами Комитета министров и перестал быть членом Государственного совета. За ним сохранилась лишь должность главного над военными поселениями начальника, но и на ней он пробыл очень недолго.

Весной 1826 г. во время инспекторского смотра аракчеевского полка несколько солдат подали генерал-майору Петрову жалобу, что «служить невозможно тяжело стало». Следствие проводил сам Аракчеев, зачинщики были наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирский корпус. Граф попытался скрыть факт возмущения в полку его имени от Николая I, но тот узнал об этом от Клейнмихеля и в апреле того же года провел инспекторский смотр ряда округов 1-й гренадерской

дивизии. Император понял, что блестящая форма не соответствует содержанию — округа гренадерского корпуса так и не смогли перейти на самообеспечение продовольствием и фуражом.

Почувствовав, что тучи сгущаются, Аракчеев написал прошение об отпуске для лечения за границей. Фактически это была просьба об отставке, поскольку срок отпуска в рапорте не оговаривался; Аракчеев понимал, что после возвращения вряд ли будет допущен хотя бы к командованию военными поселениями, судьба которых при новом императоре становилась неясной. 30 апреля 1826 г. последовал рескрипт; Николай I удовлетворил просьбу Аракчеева об отпуске. Командование поселенными войсками на время его отсутствия вверялось Клейнмихелю, и ему предписывалось «о делах важных», требующих разрешения Главного над военными поселениями начальника, «относиться» к начальнику Главного штаба е. и. в.[37]. Тем самым нарушалась автономия военных поселений, и началось постепенное их подчинение общему армейскому управлению.

В начале 1827 г. Аракчееву пришлось давать объяснения по поводу появления за границей изданной им переписки с Александром I. Аракчеев был вынужден признать, что отпечатал в типографии штаба военных поселений 30 экземпляров[38] без разрешения правительства.

После возвращения из-за границы граф постоянно жил в Грузине, изредка выезжая к друзьям и родственникам. В Петербурге за ним сохранился казенный дом, который в 1832 г. военный министр граф А. И. Чернышев попытался у него отобрать, однако Аракчеев воззвал к заступничеству императора, и дом был оставлен за ним. Но вообще он старался как можно меньше напоминать о себе. Известны всего два-три его письма Николаю I. Так, во время восстания в новгородских поселениях в 1831 г. перепуганный граф приехал в Новгород, однако губернатор Денфер, опасаясь гнева поселян, попросил его покинуть город. Оскорбленный Аракчеев обратился к императору. Губернатор получил взыскание, а Аракчееву было разрешено проживать там, где он пожелает.

После реорганизации новгородских военных поселений в округа пахотных солдат было решено на базе штаба бывшего округа гренадерского наследного принца прусского полка (дер. Новоселицы) создать Новгородский кадетский корпус. В 1832 г. Аракчеев просил Николая I принять от него 300 тыс. руб., на проценты от которых должны были содержаться дети бедных дворян Новгородской и Тверской губерний[39].

В последние годы жизни он особенно много занимается устройством имения, старается вникнуть во все стороны хозяйственной жизни, читает много литературы по экономике. Хотя его крестьяне в целом жили в достатке и не было в имении совершенно бедных хозяйств, некоторые стороны их жизни, как и в военных поселениях, были доведены до абсурда различными строгими предписаниями и инструкциями. Большинство домов крестьян были крыты железом, в Грузине был госпиталь, где крестьяне могли получить бесплатную медицинскую помощь, здесь же по инициативе Аракчеева был создан заемный банк для крестьян, где они были обязаны брать ссуды для покупки семян, скота и т. д. Дороги в имении были в основном с твердым покрытием, их исправность поддерживалась самими крестьянами. Аракчеев очень строго наказывал за пьянство и нерадение к хозяйству.

Усадьба графа была выстроена архитектором И. Минутом и во многом напоминала постройки военных поселений. Современники свидетельствуют, что у Аракчеева был прекрасный сад с множеством скульптур, беседок, павильонов и т. д.[40] Есть свидетельства, что он собирался продать имение в казну за 10 млн. руб. и выехать за границу на лечение[41].

Прямых наследников Аракчеев не оставил. Своих детей он не имел, а его воспитанник М. Шумский, которому он дал блестящее образование (он закончил Пажеский корпус, знал почти все европейские языки) и добился для него звания флигель-адъютанта, спился и был лишен наследства. С родственниками Аракчеев практически не поддерживал отношений и принимал у себя только Канкриных и фон Фрикенов[42].

К концу жизни граф был обладателем дипломов Российской академии, Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества любителей коммерческих знаний, Филотехнического общества, Харьковского университета и ряда других учреждений. Его грузинская и малая библиотека в Петер-

бурге насчитывали до 15 тыс. книг, периодических изданий, карт и эстампов; много книг было на английском, немецком, французском языках и на латыни, из них свыше 100 наименований были либо запрещены цензурой, либо были ей неизвестны[43]. Последний указ, касавшийся служебного положения Аракчеева, был издан 8 апреля 1833 г.: «Не считать гр. А. А. Аракчеева инспектором артиллерии и пехоты»[44].

Аракчеев был среднего роста, сухощав и слегка угловат. Никогда не отличался хорошим здоровьем и часто болел. Был вспыльчив, подозрителен и недоверчив. Но если проникался к кому доверием, то не изменял своего отношения без очень весомых причин. Так, он очень трогательно относился к Г. С. Батенькову, входившему в Совет главного над военными поселениями начальника. В кругу близких людей бывал весел, любил шутить, зачастую прибегая к едким словечкам, сарказму. Любил покровительствовать одаренным людям и часто приглашал в имение ученых, литераторов и художников. Был набожен и очень редко употреблял вино.

Подводя итог прожитому, он писал: «В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами — никогда не рассуждал по службе и исполнял приказания буквально, посвящая все время и все силы мои службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, да что делать? Таким меня бог создал! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодарен. Мягкими французскими речами не выкуешь дела! Никогда я ничего не просил для себя, и милостью божьей дано мне все! Утешаюсь мыслью, что я был полезен»[45].

Умер Аракчеев 21 апреля 1834 г. и был похоронен с отданием всех воинских почестей в Спасо-Преображенском соборе с. Грузина у подножия памятника Павлу I. Поскольку он не вписал в завещание, составленное и высочайше утвержденное в 1816 г., имени наследника, Николай I указом от 6 мая 1834 г. передал Грузинское имение, а также капитал — 1,5 млн. руб. — в распоряжение Новгородского кадетского корпуса, который стал именоваться Аракчеевским[46]. Сюда же была передана значительная часть библиотеки и архива.

В Новгородской области до сих пор частично сохранились штабные комплексы военных поселений, которые местное население называет «аракчеевскими казармами». На карте мира есть Аракчеевы острова — 64 острова Маршалльского архипелага, открытые в 1817 г. мореплавателем О. Е. Коцебу[47].

После смерти Александра I Аракчеев составил завещание на сумму 50 тыс. руб. для написания книги о жизни и деятельности своего покровителя, которую следовало издать через сто лет, когда этот капитал в несколько раз увеличится за счет процентов. Но не это было главным в определении столь длительного срока. Он прекрасно понимал, что будущий историк Александра I не сможет не написать и о нем, оценивая его государственную деятельность. Граф хотел войти в историю, но не таким, каким рисовался современникам, рассчитывая на более благожелательную оценку потомков.

Александр I нужен был Аракчееву так же, как Аракчеев — Александру I. В их взаимоотношениях, когда на первое место выдвигается идея, а не человек, было больше прагматического и меньше личного. И тот и другой были великолепными актерами, которые блестяще исполнили свои роли на подмостках исторической сцены. В последующем властители неоднократно прибегали к методам и средствам той политики, основы которой были заложены Александром I и Аракчеевым.

Примечания

1. Исторический вестник, 1868, № 2, с. 283.
2. РАТЧ В. Ф. Сведения о графе А. А. Аракчееве. — Военный сборник, 1863, №№ 5, 12; 1864, № 1.
3. Его братья — Петр, 1776 г. рождеиия, флигель-адъютант Александра I, долгое время служил комендантом в Киеве; Андрей, 1778 г. рождения, — генерал-майор.
4. Военный сборник, 1863, № 12, с. 39. В формулярном списке значится 10 октября (Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. 489, оп. 1, д. 7062, л. 158).
5. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812—1815 гг. СПб. 1848—1849. Т. 6.

6. ЦГВИА СССР, ф. 489, оп. 1, д. 7062, л. 158.
7. Опыт библиотеки для военных людей. СПб. 1826. Данная записка ошибочно приписывалась Мелиссино.
8. ПОТОЦКИЙ П. История гвардейской артиллерии. СПб. 1896, с. 17.
9. Русская старина, 1873, № 7, с. 477—490; см. также: ИКОННИКОВ В. С. Опыт русской историографии. Т. 1, кн. 2. Киев. 1892, с. 1320.
10. ЦГВИА СССР, ф. 489, оп. 1, д. 7062, л. 158.
11. ЯКУШКИН В. Сперанский и Аракчеев. М. 1916, с. 8.
12. Русская старина, 1874, № 5, с. 191.
13. Столетие Военного министерства 1802—1902. Т. 3. Ч. 1. СПб. 1909, с. 18—35.
14. ЯКУШКИН В. Ук. соч., с. 40.
15. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Император Александр I и Аракчеев. В кн.: Исторические очерки. М. 1912, с. 68.
16. Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (РО ГБЛ), ф. 471, карт. 1, д. 1, лл. 89 об. — 93; д. 6, л. 3.
17. ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 481, лл. 358—359; д. 186, л. 555.
18. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А. И. Ук. соч. Т. 6.
19. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РО ГПБ), ф. 859, карт. 31, д. 14, л. 40об.
20. Русская старина, 1874, № 5, с. 191.
21. ШИЛЬДЕР Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб. 1898, с. 261—264.
22. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Ук. соч., с. 71.
23. Александр I посетил Грузино 12 раз. Ежегодно он там бывал после создания в Новгородском уезде округов поселений 1-й гренадерской дивизии (Русский архив, 1869, № 9, с. 1471).
24. ФЕДОРОВ В. А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816—1825 гг. М. 1963, с. 26.
25. БОГДАНОВИЧ М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб. 1868—1872. Т. 6, прил. к гл. 23.
26. РО ГПБ, ф. 859, карт. 31, д. 17, л. 53.
27. До конца истоки идеи военных поселений еще не выяснены. Известно, что она имела как противников (М. Б. Барклай де Толли, И. И. Дибич и др.), так и сторонников (В. П. Кочубей, П. П. Лопухин, А. И. Чернышев и др.). Правда, М. И. Богданович полагает, и не без основания, что они положительно отзывались о военных поселениях из лести императору (см.: Вестник МГУ. Серия 8. История. 1985, № 3, с. 64; Исторический сборник, 1861, № 6; БОГДАНОВИЧ М. И. Ук. соч. Т. 6, с. 117—118).
28. ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 2, д. 6933, л. 269; дд. 155, 771, 1469, 1960.
29. Там же, оп. 1, д. 88, л. 232об.; д. 39, лл. 66—146.
30. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Ук. соч., с. 25.
31. ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 4, д. 1746, лл. 3—4.
32. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Ук. соч., с. 18.
33. Русский архив, 1868, № 6, с. 950.
34. Женитьба Аракчеева на Наталье Хавестовой (Хомутовой) в апреле 1806 г. оказалась неудачной, вскоре они разошлись.
35. Исповедь Шервуда-Верного. — Исторический вестник, 1896, январь, с. 76.
36. Цит. по: Энциклопедический словарь Брогкауза и Ефрона. Т. 3, с. 320.
37. ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 409, л. 844.
38. Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву. 1794—1799. — Русская старина, 1873, т. 7, с. 477—478.
39. РО ГБЛ, ф. 471, карт. 3, д. 14, лл. 4, 6—9.
40. Во время Великой Отечественной войны фронт длительное время проходил по р. Волхов и усадьба была полностью уничтожена.
41. Русская старина, 1870, № 1, с. 243.
42. Генерал-майор Ф. К. фон Фрикен был одним из помощников Аракчеева при создании военных поселений в Новгородской губернии (Исторический вестник, 1862, № 2, с. 231).
43. ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 4, д. 1754, л. 23.
44. РО ГПБ, ф. 859, карт. 31, д. 14, л. 7.
45. Цит. по: МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А. И. Ук. соч. Т. 6, с. 202.
46. ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 4, д. 1746, л. 65; КАРЦОВ П. П. Новгородский кадетский корпус. — Русская старина, 1884, т. 41, с. 519.
47. РО ГБЛ, ф. 471, карт. 8, д. 1, л. 3.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Берия и другие

После войны, когда я стал часто встречаться со Сталиным, я все больше и больше чувствовал, что Сталин уже не доверяет Берии. Даже больше, чем не доверяет: он боится его. На чем был основан этот страх, мне тогда было непонятно. Позднее, когда вскрылась сталинская машина по уничтожению людей и все средства, брошенные на достижение этой цели, а ведь именно Берия управлял этими средствами и проводил нужные акции по поручению Сталина, я понял, что Сталин, видимо, сделал вывод: если Берия делает это по его поручению с теми, на кого он указывает пальцем, то может это делать и по своей инициативе, по собственному выбору. Сталин боялся, как бы при случае такой выбор не пал на него. Поэтому он и убоялся Берии. Конечно, он никому об этом не говорил. Но это становилось заметным.

Что бросилось мне в глаза, когда мы как-то в очередной раз собрались у Сталина? Что обслуживавший его грузинский персонал исчез, остались только русские. То есть Сталин вернулся к тому положению, которое было вокруг него до войны. Тогда среди обслуживающего персонала на дачах и в доме у Сталина не встречалось грузин, а были одни русские. Помню, как за обедом Сталин поднял раз вопрос о том, откуда набралось вокруг него столько грузин. Берия насторожился и отвечает: «Товарищ Сталин, это верные вам люди». Сталин возмутился: «Как так, грузины — верные, а русские — неверные?» «Нет, я этого не говорю, просто здесь подобраны верные люди». Сталин раскричался: «Не нужны мне эти верные люди!» И вскоре все грузины и грузинки исчезли из его окружения.

А перед тем кого там только не было! Шашлычник какой-то жарил шашлыки, его называли русским именем, но внешность у него была типично грузинская... Я был поражен, когда как-то приехал в Москву, смотрю, а он ходит уже в генеральской форме, уже генерал-майор. Войну он закончил генерал-лейтенантом. Потом объявился какой-то старый приятель, с которым Сталин еще в школе учился. Этот «генерал» занимался снабжением: привозил вино, баранину и другие продукты. Берия говорил о нем: «Духанщик, зато старый приятель Сталина». Потом на него посыпались ордена. Приедешь с фронта, смотришь, а у него еще прибавились один-два ордена, видно по планкам. Возмутительное явление! Когда Сталин сказал, чтобы рядом не было грузин, исчез и этот человек. Люди, которые видели это,

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, № № 2—12; 1991, № № 1—11.

полагаю, возмущались, как и я. Но все мы молчали, потому что возражать было и бесполезно, и опасно.

Помню, как Сталин учинил мне разнос в присутствии того духанщика, генерал-лейтенанта, который пьянствовал со всеми нами. Одно дело, когда он поставлял яства и напитки, и другое — пить с человеком, которого никто не знал, и вести при нем сокровенные разговоры о государственных делах. Однажды прилетел я с фронта, и мне нужно было назавтра же улететь. Я сговорился со Сталиным, что улечу рано утром. Поэтому мне очень не хотелось напиваться у Сталина, а затем в тяжелом состоянии уезжать и лететь к себе. Стыдно было бы на аэродроме встречаться с людьми, потому что обязательно встретится кто-то, и ты станешь с ним говорить, а он увидит, в каком ты состоянии. Это было позорно. И я решил как-нибудь отделаться от обеда, не оставаясь надолго, а было уже поздно (правда, по сталинскому исчислению суточного времени, было еще рано), два часа ночи. И я говорю: «Товарищ Сталин, разрешите откланяться. Я завтра хочу улететь пораньше, как договорился с вами». «Завтра?» «Завтра». Пауза.

И вдруг он понес: «Вы отвечаете за смерть генерала Костенко, который погиб в 1942 году». «Да, я отвечаю, потому что я член Военного совета фронта и отвечаю за гибель каждого генерала и солдата. Но это — война, всегда кто-нибудь гибнет». А он о его смерти и узнал-то от меня. Я раньше Костенко ему расхваливал. Сам он никогда его не видел. А он — опять и опять. Не помню, сколько времени он мурыжил этот вопрос, буквально издевался надо мной. Мне было очень стыдно. Другие же члены Политбюро, зная все, так к этому относились: сегодня — меня, завтра — другого... Так Сталин и действовал: шел по кругу.

Но рядом находился еще и духанщик, с которым я никогда, как говорится, гусей не пас и никаких дел с ним не имел. И вот — быть наказанным, стоять без вины виноватым и в таком издевательском положении при постороннем. Только Сталин мог позволить себе такое. Совершеннейшая бесконтрольность! Мы говорили порою, что он когда-нибудь дойдет до того, что станет штаны при нас снимать и облегчаться за столом, а потом говорить, что это в интересах Родины. Он, безусловно, был уже тронутым. Мне кажется, что у него была как-то нарушена психика, потому что раньше он вел себя довольно строго и держал себя, как положено человеку, занимающему столь высокий пост.

Так вот, когда его доверие к Берии было подорвано, все грузины враз исчезли. Сталин уже не доверял людям Берии. Но в результате своего болезненного состояния он не доверял уже и русскому обслуживающему персоналу, ибо его тоже подбирал Берия, который долгое время работал в органах госбезопасности, все кадры ему были известны, все перед ним подхалимничали, и ему легко было использовать этих людей в своих целях.

Теперь Сталин, находясь за столом, не ел и не пил, пока кто-либо другой не попробует из этого блюда или из этой бутылки. А он находил к тому повод. Идет, например, дегустация вина: грузины прислали, надо попробовать старое вино. Конечно, он прекрасно знал нашу «дегустацию» и ни во что ее не ставил, а сам диктовал, хорошее вино или плохое. Но ему требовалось, чтобы мы попробовали, а он выжидал: человек не падает, тогда и он немножко выпьет, посмакует, а потом начинает пить как следует. Хочет он что-нибудь откушать, так на этот случай у каждого из нас имелось «любимое блюдо», и каждый должен был первым попробовать его. «Вот гусиные потроха. Никита, вы еще не пробовали?» «Нет», — отвечаю, а сам вижу, что он хочет взять, да боится. Тут я попробую, и он сразу начинает есть. «Вот несоленая селедка». Он любил несоленую, а потом каждый солил себе по собственному вкусу. Я возьму, тогда и он берет. И вот так каждое блюдо обязательно имело своего дегустатора, который выявлял, отравлено оно или не отравлено, а Сталин смотрел и выжидал. В то время Сталин был уже на «большом ущербе».

Дегустировали все, кроме Берии. Потому что Берия, даже когда обедали у Сталина, получал обед со своей кухни, который ему привозили. Матрена Петровна, которая подавала обед, говорила: «Товарищ Берия, вот ваша травка». Все смеялись, а он ел эту траву, как едят в Средней Азии, брал рукой и клал в рот. Не знаю, как грузины едят плов, рукою или нет, но Берия брал рукою.

А как мы ездили на отдых? Несколько раз и я был принесен в жертву. Берия подбадривал: «Послушай, кому-то надо же страдать». Страдания заключались в

том, чтобы поехать отдыхать в то время, когда Сталин отдыхал на Кавказе. Это считалось наказанием для нас, потому что это был уже не отдых. Все время надо было находиться со Сталиным, проводить с ним бесконечные обеды и ужины. Сталин ко мне хорошо относился и, когда ехал в отпуск, часто меня приглашал: «Поедемте. Вам тоже нужен отпуск». «Поехали, я рад», — отвечал я, хотя предпочел бы не ехать. Сказать же это ему было совершенно невозможно. Вспоминаю отдых в Боржоми. По-моему, он тогда единственный раз отдыхал в Боржоми. Он позвонил мне оттуда. Я находился в Сочи, а Микоян — в Сухуми. Всех, кто отдыхал на Кавказе, плюс Берию, который в то время работал, он вызвал к себе, и мы собрались в Боржоми. Дом был большой, но плохо оборудованный. Там прежде размещался музей. Поэтому спален не было, и мы жили очень скученно. Я тогда спал в одной комнате с Микояном, и мы оба чувствовали себя плохо, во всем завися от Сталина. У нас-то были разные режимы дня: мы уже набродились, нагулялись, а он еще спит. Когда поднимается, тогда и начинается день.

Как-то Сталин вызвал нас и говорит: «Приехал Ракоши отдыхать на Кавказ». Ракоши приезжал туда не в первый раз. «Он звонил, просился ко мне». Мы молчим. «Надо сказать, чтобы он приехал». Позвонили Ракоши, а Сталин нам говорит: «Откуда Ракоши знает, когда я отдыхаю на Кавказе? Всегда, когда я на Кавказе, он тоже приезжает. Видимо, какая-то разведка информирует его». Уже и Ракоши попал в число подозрительных. «Надо, — продолжает, — отучить его от этого». Приехал Ракоши. Он тоже участвовал в обедах с попойками. И раз, когда подвыпил, говорит: «Слушайте, что вы этим делом занимаетесь? Это же пьянство». Назвал вещи своими именами.

Мы и сами знали, но находили для себя оправдание: мы «жертвы». Но нас это все же обидело, и Берия сказал Сталину, что Ракоши говорит, будто мы пьянствуем. Сталин в ответ: «Хорошо, сейчас посмотрим». Сели за стол, и начал он Ракоши накачивать, влил в него две или три бутылки шампанского и другого вина. Я боялся, что Ракоши не выдержит и тут же умрет. Нет, выкарабкался. Утром он кое-как проснулся (а он договорился со Сталиным, что уезжает) и попросил себе завтрак отдельно. Сталин позавтракал в одиночку. Ракоши не пошел к Сталину завтракать, и тот подшучивал: «Вот до какого состояния я его довел!»

Но потом Ракоши стал в глазах Сталина подозрительным человеком: откуда он знает, когда Сталин отдыхает на Кавказе и почему не ест вместе с ним? А ведь для Ракоши ничего не составляло позвонить в Секретариат ЦК, и ему сказали бы, что Сталин сейчас на Кавказе. Сталин в тот раз еще какое-то время отдыхал в Боржоми, и мы с Микояном еле-еле вырвались от него. А Сталин принимал там стариков грузин, с которыми когда-то был знаком в детстве. Особенно ему запомнился некий железнодорожник. Я его не видел, но потом Сталин мне рассказывал: «Принимал я его, и он говорил о том, что творится в Грузии. Это возмутительно». Тот железнодорожник рассказал, что много молодых людей, получив образование, нигде не работают: в Грузии подходящей работы не могут себе найти, а уехать из Грузии не хотят и бездельничают. Еще он говорил о спекуляции. Видимо, честный был старик.

Сталин возмутился. Шефствовал над Грузией Берия, который ранее много лет проработал секретарем ЦК Компартии Грузии, покровительствовал ей и к Грузии никого не подпускал. Информировал Сталина о Грузии тоже только Берия, а тут прорвался сквозняк и обернулся гневом Сталина. Недостатки же, с которыми надо было бороться в Грузии, я отнюдь не приписываю ни в какой степени национальным особенностям. Тут сказались условия, в которых пребывает Грузия, райский уголок Советского Союза, где растут цитрусы. Там много соблазнов для спекулянтов: тепло, виноград, много человеческих прелестей. Естественно, оттуда не так-то легко уехать, тем более если человек плохо воспитан. Если бы там жили люди другой нации, то те же пороки стали бы присущи этой другой нации. Иногда я, к примеру, много раз сейчас слышу от охраны: «Везде грузины. Везде они спекулируют». Я же всегда им говорю, что если бы русские там жили, то они делали бы то же самое.

В мою бытность в руководстве развернулась как-то в стране спекуляция лавровым листом. Я тогда сказал Мжаванадзе: «Вы расширьте насаждения лавра, где только можно». И крымским руководителям предложил то же самое. Вскоре исчезла спекуляция лавровым листом. Вот лучший способ борьбы со спекуляцией:

отсутствие дефицита. Но имеется такая продукция, которая растет только в Грузии и в небольшом количестве, особенно на приусадебных участках. Естественно, появляется соблазн побольше заработать. Так что это вопрос не национальный, а бытовой. Если где-то спекулируют овощами, разверните производство этих овощей. Это же доступно государству, используйте парники, оранжереи. Станет экономически невыгодно завозить издалека эти продукты, потому что дешевле будет получить их на месте. Вот и облагородится нация, не будет мозолить глаза людям и потеряет марку спекулянтов.

Сталин же это не хотел понимать и считал, что с порождениями такого характера надо бороться административными мерами, вплоть до арестов и высылок. Примерно в то время и укрепилось в нем недоверие к Берии. И Сталин сформулировал антимингрельское постановление. В нем говорилось, что мингрелы, то есть западные грузины, имеют какую-то заговорщическую организацию и проводят политику на сближение с Турцией, на выход из состава Грузии. Явная чушь, плод болезненного воображения! Это постановление было направлено против Берии, потому что Берия — мингрел. Сталин это неоднократно подчеркивал и резко делил грузин на западных и восточных, картлийцев, говорил, что мингрелы — «не настоящие грузины».

Тогда секретарем ЦК Компартии Грузии был прежний редактор газеты «Заря Востока», который после Берии занял этот пост. Берия, конечно, его рекомендовал. Я считаю, что он был неплохим человеком, хотя знаком я с ним был на расстоянии. Развернулась травля. Дошло до того, что Сталин поставил вопрос о высылке антиобщественных элементов из Грузии в Сибирь. Этого «не понимал» секретарь ЦК, ибо не видел к тому оснований и поэтому не прилагал должного усердия. Сталин бесился, и все это выливалось на голову Берии, потому что он был под рукой. В принципе — оправданный спрос, потому что секретарь целиком зависел от Берии и делал все, что тот скажет.

Кончилось тем, что Берия поехал в Грузию «наводить порядок». Потом рассказывал нам, сколько десятков тысяч грузин было выслано. Берия блеснул, но Сталин опять был недоволен. Инициатива исходила от Сталина, Берия же заплатил за восстановление своего престижа в его глазах кровью грузинского народа. Надо было доказать Сталину, что его ввели в заблуждение; что там, как и всюду, есть паразитические элементы, но с ними надо бороться другими средствами. Это можно было бы Сталину доказать, если бы за это дело взялся сам Берия. А Берия пошел по обычному для него кровавому следу. Что ему стоила жизнь тысяч людей, которые заплатят своими головами или пойдут в ссылку и будут влачить там жалкое существование, неся клеймо изменника Родины? Для него страдания народа ничего не стоили. Для него главное — карьера, собственное положение. И он умел пользоваться слабостью Сталина, используя свою жестокость и личные аморальные качества ради достижения цели. Когда Берия приехал из Грузии и доложил о результатах своей деятельности, Сталин стал опять к нему благосклонен.

Разве это мыслимое дело? Я за то, чтобы арестовывать, судить, высылать и сажать в тюрьму уголовных преступников. Но надо, чтобы следствие и суд проводились по всем нормам закона, чтобы суды были открытыми, чтобы каждому можно было убедиться, что данные люди виновны. Тогда никто не встанет на защиту наказанных и общественность искренне поддержит действия карающих органов. У нас тоже «присоединяли» свой голос в поддержку обвинения. Но как? Кто-то докладывает, бьет себя в грудь, божится, клянется, сам не разобравшись, что там действительно враги народа. Резолюцию принимают, руки поднимают. Это ведь не осуждение по существу. Голосуют за уничтожение людей, не зная состава преступлений, не зная даже этих людей. Никаких настоящих судебных процессов у нас не было, закрытые суды проводились в 30-е годы тройками. Что это за тройка? В нее входили те, кто арестовывал; они же вели следствие; они же выносили приговор. Все люди, которые потеряли свои головы во времена Сталина, были судимы такими или им подобными субъектами.

И вот — мингрельское дело. Я абсолютно убежден, что оно выдумано лично Сталиным в борьбе с Берией. Но так как он уже был болен, то оказался непоследователен в проведении намеченных планов, и Берия вывернулся, откупился кровавой поездкой в Грузию. Он сам тогда набился поехать туда. Из нас же кто-либо вмешиваться в дела Грузинской республики не мог, это было под строгим запретом.

Все это накладывало еще один отрицательный отпечаток на нашу жизнь. Чем больше находится руководство под общественным контролем, тем лучше оно трудится и предохраняется от поступков, которые несовместимы с социалистическим мировоззрением, с социалистическими порядками.

Семья Сталина

Сегодня 30 марта 1968 года. Похороны Юрия Гагарина. Мы потеряли чудесного человека. До глубины души жаль расставаться с тем, кто был еще в расцвете сил и мог долго служить народу. Но смерть не считается ни с чем, и сегодня народы всего мира будут прощаться с Гагариным. Обстоятельства его гибели мне непонятны. Зачем ему нужно было вдруг полететь на самолете? Сообщение было скупым, формальным, казенным. Никаких подробностей, чтобы сориентироваться, как же это могло случиться. А может быть, он готовился к этому полету, тренировался с какой-то аппаратурой, которую нужно было проверить в воздухе? Сейчас мне трудно судить, но с течением времени все станет известно. Даже если этот полет был необходим для подготовки будущего освоения космоса, то, видимо, очень плохо была осмотрена материальная часть самолета. Многое зависело от квалификации технического персонала, если гибель произошла в результате отказа техники, которая сработала не так, как нужно было. Это зависело от людей, которые готовили полет и не обеспечили безаварийности. Последовала катастрофа с безвременной гибелью человека, дорогого народам Земли. Горько читать...

Характер Сталина был крутым, нрав — грубым. Но его грубость вовсе не отражала его злобность лишь в данном случае или его отношение к конкретному человеку. Это была какая-то злобность вообще, врожденная грубость, хотя, видимо, скорее тут результат воспитания и влияния среды. Его грубость я на себе испытывал много раз. При всем том, что Сталин ко мне относился хорошо. Если бы он относился плохо и питал какое-то недоверие, то ведь он имел возможность легко расправиться со мной, как расправлялся со всеми, неугодными ему. Пусть он послал мне грубейшую телеграмму по поводу заготовки хлеба после войны, о чем я уже говорил (там он сообщил мне, что я сомнительная личность), но не расправился со мной!

Я бы даже сказал, что он относился ко мне с каким-то уважением. Не раз после своих грубостей он выражал мне свое расположение. Но боже упаси, чтобы это было каким-то извинением. Нет, эта форма выражения чувств была чужда его характеру. Ведь он допускал оскорбления даже по отношению к самым близким людям. Хочу в подтверждение рассказать о таком эпизоде. Это было уже, наверное, в последний год его жизни. Мы собрались у Сталина, когда он пригласил нас встретить Новый год у него на «ближней». Чего-либо особого в тот Новый год по сравнению с другими вечерами, которые мы у него проводили, не происходило. Собрался тот же состав людей, но внутреннее настроение было, конечно, повышенным. Новый год! Обедали, потом закусывали, пили. Сталин был в хорошем настроении, поэтому сам пил много и других принуждал. Выпили изрядное количество вина. Затем он подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали оркестровую музыку, русские песни, грузинские. Потом он поставил танцевальную музыку, и все начали танцевать.

У нас имелся «признанный» танцор — Микоян, но любые его танцы походили один на другой, что русские, что кавказские, все они брали начало с лезгинки. Потом Ворошилов подхватил танец, за ним и другие. Лично я никогда, как говорится, ног не передвигал: из меня танцор, как корова на льду. Но я тоже «танцевал». Каганович — танцор не более высокого класса, чем я, да и Маленков. Булганин когда-то хорошо танцевал, видимо, в молодости. Он вытаптывал в такт что-то русское. Сталин тоже передвигал ногами и расставлял руки. Я бы сказал, что общее настроение было хорошим. Только Молотова не было с нами. Молотов был городским танцором. Он воспитывался в интеллигентной семье, потом был студентом, плясал на студенческих вечеринках, к тому же любил классическую музыку и сам играл на скрипке, вообще был музыкальным человеком. В моих глазах плохого ценителя он являлся танцором первого класса. Мы пели и подпевали пластинкам, которые заводил Сталин.

Потом появилась Светлана. Я не знаю, вызвали ли ее по телефону или она сама приехала. Она попала как бы в стаю немолодых людей, мягко говоря. Приехала трезвая молодая женщина, и отец ее сейчас же заставил танцевать, хотя она устала. Я видел, что она танцует еле-еле. Отец требует, а она не может. Она встала и прислонилась плечом к стене около радиолы. К ней подошел Сталин, и я тоже. Стояли вместе. Сталин пошатывался, говорил: «Ну, Светланка, танцуй. Хозяйка, танцуй». «Я уже танцевала, папа. Я устала». Он взял ее пятерней за волосы и потянул. Смотрю, у нее краска на лице выступила, и слезы появились на глазах. Так жалко было смотреть на нее. А отец тянул ее, потом дернул за волосы. Это считалось проявлением любезности отца. Безусловно так, потому что он любил Светлану. Василия он тоже любил, но критиковал за пьянство и за недисциплинированность. А Светлана и училась хорошо, и поведение ее как девушки было хорошим. Я ничего дурного никогда не слышал о ней, и Сталин гордился ею. Просто таким способом он выражал отцовские чувства. А делал это грубо не потому, что хотел сделать ей больно. Но он не умел иначе.

Я заговорил о Светлане потому, что сейчас она несчастна. Не могу понять, как она решилась на такой шаг, непростительный для советского человека: оставила Родину, оставила детей, дала повод сплетничать врагам социализма и использовать ее имя, имя дочери Сталина, во вред нашей стране, нашему обществу. Она объясняет это в книге, которую написала. Я слышал отрывки по радио и читал пересказ в изложении наших журналистов. Конечно, неумная книга, неразумно написанная. Видимо, она создавалась в результате душевного и физического надлома. Не думаю, что Светлана изначально была религиозной. А там она пишет, как крестилась. Странно. Не могу примириться с этим. Тут проявилось, на мой взгляд, какое-то болезненное состояние.

Я с большим уважением относился к ее матери и хорошо ее знал. Учился с ней вместе в Промышленной академии, где я был секретарем партийной организации, а она студентами была избрана партгруппоргом. Поэтому она часто приходила ко мне за разъяснениями по тому или другому политическому вопросу. Тогда жизнь в Промышленной академии была бурной. Это были 1929 и 1930 годы, шла борьба с «правыми», а Промышленная академия была засорена ими и одно время неофициально поддерживала их. Потом эта академия стала твердыней Центрального Комитета партии, и в этом моя роль была, как говорят в таких случаях, не последней. Отбрасывая скромность, скажу, что моя роль в том была первой. Поэтому меня и выбрали секретарем партийной организации: я возглавил группу, которая твердо стояла на позициях той генеральной линии партии, которую проводил в 20-е годы Сталин.

Это, видимо, сближало со мной Надежду. Потом мы стали называть ее Надеждой Сергеевной. Когда мы вместе учились или беседовали по партийным вопросам, она ничем не выказывала своей близости со Сталиным, умела себя держать. Когда же я стал секретарем Московского комитета партии и теперь чаще встречался со Сталиным и бывал у него на семейных обедах, то понял, что о жизни Промышленной академии и о моей роли там Аллилуева рассказывала Сталину, который при разговорах со мной иной раз напоминал мне о событиях, о которых я никогда не вспоминал или даже забыл. Тогда-то я понял, что это Надя рассказывала о них мужу.

Полагаю, что именно это определило отношение ко мне Сталина не только тогда, но и позднее. Я называю это лотерейным билетом. Я вытащил счастливый билет и поэтому остался в живых, когда мои сверстники, однокашники и друзья, с которыми я вместе работал в партийных организациях, в большинстве своем сложили голову как «враги народа». И я сам себе задавал вопрос: «Почему меня пощадили?» Тот факт, что я действительно был предан делу партии, не вызывает сомнения. Ведь я-то знаю это. Но и те товарищи, которые работали со мной, тоже были преданы делу партии, сплошь и рядом принимали такое же участие в борьбе за генеральную линию партии, выступали за Сталина. И все-таки они безвинно погибли. Вероятно, Сталин наблюдал за моей деятельностью глазами Надежды Сергеевны, с которой я был на равной ноге. Она видела меня почти каждый день, с уважением относилась к моей политической деятельности и обо всем рассказывала Сталину, что и послужило основой его доверия ко мне.

Иной раз он нападал на меня, оскорблял, делал грубые выпады. И все же скажу, что до последнего дня своей жизни он ко мне относился все-таки хорошо. Говорить о какой-то любви со стороны этого человека невозможно. Это было бы слишком сентиментально и не характерно для него. А его уважение ко мне выражалось в той поддержке, которую он мне оказывал.

На семейных обедах у Сталина в начале 30-х годов бывали, кроме него самого и Надежды Сергеевны как хозяев, мать и отец Аллилуевы — родители Нади, ее брат с женой, сестра Анна Сергеевна с мужем Реденсом (начальником Управления внутренних дел Московской области), очень хорошим товарищем, поляком по национальности. Сталин и его расстрелял, несмотря на то что должен был бы отлично знать его и доверять ему. Эти обеды проходили, как все семейные обеды. Мне было приятно, что меня приглашали на них. Приглашали туда и Булганина. Сталин сажал нас рядом с собой и проявлял внимание к нам.

В отличие от него Надя была по характеру совсем другим человеком. Она очень нравилась мне своей скромностью, этим хорошим человеческим показателем. Когда она училась в Промышленной академии, то очень немногие люди знали, что она жена Сталина. Аллилуева, и все. У нас учился еще один Аллилуев, горняк, ей не родственник. А Надя никогда не пользовалась какими-то привилегиями, она не приезжала на машине и не уезжала в Кремль на машине, ездила трамваем и старалась вообще ничем не выделяться в массе студентов. Это было умно с ее стороны — не показывать, что она близка к человеку, который в политическом мире считался лицом номер 1.

Василий Сталин — умный мальчик, но своенравный. Еще в ранней молодости он стал пить. Учился он как попало, вел себя недисциплинированно и приносил много огорчений Сталину. Тот его, по-моему, порол за это и приставлял к нему для наблюдения чекистов, которые присматривали за ним. Светлана была другой. Она всегда, бывало, бегала по дому, когда мы приходили. Сталин называл ее «хозяйкой», и мы стали ее называть так же. Одевали ее нарядно. Помню на ней украинский костюмчик с вышитой сорочкой или сарафаном. Выглядела она, как нарядная куколка. Светлана очень похожа на мать: волосы темно-каштановые, лицо с мелкими крапинками. Правда, волосы у матери были несколько темнее, чем у дочери.

«Хозяйка» росла на наших глазах. Когда мы приходили, Сталин говорил обычно: «Ну, хозяйка, угощай. Гости пришли». И она убегала на кухню. Сталин рассказывал нам: «Когда она на меня рассердится, то укоряет: «Пойду на кухню, пожалуюсь на тебя повару». А я ей отвечаю: «Да уж пожалей меня, не жалуйся, мне ведь это так просто не пройдет!» И тогда она еще настойчивее говорила, что скажет повару, если с ней плохо будут обращаться».

Яков, старший сын от первой жены Сталина, грузинки, был уже в ту пору человеком взрослым. По специальности инженер. Я Якова не знал. Когда я стал ходить к Сталину и бывать у него на квартире, Яков заглядывал туда редко. Он жил отдельно, имел свою семью, и я видел его за семейным столом всего несколько раз, причем он всегда был один. При мне никогда он не был у отца с женой и с дочерью.

После того как Надя покончила жизнь самоубийством, Василий и Светлана всегда представали перед нашими глазами, когда мы приходили на квартиру к Сталину. Я постепенно привык к Светлане, привязался к ней, относился к ней как-то по-родительски. Мне было по-человечески жаль ее как сиротку. Сталин был груб, невнимателен, у него родительской нежности не чувствовалось. Он был сухим, корявым в личных отношениях человеком. Везде, где повернется, оставляет неприятный след при контактах с людьми. Задиристый имел, агрессивный характер.

Когда мне передали, уже в наши дни, что Светлана уехала в Индию и не захотела вернуться в Советский Союз, я не поверил: как можно? Это, видимо, очередная клеветническая «утка» буржуазных журналистов. Прошло несколько дней, и исчезли всякие сомнения в том, что она не вернется. Мне посейчас жаль ее. Как это сказано у Некрасова: «Ей и теперь его [лес] жалко до слез, сколько там было кудрявых берез». Конечно, она не береза, а живая душа. Тем более жалко, что так сложилась ее судьба, сложная судьба. Ведь она лишилась матери в детском возрасте и воспитывалась сама и с няней. Отец уделял ей очень мало внимания. Отдыхал он всегда один и никогда не брал детей с собой. Она росла, не чувствуя родительской ласки. Даже котятам приятно, когда мать облизывает их на солнышке. Любые звери требуют ласки. А человек? В результате на внутреннее содержание девушки, которая была лишена этого, наложились какие-то психические наслоения.

Вышла она потом замуж. Я не знал ее мужа. Морозова, по-моему. Фамилия у него русская, сам он еврей. Некоторое время Сталин его терпел, хотя я никогда не видел, чтобы Морозов был приглашен тестем в гости. Когда у них родился сын, думаю, что Сталин его никогда и не видел. И это тоже откладывало отпечаток на душу Светланы. Потом разгорелся приступ антисемитизма у Сталина, и она была вынуждена развестись с Морозовым. Он умный человек, хороший специалист, имеет ученую степень доктора экономических наук, настоящий советский человек.

Когда Сталин потребовал от Светланы, чтобы она развелась с мужем, он, видимо, сказал примерно то же и Маленкову. Его дочь, очень приятная девушка Воля, вышла замуж за Шамберга, сына друга Маленкова. Его отец — прекрасный партийный работник и высокопорядочный человек. У Маленкова проработал много лет в аппарате. Все резолюции, которые поручались Маленкову, готовились Шамбергом, грамотеем и умницей. Я много раз встречал Шамберга-сына у Маленкова, и он мне очень нравился: и молод, и способен, и образован. Тоже был экономистом. И вдруг мне рассказала жена Маленкова Валерия Алексеевна, к которой я относился с большим уважением, что Воля разошлась с первым мужем и вышла за архитектора. Не стану сравнивать, кто из них хуже или лучше, это личное дело. Жена сама определяет, какой муж у нее лучше, — первый или второй. Я же считаю, что и второй был хорошим парнем. Он был моложе жены на несколько лет. Воле это могло нравиться. Но оставить сына отцовского друга? Мне это было и непонятно, и неприятно.

Маленков не был антисемитом. Да он и не говорил мне, что Сталин ему что-то сказал на этот счет. Но я убежден, что даже если Сталин ему прямо ничего такого и не сказал, то когда он услышал, что Сталин потребовал, чтобы Светлана развелась со своим мужем, потому что тот еврей, то Маленков «догадался» сам и заставил сделать то же самое свою дочь. Тут налицо проявление самого низкопробного, позорного антисемитизма. Я лично Маленкову это не приписываю; перед нами холуйское услужение: если Сталин так сделал, то и он так поступит. Вообще же я считал, что Маленков был нормальным по взглядам человеком и не болел упомянутой позорной болезнью.

Светлана тоже вторично вышла замуж. Это уже Сталин захотел, чтобы она вышла замуж за сына Жданова, Юрия, сейчас ректора Ростовского университета. И он нравился мне: умный, образованный, рассудительный человек. И Сталину он нравился, зато он не понравился Светлане, и уже после смерти Сталина они все же разошлись. Я опять переживал это. Мне просто не хотелось слышать, как люди злословили о ней, что она проявляет непостоянство. Затем она долгое время жила одиноко. У нее осталось двое детей: сын от первого мужа и дочь от второго.

Примерно за год до окончания моей политической деятельности Микоян както сказал мне, что к нему приходила Светлана и просила его совета: она хотела бы выйти замуж за журналиста-индуса. Микоян сказал, что она его любит; индус старше ее, но она давно с ним знакома и он порядочный человек, к тому же коммунист. «Она, — говорит, — просила, чтобы я и у тебя узнал, каково твое отношение к этому?» Я ответил: «Если она считает, что он достойный человек, пусть выходит замуж. Выбор за ней, а мы здесь ни при чем, мы не будем вмешиваться. То, что он не гражданин Советского Союза, не может служить препятствием. Пусть решает сама». И она вышла за него замуж. Я узнал об этом, когда уже находился на пенсии, и был доволен, поскольку хотел, чтобы она устроилась наконец в своей личной жизни.

Как я узнал, этот индус умер. Светлана поехала похоронить его на родине и не вернулась. Я был буквально потрясен. Несколько дней не верил этому, пока не получил неопровержимых подтверждений. Ее книги я целиком не читал. Западное радио передавало выдержки из нее, которые были ему выгодны. Может быть, такие места и не характерны для всей книги, но то, что было передано, мне показалось по меньшей мере странным. Как советский человек, выросший в наших условиях, да еще дочь Сталина, мог написать такое? Она ведь воспитывалась в окружении советских людей, и я бы не сказал, что это было только окружение Сталина. Правда, толком я не знаю, что за люди были у нее воспитателями. Помню, что там маячила одно время красивая грузинка, но она вроде бы промелькнула и исчезла. Кто-то сказал мне, что это воспитательница Светланы. Не знаю, что это за воспитательница и откуда она появилась. Пронесся слух, что это было подставное лицо Берии, подосланное не то к Светлане, не то к Сталину. В школе же Светлана училась хорошо и не вызывала нареканий.

Полагаю, что получился результат надлома психики у молодой женщины. Еще бы… Раньше умерла мать, и при каких обстоятельствах! Она понимала, что мать погибла в результате тех взаимоотношений, которые создались между нею и отцом. И не просто умерла, а покончила жизнь самоубийством. Сплетничали даже, что Сталин ее убил. Я и сейчас не могу сказать, где тут правда, потому что знаю две версии: одна — что Сталин ее застрелил; другая, более вероятная версия, что она застрелилась в результате оскорбления, нанесенного ее женской чести. Конечно, о каком-то варианте и Светлана знала и сильно переживала, на нее это подействовало. Потом вышла замуж и развелась, осталась с сыном. Снова вышла замуж и сама уже оставила второго супруга, сохранив от него дочь. Для молодой женщины это не очень-то нормально.

Да и с собственным отцом у нее были сложные отношения. Отец любил ее, но свои чувства выражал звероподобными приемами, вроде нежности кошки с мышкой. Это тоже могло надламывать душу ребенка, потом девушки и наконец женщины-матери. Затем стряслась смерть отца, вскрылись его злоупотребления властью, что тоже было для нее страшным потрясением. Сложившиеся обстоятельства терзали ее душу и влияли на ее психику. И вот последняя капля, переполнившая чашу: смерть третьего мужа, похороны.

О том, что произошло дальше, мне передавали такие люди, которые сами пользовались лишь слухами. Почему она не вернулась? Я говорю о версии, потому что достоверно мне ничего не известно. Она после похорон мужа пришла в наше посольство. Послом в Индии был Бенедиктов. Я хорошо знал его: партийный, «выдержанный» человек. Она хотела задержаться в Индии на несколько месяцев, а Бенедиктов посоветовал ей немедленно выехать в Советский Союз. Когда посол рекомендует гражданину тотчас убыть домой, это сразу настораживает любого человека. Тем более что Светлана знала все манеры, которые у нас в такой связи проявлялись. Значит, к ней выражается недоверие. А оно может кончиться плачевно для лица, которое хотят как можно скорее вернуть на родину. Тут не забота о человеке, а политическое недоверие, унизительное и оскорбительное отношение, которое выводит из равновесия даже уравновешенных людей.

А Светлана не была уравновешенной, как это видно и по содержанию ее книги. Она была надломлена и обратилась за помощью к иностранной державе, пошла к американскому послу, уехала в Швейцарию, а оттуда в США. Глупый поступок, который нельзя ничем оправдать. Но глупо поступили и с ней. Грубо. Это — полицейская мера со стороны людей, которые должны были бы проявить такт и уважение к личности женщины и гражданина. Что, по-моему, нужно было бы сделать? Я убежден, что того не получилось бы, если бы с ней поступили иначе. Когда она пришла в посольство и сказала, что ей необходимо побыть в Индии месяца два или три, надо было ответить: «Светлана Иосифовна, зачем три месяца? Возьмите себе визу года на два или три. Можете взять и бессрочную визу, живите здесь. Когда захотите, приедете домой, в Советский Союз». Нужно было дать ей свободу выбора и тем самым морально ее укрепить, показать, что к ней относятся с доверием.

Я убежден, что если бы с ней так поступили и даже если бы она имела уже написанной свою книгу, она бы ее либо не опубликовала, либо переделала. Но ей показали, что она находится под подозрением. Умная женщина сразу поняла это. Политическое недоверие к ней, дочери Сталина, переполнило чашу. И она бросилась в омут эмигрантской жизни, лишила себя родины, рассталась со своими детьми и друзьями. Очень, очень печально. Мне жаль Светлану. По-прежнему называю ее так, хотя она давно уже Светлана Иосифовна. Так ужасно закончилось ее существование как нашего, советского человека. Безумно жаль!

Существуют примеры в подтверждение моей правоты. Когда я возглавлял правительство, молодой пианист Ашкенази получил первую премию на Московском музыкальном конкурсе имени Чайковского. Он был женат на англичанке, которая училась у нас в консерватории, и у них появился ребенок. Они поехали в Англию, где живут родители его жены. Мне говорили, что она родом из Ирландии, но английская подданная. Ашкенази — хороший пианист, я слушал его игру и потом

поздравлял его, когда ему была присуждена премия. Теперь же я его слушаю по радио. Так вот, он пришел в советское посольство в Лондоне и сообщил, что его жена отказывается теперь ехать в Советский Союз, а он ее очень любит, у них дитя, и он спросил, как ему быть. Посол сейчас же доложил о происшедшем в Москву, а мне передал затем Громыко, что получена такая-то телеграмма от нашего посла.

Я посоветовался с товарищами и предложил: «Дадим ему загранпаспорт на такой срок, какой он сам захочет. Он сможет с этим паспортом всегда приехать в Советский Союз, если пожелает. Это единственная разумная возможность. Если мы будем насильно добиваться, чтобы он вернулся, то он, видимо, не вернется. Он же не антисоветский человек, но мы его искусственно сделаем антисоветским, потому что раз он не выполнит нашей воли, то противопоставит себя правительству СССР. Сейчас же найдутся комментаторы и толкователи, которые начнут обрабатывать его в антисоветском духе. Зачем нам плодить таких людей? Что вообще случится, если он станет жить в Лондоне, а сюда будет приезжать на концерты? Он же музыкант, человек свободной профессии, будет на родине выступать с концертами и останется гражданином Советского Союза». Все согласились. Так мы и сделали. И мне приятно, когда я сейчас включаю радио, слышать, если объявляют, что в Москве выступает пианист Ашкенази. Приятно, что мы сохранили честное имя крупного пианиста за нами, за Советским Союзом, и заодно не разрушили семейную жизнь.

Может быть, настанет время, когда он и другие такие же люди захотят приехать и обосноваться у нас. А может случиться, что они обоснуются за рубежом, я этого не исключаю. Ну, и что? Полагаю, настала пора, когда нужно предоставить возможность гражданам Советского Союза жить, где они хотят. Если желают выехать в какую-либо страну, пожалуйста! Невероятное дело после 50 лет существования Советской власти держать людей под замком. Мы, коммунисты, считаем, что капиталистический строй — это проклятье. Люди труда обрекаются там на капиталистическое рабство. Мы строим социализм и во многом преуспели в этом строительстве, а дальше еще больше преуспеем. Наш строй, безусловно, самый прогрессивный на данном этапе развития человечества. Значит, если сравнивать «по-библейски» — это рай. Но рай не в том смысле, когда все сыплется из рога изобилия, а ты только подставляй рот. Нет, такого рая нет, и когда он будет, я даже не знаю. Но ведь все оценивается относительно. Так чего же мы сами себе противоречим? Строим хорошую жизнь, а чтобы удержать людей в этой хорошей жизни, держим границу за семью замками?

Иной раз и не враги, а наши, советские зубоскалы говорят: «Чего же в рай дубинкой гоните?» Эти слова мы слышали, и когда принудительным порядком проводилась коллективизация, и в других случаях. Считаю, что пора лишить таких врагов социализма аргументов. Почему мы не доверяем людям — строителям социализма? Надо показать, что все они являются вольными гражданами, свободными строителями новой жизни, что они созидают социализм в результате своих убеждений, а не принуждения или таких условий жизни, когда им податься некуда. Это позорит нас. Пришло время ликвидировать такой позор.

Вот Югославия. Она не богаче нас живет. Я, когда в последний раз был в Югославии, беседовал с Тито, и об этих беседах с удовольствием сейчас вспоминаю. Я его расспрашивал: «Как у вас дела с границей?» Он: «Граница у нас такая: подъезжает человек, говорит, куда он едет, и все, никакой проверки. Отъезжающий выполняет элементарные формальности, поднимается шлагбаум, машина въезжает в Югославию или выезжает из нее. То же относится к людям, которые приезжают из других стран в Югославию. И так же свободно выезжает за границу каждый югослав». Он рассказывал, что у них многие шахтеры едут работать в Западную Германию. Говорят: «Поеду заработать на машину». И что случилось с Югославией? Она исчезла от этого? Нет.

Между прочим, когда я поставил вопрос о том, чтобы восстановить добрые отношения СССР с Югославией, то необходимость этого никак не мог понять Суслов. Он старался доказать, что в Югославии нет социализма, что это не социалистическая страна. Я ему: «Давайте проанализируем. Создадим комиссию, пусть она изучит по элементам, какие общественные признаки существуют в каждой стране, которая является капиталистической или которую мы называем социалистической». Такая комиссия была создана и представила соответствующие документы. Я заранее был убежден в итогах ее выводов, но хотел, чтобы авторитетная комиссия все наглядно проанализировала бы. Такие документы лежат в Центральном Комитете партии. В них доказано, что в Югославии налицо признаки социализма, что на этих основах построено Югославское государство. Отчего же не дружить с ним? Спустя 50 лет после установления Советской власти иная точка зрения годится только для дураков. Для мыслящих людей это была бы позорная аргументация.

Ну, а если бы мы позволили Светлане самой решать и она бы не вернулась? Ну, что же, жалко было бы, но ничего не поделаешь. Ведь она не вернулась и при существующем порядке выдачи виз. И еще один эпизод из области того наследия, которое цепями лежит на сознании руководителей СССР. Наша балерина номер один, лучшая балерина не только в Советском Союзе, но и мирового балетного искусства Майя Плисецкая: какова ее судьба? Когда выезжал за границу Большой театр, ее всегда исключали из списка отъезжавших. Мне докладывали, что ей нельзя доверять, что она может не вернуться. Я ее лично не знал и я с ней никогда не разговаривал, не имел представления о ее настроениях. Конечно, было бы неприятно, если бы такая балерина, как Плисецкая, покинула Советский Союз. Это была бы демонстрация, а для нас болезненный укол.

И вот однажды, когда готовилась к выезду за границу очередная балетная труппа, я получил как секретарь ЦК партии письмо от Плисецкой, довольно большое и искреннее. Она писала, что она патриотка, что ее обижает и оскорбляет недоверие, которое ей выражается, и заверяла в своей честности. Встал вопрос: как быть? Я размножил ее письмо, и все члены Президиума ЦК партии прочитали его. Я предложил включить ее в список. Выражались сомнения, что она может не вернуться. «Да, может. Но она говорит, что этого не случится. И я ей верю. Нельзя жить без доверия. Если она написала нечестно, а просто, чтобы вырваться, ну, что же, переживем». Она поехала. Я был вознагражден, не знаю, во сколько крат, когда она с блеском выступила за границей и вернулась, приумножив славу советского балетного искусства, нашей культуры. А если бы мы продолжали ее «не пущать»? Мы бы искалечили человека или сделали бы из нее антисоветскую личность. Потому что самое хрупкое — это психика человека, и ее надо оберегать, чтобы не надломить. Неосторожный шаг может вывести любого из равновесия, и он окажется роковым шагом в жизни. Я был горд правильным решением, и мне было приятно, что балерина правильно оценила доверие.

Еще один случай: с известным пианистом Рихтером. Тоже встал вопрос его выезда за границу. Мне докладывают, что есть возражения. По-моему, Фурцева докладывала мне, что наша Госбезопасность возражает. Какие же основания? У него в Западной Германии живет мать, и неизвестно, вернется он или не вернется. Конечно, потеря такого крупного музыканта, как Рихтер, — ущерб для страны. Это ведь в музыкальном мире человек № 1. Что же делать? Я говорю: «Пусть он едет». Высказывалась мысль потребовать от него, чтобы он не заезжал в ФРГ. И я сказал: «Если он выедет за пределы наших границ с вырванным у него обязательством не заезжать в Западную Германию и не встречаться с матерью, то глупее этого ничего не может быть. Наоборот, надо посоветовать ему: «Вы не видели мать столько лет, поезжайте, повидайтесь с ней». Надо, чтобы он не почувствовал, что мы против этого». Рихтер поехал в Западную Германию, встречался с матерью. Мне рассказывали, что мать чуть ли не бросила его и уехала, когда немцы оккупировали Украину. Она жила тогда, кажется, в Одессе. А сын вырос здесь. И теперь он вернулся.

Потом он ездил по Америке с концертами. Там ему подарили чудесный рояль. Пришла Фурцева и говорит: «Как быть? По нашим законам, чтобы перевезти рояль через границу, надо заплатить большую пошлину. Рихтер не в состоянии будет, видимо, заплатить ее». Я: «Передайте от меня тем, кто занимается на границе пошлинами, что надо оформить все так, чтобы пошлину с него вообще не брали. Раз он в США получил в премию рояль, то не нам ставить препятствия для владения подарком. Если мы его лишим подарка, то у него сохранится в душе горький осадок, огорчение. Для музыканта иметь хороший инструмент — большая радость. Не лишайте его этой радости, он заслуживает ее, большего заслуживает!» А Фурцева тоже была довольна, что так решен вопрос. Сейчас Рихтер много выступает

повсюду, разъезжает, и не знаю, существует ли вообще вопрос в связи с его личной честностью.

Могут ли возникнуть случаи, когда наше доверие будет обмануто? Могут. Среди 200 с лишним миллионов человек, конечно, найдутся и чистые, и нечистые. Нечистые уйдут на поверхность, как всякое легкое вещество, которое плавает на воде, и они волнами будут отбиты от наших берегов. Пусть себе плывут по течению. Могут принять схожее решение и люди, которых нельзя назвать плохо. Они проявят какое-то временное колебание. Другие же просто захотят попробовать зарубежную жизнь, в каких-то проявлениях привлекательную. Пускай! Нельзя захватить власть, построить частокол, и не изволь подходить даже, а не только переходить через частокол. Нельзя! Вспомните Ленина. Мы врагов в первые годы революции и Советской власти сами высылали за границу, а для желающих выехать были открыты все возможности: пожалуйста, берите чемоданы и уезжайте! И уезжали.

Помню, в 1919 г. я был в Красной Армии и служил в Курске, многие переселялись оттуда на Украину. В красноармейском «устном вестнике» ходили анекдоты о том, как переходили эту границу, скрывали личные ценности и какие находили люди потайные места, чтобы спрятать небольшие, но очень ценные вещи. Может быть, эта правда сдобрена солдатскими молодежными выдумками. Но такие факты были. Люди уезжали открыто. А теперь, спустя 50 лет, мы тем более должны создать такие общественные отношения, чтобы не видеть в каждом человеке невозвращенца. Стоять на другой позиции — значит позорить наши идеи, наше учение, наш строй. Я резко против этого.

То, что подобный метод был применен к Светлане, меня очень огорчает. Я думаю, что еще и сейчас не все потеряно, что она еще может вернуться, у нее может окрепнуть мысль возвратиться к своим детям. Пусть бы она хотя бы имела такую возможность, знала, что если захочет вернуться, то сможет, и ей не будет поставлена в укор ее слабость. Осуждая Светлану за то, что она приняла неразумное решение, я осуждаю и тех, кто не подал ей руку, чтобы помочь ей найти правильное решение, и своими глупыми шагами толкнул ее на неверный поступок.

Последние годы Сталина

После Великой Отечественной войны с каждым годом становилось заметнее, что Сталин слабеет физически. Особенно заметно сказывалось это в провалах его памяти. Иной раз сидим за столом, и он, обращаясь к человеку, с которым общался десятки, а может быть и больше, лет, вдруг останавливается и никак не может припомнить его фамилию. Он очень раздражался в таких случаях, не хотел, чтобы это было замечено другими. А это еще больше стимулировало угасание его человеческих сил. Помню, однажды обратился он к Булганину и никак не мог припомнить его фамилию. Смотрит, смотрит на него и говорит: «Как ваша фамилия?» «Булганин». «Да, Булганин!» — и только тут высказал то, что и хотел сначала сказать Булганину. Подобные явления повторялись довольно часто, и это приводило его в неистовство. Свое зло он вымещал потом на лицах, которые работали с ним, прошли вместе большой путь и, к сожалению, явились также свидетелями неповинной гибели многих честных людей.

Мне неизвестно, в какой степени знал он о невиновности, об истинной причине гибели этих людей. Убежден зато, что такие лица, как Булганин и Маленков, наверное, многого все же не знали. Они содействовали, помогали развитию пагубного процесса, но действовали как бы вслепую. Корни были делом рук Сталина, и все материалы насчет необходимости расширения «мясорубки» и приводились им лично, и оформлялись, и объяснялись тоже им лично. Такие пояснения обосновывали необходимость этих мероприятий якобы в интересах революции, закрепления ее завоеваний и продолжения дела строительства социализма. Одним словом, все объяснялось весьма благими намерениями. Не знаю, был ли Сталин сам, хотя бы частично, введен в заблуждение. Я же в этом сомневаюсь, ибо чувствую и знаю, вспоминая его фразы и различные высказывания, что это делалось им сознательно, с целью исключить возможность появления в партии каких-то лиц или групп, желающих вернуть партию к ленинской внутрипартийной демократии, повернуть

страну к демократичности общественного устройства. Он этого не допускал. К людям он относился, как Бог, который их сотворил, относился покровительственно-пренебрежительно. Бог сотворил первого человека из глины, как нас учили в детстве согласно Библии. Поэтому какое же уважение может быть к глине? Сталин говорил, что народ — навоз, бесформенная масса, которая идет за сильным. Вот он и показывал эту силу, уничтожая все, что могло давать какую-то пищу истинному пониманию событий, толковым рассуждениям, которые противоречили бы его точке зрения. В этом и заключалась трагедия СССР. И именно это совпадало с предупреждением Ленина, что Сталин — человек нетерпимого характера и способен злоупотреблять властью. Сколько уже раз я это повторяю! У меня эти слова все время остаются в памяти. Какое же это было ленинское предвидение! И как глупо поступила наша партия, не послушав его и не сделав должного вывода на первом же послеленинском пленуме своего ЦК или хотя бы на съезде. Истории оказалось угодно, чтобы партия и советский народ прошли путь строительства социализма через трагедию сталинского времени.

Помню, как Сталин отдыхал в последний раз в Новом Афоне. Это был 1951 г. (знаю это, потому что в 1952 г. он в отпуск не ездил, а раз Сталин не поехал, то и из руководства тоже никто не ездил в отпуск, а в 1953 г. он умер; следовательно, то был 1951 г.). Он пригласил меня, как часто случалось и раньше, к себе. Я тогда отдыхал, кажется, в Сочи, оттуда приехал к нему в Новый Афон, и мы затем отдыхали вместе. Потом он позвонил Микояну, который отдыхал в Сухуми. Тот тоже приехал. Так мы вдвоем и жили у Сталина. Не помню, сколько дней мы там прожили, но долго. Однажды, еще до обеда, Сталин поднялся, оделся и вышел из дома. Мы присоединились к нему и стояли втроем перед домом. И вдруг, без всякого повода, Сталин пристально так посмотрел на меня и говорит: «Пропащий я человек. Никому не верю. Сам себе не верю». Когда он это сказал, мы буквально онемели. Ни я, ни Микоян ничего не смогли промолвить в ответ. Сталин тоже нам больше ничего не сказал. Постояли мы и затем повели обычный разговор.

Я потом все время не мог мысленно отвязаться от этих слов. Зачем он это сказал? Да, все мы на протяжении длительного времени видели его недоверие к людям. Но когда он так категорично заявил, что никому и даже сам себе не верит, это показалось ужасным. Можете себе представить? Человек, занимающий столь высокий пост, решающий судьбы всей страны, влияющий на судьбы мира, — и делает такое заявление? Если вдуматься, если проанализировать под этим углом зрения все зло, содеянное Сталиным, то станет понятно, что он действительно никогда и никому не верил. Но тут есть и иная сторона дела. Одна — не верить, это его, так сказать, право. Конечно, это создает тяжелое душевное состояние у человека, имеющего такой характер. Но другое, когда человек, который никому не верит, обладает характером, толкающим его поэтому на уничтожение всех тех, кому он не верит.

Вот почему в его окружении чаще были временные люди. Покамест он им в какой-то степени еще доверял, они физически существовали и работали. А когда переставал верить, то начинал «присматриваться». И вот чаша недоверия в отношении того или другого из людей, которые вместе с ним работали, переполнялась, приходила их печальная очередь, и они следовали за теми, которых уже не было в живых. Собственно, так и случалось раз от разу с теми, кто работал рядом с ним и вместе боролся в рядах партии над ее сплочением. Потом почти все эти люди были уничтожены. Возьмем к примеру того же Каменева... Не знаю, какие в ранние годы были у Сталина отношения с Троцким. Ленин в предсмертной записке упомянул, что в партии два самых выдающихся человека — Троцкий и Сталин. И тут же Ленин написал об отрицательных чертах Сталина.

Признание Сталина в том, что он никому, даже сам себе, не верит, приоткрывает завесу над некоторыми причинами той трагедии, которая разыгралась в бытность его руководителем партии и страны. А сталинский период — очень долгий. И вот полетели головы честных людей, совершенно ни в чем не повинных. Их имена поднимают, чтобы народ их вспомнил. Они возвращены в историю XX съездом партии. Но сейчас стыдливо и позорно скрываются причины гибели этих людей и покрывают виновника злодейства. Это, конечно, неразумно, но факт налицо.

Возвращаясь к ушедшему времени, еще раз скажу: дело дошло до того, что Сталин стал считать шпионом Ворошилова! Наверное, лет пять он не приглашал

его ни на какие высокие заседания, какие собирались, прежде всего на заседания Политбюро. Впрочем, настоящих заседаний уже не происходило, а имели место эпизодические собрания, буквально на ходу, перед обедом или перед ужином, хотя там решались вопросы и текущего порядка, и принципиальные, крупнейшие. Ворошилов туда доступа уже не имел. Изредка он прорывался явочным порядком, то есть сам приходил, а иной раз звонил. Но это случалось очень редко.

Подозревать, что Ворошилов — английский шпион? Это же величайшая глупость. Не знаю, до чего надо дойти в недоверии к людям, чтобы обрести такое состояние души. Сталин не верил тому самому Ворошилову, с которым много лет вместе воевал и работал рука об руку. Честность Ворошилова перед партией, перед рабочим классом ни в какой степени не может подвергаться никакому сомнению. Другой вопрос — оценка его деятельности на посту наркома обороны. Она показала его несостоятельность как наркома, потому что Красная Армия не была подготовлена к войне, и не только в результате неоправданного уничтожения кадров: она была не подготовлена должным образом и по вооружению. Боевая техника, вооружение, их запасы не соответствовали всем материально-техническим возможностям СССР и задачам эпохи. Ведь мы по уровню производства могли создать необходимые резервы и вести войну без нужды не один и не два года. А у нас вначале винтовок, сколько нужно, не оказалось! Не было многих самых простейших вещей для армии в нужном количестве. Мы испытывали по 1942 г. голод на оружие. Остро чувствовали нехватку зенитных средств и в результате терпели большой урон от нападений врага с воздуха.

Бесспорно, Ворошилов оказался не на высоте. Не знаю, как это объяснить, но я во всяком случае не чувствовал, что он имел должное прилежание в своей работе наркомом. Сравню его с Кагановичем. Этот менее располагал меня к себе как человек. Однако, если говорить о прилежании и трудоспособности, то Каганович — это буря. Он мог иной раз и здоровое дерево сломать в результате такого ураганного характера. Работал, насколько хватало сил, совершенно не щадил себя и не считался со временем, все отдавал работе в партии и для партии. Конечно, он был карьеристом. Но это другой вопрос, а я говорю сейчас о стиле его работы. Ворошилов же — иной человек. Его всегда можно было увидеть на всех празднествах. Он демонстрировал себя и свою выправку, а реально военному делу уделял мало внимания.

Когда трудились Гамарник, Тухачевский и другие, которые по-настоящему ведали политической работой, экономикой, боевой техникой армии, дело двигалось и без Ворошилова. Когда же они были уничтожены и пришли на их место такие лица, как Мехлис, Щаденко и Кулик, недостойные своих постов, Наркомат обороны превратился, честное слово, в дом сумасшедших не то в собачник какой-то, если иметь в виду его руководителей. Однажды (я уже рассказывал об этом) меня буквально затащил за рукав Тимошенко на заседание Главного военного совета РККА. Тогда он командовал войсками Киевского Особого военного округа, и мы с ним приехали в Москву. Тимошенко — человек с хитрецой. Он, видимо, хотел, чтобы я как член Военного совета КОВО посмотрел на этот собачник, как они друг другу впивались в горло, рвали друг друга по пустякам, но не занимались настоящим делом.

Кто в том был виноват? И Ворошилов, и Сталин. Я думаю, что в то время Ворошилов уже не пользовался должным доверием у Сталина. Зачем же нужно было брать ему таких людей? Они по своему характеру (не говорю об их политической и государственной преданности стране: это были безупречно честные люди) оказались совершенно нетерпимыми друг к другу, поэтому и согласованной деятельности у них никак не могло быть. А кто страдал? Страдали армия, народ, страна. Но, может быть, Сталина именно устраивала их междоусобная грызня?

Теперь о Молотове. О нем всегда говорили, что это — дубинка Сталина. Молотов был выдвинут Председателем Совета Народных Комиссаров СССР после Рыкова в 1930 году. Я тогда учился в Промышленной академии и состоял в партактиве Бауманского района Москвы. Когда мы получили информацию о назначении Молотова, по Москве ходили всякие слухи. В то время существовали еще сторонники и Бухарина — Рыкова, и Зиновьева — Каменева. Имелись и сторонники Сырцова — Ломинадзе, близкие к тем, кто поддерживал Бухарина. Я сейчас и не помню конкретно, в чем были расхождения между ними. То были люди одного политического направления. Молотов же был выдвинут вместо них как самый верный и непоколебимый друг и соратник Сталина. Он сам заявил так на том Пленуме ЦК, на котором была названа его кандидатура. А когда я работал секретарем Московского городского и областного партийных комитетов и меня не раз Сталин вызывал к себе, то там чаще всего я встречал Молотова. Я считал, что Сталин и Молотов — это самые близкие, неразлучные друзья. В отпуск они всегда уезжали тоже вместе.

Я и сейчас не могу ничего сказать о том, какие причины вызвали тот факт, что Сталин отвернулся от Молотова. Конечно, если вспомнить о его жене Жемчужиной, которую Сталин посадил, то Молотов до конца не соглашался в этом вопросе и со Сталиным, и с Пленумом ЦК. Когда на Пленуме стоял вопрос о ее выводе из состава ЦК партии, все проголосовали «за», а Молотов воздержался. Он не голосовал «против», но воздержался. Это взорвало Сталина. Правда, и после всего этого Молотов остался со Сталиным. Однако событие на Пленуме наложило отпечаток на дальнейшее отношение Сталина к Молотову. Если принять во внимание характер Сталина, то ясно, что бесследно для их отношений такой инцидент не мог пройти. И все-таки у них сохранялась идейная близость и продолжалась совместная работа.

Но потом Сталин начал со злостью лягать Молотова. Особенно хорошим барометром неустойчивости Молотова служил Каганович. Каганович с подначивания Сталина как бы играл роль цепного пса, которого выпускали, чтобы рвать тело того или другого члена Политбюро, к которому, как он чувствовал, Сталин питал какое-то охлаждение. Каганович всегда неприязненно относился к Молотову. Я слышал от Кагановича, что он его очень не любил, даже ненавидел. Но и знал свое место: Молотов есть Молотов. В послевоенное время Каганович начал нападать, и очень резко, на Молотова, а когда бывал на заседаниях Ворошилов, то и на Ворошилова. Нас, других, это раздражало. Это я говорю о себе, Булганине и даже Берии. Мы были недовольны Кагановичем и иной раз подавали контрреплики, сдерживая его. Тут Каганович сразу поджимал хвост, он был трусливым человеком.

Теперь положение Молотова стало незавидным, но он держался хорошо и по всем принципиальным вопросам высказывался смело. Я бы сказал, что он был единственным человеком в Политбюро, который порою возражал Сталину по тому или иному вопросу. Такие возражения не возникали в порядке политической драки. Драки там не было, а его замечания и некоторое проявление им упорства по тому или другому вопросу мне у Молотова нравились. Поэтому я к нему относился с очень большим уважением, хотя с точки зрения действенности его работы, умения работать у меня имелось критическое о нем мнение. Эту недейственность отмечал не только я, но и другие товарищи. Однако политическая линия Молотова, ее направленность была безупречной, и это все перекрывало.

Когда в последние годы жизни Сталина Молотов утратил его доверие, то Сталин, отдыхая как-то в Сухуми, поставил вдруг такой вопрос: Молотов является американским агентом, сотрудничает с США. Сейчас просто невозможно даже представить, что такое могло прозвучать. Молотов тут же начал апеллировать к другим. Там был и я, и Микоян, и все сказали, что это невероятно. «А вот, помните, — говорит Сталин, — Молотов, будучи на какой-то Ассамблее Организации Объединенных Наций, сообщил, что он ехал из Нью-Йорка в Вашингтон. Раз ехал, значит, у него там есть собственный вагон. А как он мог его заиметь? Значит, он американский агент». Мы отвечали, что там никаких личных железнодорожных вагонов государственные деятели не имеют. Сталин же мыслил по образу и подобию порядка, заведенного им в СССР, где у него имелся не только вагон, а и целый отдельный поезд. То есть считал, что такой же порядок существует в капиталистических странах.

Он резко отреагировал на недоверие, проявленное к его высказываниям, и сейчас же продиктовал телеграмму Вышинскому, находившемуся тогда в Нью-Йорке: потребовал, чтобы Вышинский проверил, имеется ли у Молотова собственный вагон? Тут же телеграмма была послана шифровкой. Вышинский срочно ответил, что по проверенным сведениям в данное время у Молотова в Нью-Йорке собственного вагона не обнаружено. Сталина этот ответ не удовлетворил. Да ему и не нужен был ответ. Главное, что у него уже засело в голове недоверие, и он искал

оправдания своему недоверию, подкрепления его, чтобы показать другим, что они слепцы, ничего не видящие. Он любил повторять нам: «Слепцы вы, котята, передушат вас империалисты без меня». Так ему хотелось, так ему нужно было. Он желал удостовериться, что Молотов — нечестный человек.

Спустя какое-то время в такую же опалу попал Микоян. Я и сейчас не могу сказать, в чем его обвинял Сталин. Молотов — тот вроде американский агент, потому что он в США имел вагон и, следовательно, там жили его истинные хозяева. Ну, а Микоян? Агентом какой страны он был? Я уже после смерти Сталина не раз шутил и спрашивал Анастаса Ивановича: «Слушай, скажи, какой страны ты агент? Уж ты, наверное, если агент, то не какой-то одной страны?» Анастас Иванович, сам любивший пошутить, на шутку отвечал шуткой. Вот так мы шутили. Но это стало шуткой уже после смерти Сталина. А при Сталине, если бы он еще полгода пожил, то отослал бы Молотова с Микояном к прадедам, куда отсылал всех «врагов народа», расправился бы с ними. Вот до чего дело дошло!

Если рассматривать Сталина как могучий, несгибаемый дуб, то этот дуб сам себе обрубил все ветви. А когда нет ветвей, исчезает листва, то нарушается питание ствола, гниют корни, и дерево обречено на гибель. Тем людям, с которыми Сталин вместе работал, переорганизовывал партию и вел народ, он потом начал выражать недоверие, выдумал «врагов народа» и стал рубить им головы. Одни люди, которых он считал самыми к себе приближенными и на которых он опирался, стрелялись, вроде Орджоникидзе, или же он их казнил, как Рудзутака, Рыкова, Каменева, Чубаря, Станислава Косиора. Кажется, из всех входивших в Политбюро один лишь Петровский, будучи смещен, чудом остался живым. Чудо надо искать в том, что по своей старости Петровский уже не являлся политическим лидером, был политическим деятелем в прошлом и не представлял никакой угрозы. Видимо, это определило его судьбу, и он остался в живых.

Корейская война

Хочу теперь рассказать о том, чему я был свидетелем в связи с корейскими делами. Кажется, в 1950 г., когда я вновь работал в Москве, либо чуть раньше, до моего возвращения в Москву, приезжал к нам Ким Ир Сен со своей делегацией. Он, ведя беседу со Сталиным, поставил вопрос, что хотелось бы прощупать Южную Корею штыком, и говорил, что там при первом же толчке из Северной Кореи произойдет внутренний взрыв и установится народная власть, такая же, как в Северной Корее. Сталин не противостоял этому. Ведь это импонировало сталинской точке зрения, его убежденности, тем более что тут ставился внутрикорейский вопрос: Северная Корея хочет протянуть дружественную руку своим братьям, которые находятся в Южной Корее под пятой Ли Сын Мана.

Сталин договорился с Ким Ир Сеном, что тот подумает, подсчитает все и опять приедет с конкретным планом. Не то было уже условлено, когда он приедет, не то он должен был прибыть, как только подготовит свои соображения. Ким Ир Сен приехал и докладывал Сталину, что совершенно уверен в успехе этого дела. Сталин выражал некоторые сомнения: его беспокоило, ввяжутся ли США или пропустят мимо ушей? Оба склонились к тому, что если все будет сделано быстро, а Ким Ир Сен был уверен, что все произойдет быстро, то вмешательство США окажется исключенным, и они не вступятся своими вооруженными силами.

Сталин все-таки решил запросить еще мнение Мао Цзэдуна о предложении Ким Ир Сена. Должен четко заявить, что эта акция была предложена не Сталиным, а Ким Ир Сеном. Тот был инициатором, но Сталин его не удерживал. Да я считаю, что и никакой коммунист не стал бы его удерживать в таком порыве освобождения Южной Кореи от Ли Сын Мана и американской реакции. Это противоречило бы коммунистическому мировоззрению. Я тут не осуждаю Сталина. Наоборот, я полностью на его стороне. Я и сам бы, наверное, тоже принял такое же решение, если бы именно мне нужно было решать. Мао Цзэдун тоже ответил положительно. Сейчас дословно не помню, как был сформулирован запрос Сталина. По-моему, он спрашивал, как тот относится к существу подобной акции и вмешаются ли США или нет? Мао ответил одобрением предложения Ким Ир Сена и выразил мнение, что США, видимо, не вмешаются, так как тут сугубо

внутренний вопрос, который должен решаться самим корейским народом.

Помню, как за обедом на сталинской даче много шутили. Ким Ир Сен рассказывал нам о быте корейцев, о климате Кореи, об условиях выращивания риса и рыбной ловле. Много говорил он хорошего о Южной Корее и доказывал, что после воссоединения своих половин Корея станет более полноценной, будет иметь возможность обеспечить сырьем всю свою промышленность, а также потребности народа в пище за счет рыбной ловли, выращивания риса и других сельскохозяйственных культур. Мы все желали Ким Ир Сену успеха и ожидали, что успех будет им реально достигнут. Мы и прежде вооружали Северную Корею. Но на том обеде не обсуждали, какие именно средства вооружения уже были выделены Северной Корее. Мне лично это было неизвестно. Но я, само собой разумеется, считал, что нужное количество танков, артиллерии, стрелкового вооружения, прочих боевых средств и инженерного оборудования Ким Ир Сен получил или получит. Наша авиация прикрывала Пхеньян и находилась там.

Настал назначенный момент, началась война, и успешно. Северокорейцы быстро продвигались на юг. Но того, что предполагал Ким Ир Сен, — что при первых же выстрелах будет внутренний подъем южан, разгорится восстание и свергнут Ли Сын Мана, этого, к сожалению, не произошло. Очищение Южной Кореи от сил клики Ли Сын Мана осуществлялось только вследствие продвижения войск Северной Кореи. Сопротивление было слабым. Тут Ким Ир Сен оказался прав: строй у южан был непрочный и сам не мог обеспечить себе защиту. Это свидетельствует о том, что в Южной Корее лисынмановский режим не пользовался поддержкой. Но внутренних сил сопротивления для восстания все же не хватило. Видимо, организационная работа по его подготовке была поставлена слабо. А Ким Ир Сен считал, что Южная Корея вся покрыта коммунистическими парторганизациями, они ждут лишь сигнала и тотчас поднимут народ на восстание. Нет, восстания не получилось.

Заняли Сеул. Армия КНДР успешно продвигалась вперед. Мы все радовались и желали Ким Ир Сену новых достижений, потому что это была по характеру освободительная война и к тому же не война одного народа против другого, а война классовая: рабочие, крестьяне и интеллигенция КНДР под руководством Трудовой партии, которая стояла и стоит на социалистических началах, боролись с капиталистами. То есть эта война была прогрессивным явлением. Однако, когда армия Ким Ир Сена подошла к Пусану, ей не хватило духу, а Пусан — последний крупный портовый город на юге. Его надо было бы взять, и тут война сразу бы закончилась. Таким образом, возникла бы единая Корея, не осталась бы она разделенной. Появилась бы, безусловно, более мощная социалистическая Корея, с хорошей промышленностью, богатым сырьем и сильным сельским хозяйством.

Но этого так и не произошло. Противник воспользовался замешательством северян. Ли Сын Ман организовал сопротивление в Пусане и подготовил свои войска для высадки десанта в Чемульпо (Инчхон). Десант был высажен, для северян создались очень тяжелые условия. Теперь вся армия северян, которая находилась на юге, была отрезана этим десантом, и все ее вооружение, которое там имелось, досталось Ли Сын Ману. Одним словом, настал катастрофический момент для Северной Кореи. Нависла угроза катастрофы КНДР.

Мне осталось совершенно непонятно, почему, когда Ким Ир Сен готовился к походу, Сталин отозвал наших советников, которые были раньше в дивизиях армии КНДР, а может быть, и в полках. Он отозвал вообще всех военных советников, которые консультировали Ким Ир Сена и помогали ему создавать армию. Я тогда же высказал Сталину свое мнение, а он весьма враждебно реагировал на мою реплику: «Не надо! Они могут быть захвачены в плен. Мы не хотим, чтобы появились данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в этом деле. Это дело Ким Ир Сена». Таким образом, наши советники сначала исчезли. Все это поставило армию КНДР в тяжелые условия.

Когда на юге уже завязались упорные бои, я очень переживал, потому что мы получали донесения о трагическом состоянии духа у Ким Ир Сена. Я крепко сочувствовал ему и опять предложил: «Товарищ Сталин, почему бы нам не оказать более квалифицированную помощь Ким Ир Сену? Он сам — человек невоенный, хотя и партизан». Ведь он, размышлял я, революционер, который хочет драться за свой народ и освободить всю Корею. Хочет, чтобы она была независимой. А тут наступила война уже с американскими вооруженными силами, и он может не справиться.

Наш посол в КНДР, бывший второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), во время Великой Отечественной войны получил звание генерал-лейтенанта. Хотя и генерал военного времени, но опять не профессиональный военный, без соответствующего военного образования, его советы никак не смогут заменить квалифицированного военного человека, подготовленного к ведению боевых операций. А у нас есть маршал Малиновский. Он командовал в войну войсками Забайкальского фронта. Почему бы сейчас не посадить где-нибудь Малиновского с тем, чтобы он инкогнито разрабатывал военные операции, давал бы нужные указания и тем самым оказывал бы помощь Ким Ир Сену? Может делать то же и генерал Крылов, который командует войсками Дальневосточного военного округа.

Сталин вновь очень остро реагировал на мои предложения. Я был поражен! Ведь он благословил Ким Ир Сена, не удерживал его, а вдохновлял на этот путь действий. Ким Ир Сену дали наше соответствующее вооружение. Одним словом, мы всецело стояли на его стороне. Без нашей помощи он, конечно, ничего бы и начать не мог. Полагаю, что наше вооружение являлось решающей помощью. Но если бы мы еще оказали помощь квалифицированными людьми, которые трезво могли учитывать соотношение сил на поле боя, то, безусловно, Северная Корея победила бы. Думаю, что если бы Ким Ир Сен получил от нас еще один, максимум два танковых корпуса, то ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан. Ведь даже американская пресса потом писала, что если бы Пусан был занят с ходу, то в Вашингтоне на этот случай было решено не вмешиваться в конфликт более крупными вооруженными силами США, чем те, которые уже участвовали в войне. Но ничего этого так и не произошло.

Получилась большая заминка в операциях армии КНДР, и именно тогда был нанесен удар десантными войсками США. Они отбили Сеул, затем продвинулись дальше, перешли 38-ю параллель — ту разграничительную линию между Северной и Южной Кореей, которая была установлена. Сложилось отчаянное положение для Северной Кореи и лично для Ким Ир Сена. Наш посол присылал трагические донесения о душевном состоянии Ким Ир Сена. Он считал, что уйдет в горы и опять будет вести партизанскую войну, но не сдастся врагу.

Когда нависла такая угроза, Сталин уже смирился с тем, что Северная Корея будет разбита и что американцы выйдут на советскую сухопутную границу. Отлично помню, как он как-то, в связи с обменом мнениями об обстановке, которая сложилась в Северной Корее, сказал: «Ну, что ж, пусть теперь на Дальнем Востоке будут нашими соседями Соединенные Штаты Америки. Они туда придут, но мы воевать сейчас с ними не будем. Мы еще не готовы воевать». Никто больше никаких реплик ему не подал, и вопрос этот далее не обсуждался, потому что Сталин целиком вел это дело лично, этот вопрос как бы считался персонально за Сталиным.

Если тогда наши войска и были там, то они лишь прикрывали аэродромы. Сейчас точно не помню, находились ли эти аэродромы на территории КНДР или располагались на территории Маньчжурии. Нам, в частности, принадлежали там Порт-Артур и Дальний. На первых порах, когда война развязалась, наша авиация успешно справлялась с задачами по прикрытию городов и электростанций, не допускала их бомбежки и сбивала самолеты американцев. В основном наша авиация имела там на вооружении истребители МИГ-15 — новые самолеты с реактивными двигателями, очень маневренные и хорошие. Американцы уже в ходе войны перевооружили свою авиацию и ввели в дело новые истребители, более мощные и быстроходные. Против них наш МИГ-15 оказался слаб, и мы стали терпеть поражения в воздухе. Американцы теперь прорывались в небо КНДР и бомбили ее безнаказанно, а мы уже не обеспечивали прикрытия и утеряли прежнее господство в воздухе.

В ту пору к нам вдруг прибыл Чжоу Эньлай. Я не присутствовал при его встрече со Сталиным. Сталин находился тогда на юге, и Чжоу полетел прямо туда. Об этих переговорах я узнал позже, когда Чжоу улетел домой. Сталин же, когда вернулся в Москву, рассказал, что Чжоу Эньлай прилетал по поручению Мао Цзэдуна посоветоваться, как быть, и спрашивал Сталина, двигать ли на территорию Северной Кореи китайские войска: у северокорейцев уже не было войск; надо преградить путь на север южнокорейцам и американцам; или же не стоит?

Сначала Чжоу и Сталин пришли к выводу, что Китаю не стоит вмешиваться.

Но потом, когда Чжоу Эньлай готовился улететь, кто-то проявил дополнительную инициативу (то ли Чжоу по поручению Мао, то ли Сталин), и они опять вернулись к обсуждению этого вопроса, после чего согласились с тем, что Китай выступит в поддержку Северной Кореи. Китайские войска уже были подготовлены к тому и находились на самой границе с КНДР. Собеседники считали, что эти войска вполне справятся с делом, разобьют американские и южнокорейские войска и восстановят былое положение. Итак, Чжоу улетел, а я его не видел и не слышал. Поэтому рассказываю только о том, что узнал позднее по сообщениям самого Сталина.

Я даже точно не помню, прилетал ли действительно Чжоу Эньлай или кто-то другой? Видимо, это был он. К тому же я считал его тогда самым умным человеком по сложным делам, главным «посыльным» Мао Цзэдуна, гибким и вполне современным человеком, с которым можно о многом говорить и вполне понимать друг друга.Так был решен вопрос о том, что Китай вступает в эту войну. Но добровольцами. Он не объявлял войны, а послал туда добровольцев. Этими добровольцами командовал Пэн Дехуай. Мао дал очень высокую оценку Пэн Дехуаю: говорил, что это лучшая, самая яркая звезда на китайском военном небосклоне.

Развернулись новые бои. Китайцы сумели остановить продвижение южнокорейцев и американцев. Сохранились документы, в которых Пэн докладывал обстановку Мао Цзэдуну. Пэн составлял обширные телеграммы, в которых излагал планы военных действий против американцев. Там обозначались рубежи, намечались сроки и указывались силы, которые потребны. Он категорически заявлял, что враг будет окружен и разбит, что ему будут нанесены решающие фланговые удары. Одним словом, несколько раз в этих планах, которые сообщались Пэном Мао, а Мао присылал их Сталину, войска США громились и война завершалась.

К сожалению, война не закончилась. Китайцы тоже терпели большие поражения. Мы получили сообщение, что при одном из воздушных налетов на командный пункт погиб китайский генерал, сын Мао Цзэдуна. Так Мао потерял сына в Северной Корее. А бои продолжались, носили очень упорный и кровавый характер. Теперь и Китай нес большие потери, поскольку его боевая техника и вооружение значительно уступали американским. Тактика китайских действий была построена главным образом на использовании живой силы и в обороне, и в наступлении. Война приняла затяжной характер. Потом линия фронта стабилизировалась. Обе стороны как бы остановились, обе проявляли упорство в обороне. Постепенно северокорейцы вместе с китайцами стали медленно оттеснять южнокорейцев и американцев, заняли Пхеньян и отогнали врага к 38-й параллели.

Когда Сталин умер, война еще длилась. Я ход этой войны освещаю сугубо схематично, потому что я говорю все по памяти, а документов, в которых решались вопросы оказания военно-технической помощи северокорейцам, я вообще никогда не видел. Их у нас, наверное, никто не видел кроме Сталина. Но основы нашей политики там я знал. Документы, которые мы получали от нашего посла в КНДР, я читал все.

В то время я уже получил от Сталина «право гражданства» и начал читать почту для Политбюро. Сталин распорядился, чтобы мне рассылали такие документы, а раньше я подобной почты не получал. Например, когда я после войны работал на Украине, то никакой почты для Политбюро не имел кроме документов по тем вопросам, которые непосредственно касались Украины или меня лично. Теперь же я получал текст донесений от Пэн Дехуая, которые Мао пересылал затем Сталину, а Сталин их рассылал нам. Таким образом, я мог лучше узнавать положение дел, сложившееся в Корее.

Об окончании войны в Корее я расскажу позднее.

Дело врачей

Сейчас хочу рассказать о так называемом «деле врачей». Однажды Сталин пригласил нас к себе в Кремль и зачитал письмо. Некая Тимашук сообщала, что она работает в медицинской лаборатории и была на Валдае, когда там умер Жданов. Она писала, что Жданов умер потому, что врачи лечили его неправильно: ему назначались такие процедуры, которые неминуемо должны были привести к смерти, и все это делалось преднамеренно. Конечно, если так было на самом деле, то каждый

должен возмутиться подобному злодейству. Тем более, речь идет о врачах. Это же совершенно противоестественно: врач должен лечить, оберегать здоровье человека, а не убивать жизнь.

Если бы Сталин в ту пору оставался нормальным, то он по-другому отреагировал бы на это письмо. Мало ли какие письма поступают от людей с нарушенной психикой или от тех, которые подходят к оценке того либо другого события или действия того либо другого лица с ложных позиций. Сталин же был чрезвычайно восприимчив к такой «литературе». Думаю, что Тимашук тоже была продуктом сталинской политики, которая внедрила в сознание всех наших граждан ту дикую мысль, что мы не просто окружены врагами, но что едва ли не в каждом человеке, который рядом, нужно видеть неразоблаченного врага.

Сталин, призывая к бдительности, говорил, что если в доносе есть 10 процентов правды, то это уже положительный факт. Но ведь только 10 процентов! А поддаются ли вообще учету проценты правды в таких письмах? Как подсчитать эти проценты? Призвать осуществлять подобный подход к людям, с которыми ты работаешь, это значит создать дом сумасшедших, где каждый будет выискивать о своем приятеле несуществующие факты. А ведь именно так и было, и это поощрялось. Натравляли сына против отца, отца против сына, и называлось это классовым подходом.

Я понимаю, что классовая борьба нередко разделяет семьи, и очень жестоко. Она ни перед чем не останавливается. Классовая борьба может определить общественную позицию того или другого члена семьи. Я считаю, что это — в порядке вещей, потому что речь идет о лучшем будущем, о построении социализма. А это — не парадное шествие, но кровавая и мучительная борьба. Я-то это знаю, я сам участвовал в острейшей классовой борьбе. С 1917 по 1922 г., когда шла гражданская война в Советской России и на Дальнем Востоке, я понимал необходимость такого подхода. Тем более, что и после разгрома белогвардейцев еще долго бушевали недобитые крупные и мелкие банды. Кишел бандитами Северный Кавказ, был буквально насыщен ими.

Однажды я принимал участие в совещании по борьбе с бандитами. Его проводили командующий 9-й Кубанской армией Левандовский и начальник Политотдела Фурманов. После совещания участники совещания фотографировались. Я тоже присутствую на фотографии. А мне прислала ее сослуживица по политотделу армии Вера, сейчас пенсионерка. Я очень доволен, что она жива и здорова, хотя и не знаю, как миновала ее чаша репрессий, когда в 30-е годы была общественная мясорубка.

Вот тогда, до 1922 г., была действительно классовая борьба. Банды пополнялись главным образом за счет офицерства, которое собралось на Северном Кавказе, убежав туда со всей Советской России. Да и местных, казачьих офицеров имелось там немало. Шла кровавая, классовая борьба. Хотя даже в те дни Ленин с его прозорливостью проявлял гуманность и делал все для того, чтобы перетащить на нашу сторону колеблющихся и укрепить их на положительной позиции, поддержать, сделать сперва нейтральными, а потом постепенно втянуть в активную деятельность по строительству новой жизни. Такую линию я понимаю и одобряю.

Но этот этап давно пройден. И вот, пожалуйста: классовые вредители. Их мнимое появление есть продукт неразумной политики. Да, Жданова лечили кремлевские врачи. Надо полагать, что все лучшие светила, какие были известны в медицинском мире СССР, привлекались для работы в Кремлевской больнице. Кто лечил Жданова конкретно, я сейчас не помню. Не в этом дело! И вот начались аресты. Был арестован среди других академик медицины Владимир Никитич Виноградов, которого, когда он был уже освобожден, я узнал получше, ибо он не раз потом консультировал меня. Арестовали Василенко, крупнейшего терапевта. Я мало знал его лично, но слышал о нем очень хорошую характеристику от академика Стражеско, которого я весьма уважал.

Стражеско я знал по Киеву. Это было крупнейшее светило медицины в масштабе не только Советского Союза, но мирового значения. Это он, когда заканчивалась Великая Отечественная война, попросил меня отозвать Василенко из армии, чтобы тот пришел работать в клинику, которой заведовал Стражеско. Он прямо говорил: «Василенко — мой ученик, и я хотел бы, чтобы он остался после меня, чтобы клиника перешла в надежные руки». Свою клинику Стражеско создавал еще

до революции, и она давно пользовалась славой. У него там в свое время лечился, между прочим, видный демократ Михаил Коцюбинский.

Вместе с Виноградовым и Василенко арестовали большую группу врачей, которые работали в Кремлевской больнице и имели какое-то касательство к лечению Жданова. Арестовали их, и тут же Сталин послал для публикации письмо Тимашук со своей припиской, в которой он мобилизовывал гнев широких масс против врачей, которые «учинили такое злодеяние» и умертвили Жданова. У Жданова давно было подорвано здоровье. Не знаю точно, какими недугами он страдал. Но одним из недугов был тот, что он утратил силу воли и не мог себя регулировать, когда надо остановиться в питейных делах. На него порою жалко было смотреть. Помню (а это было редким явлением), как Сталин иногда покрикивал на него, что не следует пить. Тогда Жданов наливал себе фруктовую воду, когда другие наливали себе спиртные напитки. Полагаю, что если за обедом у Сталина тот его удерживал, то что было дома, где Жданов оставался без такого контроля? Этот порок убил Щербакова и в значительной степени ускорил смерть Жданова.

Я ни в какой степени не ставлю на одну доску Щербакова и Жданова, хотя к Жданову наша интеллигенция питала большое недружелюбие за его памятные доклады о литературе и музыке. Конечно, Жданов сыграл тогда отведенную ему роль, но все-таки он выполнял прямые указания Сталина. Думаю, если бы Жданов лично определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жесткой. Ведь нельзя палкой, окриком регулировать развитие литературы, искусства, культуры. Нельзя проложить какую-то борозду и загнать в эту борозду всех, чтобы они шли, не отклоняясь, по проложенной прямой. Тогда не будет борьбы мнений, не будет критики, не появится, следовательно, и истина, а возникнет мрачный трафарет, скучный и никому не нужный. Он не только не станет манить к себе, располагать людей пользоваться достижениями литературы и искусства, но отравит отношение к ним, культура омертвеет.

Одним словом, врачи были арестованы. Отовсюду в газету посыпались письма, в которых врачи клеймились как предатели. Я понимаю авторов писем. Письма соответствовали настроению людей, которые верили, что если сам Сталин рассылает такой документ, то, следовательно, преступление доказано. А оно возмущало каждого. Маршал Конев, сам уже больной человек, прислал Сталину длиннющее письмо, в котором сообщал, что врачи его тоже травили, тоже неправильно лечили, применяя те же лекарства и методы лечения, о которых говорилось в письме Тимашук и посредством которых Жданов был сознательно умерщвлен.

Просто позор! Видимо, многие члены Президиума ЦК КПСС чувствовали несостоятельность этих обвинений. Но они не обсуждали их, потому что раз про это сказал Сталин, раз он сам «ведет» этот вопрос, то говорить больше не о чем. Когда же мы сходились не за столом Президиума и обменивались между собой мнениями, то больше всего возмущались письмом, полученным от Конева, потому что если люди, обвиняемые в смерти Жданова, оказались за решеткой, то письмо, которое прислал Конев, клеймило не только тех, которые уже были «выявлены», но толкало Сталина на расширение круга подозреваемых и вообще на недоверие к врачам. Шутка сказать! После разгрома врага во второй мировой войне, после того как давно родилась своя, в советское время рожденная, получившая после 1917 г. образование и воспитание интеллигенция, вдруг ее представители, врачи, оказываются вредителями и по отношению к ним выдвигается недоверие. Неслыханная жестокость!

Вспоминаю ранние годы своей юности. В Донбассе свирепствовала в 1910 г. холера. Много умерло шахтеров на той шахте, где работали мой отец и я. Заболевшие шахтеры сразу попадали в холерный барак, откуда никто не возвращался. Тогда поползли слухи, что врачи травят больных. Нашлись и «свидетели», которые видели, как кто-то шел мимо колодца и высыпал туда какой-то порошок. Всякие нелепые вещи можно было тогда услышать. А еще раньше, в 1902 г., в Макеевке возник даже «холерный бунт». Темное население избивало врачей. И вот теперь, в 1952 г., опять поднимают голову темные силы, ведется травля врачей, и даже маршал Конев прилагает к этому руку.

Конечно, это произошло в результате болезненного характера человека и некоего «сродства душ». А у Конева и Сталина, действительно, имело место частичное сродство душ. Потому-то Конев посейчас переживает, что XX съезд

партии осудил злодеяния Сталина, а XXII съезд партии еще «добавил». Считаю, что мы, члены Президиума ЦК партии, мало сделали в конце 1952 года. В этом я и себя упрекаю. Надо было проявить больше решительности в то время, не позволить развернуться той дикой кампании. Увы, после драки кулаками не машут, и я беру и на себя вину за то, чего тогда не доделал. А нужно было бы доделать в интересах нашего народа, в интересах партии, в интересах нашего будущего.

Начались допросы «виновных». Я лично слышал, как Сталин не раз звонил Игнатьеву. Тогда министром госбезопасности был Игнатьев. Я знал его. Это был крайне больной, мягкого характера, вдумчивый, располагающий к себе человек. Я к нему относился очень хорошо. В то время у него случился инфаркт, и он сам находился на краю гибели. Сталин звонит ему (а мы знали, в каком физическом состоянии Игнатьев находился) и разговаривает по телефону в нашем присутствии, выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в порошок. Он требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы.

Василенко, кажется, был в то время в Китае. Его отозвали. И, как только он переехал советскую границу, ему надели кандалы. У меня отложилось в памяти, что все эти несчастные врачи «сознались» в преступлениях. Но я не могу осуждать людей, которые фактически клеветали сами на себя. Слишком много предо мною прошло разных лиц, честных и преданных нашей партии и революции, которые «сознавались». Один из примеров — видный наш военачальник Мерецков, который доживает свой век, согнувшись в дугу. Он тоже некогда «признался», что является английским шпионом. Вот и врачи попали далеко не в лучшее положение и, естественно, «признались».

В октябре 1952 г. открылся XIX партсъезд. Я сделал на нем доклад об уставе партии и заболел, не мог выйти из дому, когда обсуждался мой доклад. Наверное, день или два не выходил на улицу. Ко мне приехал профессор медицины, прослушал меня. Это был человек, как говорится, в возрасте, старый доктор, опытный. Он пользовался не только медицинской аппаратурой, но прослушивал работу моего сердца, прикладывая ухо непосредственно к груди, а делал это бережно, ласково и утешал меня. Буквально трогали внимание и заботливость этого человека. И его, наверное, сцапают, размышлял я, когда открылось «дело врачей». Я тогда поднялся быстро на ноги и успел поучаствовать в конце работы XIX съезда партии. Не в том дело. Я боялся, что таких людей, как этот врач, всех загребут. Раз дают показания, то Сталин никого не пощадит. Виноградов тоже лечил Сталина (а врачи лечили его редко). Но Сталин не пощадил Виноградова, арестовал, приказал бить. Да там всех били. И все они попали в общую кашу. Так возникло позорное «дело врачей». Какое же это счастье, что оно потом лопнуло, как мыльный пузырь!

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Технология власти

А. Г. Авторханов

II. От партии Ленина к партии Сталина

Мне могут возразить: «Простите, по-вашему получается, что Сталин все видел и даже предвидел и потому шел так уверенно к единовластию?» Такое возражение бьет мимо цели. Я утверждаю нечто другое: Сталин не предвидел, но предусматривал, не импровизировал, а рассчитывал, не «азартничал», а комбинировал.

В «Секретариате Сталина», конечно, не было «сектора планирования политики», но в голове своей он ее планировал несомненно. Убедительные доказательства сталинской «предусмотрительности», расчета и комбинации на началах «планированной политики» именно и дает нам история его борьбы с группой Троцкого при опоре на группу Зиновьева и Каменева; с группой Зиновьева и Каменева при опоре на группу Бухарина — Рыкова — Томского; с группой бухаринцев при опоре на вновь создаваемый «партактив». В разгаре борьбы с Зиновьевым и Каменевым Сталин однажды буквально выдал свой план, правда, как план «чужой» и «опасный». Ссылаясь на то, что зиновьевцы требовали еще в 1924 году исключения Троцкого из партии, Сталин как бы нечаянно проговорился об этом своем плане на XIV съезде партии[1]: «Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что *политика отсечения* чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: *сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего,* — что же у нас останется в партии? (Аплодисменты.)» (весь курсив в цитате мой. — *А. А.*).

Сталин осуждал под аплодисменты съезда «метод отсечения и пускания крови» — сегодня одного (Троцкого), завтра другого (Зиновьева), послезавтра третьего (Бухарина), а сам уже тогда наметил именно такой путь восхождения к власти. В свете последующих событий в истории партии в этом не приходится сомневаться ни на йоту. Руководствуясь этим планом, Сталин покончил политически с Троцким на XIII съезде партии (1924 г.), с Зиновьевым и Каменевым на XIV съезде (1925 г.), с Бухариным, Рыковым и Томским накануне XVI съезда (1930 г.). Успокоился ли Сталин на том, что покончил со своими противниками политически? Нет, не успокоился. Пока что был выполнен только «план-минимум». Для безраздельного и безопасного владычества над страной надо было осуществить «план-максимум» — физическое уничтожение (любимое выражение Сталина, по запоздалому свидетельству Хрущева) всех старых ленинских кадров, даже тех, которые никогда не

Продолжение. Начало см. Вопросы истории, 1991, №№ 1—11.

принадлежали к какой-либо оппозиции, и замена их новыми, сталинскими кадрами, послушными и преданными своему вождю. Для осуществления этого плана-максимума Сталин избрал «метод пускания крови», метод массовых и непрекращающихся чисток.

Существует довольно распространенное мнение, что к методу чистки Сталин и сталинцы приступили только в связи с убийством Кирова в декабре 1934 года. В этом смысле «великая чистка» Сталина — Ежова — Маленкова трактуется как контртеррор на террористический акт Леонида Николаева против Кирова. Если бы это было так, то в значительной степени показалось бы искусственным и мое утверждение о «планированной политике» Сталина. Однако факты говорят в пользу «планированной политики». Поэтому не убедительны и утверждения Хрущева и Микояна, что Сталин встал на путь террора внутри партии только после XVII съезда (1934 г.).

Метод периодических генеральных чисток стал уже, начиная с 1925 года тем основным оружием, при помощи которого он создал и укрепил ныне существующий режим партийной олигархии. Чистка стала универсальным средством расправы не только с настоящей оппозицией внутри партии, но и с потенциальными оппозициями и в партии, и в народе. Ее основная цель — ликвидация думающей партии. Этого можно было добиться только путем политической и физической ликвидации всех и всяких критически мыслящих коммунистов в партии. Критически мыслящими как раз и были те, которые пришли в партию до и во время революции, до и во время гражданской войны.

Эти люди, ставшие коммунистами еще до того, как Сталин стал генеральным секретарем партии, были главным препятствием для Сталина на его пути к единоличной диктатуре. Многие из них до конца своих дней оставались идейными людьми. Именно поэтому они и были опасны Сталину. Это касалось верхов партии. Но и низовая многотысячная партийная масса стала проявлять некоторое непослушание. Она с опаской и критически начала относиться к тому, как Сталин расправляется со своими противниками наверху. Поэтому чистка партии направлялась одновременно и против оппозиционных верхов, и против потенциальной оппозиции в низовой партийной массе.

Таковы были чистки: первая — чистка вузовских и учрежденческих ячеек партии, 1925 год; вторая — чистка деревенских парторганизаций, 1926 год; третья — генеральная чистка, 1929—1930 годы; четвертая — генеральная чистка, 1933 год; пятая — генеральная чистка, под видом «обмена партдокументов», 1935—1936 годы; шестая — «великая чистка» партии, армии, интеллигенции и народа, 1936—1939 годы. Каждая новая чистка сопровождалась исключением из партии значительной части ее общего состава. Сейчас же после очередной чистки объявлялся новый прием в партию, но только тех, кто безоговорочно признавал Сталина за великого вождя, а его олигархию — за подлинную партию.

Можно ли доказать фактами и документами, что сталинские чистки служили не только ликвидации действительной оппозиции в партии, но и предупреждению всякой потенциальной оппозиции? Можно ли доказать, что сталинские чистки в конечном счете и главным образом служили для: 1) ликвидации старой партии Ленина, 2) создания новой партии Сталина. Даже те документы, которые доступны нашему анализу, подтверждают, что это было именно так. Обратимся к этим документам.

В ноябре 1928 года пленум ЦК по докладу Молотова «О вербовке рабочих и регулировании роста партии» постановляет развернуть одновременно две кампании: 1) прием новых членов партии, 2) чистка старых членов. В этом постановлении говорится[2]: «1. Добиться, чтобы не позднее конца 1930 года в партии было не менее половины ее состава из рабочих от производства... 5. Проверка и чистка организаций от чуждых элементов... должна производится *гораздо более решительно и более систематически*» (курсив мой. — *А. А.*).

Сталину нужны «рабочие» от производства, но не от политики. Ему нужны голосующие, а не думающие рабочие. Думающие рабочие, старые кадровые коммунисты ленинской школы, переводятся в разряд «чуждых элементов» и подлежат «более решительной и более систематической» чистке. К началу 1929 года — в разгар борьбы с Бухариным — в партии было 1 500 000 членов и кандидатов. Это была весьма разношерстная масса. Общее у них — это признание принципов ленинского

большевизма. Для них лишь Ленин был и оставался единственным авторитетом. Но Ленина нет. Они настроены весьма подозрительно и в отношении тех, кто стремится в Ленины. В значительной степени на этом сорвались и претенденты в Ленины — Троцкий, Зиновьев, Бухарин... Борьба за ленинизм тоже велась под знаменем «коллективного руководства» против принципа «единого вождя». Под этим знаменем выигрывал, собственно, и Сталин. Однако наступает время, когда Сталин и аппаратчики начинают открывать свои карты: «Сталин — Ленин сегодня!» В ушах значительного большинства партии это звучит как «святотатство».

Для признания Сталина «Лениным сегодня» партия слишком думающая, слишком разнородна. Нужна новая, генеральная чистка, чтобы сделать ее однородной, послушной, «монолитной». Поэтому в апреле 1929 года XVI партийная конференция принимает по докладу Емельяна Ярославского постановление о проведении «генеральной чистки». В нем говорилось[3]: «Чистка рядов партии должна сделать партию более однородной» и очистить ее от всяких чуждых элементов, «разоблачая скрытых троцкистов... и сторонников других антипартийных групп». В постановлении делалась ссылка на Ленина по поводу первой чистки 1921 года. Он указывал тогда, что партию надо очистить от меньшевиков, считаясь с голосом беспартийных рабочих. Но эта ссылка на Ленина в новых условиях, когда чистка должна была быть проведена, считаясь с требованием не рабочих, а аппаратчиков, чистка не от меньшевиков, а от большевиков, приобретала совершенно иное значение, весьма ярко подчеркивая и цель самой чистки. Вот что говорилось в этой ссылке[4]: «Если бы нам действительно удалось *таким образом* очистить партию сверху донизу, «не взирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное».

Само это решение, с точки зрения устава, было незаконным. Конференция партии была совещательным органом. Ее постановления приобретали силу партийного закона лишь после утверждения ЦК. Но ЦК не имел права объявить чистку партии без решения съезда. В этом как раз и был весь секрет — Сталин решил созвать съезд партии после ее «генеральной чистки». В постановлении конференции так и говорилось: закончить чистку партии к XVI съезду. Разумеется, съезд партии, подготовленный в условиях такого партийного террора, должен был быть первым «монолитным» съездом. Массовые чистки сопровождались массовыми приемами новых членов партии. Это легко установить из официальных данных.

Так, на XV съезде партии (декабрь 1927 г.) было представлено 887 233 члена партии. Но за время с XV по XVI съезд партия выросла, по данным Сталина, почти в два раза. При этом рост этот идет в порядке ударной кампании, то есть искусственно. Сталинцы прибегают к необычным для них чрезвычайным мерам массовой вербовки новых членов с тем, чтобы радикально изменить состав и политическое лицо партии. Все это выдается за выражение «доверия рабочего класса» сталинскому руководству. Это обстоятельство Сталин и подчеркнул на XVI съезде[5]: «Я уже не говорю о таких признаках роста доверия к партии, как заявления рабочих о вступлении в партию *целыми цехами и заводами* (курсив мой. — *А. А.*), рост числа членов партии в промежутке от XV съезда до XVI съезда более чем на 600 тысяч человек, вступление в партию за первый лишь квартал этого года 200 тысяч новых членов».

Этот искусственный рост партии «целыми цехами и заводами» происходил, как указывалось, наряду с «генеральной чисткой» старых ее членов. Сталин на этом, однако, не думал успокоиться. Создание слепо голосующей партии должно сопровождаться и созданием нового типа партийного и государственного работника. У него узурпируется право на рассуждение. Последнее теперь признается только за аппаратом ЦК. Для самой партии ЦК преподносит «генеральную линию». Правильна ли она или нет — об этом нельзя рассуждать. Ее надо принимать. Но этого тоже недостаточно. Ее надо точно проводить, проводить как свою собственную линию. Безусловная преданность этой линии должна сочетаться с бюрократической аккуратностью в деле ее проведения в жизнь.

Второй натурой нового типа партийного и государственного бюрократа должна стать его нерассуждающая исполнительность. Такова директива XVI съезда. «*Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела* — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики» — эти слова Ленина цитируются в резолюции XVI съезда по докладу председателя ЦКК—РКИ

Орджоникидзе и добавляется[6]: «Съезд поручает ЦКК—РКИ решительно снимать с постов работников, не выполняющих со всей точностью и добросовестностью директив партии и правительства, *независимо от происхождения, должности и прошлых заслуг*» (курсив мой. — *А. А.*).

Таким образом, чистка становится постоянным методом создания новой партии. Ставка делалась не на партию политически мыслящих людей, а на партию преданных и исполнительных чиновников в аппарате и слепо голосующих членов партии в массе. Все, кто этому сопротивлялся, подлежали немедленному исключению из партии «независимо от происхождения, должности и прошлых заслуг».

Весь этот процесс вызвал взрыв нового сопротивления, и именно в верхушке партии. Казалось бы, откуда взяться этому сопротивлению после XVI съезда, на котором Сталин внешне одержал полную победу, а лидеры всех бывших оппозиций выступали с покаяниями? Откуда взяться этому сопротивлению в высших органах партии, избранных на том же съезде, куда допускались только проверенные на деле высшие сановники партии, а из бывших оппозиционеров только такие, которые безоговорочно признали Сталина «вождем партии»?

Но сопротивление пришло, и пришло сразу с трех сторон: от старых большевиков во главе с членом ЦК А. П. Смирновым, от молодых большевиков во главе с членом ЦК Сырцовым и от национал-большевиков во главе с членом ЦК Скрыпником. Это были люди, весьма известные в партии. Главное — никто из них никогда не был причастен к какой-либо оппозиции в прошлом.

III. Группа Сырцова

Особенно неприятным и неожиданным для Сталина был «бунт младо-большевиков» из состава ЦК и ЦКК во главе с Сырцовым. В их лице взбунтовались как раз те кадры, на которые Сталин опирался в своей «планированной политике» по уничтожению старой гвардии и созданию новой партии. Глава этой группы Сырцов готовился в преемники Рыкову на посту председателя Совнаркома СССР. Он был отозван в Москву с работы секретаря крайкома партии в Сибири и назначен председателем Совнаркома РСФСР на место Рыкова, хотя последний номинально и оставался еще председателем Совнаркома СССР. Но все понимали, что Рыков — уже обреченный человек, и нарушение установившейся со времени Ленина традиции, когда председатель Совнаркома РСФСР одновременно был и председателем Совнаркома СССР, лишь подтверждало и обреченность Рыкова и обеспеченность занятия его места Сырцовым. Введение же Сырцова в состав кандидатов Политбюро наряду с такими будущими членами Политбюро, как Микоян, Чубарь, Андреев, не оставляло никакого сомнения о предрешенном выборе будущего главы советского правительства. Дальнейшее зависело только от самого Сырцова — насколько он проявит понимание новой политики и важности своей личной роли в деле ее проведения.

Сталин, со своей стороны, делал все, чтобы облегчить Сырцову эту задачу. Хотя он и был самым молодым и по возрасту и по партийному стажу в составе Политбюро, причем был только кандидатом, ему создавался авторитет, не уступающий некоторым из его членов. Занятие Сырцовым места Рыкова в самом Политбюро было также вопросом ближайшего будущего. Это гарантировало бы ему второе после Сталина место в монопартийном государстве. Сталин намеренно подчеркивал эту роль новой «восходящей звезды» Сырцова при каждом удобном для этого случае, вызывая зависть среди своих старых соратников. Сталин хорошо запомнил и то, какую великую услугу оказал ему Сырцов, когда он впервые, опираясь на него, начал лично проводить свой план коллективизации в Сибири и на Урале.

Личные качества Сырцова для предназначенной ему роли тоже были вне сомнения — выдающийся талант организатора, прямота и решительность, ортодоксальное прошлое, энергичная и волевая натура и кажущееся отсутствие всякой претензии на самостоятельное мышление в «большой политике». На расстоянии — когда Сырцов был в далекой Сибири — эти качества весьма импонировали в «естественном отборе» новых кадров. В них была, однако, и потенциальная опасность: если Сталин не сумеет воспользоваться ими в собственных интересах, они могут повернуться против него же. Сталин полагал, что, гарантируя большую государственную карьеру, на которую так велик был спрос, он уже ликвидировал потенциальную опасность личных качеств Сырцова. Расчет этот не оправдался.

Стоило Сырцову переселиться в столицу и самому войти в переднюю лаборатории Сталина, как не осталось и следа от его былой провинциальной наивности. Сырцов увидел, куда метит Сталин и при помощи каких методов он добивается своей цели. Увидел и людей, в партии неизвестных, но решающих судьбу партии от ее имени, — «Секретариат Сталина». К своему великому удивлению, установил и то, что громогласная вывеска «Политбюро» — это лишь легальное прикрытие всемогущей нелегальной силы, того же «Секретариата Сталина». Увидел больше: анонимный коллектив «ЦК ВКП(б)» — это коллективный псевдоним технических служащих самого Сталина.

В этих условиях для «новичка» не было большого выбора: либо служить в этом аппарате с наилучшими шансами на карьеру, либо выступить против него с такими же шансами на гибель. Триумфальные победы Сталина над всеми предыдущими оппозициями, независимо от того, были оппозиционеры правы или нет, говорили в пользу сталинского аппарата. Надо было иметь большое личное мужество и неисчерпаемый запас идеализма былого революционера, чтобы выбрать не Сталина. То и другое оказалось у Сырцова.

Сырцов решил, что то, что не удалось старым большевикам — Бухарину и бухаринцам, удастся ему и молодым большевикам в составе ЦК и ЦКК. Платформа Сырцова — та же, что и у бухаринцев, но метод и средства борьбы — другие. Сталин — не идеалист, не искатель правды. Споры с ним на тему о путях и идеалах социализма не только бесполезны, но даже вредны. Столь же вредны и всякие попытки апеллировать к партии. Партия сейчас сплошь карьеристская, а не идейная. Но даже та часть партии, которая все еще осталась верна старым принципам и способна самостоятельно мыслить, не отважится на самостоятельное действие при установившемся ныне режиме внутри партии. Вся нынешняя политика партии диктуется не интересами страны, а интересами аппарата. Чтобы выправить эту политику, надо выправить организацию, аппарат, систему управления. Короче: чтобы лишить Сталина возможности стать диктатором, надо реорганизовать управление партией на совершенно новых началах. Если постановка этого вопроса вызовет сопротивление Сталина, то это явится лучшим доказательством его тайных замыслов, и тогда легче будет его вообще убрать из ЦК.

В самом деле, в чем была сила Сталина в аппарате партии? В том, что он был одновременно и генеральным секретарем в исполнительном органе ЦК — Секретариате, и председателем в фактически законодательном органе — Политбюро. В третьем и весьма важном органе — Оргбюро он был не только членом, но и фактическим хозяином, хотя там формально председательствовал второй секретарь ЦК (в разное время Молотов, Каганович, Андреев, Жданов и Маленков). Разделение этого исключительного, в истории самой коммунистической партии беспрецедентного, сосредоточения власти в руках одного человека — таков был замысел Сырцова. Как этого добиться? Организованными требованиями секретарей ведущего звена партии — секретарей обкомов и крайкомов. На этой почве и составился так называемый «право-левацкий» блок Сырцова — Ломинадзе — Шацкина.

Вано Ломинадзе был членом ЦК и секретарем Закавказского крайкома партии (куда входили три ЦК национальных компартий — Азербайджана, Армении и Грузии). Лазарь Шацкин был членом ЦКК и одним из руководителей Коммунистического интернационала молодежи. Блок опирался на поддержку многих секретарей и местных коммунистов. Если не прямой поддержкой, то явной симпатией требования блока пользовались и у значительной части молодых членов ЦК и ЦКК (Чаплин, Мильчаков, Хитаров и др.). Из бывших оппозиционеров в блок входил бывший член ЦКК Стэн.

Блок Сырцова («блоком» его назвал Сталин, хотя никакого блока не было, а была группа единомышленников) собирался выступить со своим организационным планом на ближайшем пленуме ЦК и ЦКК, который должен был состояться не позже октября 1930 года. Но С. И. Сырцову и его друзьям так и не пришлось больше принимать участие в пленумах ЦК. Вся группа была исключена из партии, а пленум созвали только в декабре. Это был первый случай, когда членов ЦК и ЦКК исключили из партии не только без дискуссий, но и без согласия пленума ЦК. Ряд местных секретарей был снят, а те, которые в решающий момент изменили

Сырцову, получили повышение (так, бывший друг Сырцова секретарь Уральского обкома Д. Сулимов был назначен вместо него председателем Совнаркома РСФСР). Это был обычный метод поощрения предателей и предательства.

IV. Группа Смирнова

Расправа Сталина была жестокой, систематической и целеустремленной. До сих пор она не давала промаха. Ликвидируя действительных врагов, сталинцы рассчитывали на предупреждение и устрашение возможных врагов. Чистки и расправы должны были отучить охотников играть в оппозицию. Исключение членов ЦК и ЦКК, принадлежавших к группе Сырцова, показало, что отныне враги Сталина будут дискутировать о своих программах не на пленумах ЦК, а в подвалах ГПУ. И все-таки Сталин не чувствовал себя хозяином положения. Ликвидация одной оппозиции оказывалась прологом к появлению другой. Оппозиция против Сталина смахивала на ту легендарную гидру древнегреческой мифологии, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали новые головы. Не успели участники группы Сырцова прибыть на место ссылки (тогда еще не расстреливали), как появились новые группы оппозиции: 1) группа Рютина, 2) группа Смирнова, 3) группа Скрыпника.

Хотя между этими группами было много общего по идеологии и программе, они все-таки не были связаны между собою организационно. Группа Рютина, бывшего секретаря Краснопресненского райкома партии г. Москвы и кандидата в члены ЦК после XV съезда, вообще возникла вне ЦК. В ее состав входили главным образом бывшие участники «правой» оппозиции в среднем звене — Галкин, Астров, Слепков и др. Группа Смирнова, долголетнего члена ЦК, бывшего секретаря ЦК и одного из деятелей «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» Ленина и Мартова, была наиболее влиятельной. Авторитет А. П. Смирнова в партии был огромен. Он числился в личной гвардии Ленина как один из основоположников большевизма. Сейчас он входил в состав Оргбюро ЦК и поэтому хорошо знал всю закулисную «организационную политику» аппарата.

Группа Смирнова объединяла в себе преимущественно старых рабочих-большевиков, никогда не участвовавших в каких-либо оппозициях. Она имела свои ячейки в рабочей среде Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска и Ростова-на-Дону. К этой группе принадлежали некоторые из видных участников гражданской войны (Эйсмонт, Толмачев). Ее поддерживали и весьма видные деятели из среды профессиональных союзов. Программа группы Смирнова мало чем отличалась от программы бывшей группы Бухарина, но была более резкой и определенной. Смирновцы требовали: 1) пересмотреть однобокий курс «сверхиндустриализации», создающей диспропорцию в развитии народного хозяйства; 2) распустить колхозы и совхозы; 3) реорганизовать ОГПУ и поставить его под контроль закона; 4) удалить Сталина и его выучеников из ЦК; 5) отделить профессиональные союзы от государства.

Конечно, группа Смирнова понимала, что она бессильна добиться выполнения этих требований легальным путем. Об этом говорил и опыт всех предыдущих оппозиций. Поэтому она решила перейти на нелегальное положение и организовалась в самостоятельную группу «рабочих-большевиков». Как я уже указывал, платформа группы Смирнова по существу была новым изданием платформы «правой» оппозиции Бухарина. Была, однако, и одна существенная разница во времени, которая делала группу Смирнова опасней для сталинского большинства, чем была группа Бухарина. Разница сводилась к следующему. Бухаринцы выдвинули свою платформу и объединились в группу в условиях, когда ЦК: 1) вместе с теми же бухаринцами только что покончил с левыми (троцкисты) под право-центристским флагом (Бухарин плюс Сталин), 2) хозяйственная и организационная политика Сталина еще не была проверена практикой. Другими словами, бухаринцы предупреждали возможное направление и последствия сталинского плана, не имея еще достаточных данных для ее дискредитации, тогда как смирновцы атаковали этот самый план на основе его первых практических результатов.

Результаты эти были весьма серьезны и конкретны: 1. Развал плана принудительной коллективизации сельского хозяйства, катастрофическое падение зернового хозяйства, массовый убой поголовья скота и связанный с этим небывалый голод в стране, особенно на Украине, где, по самым осторожным данным специалистов, погибло от голода до пяти миллионов человек. 2. Образование кричащей диспропорции в развитии промышленности, когда курс на развитие тяжелой промышленности привел к почти полному застою в развитии легкой промышленности и предметов широкого потребления. 3. Превращение ОГПУ в силу, стоящую над партией и государством.

Группа Смирнова, реставрируя старую платформу «правых», исходила не из теоретических соображений, а из этих практических результатов сталинской политики. При всей своей диалектической изворотливости Сталин был бы беспомощным против таких фактов, если бы ими располагали в свое время бухаринцы. Ими теперь располагали смирновцы. Но зато и Сталин располагал теперь гораздо бóльшим, чем в 1928 году, — «монолитным единством» в ЦК и ЦКК и усовершенствованным партийно-полицейским аппаратом на местах. Однако группа Смирнова и не собиралась апеллировать к партии. В этом заключалась другая и самая важная разница между нею и оппозицией Бухарина. Группа Смирнова решила первый и последний раз в истории сталинизма перенести спорные проблемы хозяйственного и политического курса на суд рабочих и крестьян, именем которых он управлял. Это возможно было сделать только в глубоком подполье, формально не противопоставляя себя партии. Создание нелегальных ячеек в важнейших рабочих центрах и собирание оппозиционных сил в рядах партии — такова была подготовительная работа Смирнова.

Свержение сталинского руководства мыслилось как акт восстановления «советской власти». Это уже было второе издание ленинского плана «пролетарской революции», на этот раз против диктатуры партаппарата и ОГПУ. И главный лозунг Смирнова оставался тот же ленинский: «Вся власть Советам!» Смирновцы выступали за реставрацию власти Советов, узурпированной сталинцами. На этой платформе группа Смирнова постаралась привлечь к себе бывших лидеров «правой оппозиции». Бухарин категорически отказался вообще вступать в контакт с группой Смирнова. Так же поступили Угланов, Котов, Михайлов и другие. Рыков и Томский, вероятно, имели встречи со Смирновым, но дальше этих безобидных встреч дело не пошло. Уроки 1928—1929 годов пошли на пользу «правым».

Но не спал и Сталин. В конце 1932 года чекисты раскрыли группу Смирнова. В январе 1933 года объединенный пленум ЦК и ЦКК по докладу Рудзутака рассмотрел и дело самой группы. Никаких уличающих документов против Смирнова на пленум представлено не было, кроме свидетельских показаний секретных сотрудников того же ОГПУ о противопоставлении смирновцами «советской власти» партаппарату. «Правые» лидеры, к которым обращался ранее Смирнов, в своих же интересах заявили, что, кроме обычных разговоров «на тему дня», они ничего не слышали от Смирнова. Тем не менее решение пленума было весьма суровым. Оно небольшое, но весьма характерное. Я привожу его поэтому полностью[7]:

«Об антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачева, Смирнова А. П. и др. I. 1) Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) устанавливает, что Эйсмонт, Толмачев, Смирнов и др., заявляя на словах о своем согласии с линией партии, на деле вели антипартийную работу против политики партии. С этой целью они создали подпольную фракционную группу, причем Эйсмонт и Толмачев вербовали своих сторонников среди разложившихся элементов, оторвавшихся от рабочих масс буржуазных перерожденцев. 2) В момент, когда партия подводит итоги величайшим победам пятилетки, эта группа, подобно рютинско-слепковской антипартийной группировке, ставила своей задачей по сути дела отказ от политики индустриализации страны и восстановление капитализма, в частности кулачества. 3) Исходя из этого, объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) постановляет: а) одобрить решение Президиума ЦКК об исключении из партии Эйсмонта и Толмачева, как разложившихся и переродившихся антисоветских людей, пытавшихся организовать борьбу против партии и партийного руководства; б) на основании резолюции X съезда партии исключить из Центрального Комитета ВКП(б) Смирнова, предупредив его, что в случае, если всей своей работой в дальнейшем не заслужит доверия партии — будет исключен из партии.

II. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) устанавливает, что члены ЦК Томский и Рыков и кандидат в члены ЦК Шмидт вместо действительной и активной борьбы с антипартийными элементами за генеральную линию партии и практичес-

кую политику ЦК партии стояли в стороне от борьбы с антипартийными элементами и даже поддерживали связь со Смирновым и Эйсмонтом, чем по сути дела поощряли их в их антипартийной работе, причем всем своим поведением давали повод всяким антипартийным элементам рассчитывать на поддержку бывших лидеров правой оппозиции. Объединенный пленум ЦК и ЦКК требует от Рыкова, Томского и Шмидта коренного изменения своего поведения в вопросах борьбы с антипартийными элементами и предупреждает их, что при продолжении их нынешнего поведения к ним будут применены суровые меры партийных взысканий».

Таким образом, резолюция Сталина — Рудзутака признавала, что 1) группа Смирнова стояла на платформе правых; 2) группа Смирнова опиралась на рабочих, хотя и «обуржуазившихся». Организационная связь бывших лидеров правой оппозиции с группой Смирнова не была установлена. Несмотря на это, Рыкову, Томскому и Шмидту объявлялось последнее предупреждение (но без упоминания Бухарина, так как Бухарин на пленуме резко отмежевывался от группы Смирнова).

Характерно, что Сталин не решился дать в этой резолюции огласку тому факту, что коммунисты Эйсмонт и Толмачев во время обсуждения их вопроса на пленуме уже находились под арестом как «враги советской власти», а требование самого Сталина (Рудзутака) подвергнуть той же участи члена ЦК Смирнова было отвергнуто пленумом. Ничего не говорила резолюция и об идее «Вся власть Советам». По другому поводу на том же пленуме Сталин объяснил, что такое «Советы без сталинцев»[8]: «Дело не только в Советах, как в форме организации, хотя сама эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело, прежде всего, в содержании работы Советов, дело в характере работы Советов, дело в том, *кто* именно руководит Советами, — революционеры или контрреволюционеры».

V. «Национальная оппозиция» в партии

В письме к Максиму Горькому в 1913 году Ленин из Вены писал[9]: «Насчет национализма вполне с Вами согласен... У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью...» «Чудесный грузин» был Сталин, а статья — «Марксизм и национальный вопрос».

После октябрьского переворота Сталин получает назначение по «специальности» — он делается народным комиссаром по делам малых национальностей. Потом его комиссариат получил и конкретное задание — подготовить слияние с советской Россией самостоятельно существующих советских республик — Украины (1919 г.), Белоруссии (1919 г.), Азербайджана (1920 г.), Армении (1920 г.), Грузии (1921 г.). Среднеазиатские республики, Казахстан, Татаро-Башкирия и Северный Кавказ — уже были включены в состав РСФСР. Конечно, все эти республики были советскими, но над ними еще не существовало общего контроля московского центрального правительства. Единый центр имелся только по линии партии в лице ЦК РКП(б), то есть своего рода «маленький Коминформ» с ограниченными контрольными функциями. Авторитет ЦК был скорее идеологический, чем организационный. Каждая советская республика пользовалась, так сказать, полным «национально-коммунистическим суверенитетом» по внутренним делам. Формально они даже имели и собственные вооруженные силы и вели «самостоятельную» иностранную политику (например, Рижский договор с Польшей 1921 года был подписан двумя советскими республиками — РСФСР и УССР).

Первый шаг к созданию советской конфедерации, правда, был сделан еще в декабре 1920 года, когда были заключены военно-хозяйственные конвенции между РСФСР, УССР, БССР, позже с кавказскими республиками, но лишь в смысле конфедерации, а не федерации с Россией. К созданию федерации приступили в конце 1922 года. Тогда впервые выходят на сцену «национал-коммунисты». Особенно резко и непримиримо выступают против потери независимости «национал-коммунисты» на родине самого Сталина, на Кавказе. Проект первой «сталинской конституции» о создании всесоюзной федерации в виде СССР кавказские коммунисты отвергают. Так, 15 сентября 1922 года ЦК коммунистической партии Грузии выносит решение[10]: «Предлагаемое на основании тезисов товарища Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным». «Объединение хозяйственных усилий и общей политики считать необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости».

В Москве такое «сепаратистское» решение грузинских коммунистов, к которому присоединились и руководители советского Азербайджана (Р. Ахундов, Кадирли и др.) и которое грозило провалом всего дела создания СССР, было отвергнуто. Сталин, Орджоникидзе (последний был секретарем Кавказского бюро ЦК РКП(б), Молотов, Мясников (Армения) «доказали» ЦК, что кавказские национал-коммунисты (названные теперь «национал-уклонистами») не выражают волю народов Кавказа. Через месяц этот вопрос был обсужден на пленуме ЦК. 16 октября 1922 года Сталин как секретарь ЦК направил в Грузию (с копиями другим национальным республикам) следующую телеграмму[11]:

«Предложение грузинского ЦК о преждевременности объединения и сохранения независимости пленумом ЦК отвергнуто единогласно. Представитель ЦК Грузии Мдивани ввиду такого единодушия пленума вынужден был отказаться от требования грузинского ЦК. Пленумом принято без всяких изменений предложение членов комиссии: Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова — о сохранении Закавказской Федерации и объединении последней с РСФСР, Украиной и Белоруссией в «СССР»... ЦК РКП не сомневается, что его директива будет проведена с энтузиазмом».

Это «единодушное» решение было принято тогдашней «тройкой» — Сталиным, Каменевым и Зиновьевым. Ленин болел и не участвовал в работе ЦК и правительства. Троцкий находился в оппозиции к «тройке», но в союзе с Лениным. Решение ЦК («тройки») было отвергнуто грузинами. Сталин, прикрываясь авторитетом ЦК и пользуясь болезнью Ленина, приступил к чистке в Грузии. Это было знаменитое «грузинское дело», которое как раз и послужило поводом Ленину написать известное «завещание» с требованием снять Сталина с поста генерального секретаря ЦК. Вот свидетельство Льва Троцкого[12]:

«Два секретаря Ленина, Фотиева и Гляссер, служат связью. Вот что они передают. Владимир Ильич до крайности взволнован сталинской подготовкой предстоящего партийного съезда, особенно же в связи с его фракционными махинациями в Грузии. «Владимир Ильич готовит против Сталина на съезде бомбу». Это дословная фраза Фотиевой. Слово «бомба» принадлежит Ленину, а не ей. «Владимир Ильич просит Вас взять грузинское дело в свои руки, тогда он будет спокоен». 5 марта (1923 г.) Ленин диктует мне записку: «Уважаемый т. Троцкий. Я очень просил бы Вас взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив...» Почему же вопрос так обострился? — спрашиваю я. Оказывается, Сталин снова обманул доверие Ленина: чтобы обеспечить себе опору в Грузии, он, за спиной Ленина и всего ЦК, совершил там при помощи Орджоникидзе и не без поддержки Дзержинского организованный переворот против лучшей части партии, ложно прикрывшись авторитетом ЦК. Пользуясь тем, что больному Ленину недоступны были свидания с товарищами, Сталин пытался окружить его фальшивой информацией... Фотиева снова пришла ко мне с запиской Ленина, адресованной старому революционеру Мдивани и другим противникам сталинской политики в Грузии. Ленин пишет им: «Всей душой слежу за Вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для Вас записки и речь». Но Сталин продолжает громить грузинских «националистов-уклонистов».

Ленин, конечно, не «сепаратист», а вождь «централистов», но хочет провести централизацию («федерацию») без репрессий против собственных политических единомышленников на Кавказе. Но цели Сталина не только «централистские». Он хочет видеть Грузию как свою собственную вотчину. В грузинском деле он все еще слишком грузин и «провинциал». К тому же основная опасность для его успешной карьеры в Москве тоже грозит оттуда, из родной Грузии, где сидят личные друзья Ленина и старые большевики — Мдивани, Махарадзе, Орахелашвили, Окуджава и др. Поэтому Сталин спешит прикончить своих врагов. Ленин обращается к нему через свою жену — Крупскую — с требованием прекратить этот грузинский «поход». Сталин обзывает Крупскую интриганкой.

Троцкий свидетельствует[13]: «Каменев сообщил мне дополнительные сведения. Только что он был у Надежды Константиновны Крупской по ее вызову. В крайней тревоге она сообщила ему: «Владимир только что продиктовал письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений». Непосредственный повод имел полуличный

характер. Сталин старался изолировать Ленина от источников информации и проявил в этом смысле исключительную грубость по отношению к Крупской. «Но ведь вы знаете Ильича, прибавила Крупская: он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически».

В такой обстановке и в непосредственной связи с «грузинским делом» и родилось «Завещание» Ленина 1922 года с припиской от 4 января 1923 года — снять Сталина с поста генерального секретаря «за грубость и нелояльность». Все это теперь официально подтверждено опубликованием «документов Ленина»[14].

Смерть Ленина спасла Сталина, но со смертью Ленина был объявлен смертный приговор и грузинским национал-коммунистам. Привели его в исполнение, правда, только через двенадцать лет — в 1936 году[15]. «В период 1927—1935 гг. национал-уклонизм, слившись с контрреволюционным троцкизмом, перерос в наемную агентуру фашизма, превратился в беспринципную и безыдейную банду шпионов, вредителей, диверсантов, разведчиков и убийц, в оголтелую банду заклятых врагов рабочего класса. В 1936 году был раскрыт троцкистский шпионско-вредительский террористический центр, куда входили Б. Мдивани, М. Окуджава, М. Торошелидзе, О. Гихладзе, Н. Кикнадзе и др.» — так писал Л. Берия в 1948 году об исполнении этого приговора. Через пять лет, в 1953 году, сам Берия его соратниками по Политбюро будет объявлен организатором такой же «шпионской банды». После расправы с обер-палачами Ягодой и Ежовым насильственная смерть Берия была самой справедливой.

Но борьба «национал-уклонистов» за «суверенные права» своих республик продолжалась и после смерти Ленина. На II съезде Советов СССР (26 января — 2 февраля 1924 года) обсуждался вопрос о принятии конституции. На съезде вновь выявились внутренние противоречия по вопросу о том, какая должна быть конституция СССР. «Тройка» (Сталин — Зиновьев — Каменев) предложила проект федерации. Делегации Украины, Белоруссии и Грузии предложили собственные проекты, в основе которых лежала идея «конфедерации». «Братские советские республики» претендовали на право самостоятельной внешней политики (как известно, Сталин дал им это «право» через двадцать лет — но дал тогда, когда они не имели права воспользоваться этим «правом»). Был принят московский проект федерации, но с существенными дополнениями и улучшениями, выдвинутыми с мест. Он лег в основу конституции 1924 года.

Последняя, по сравнению со «сталинской конституцией» 1936 года, была прямо «сверхдемократической» в национальном вопросе. Союзные республики сохраняли за собою все «атрибуты независимости» во всех делах внутреннего самоуправления. Согласно этой конституции, к компетенции союзного федерального правительства в Москве относились только следующие четыре сферы государственной жизни: 1. Внешняя политика. 2. Вооруженные силы (оборона). 3. Пути сообщения. 4. Связь (почта, телеграф). Во всех других сферах управления «братские республики» были автономны.

Начиная с 1924 года «национал-коммунисты» в своей борьбе за «автономию» против централизации хватаются за эту конституцию. В этом смысле она была вполне «легальной» борьбой. Но с победой Сталина над партией она становится уже борьбой «нелегальной», «контрреволюционной». От компетенции «братских республик» остаются лишь одни воспоминания. Централизация государственной власти становится беспрецедентной. Главы национальных республик и национальных компартий назначаются и смещаются даже не Сталиным, а его личной канцелярией. В этих условиях — в условиях безнадежности и отчаяния — возникает последняя национальная оппозиция в ВКП(б). Это — оппозиция члена ЦК ВКП(б), члена Политбюро КП(б) Украины Н. А. Скрыпника.

Украинская ССР — ведущая после РСФСР республика в составе СССР — мало пользовалась у Сталина симпатией, еще меньше — доверием. Украинцы были не какими-нибудь «нацменами» без истории и культуры, а большим и компактным народом с выдающимися интеллектуальными и политическими кадрами. Но в решающий исторический момент — в момент русской революции — значительная часть украинской интеллигенции оказалась в лагере «самостийников». Победа большевиков в России лишь ускорила процесс украинского самоопределения (январь 1918 г.) при открытой поддержке не только австро-германской дипломатии, но

и их вооруженных сил. На мирной конференции по заключению сепаратного мира в Брест-Литовске напротив советского министра иностранных дел сидел и министр иностранных дел Украины, но на этот раз уже не в качестве «младшего брата», а как представитель независимой державы.

Ленин, нуждавшийся в «передышке» хотя бы ценой «самого похабного, самого позорного», по его словам, мира, признал эту независимость де-факто. Крушение империи кайзера похоронило, в конечном счете, и независимость Украины. Ленин объявил Брест-Литовский мир аннулированным, а Украину — советской республикой, конечно, на штыках Красной армии и при умелой организации внутренних взрывов. Но для этого надо было иметь и «внутренние силы», и они имелись. Далеко не идентичные в своих идеологических воззрениях, — «боротьбисты», «укаписты», анархо-коммунисты и просто коммунисты, — они тем не менее стояли на одной платформе — на советской. Большего сейчас и не требовалось. Им была обещана «независимая», но советская Украина. Когда советская Украина стала фактом, а усиление централистского коммунизма на Украине — необходимостью, Молотов был назначен первым секретарем ЦК КП(б) Украины (1920 г.). С тех пор на украинском троне большевиков, как правило, восседают «централисты». Но тем больше возрастало и сопротивление местного «национал-коммунизма». Ярким представителем и лидером этого украинского «национал-коммунизма» и был Скрыпник.

Он состоял в РСДРП с 1900 года (участвовал в социал-демократическом движении с 1897 г., был членом РСДРП с 1898 года. — *Ред.*). После раскола партии стал большевиком, «профессиональным революционером» ленинской школы, многократно подвергался репрессиям. Руководящее участие принимал в большевистском перевороте и гражданской войне на Украине, входил в состав верховного руководства партии и правительства — Политбюро и Совнаркома Украины. Представлял КП(б) Украины в Исполкоме Коминтерна. Был, наконец, и членом ЦК ВКП(б). Этот самый Скрыпник начиная с 1930 года возглавлял на Украине «национальную оппозицию» против Кремля. Но «грехопадение Скрыпника» (как выразился Сталин на XVII съезде партии, 1934 г.) заключалось в том, что на Украине в те годы росла другая сила, другое движение вне партии — революционное движение украинских националистов в подполье. Таковыми были «Союз Освобождения Украины» (СВУ, 1930 г.), «Украинский Национальный Центр» (1931 г.), «Украинская Войсковая Организация» (УВО, 1933 г.). Эти организации ставили перед собой одну главную задачу — национальную независимость свободной Украины. Задача Скрыпника и его группы была более скромная — «внутренняя независимость» коммунистической Украины. Национальные цели у обеих групп были близки друг к другу, а политические — диаметрально противоположны.

Но нашелся мастер, который «близких» сделал «родными», а антиподов — «друзьями». Этим «мастером» был сам Сталин. У арестованных участников украинских националистических организаций, переведенных на Лубянку, начали брать развернутые показания об их «союзе» с группой Скрыпника. Арестованные «показывали», что они по заданию своих заграничных украинских центров и разведок Польши, Австрии, Германии и Франции заключили контакт с группой Скрыпника для подготовки совместного «отторжения Украины» от СССР. Они снабжали Скрыпника финансами, а Скрыпник их — сведениями о военной мощи и экономическом положении СССР. По заданиям заграничных украинских организаций арестованные вместе с группой Скрыпника проводили вредительскую работу по линии просвещения (Скрыпник был народным комиссаром просвещения УССР) под видом «украинизации».

Скрыпник обо всем этом узнал только тогда, когда очутился под домашним арестом. Но арест продолжался недолго — он покончил жизнь самоубийством (1933 г.). Рассказывали, что Скрыпник в предсмертном письме на имя членов ЦК ВКП(б) писал, что «для опровержения чудовищной лжи сталинской полиции у меня остается только один аргумент — лишением себя жизни осудить сталинскую систему». На волчьи нервы Сталина этот аргумент не подействовал. На Украине начались массовые аресты членов «группы Скрыпника», большинство которых Скрыпника и в глаза не видели. Теперь Хрущевы реабилитировали и Скрыпника[16].

Тот же процесс чистки и арестов национал-коммунистов и националистов среди интеллигенции происходит на протяжении 1932—1933 годов и в других националь-

ных республиках. Хотя организационное влияние группы Скрыпника распространялось лишь на Украину, но идейных сторонников она имела во всех республиках — в Татаро-Башкирии (султан-галиевцы), Туркестане (садвокасовцы), на Кавказе (бывшие «национал-уклонисты») и т. д.

Активизация центробежных сил на окраинах была совершенно естественной реакцией на «центростремительную революцию» сверху — на ликвидацию даже видимости местных автономий. Централизация государственной власти как результат централизации власти партийной не считалась ни с чем — ни со специфическими условиями национальной самобытности, ни с установившейся традицией национального самоуправления.

Впоследствии, на XVII съезде партии, затушевывая истинное положение завуалированными формулами о «пережитках капитализма», Сталин сам признался, что украинский «национализм» Скрыпника не есть случайное или единичное явление[17]: «Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это неверно. Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках». Поэтому и поход против «грешников» был не «случайным», а организованным и всеобщим по всем республикам. Тем больше росло сопротивление в национальных компартиях и организациях против новой сталинской национальной политики — политики, правда, все еще «национальной по форме», но полицейской по содержанию.

Таким образом, общая обстановка в стране, партии и ее национальных организациях после разгрома «правой оппозиции» далеко не была идиллической. Чистка партии 1929—1930 годов тоже не достигла своей цели. Она не сделала партию ни «однородной», ни «монолитной», ни даже «дисциплинированной». Препятствий на пути к установлению единоличной диктатуры оказалось больше, чем это себе представляли Сталин и его помощники. Старая партия умирала, но умирала далеко не естественно — в муках, сопротивлениях и в крайне опасных для режима эксцессах.

VI. Генеральная чистка 1933 года и XVII съезд

Не успевал сталинский аппарат расправиться с одной оппозицией, как тут же выступала на сцену новая. Причем каждая новая оппозиция, будучи и по составу и по идеологии оппозицией коммунистической, в определенной мере отражала чаяния широких народных масс. В этом-то и была заложена величайшая опасность оппозиции для сталинцев.

Когда последние легальные формы народного волеизъявления, Советы и профсоюзы, были превращены в фикции, народ возлагал свои надежды на взрыв режима в междоусобной борьбе внутри самой партии. В этой борьбе его симпатия была на стороне оппозиции. В случае столкновения вне рамок партии, в случае вынужденной апелляции борющихся сторон к народу, дело Сталина было бы проиграно наверняка. Этой опасности Сталин никогда не упускал из вида. Словом, ленинский вопрос «кто кого?», кто победит: Сталин партию или партия Сталина — оказывался все еще не решенным. Без решения этого вопроса внутри партии Сталину нечего было и думать о единоличной диктатуре в государстве. Другими словами, надо было превратить партию в такую же фикцию, как Советы и профсоюзы, но в фикцию достаточно импозантную, чтобы выступать от ее имени, и абсолютно послушную, чтобы можно было на нее положиться. События после XVI съезда убедили Сталина, что такой идеальной партии у него нет. Нужна была новая, на этот раз более радикальная и более универсальная чистка партии.

Такая чистка и назначается решением Политбюро 10 декабря 1932 года[18]. Заметим, что назначается она не съездом партии, не пленумом ЦК или ЦКК и даже не партийной конференцией, а Политбюро, то есть Сталиным. 12 января 1933 года объединенный пленум ЦК и ЦКК задним числом подтвердил это решение Политбюро. Еще более характерным и знаменательным было то, кого собирался Сталин чистить. Уже не говорилось просто о «социально-чуждых элементах», как раньше. Не было также и сужения рамок чистки категориями «бывших оппозиционеров».

Теперь Сталин нашел более эластичное определение для подлежащих чистке — «ненадежные». Чистка должна сделать партию еще более послушной. «Послушность» на языке сталинцев называлась «железной пролетарской дисциплиной».

Все эти требования Сталина к новой партии и были положены в основу постановления пленума ЦК и ЦКК. Вот это постановление[19]: «О чистке партии. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК одобряет решение Политбюро ЦК о проведении чистки партии в течение 1933 года и приостановке приема в партию до окончания чистки. 2. Объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро ЦК и Президиуму ЦКК организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии *железную пролетарскую дисциплину* и очищение партийных рядов от всех *ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов*» (курсив мой. — *А. А.*). Это Сталин сам себе поручил от имени ЦК и ЦКК чистку партии.

Постановлением Политбюро ЦК и Президиума ЦКК от 28 апреля 1933 года были установлены категории коммунистов, подлежащих чистке. В этом постановлении говорилось, конечно, и о «классово-чуждых и враждебных элементах, обманным путем пробравшихся в партию и остающихся там для разложения партийных рядов», то есть о бывших помещиках, буржуях, кулаках, белогвардейцах, меньшевиках, но таких давно не было не только в партии, но и в стране. Если же были в партии отдельные лица чуждого происхождения, то они состояли в гвардии самого Сталина (Молотов, Жданов, Вышинский, Булганин, Маленков и другие). Формула «классово-чуждые элементы» была дополнительно внесена, чтобы придать чистке «пролетарский характер».

Суть дела заключалась во вновь «открытых» категориях, подлежащих теперь изгнанию из партии. Постановление перечисляло их так[20]: «2) *двурушники*, живущие обманом партии, скрывающие от нее действительные стремления и под прикрытием лживой клятвы в «верности» партии пытающиеся на деле сорвать политику партии; 3) *открытые и скрытые* нарушители железной дисциплины партии и государства, не выполняющие решений партии и правительства, подвергающие *сомнению* и дискредитирующие решения и установленные партией планы болтовней об их «нереальности» и «неосуществимости»; 4) *перерожденцы*, сросшиеся с буржуазными элементами, не желающие бороться на деле с классовыми врагами, не борющиеся на деле с кулацкими элементами, рвачами, лодырями и расхитителями общественной собственности».

В одну из этих трех категорий или сразу во все три категории можно было включить любого коммуниста — от рядового до члена ЦК и ЦКК, если его преданность сталинизму вызывала какое-либо сомнение. Постановление в этом отношении действительно не делало исключения и для членов ЦК и ЦКК. Как избранные на съезде партии они не подлежали чистке, но в постановлении говорилось, что «если группа членов партии подаст мотивированное заявление, то и члены ЦК и ЦКК могут быть подвергнуты чистке и проверке»[21]. Иначе говоря, Политбюро — по уставу партии, исполнительный и подчиненный орган пленума ЦК (Политбюро избирается на пленуме ЦК, а ЦК — на съезде партии) — отныне имеет право исключать членов ЦК не только без съезда, но и без пленума ЦК по одному только «заявлению группы коммунистов», что, конечно, можно было легко организовать.

В этих условиях происходил XVII съезд, ставший важнейшей вехой по юридическому закреплению завоеванных Сталиным фактических позиций. XVII съезд партии (январь — февраль 1934 г.) был назван «съездом победителей». В определенном смысле это было правильно. Первая пятилетка была выполнена, сопротивление крестьянства против коллективизации окончательно сломлено, новые оппозиционные группы внутри партии были относительно легко разгромлены, продолжающаяся чистка давала положительные результаты по созданию «однородной» и послушной партии. XVII съезд партии был первым съездом полного политического триумфа Сталина. Сталин был прав, когда он в своем политическом отчете на этом съезде дал следующую характеристику положению дел: «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй, — и бить некого».

Какой же вывод сделал Сталин из этого факта — факта своей победы над врагами внутри партии? Какова была перспектива дальнейшего развития? Избавился

ли, наконец, Сталин от вечного страха, порою обоснованного, но и нередко просто воображаемого, что какая-нибудь новая оппозиция погубит его?

Сталин сделал выводы, совершенно непонятные для его бывших врагов и столь же неожиданные для его единомышленников. Сталин и не собирался поддаваться ложной иллюзии о прочности одержанной победы. Он был более высокого мнения о своих бывших и потенциальных врагах, чем эти враги о самих себе. Чужд был ему, как он сам выразился на съезде, и «телячий восторг» по поводу своего личного успеха, а великодушием победителя он и вовсе не страдал. Да, победа была, и была блестящей, но Сталин считал, что ее надо «застраховать». Чем? Тем, что держать страну, партию и аппарат в постоянном напряжении, в непрекращающемся «осадном положении». Как? Дальнейшим культивированием теории «классовой борьбы» и продолжением чистки. Для чего? Для завершения концентрации государственной и партийной власти в одном органе — в аппарате ЦК, в одной должности — генерального секретаря партии. Это уже требовало соответственной перестройки стиля и характера работы всего государственного и партийного аппарата. Отныне не «политика вообще», а организационная политика начинает приобретать решающее значение.

Раньше Сталин говорил просто: «Кадры решают все». Теперь он вносит в этот лозунг существенную поправку: «Кадры, овладевшие техникой своего дела, решают все». Время «ура-сталинцев» прошло. Сейчас на одном «ура гениальному Сталину» карьеры не сделаешь. Сейчас нужны сталинцы дела, сталинцы действия, сталинцы исполнения воли верховного вождя. Все это нашло свое отражение и в докладе Сталина на съезде, и в решениях самого съезда. Сталин говорил: «Надо признать, что партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше... Значит ли это, что у нас все обстоит в партии благополучно, никаких уклонов не будет в ней больше и — стало быть — можно теперь почить на лаврах? Нет, не значит... нельзя говорить, что борьба кончена и нет больше необходимости в политике наступления социализма... бесклассовое общество не может прийти в порядке, так сказать, самотека. Его надо завоевать... путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов... в боях с врагами как внутренними, так и внешними...»; «...«левые» открыто присоединились к контрреволюционной программе правых для того, чтобы составить с ними блок и повести совместную борьбу против партии»; «Наши задачи... систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

Свою новую политику в организационном вопросе, в вопросе о подборе и о назначении ответственных чиновников, Сталин определил так[26]: «После того, как дана правильная линия... успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей... путем смещения негодных работников и подбора лучших... Роль наших организаций и их руководителей стала *решающей, исключительной* (курсив мой. — *А. А.*). Нам нужно было организовать: ... 7) уничтожение обезлички... 8) установку на ликвидацию коллегий; 9)... установку на реорганизацию ЦКК и РКИ... 12) снятие с постов нарушителей решений партии и правительства, очковтирателей и болтунов и выдвижение на их место новых людей — людей дела... 13) чистку советско-хозяйственных организаций... 14) наконец, чистку партии от ненадежных и переродившихся людей... Главное в организационной работе — **подбор людей и проверка исполнения**».

Особенно подчеркнул Сталин необходимость изгнать из аппарата власти чиновников двух типов: «Один тип работников — это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков... Их надо без колебания снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом...» Тут речь шла о старых большевиках. «А теперь о втором типе работников. Я имею в виду тип болтунов, я сказал бы, честных болтунов (с м е х), людей честных, преданных Советской власти, но не способных руководить, не способных что-либо организовать».

Вот именно этими «болтунами» и были те кадры партии, которые до сих пор делали свою карьеру на одной лишь «преданности» Сталину, на «ура Сталину». Действительно, «болтун» не был редким экземпляром. Он был «типом» нынешних

ведущих кадров. Сталин решил после того, как уже использовал «болтунов» в борьбе против всяких оппозиций, покончить теперь и с ними. Сталин довольно удачно проиллюстрировал на съезде тип этих своих бывших учеников-болтунов, не подозревая сам того, что своим остроумием по их адресу он одновременно разоблачал и свою старую организационную политику по созданию и выдвижению этих болтунов.

Иллюстрация типа сталинского болтуна в изложении самого Сталина заслуживает того, чтобы ее привести здесь[22]: «У меня в прошлом году, — говорил Сталин, — была беседа с одним таким товарищем, очень уважаемым товарищем, но неисправимым болтуном... Вот она, эта беседа. **Я**: Как у вас обстоит дело с севом? **Он**: С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались. (С м е х.) **Я**: Ну, и что же? **Он**: Мы поставили вопрос ребром. (С м е х.) **Я**: Ну, а дальше как? **Он**: У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом. (С м е х.) **Я**: А все-таки? **Он**: У нас намечаются сдвиги... (С м е х.) **Я**: Ну, а все-таки, как у вас с севом? **Он**: С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин. (О б щ и й х о х о т.) Вот вам физиономия болтуна». Этими болтунами партия кишмя кишела.

Раньше по политическому отчету ЦК партии принималась особая резолюция с перечислением задач партии. Теперь впервые в истории партии доклад ее секретаря был принят съездом как директива для всей партии. Один из вернейших оруженосцев Сталина — Сергей Киров — выступил на съезде и заявил, что находит нужным отказаться от старого порядка и объявить весь доклад Сталина постановлением съезда. Поэтому и постановление съезда было краткое[23]: «Одобрить отчетный доклад товарища Сталина и предложить всем парторганизациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми в докладе товарища Сталина».

Это означало: отныне каждое слово Сталина, не только уже сказанное, но и будущее, объявлялось законом для Политбюро, ЦК, партии и всей страны. Это было юридическим признанием фактического положения. Это потребовало в свою очередь приведения аппарата управления государства и партии в соответствие с новым положением. Так и поступили. По докладу Л. Кагановича, тогда первого секретаря МК и второго секретаря ЦК, были приняты два важнейших решения — о «партийном и советском строительстве» (организационные вопросы) и о новом уставе партии.

По первому вопросу: «XVII съезд ВКП(б) считает, что, несмотря на достигнутые успехи в проведении перестройки рычагов пролетарской диктатуры, организационно-практическая работа все еще отстает от требований политических директив и не удовлетворяет гигантски выросшим запросам нынешнего периода». Далее цитируются слова Сталина: «Едва ли кто-либо из вас будет утверждать, что достаточно дать хорошую политическую линию, и дело кончено. Нет, это только полдела. После того как дана правильная политическая линия, необходимо *подобрать работников* (курсив мой. — *А. А.*) так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие... принять эти директивы, как свои родные»[24].

Для такой перестройки «рычагов пролетарской диктатуры» (проще говоря — рычагов сталинской диктатуры) необходимо решительно отказаться от иллюзорного «демократического централизма» и принципов «коллегиального руководства». Во главе этих «рычагов» должны стоять чиновники, независимые от народа и партии, но вполне зависимые от верховного руководства. Система единоличного управления доводится до логического конца. Вот почему съезд осуждает «крайнюю слабость единоначалия, отсутствие личной ответственности и обезличку управления под прикрытием «коллегиального руководства» и постановляет[25]: упразднить в обкомах — крайкомах и ЦК нацкомпартий секретариаты, оставив не более двух секретарей; ликвидировать коллегии во всех областях советско-хозяйственной работы (кроме Советов); ликвидировать коллегии в наркоматах, оставив во главе наркомата наркома и не более двух заместителей; установить, что у председателей областных — краевых исполкомов, совнаркомов республик и горсоветов должно быть не более двух заместителей; ликвидировать ЦКК, создав вместо нее Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) во главе с одним из секретарей ЦК партии.

Исключительно важное значение имела для Сталина ликвидация Центральной контрольной комиссии партии (ЦКК). Она впервые была создана по плану Ленина

на X съезде партии (1921 г.). Она была задумана как «независимый суд» партии и должна была предупреждать как «раскол в партии», так и «злоупотребление» отдельными руководителями «своим партийным положением» в личных выгодах. ЦКК избиралась на съезде и не подчинялась Центральному Комитету. Более того, она контролировала работу ЦК и его руководителей. Такие же права имели ее местные органы по отношению к местным комитетам партии. После того как Сталин сделался генеральным секретарем партии и «злоупотребление» им своим «положением» стало очевидным явлением, Ленин еще до написания «завещания» потребовал поставить и Сталина, и весь аппарат ЦК под строгий контроль ЦКК. Причем Ленин считал создавшееся положение настолько серьезным, что обратился с соответствующим предложением к предстоящему XII съезду партии (1923 г.) и даже опубликовал свое предложение в виде двух статей в газете «Правда»[26].

Ленин писал[27]: «Нарком Рабкрина совместно с президиумом ЦКК должен будет устанавливать распределение работы ее членов с точки зрения обязанности их присутствовать на Политбюро и проверять все документы, которые так или иначе идут на его рассмотрение... Я думаю также, что помимо той политической выгоды, что члены ЦК и члены ЦКК при такой реформе будут во много раз лучше осведомлены, лучше подготовлены к заседаниям Политбюро (все бумаги, относящиеся к этим заседаниям, должны быть получены всеми членами ЦК и ЦКК не позже как за сутки до заседания Политбюро...), к числу выигрышей придется также отнести и то, что *в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств* (курсив мой. — *А. А.*) и тем самым понизится опасность раскола».

Хотя соответствующее решение было принято XII съездом и закреплено в уставе партии, но ЦКК с самого начала сделалась лишь одним из «рычагов» самого Сталина в борьбе с оппозициями, так как во главе ее Сталин ставил лишь своих личных друзей и «соратников» (во главе ЦКК стояли — один за другим — Куйбышев, Орджоникидзе, Андреев). И все-таки ЦКК как юридически независимый высший суд партии оставалась потенциально опасным конкурентом и создавала некое «двоевластие» в партии. Поэтому при «перестройке рычагов пролетарской диктатуры» этот рычаг вообще оказался лишним. Его Сталин и ликвидировал. Вновь созданная Комиссия партийного контроля, которая тогда все еще формально избиралась съездом, была превращена теперь просто в исполнительный орган ЦК. Была ликвидирована и Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин), вместо которой создана Комиссия советского контроля при Совнаркоме. Таким образом, законодатель партии стал одновременно и ее судьбой в лице одного человека. Это, пожалуй, было не «злоупотребление», а завершение логического процесса.

В том же духе подвергли пересмотру устав партии. Последний устав 1926 года явно «устарел». В нем все еще были крупные следы «внутрипартийной демократии» и старой теории «коллективного руководства», которая была провозглашена самим же Сталиным после смерти Ленина. Надо было и его привести в соответствие с условиями «реконструктивного периода», как выражались теперь.

В старом уставе говорилось в пункте 83[28]: «Внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято». Этот пункт был исключен из нового устава. По существу ликвидирован был и пункт 14, в котором говорилось[29]: «Все партийные организации автономны в решении местных вопросов». В новый устав вносилось дополнение к этому в следующей редакции: «...поскольку эти решения не противоречат решениям партии».

Старый устав требовал ежегодного созыва всесоюзного съезда партии, на котором обсуждаются все вопросы внешней и внутренней политики, принимаются по ним решения и происходят выборы ЦК и ЦКК, а новый устав предусматривает созыв съезда один раз в три года. В новый устав вносятся и другие пункты, которые все бьют в одну точку: в унификацию и единовластие.

Съезд отказывается от своей важной, а для Сталина и решающей, компетенции — принимать самому решения о чистке партии. Отныне Секретариат и Политбюро будут чистить партию. В соответствующем решении съезда говорится: «9. Периодическими решениями ЦК ВКП(б) проводятся чистки для систематического очищения партии от: классово-чуждых и враждебных элементов; двурушников, обманывающих партию и скрывающих от нее свои действительные взгляды; открытых и скрытых нарушителей железной дисциплины; перерожденцев, срастающихся с буржуазными элементами; карьеристов, шкурников; морально разложившихся... пассивных, не выполняющих обязанностей членов партии». Под одну из таких категорий можно подвести любого коммуниста — от высшего бюрократа и до рядового члена партии, если бы была необходимость в его ликвидации. В устав был введен впервые и другой важный для ЦК пункт. В нем говорится: «60. Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы Комиссии партийного контроля, подлежат немедленному исключению из партии».

Выборность секретарей партийных организаций, которая начиная с середины двадцатых годов была простой формальностью, превращается теперь и юридически в назначенство сверху, но ЦК партии до сих пор назначал лишь секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий. Секретари райкомов назначались соответствующими обкомами. В соответствии с постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1934 года, назначать и смещать и этих секретарей имеет право только ЦК, то есть его организационно-инструкторский отдел. В названном постановлении сказано[30]: «Обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий представить... на утверждение ЦК ВКП(б) всех секретарей районных комитетов партии».

Такова была обстановка в партии, когда 1 декабря 1934 года коммунист Леонид Николаев убил коммуниста Сергея Кирова в коридоре Смольного в Ленинграде.

Примечания

1. И. Сталин. Соч., т. 7, стр. 380.
2. Правда. 25.XI.1928, № 274.
3. ВКП(б) в резолюциях.., 1933, ч. II, стр. 566.
4. Там же, стр. 567.
5. И. Сталин. Соч., т. 12, стр. 344.
6. ВКП(б) в резолюциях.., 1933, ч. II, стр. 632.
7. Правда, 13.I.1933, № 13.
8. И. Сталин. Соч., т. 13, стр. 226.
9. Ленин. Сочинения, т. XVI, стр. 328.
10. Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Москва, 1948 г., стр. 243.
11. Л. Берия. Цит. соч., стр. 245.
12. Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II. Берлин, 1930, стр. 220—221.
13. Л. Троцкий. Цит. соч., стр. 223; см. также — Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 6—7.
14. Коммунист, № 5, 1956.
15. Л. Берия. Цит. соч., стр. 256.
16. Вопросы истории, № 3, 1956.
17. И. Сталин. Соч., т. 13, стр. 361.
18. Правда, 2.XII.1932, № 341.
19. ВКП(б) в резолюциях.., 1933, ч. II, стр. 782—783.
20. Е. Ярославский. Чистка партии. БСЭ, т. LXI, стр. 654; Е. Ярославский. За большевистскую проверку и чистку партии. Москва — Ленинград, 1933; Л. Каганович. О чистке партии. Москва — Ленинград, 1933; О чистке партии (сборник документов). Партиздат, Москва, 1933.
21. Е. Ярославский. БСЭ, цит. соч., стр. 655.
22. И. Сталин. Соч., т. 13, стр. 346, 348—350, 363, 364, 365—369,370—371.
23. КПСС в резолюциях.., ч. II, стр. 744.
24. Там же, стр. 767.
25. Там же, стр. 770, 772.
26. «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»— Ленин. Соч., 4-е изд., т. 33, стр. 440—460.
27. Там же, стр. 443.
28. ВКП(б) в резолюциях.., ч. II, 1933, стр. 221.
29. Там же, стр. 212.
30. КПСС в резолюциях.., ч. II, 1953, стр. 779, 777, 787,

Я был агентом Сталина

В. Г. Кривицкий

Глава I. *Сталин умиротворяет Гитлера*

В ночь на 30 июня 1934 г., когда Гитлер устроил свою первую кровавую чистку, как раз когда она все еще продолжалась, Сталин созвал в Кремле внеочередное заседание Политбюро. Еще до того, как мир узнал о гитлеровской расправе, Сталин уже принял решение, каким будет его следующий шаг в отношении к нацистскому режиму.

Я работал тогда в Разведуправлении Штаба Красной Армии в Москве. Мы знали, что в Германии вот-вот должен разразиться кризис. Все секретные сообщения, которые поступали к нам оттуда, подготовили нас к его началу. Как только Гитлер приступил к чистке, мы стали получать из Германии регулярные сводки. В ту ночь я и мои сотрудники лихорадочно готовили сводку наших данных для наркома обороны Ворошилова. Среди тех, кого вызвали на заседание Политбюро, был и мой начальник генерал Берзин, нарком по иностранным делам Максим Литвинов, Карл Радек, в то время заведующий Информбюро при ЦК ВКП(б), и А. Х. Артузов, начальник Иностранного отдела ОГПУ[1].

Внеочередное заседание Политбюро было созвано с целью рассмотреть возможные последствия гитлеровской чистки для нынешнего режима в Германии и ее влияние на советскую внешнюю политику. Согласно секретной информации, которой мы располагали, чистка затронула два крайних крыла оппозиции Гитлеру. Существовала группа во главе с капитаном Ремом, состоявшая из радикалов нацистской партии, недовольных умеренностью политики Гитлера. Они мечтали о «второй революции». Во вторую входили офицеры германской армии, возглавляемые генералами Шлейхером и Бредовом. Эта группа рассчитывала восстановить монархию. Обе группы вошли в контакт друг с другом с целью отстранения Гитлера, причем каждая из них в конечном счете надеялась на свою собственную победу. Спецсводки из Германии сообщали, однако, о том, что гарнизоны в столичных центрах остались верными Гитлеру и основной состав офицерского корпуса не изменил правительству.

В Западной Европе и Америке гитлеровскую чистку истолковали как признак ослабления нацистского режима. В советских кругах также находились желающие верить, что она предвещает крах правления Гитлера. У Сталина таких иллюзий не было. Он подвел итог совещания в Политбюро так: «События в Германии вовсе не означают краха нацистского режима. Напротив, они должны привести к упрочению этого режима и усилить самого Гитлера». С этим суждением Сталина Берзин вернулся с совещания в Кремле. Охваченный желанием узнать результаты заседания, я ждал в управлении возвращения Берзина всю ночь. У нас было строгое правило, гласящее, что никто, даже нарком обороны, не имеет права уносить секретные документы домой, я знал, что Берзину придется возвратиться в управление.

Из сказанного Сталиным вытекал курс советской политики в отношении нацистской Германии. Политбюро решило любой ценой побудить Гитлера к сделке с Советским правительством. Сталин всегда считал, что с сильным противником надо договариваться пораньше. События ночи 30 июня убедили его в силе Гитлера. Для Сталина такой курс, однако, был не нов. Это не являлось какой-то революционной переменой в его прежней политике по отношению к Германии. Он всего лишь решил удвоить свои усилия, ублажая Гитлера. Вся политика Сталина в отношении нацистского режима за шесть лет существования последнего проводилась в таком направлении. Он признал в Гитлере подлинного диктатора. Представление, что Сталин и Гитлер смертельные враги, господствовавшее вплоть до недавнего русско-германского пакта, — сущий миф. Это искаженная картина, созданная с помощью умелого камуфляжа и пропагандистской шумихи. На самом же деле Сталин вел себя как настойчивый проситель, которого не смущают резкие отказы. Со стороны Гитлера — враждебность, со стороны же Сталина — страх.

Если и можно говорить о ком-то играющем на руку Германии в Кремле, то таким лицом с самого начала был Сталин. Он выступал за сотрудничество с Германией с самого момента смерти Ленина и не переменил эту основную позицию, когда к власти пришел Гитлер. Напротив, триумф нацистов усилил его интерес к более тесным связям с Берлином. Японская угроза на Дальнем Востоке только подстегивала его. Он испытывал глубокое презрение к «слабым» демократическим странам и столь же глубокое уважение к «могучим» тоталитарным государствам. Он неизменно руководствовался правилом, что надо идти на соглашение с превосходящей силой.

Вся сталинская международная политика за последние шесть лет представляет собой серию маневров, рассчитанных на то, чтобы занять удобную позицию для заключения сделки с Гитлером. Когда Сталин вошел в Лигу Наций, когда он предлагал создать систему коллективной безопасности, когда он заигрывал с Францией, флиртовал с Польшей, обхаживал Великобританию, предпринимал вмешательство в Испании, он каждый свой шаг рассчитывал с оглядкой на Берлин в надежде, что Гитлер найдет для себя выгодным ответить на адресованные ему знаки внимания. Своего апогея эта сталинская политика достигла в конце 1936 г., после заключения секретного германо-японского соглашения, переговоры о котором шли за дымовой завесой Антикоминтерновского пакта. Условия этого секретного соглашения, текст которого достался Сталину главным образом благодаря мне и моим сотрудникам, подтолкнул его на отчаянную попытку сторговаться с Гитлером. В начале 1937 г. такая сделка назревала. Никто не знает, до какой степени в то время предусматривался недавний советско-германский договор августа 1939 года.

Это было за два года до того, как Сталин начал открыто демонстрировать перед всем миром свое дружеское расположение к Германии. 10 марта 1939 г. он сделал свое первое заявление по поводу гитлеровской аннексии Австрии и оккупации Судетской области, в ответ на эти потрясшие мир захваты нацистов. Мир был изумлен дружественными обращениями Сталина к Гитлеру и ошеломлен, когда три дня спустя Гитлер вторгся в Чехословакию. Весь ход сталинской политики умиротворения Гитлера — как открытые, так и секретные шаги — свидетельствует, что, чем агрессивней становилась гитлеровская политика, тем настойчивее были ухаживания Сталина. И чем усерднее Сталин навязывался ему, тем смелее были агрессивные действия Гитлера.

Советско-германское сотрудничество диктовалось давлением событий задолго до прихода к власти Гитлера и даже Сталина. Союз Москва — Берлин был оформлен более чем за десять лет до Гитлера договором в Рапалло 1922 года. Тогда Советский Союз и Германская республика третировались как отверженные, обе страны испытывали на себе враждебное отношение союзников по Антанте, обе противостояли Версальской системе. У них имелись традиционные деловые связи и взаимные интересы.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, № 11.

Теперь общеизвестно, что в течение этих десяти лет действовала секретная договоренность между рейхсвером и Красной Армией. Советская Россия дала Германской республике возможность обойти пункт Версальского договора, запрещавший подготовку артиллерийского и танкового офицерского состава, а также совершенствование авиации и химических средств ведения войны. Это делалось на советской территории. Со своей стороны Красной Армии было выгодно пользоваться услугами германских военных советников. Обе армии обменивались информацией. Общеизвестно также, что в течение этого десятилетия процветала советско-германская торговля. Немцы вкладывали капиталы в советскую промышленность и получали в Советском Союзе концессии. Советское правительство закупало в Германии оборудование и приглашало на работу немецких технических специалистов.

Таково было положение, когда возвысилась зловещая фигура Гитлера. За семь или восемь месяцев до его прихода к власти, в начале лета 1932 г., в Данциге я познакомился с одним из высших военных чинов германского Генерального штаба, убежденным монархистом, специально прибывшим из Берлина встретиться со мной. Это был военный старой школы, веривший в восстановление Германской империи в сотрудничестве с Россией. Я спросил этого офицера, какой, по его мнению, была бы политика Германии в случае, если бы главой правительства стал Гитлер. Мы обсудили взгляды Гитлера, как они очерчены в его книге «Mein Kampf». Германский офицер изложил мне свой анализ складывавшейся ситуации, заключив его словами: «Пусть придет Гитлер и делает свое дело. А после мы, армия, разделаемся с ним».

Я спросил офицера, не сможет ли он изложить свои взгляды в письменном виде, чтобы я мог отправить его записку в Москву, и он согласился. Его записка произвела в Кремле заметное впечатление. В то время преобладало мнение, что военные и экономические связи между Россией и Германией настолько глубоки, что Гитлер едва ли сможет не считаться с ними. Москва воспринимала выпады Гитлера против большевизма как маневр на пути к власти. Они-де преследуют определенную цель, но не могут изменить коренные интересы двух стран, нерушимо связанных сотрудничеством.

Сталину записка германского офицера принесла большое облегчение. Полностью осведомленный о сути гитлеровской доктрины «натиска на Восток», он, однако, свыкся с традицией сотрудничества между Красной Армией и рейхсвером и питал естественное уважение к германской армии и ее руководству во главе с генералом фон Сектом. Уважение к германскому офицеру Генерального штаба хорошо сочеталось с его собственными взглядами. Сталин рассматривал нацистское движение прежде всего как реакцию на Версальский мир. Ему казалось, что с приходом Гитлера к власти Германия добьется лишь одного: она стряхнет с себя оковы Версаля. Советское правительство первым нанесло по ним удар. Москву и Берлин изначально сплотило совместное противостояние хищничеству победивших союзников.

По этим причинам Сталин не делал никаких попыток разрушить после прихода Гитлера к власти тайную связь Москвы и Берлина. Напротив, он делал все, чтобы сохранить ее в силе. Именно Гитлер в течение первых трех лет своего правления постепенно разрушал тайные узы, связывавшие армии Советского Союза и Германии. Но это не удерживало Сталина. Он лишь с еще большим упорством искал дружбы Гитлера.

28 декабря 1933 г., через 11 месяцев после того, как Гитлер стал канцлером, глава правительства Молотов, выступая на съезде Советов, заявил о твердости курса сталинской политики в отношении Германии: «Наши взаимоотношения с Германией всегда занимали особое место в международных отношениях... СССР не имеет со своей стороны оснований к перемене политики в отношении Германии»[2].

На следующий день на том же съезде Советов нарком иностранных дел Литвинов пошел еще дальше, чем Молотов, призывая налаживать взаимопонимание с Гитлером. Литвинов обрисовал изложенную в «Майн кампф» программу отвоевывания всех германских территорий. Он говорил о решимости нацистов «огнем и мечом проложить себе путь для экспансии на Восток, не останавливаясь перед границами Советского Союза и порабощая народы Союза». «В течение десяти лет нас связывали с Германией тесные экономические и политические отношения, — сказал он. — Мы были единственной крупной страной, не желавшей иметь ничего общего с Версальским договором и его последствиями. Мы отказались от прав и

выгод, которые этот договор резервировал за нами. Германия заняла первое место в нашей внешней торговле. Из установившихся отношений, политических и экономических, извлекались чрезвычайные выгоды как Германией, так и нами. (Председатель ЦИК Калинин, с места: «В особенности Германией».) Опираясь на эти отношения, Германия могла смелее и увереннее разговаривать со своими вчерашними победителями».

Этот намек, подчеркнутый восклицанием председателя ЦИК Калинина, был рассчитан на то, чтобы напомнить Гитлеру о роли Советской России, чья помощь дала ему возможность бросить вызов версальским победителям. Затем Литвинов сделал следующее официальное заявление: «Мы хотим иметь с Германией, как и с другими государствами, наилучшие отношения. Ничего, кроме пользы, и Советский Союз и Германия от таких отношений не получат. Мы со своей стороны не стремимся к экспансии ни на Запад, ни на Восток, ни в других направлениях... Мы хотели бы, чтобы Германия могла нам сказать то же самое»[3].

Гитлер этого не сказал. Но это не обескуражило Сталина, а вдохновило на более настойчивое заигрывание с нацистским режимом.

26 января 1934 г., выступая на XVII съезде ВКП(б), Сталин продолжал добиваться умиротворения Гитлера. К тому времени Гитлер находился у власти ровно год. Он резко отклонил все политические предложения Москвы, хотя уже начал переговоры с Советской Россией о выгодных условиях кредитов. Сталин расценил это как знак политической доброй воли. Выступая на съезде, он упомянул о тех элементах у нацистов, которые ратуют за возврат к «политике бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода». Перемены в политике германского правительства произошли, сказал он, не из-за теорий национал-социализма, а из-за стремления рассчитаться с Версалем. Он отрицал, что перемена политики Советского Союза по отношению к Берлину объясняется «установлением фашистского режима в Германии», и протянул руку Гитлеру, произнеся следующее: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной»[4].

Протянутую Сталиным руку Берлин игнорировал. У Гитлера на сей счет были другие мысли. Но Сталин не сдавался. Он только решил сменить тактику. Рассматривая нацистскую агитацию за антисоветский блок как маневр со стороны Гитлера, он решил ответить на него контрманевром. Отныне Советское правительство будет выступать в качестве поборника Версальской системы, войдет в Лигу Наций и даже приобщится к антигерманскому блоку. Угроза, заключенная в подобном курсе, по мысли Сталина, должна была привести Гитлера в чувство.

Чтобы проложить этот противоположный курс, Сталин выбрал блестящего журналиста. Нужно учитывать, что целое поколение советских людей было воспитано в сознании того, что Версальский мир был самым пагубным инструментом дипломатии во всей истории, а его творцы — шайка пиратов. Облачить Советское правительство в одежды защитника Версаля было непростой задачей. В Советском Союзе только один человек мог успешно проделать публично этот трюк, точно рассчитав эффект и внутри страны и за ее пределами. Таким человеком был Карл Радек, который в последующем сыграл столь трагическую роль на большом процессе января 1937 года. Сталин выбрал Радека, чтобы он подготовил советское и мировое общественное мнение к перемене тактики.

В те дни, то есть ранней весной 1934 г., я много общался с Радеком в здании Центрального Комитета партии. Тогда в высших кругах в Москве ходили разговоры о поручении Радеку подготовить серию статей, подводящих к предстоявшему повороту в политике Кремля. Статьи должны были появиться в «Правде» и «Известиях» — руководящих партийном и советском органах. Рассчитывали, что их перепечатают во всем мире и будут внимательно изучать во всех европейских посольствах. В задачу Радека входило обелить Версальский мир, возвестить о наступлении новой эры дружбы с Парижем, убедить зарубежных сторонников Советского Союза в том, что такая позиция гармонично согласуется с коммунистическими принципами, — и в то же время оставить дверь открытой для соглашения с Германией.

Часто бывая в кабинете Радека, я знал, что он ежедневно консультируется со Сталиным. Иногда он бегал к Сталину по нескольку раз в день. Каждая написанная им фраза согласовывалась лично со Сталиным. Статьи были в полном смысле плодом совместного труда Радека и Сталина. Пока эти статьи были в стадии подготовки, нарком Литвинов не оставлял попыток достичь соглашения с Гитлером. В апреле он предложил Германии предпринять совместные шаги для сохранения и гарантии независимости и нерушимости границ прибалтийских государств. Берлин отверг это предложение.

Статья Радека была широко воспринята как благой предвестник поворота Советского Союза в сторону Франции и Малой Антанты и отхода от Германии. «Германский фашизм и японский милитаризм, — писал Радек, — ведут борьбу за передел мира, борьбу, направленную против Советского Союза, против Франции, Польши, Чехословакии, Румынии и прибалтийских государств, против Китая и Соединенных Штатов Америки. Однако британскому империализму хотелось бы направить эту борьбу исключительно против Советского Союза».

В это время у меня с Радеком состоялся довольно серьезный разговор. Он знал, что мне известно о его задании. Я коснулся нашей «новой политики» и заговорил о том впечатлении, которое она произвела в осведомленных кругах. Радека как будто прорвало: «Только дураки могут вообразить, что мы когда-нибудь сможем порвать с Германией. Что я пишу здесь — это одно, а жизненная реальность — это другое дело. Никто не дает нам того, что дала Германия. Для нас разрыв с Германией просто немыслим».

Дальше Радек рассуждал в хорошо известном мне духе. Он говорил о наших отношениях с германской армией, которая даже при Гитлере играла главенствующую роль, о наших отношениях с деловыми кругами Германии — а разве Гитлер сам не под пятой у промышленников? Разумеется, Гитлер не пойдет против Генерального штаба, который настроен в пользу сотрудничества с Россией. Разумеется, Гитлер не станет скрещивать шпаги с германскими деловыми кругами, занятыми обширной торговлей с нами. Эти две силы являются устоями германо-советских отношений. Он назвал безмозглыми тех, кто полагал, что Советская Россия должна выступить против Германии из-за преследований нацистами коммунистов и социалистов. Компартия разгромлена — это верно. Ее вождь Тельман в тюрьме. Тысячи ее членов заключены в концентрационные лагеря. Но это была лишь одна сторона дела. Есть еще кое-что, если дело идет о жизненных интересах Советской России. Эти интересы требуют и впредь придерживаться политики сотрудничества с германским рейхом. Что же касается статей, которые он пишет, то какое они имеют отношение к фактам? Все это было делом большой политики. Такой маневр необходим. Сталин вовсе не намерен порвать с Германией. Напротив, он ищет путей сближения Берлина с Москвой.

Все это было азбучно для тех из нас, кто знал политику Кремля изнутри. Весной 1934 г. никому из нас не снилось, что разрыв с Германией возможен. Мы все относились к статьям Радека как к сталинской стратегии.

Литвинов отправился в поездку по европейским столицам, официально — в интересах так называемого Восточного пакта, призванного посредством взаимных соглашений всех заинтересованных стран гарантировать неприкосновенность существующих границ государств Восточной Европы. Он посетил Женеву. Его визит породил в изобилии слухи о готовящемся франко-русском сближении для увенчания работы, начатой радековскими статьями. В то же самое время Сталин продолжал упорно утверждать на заседаниях Политбюро: «И все же мы должны прийти к соглашению с немцами».

13 июня 1934 г. Литвинов сделал остановку в Берлине для совещания с бароном Константином фон Нейратом, тогдашним министром иностранных дел Гитлера. Литвинов пригласил Германию к участию в предполагаемом Восточном пакте. Нейрат твердо отклонил приглашение и в резкой форме указал, что подобная договоренность увековечила бы Версальскую систему. Когда Литвинов намекнул на то, что Москва может подкрепить свои договоры с другими странами путем военных союзов, Нейрат ответил, что Германия не боится пойти на риск и очутиться в подобном окружении. На следующий день, 14 июня, Гитлер завтракал с Муссолини в Венеции.

Этот последний резкий отпор Берлина не охладил Сталина. Через советских внешнеторговых представителей он все время старался убедить руководящие германские круги в искренности своих стремлений к взаимопониманию с Гитлером, давая им понять, что Москва пошла бы далеко в своих уступках Германии. В то же время Сталин попытался добиться, чтобы Польша взяла политический курс в ущерб Германии. Никто не знал тогда, каким путем идет Польша, и для рассмотрения этой проблемы было созвано специальное заседание Политбюро. Литвинов и Радек, а также представитель Наркомата обороны придерживались мнения, что имеется возможность побудить Польшу действовать заодно с Советской Россией. Единственным, кто не соглашался с этим взглядом, был Артузов, начальник Иностранного отдела ОГПУ. Он считал перспективы польско-советского взаимодействия иллюзорными. Опрометчиво выступивший несогласно с мнением Политбюро, он был резко оборван Сталиным: «Вы вводите Политбюро в заблуждение».

Эта реплика Сталина быстро обошла компетентные круги. «Дерзкого» Артузова считали уже человеком конченым. Последующие события подтвердили, что он был прав. Польша взяла сторону Германии, и это, возможно, спасло его на некоторое время. Артузов был обрусевший швейцарец, поселившийся в России в царское время в качестве учителя французского языка. Он приобщился к революционному движению перед мировой войной, а в партию большевиков вступил в 1917 году. Небольшого роста, седоволосый, с бородкой клинышком, меломан, Артузов был женат на русской, его дети родились в Москве. В 1937 г. он был арестован и казнен во время большой чистки.

Провал замыслов относительно Польши укрепил уверенность Сталина в необходимости умиротворять Гитлера. Он использовал любые пути, чтобы дать Берлину знать о своей готовности пойти на полюбовное соглашение. Кровавая чистка, проведенная 13 июня Гитлером, сразу возвысила его в глазах Сталина. Гитлер впервые продемонстрировал Кремлю, что он знает, как распорядиться властью, что он диктатор не только на словах, но и на деле. Если ранее у Сталина были какие-то сомнения насчет способности Гитлера править железной рукой, сокрушать оппозицию, утверждать свою власть даже над потенциальными политическими и военными силами, то теперь эти сомнения рассеялись. С тех пор Сталин признал в Гитлере властителя, человека, способного подкрепить делом свой вызов миру. Этим, как ничем другим, объясняется решение, принятое Сталиным ночью 30 июня, — любой ценой достигнуть взаимопонимания с нацистским режимом.

Спустя две недели, 15 июля, Радек, выступая в официальном советском органе — «Известиях», сделал попытку припугнуть Берлин жупелом единения Москвы с Версальскими державами. Кончил он, однако, таким противоположным замечанием: «Наличие в Германии фашистской власти не может быть причиной враждебных отношений между СССР и Германией. Между СССР и фашистской Италией существуют отношения, которые принесли пользу обеим державам». Предупреждение Гитлера, переданное через Нейрата, о том, что Германия не побоится остаться в изоляции, подтолкнуло Сталина на шаг, препятствующий изоляции. В то время еще существовали тесные контакты между Красной Армией и рейхсвером. Торговые отношения между двумя странами были весьма оживленными. Поэтому Сталин смотрел на политический курс Гитлера в отношении Советского Союза как на маневр с целью занять удобную дипломатическую позицию. Чтобы не дать обойти себя с фланга, он решил ответить на это своим собственным широким маневром.

Литвинов снова был послан в Женеву. Там в конце ноября 1934 г. он провел переговоры с Пьером Лавалем о предварительном соглашении, предусматривающем заключение пакта о взаимопомощи между Францией и Россией, з[illegible]шляемого как открытый для присоединения к нему других стран. Этот протокол был подписан в Женеве 5 декабря. Четыре дня спустя Литвинов выступил со следующим заявлением: «СССР никогда не переставал желать наилучших всесторонних отношений с Германией. Таково же, я уверен, и стремление Франции в отношении Германии. Восточный пакт сделал бы возможным создание и дальнейшее развитие таких отношений между этими тремя странами, равно как и между другими участниками пакта»[5].

На этот маневр Гитлер наконец-то отозвался. Советскому правительству были открыты большие кредиты. Сталина это необычайно вдохновило. По его мнению, Гитлером руководили финансовые интересы Германии. Весной 1935 г., в тот

момент, когда Антони Иден, Пьер Лаваль и Эдуард Бенеш находились с визитом в Москве, Сталин одержал, по его мнению, свой наивеличайший успех. Рейхсбанк предоставил Советскому правительству долгосрочный заем в 200 миллионов золотых марок[6].

Вечером 2 августа 1935 г. вместе с Артузовым и другими его сотрудниками я был в Иностранном отделе ОГПУ на Лубянке. Это было накануне отправления Леваневского в его знаменитый перелет из Москвы в Сан-Франциско через Северный полюс. Мы ожидали машину, которая доставила бы нас к старту Леваневского и его двух спутников. Пока мы ждали машину и запирали в сейфы бумаги, у нас возник разговор об отношениях с нацистским режимом. Артузов показал особо секретное донесение, только что полученное им от одного из наших крупных агентов в Берлине. Оно было подготовлено для Сталина как ответ на беспокоивший его вопрос: кто в Германии входит в число сторонников сотрудничества с Советским Союзом и насколько они сильны?

После исключительно интересного анализа внутренней экономической и политической обстановки в Германии, элементов возможного недовольства, отношений Берлина с Францией и другими державами и главнейших группировок в окружении Гитлера наш корреспондент приходил к такому заключению: «Все попытки с советской стороны умиротворить и примирить Гитлера обречены. Основным препятствием на пути взаимопонимания с Москвой является сам Гитлер».

Доклад произвел на всех нас глубокое впечатление. Его логика и факты выглядели неоспоримыми. Мы полюбопытствовали, как его воспринимает «хозяин». Артузов заметил, что оптимизм Сталина в отношении Германии остался непоколебленным. «Знаете, что сказал «хозяин» на последнем заседании Политбюро?» — произнес Артузов, махнув рукой. И процитировал Сталина: «Как же теперь сможет Гитлер начать войну с нами, когда он предоставил нам такие займы? Это невозможно. Деловые круги в Германии слишком могущественны, и они диктуют события».

В сентябре 1935 г. я выехал в Западную Европу, чтобы принять новую должность начальника военной разведки там. Не прошло и месяца, как я прилетел обратно в Москву. Мое поспешное возвращение домой было вызвано чрезвычайными событиями. Принимая нашу разведывательную сеть, я обнаружил, что один из наших агентов в Германии напал на след секретных переговоров между японским военным атташе в Берлине генерал-лейтенантом Хироси Осимой и бароном Иоахимом фон Риббентропом, в то время гитлеровским неофициальным министром иностранных дел.

Я решил, что эти переговоры представляют столь первостепенную важность для Советского правительства, что требуют с моей стороны особого внимания. Наблюдать за их развитием было не рядовым делом. Для этой цели мне требовались самые смелые и квалифицированные люди из имевшихся в нашем распоряжении. Поэтому я полетел в Москву для консультаций с центром. В Голландию я вернулся вооруженный всеми необходимыми полномочиями и средствами, чтобы довести до конца сбор информации о переговорах Осимы — Риббентропа.

Переговоры эти велись в обход обычных дипломатических каналов. Посол Японии в Берлине и германское министерство иностранных дел в них не участвовали. Посол по особым поручениям Гитлера Риббентроп вел переговоры с японским генералом негласно. К концу 1935 г. информация, которой я располагал, не оставляла тени сомнения в том, что переговоры близятся к определенной цели. Мы знали, конечно, что эта цель — нанести поражение Советскому Союзу. Мы знали также, что японская армия долгие годы горела желанием заполучить чертежи и образцы германских специальных зенитных пушек. Японские милитаристы показали свое стремление не останавливаться ни перед чем, лишь бы получить от Берлина патенты новейшего вооружения. Это служило отправной точкой на германо-японских переговорах.

Сталин пристально следил за развитием событий. Очевидно, Москва решила сорвать переговоры, сделав их достоянием гласности. В первых числах января 1936 г. в западноевропейской печати начали появляться сообщения, что между Германией и Японией заключено какое-то секретное соглашение. 10 января глава Советского правительства Молотов публично сослался на эти сообщения. А через два дня Берлин и Токио объявили о несостоятельности таких слухов. Единственным результатом огласки стало повышение секретности переговоров и то, что правительства Германии и Японии были вынуждены изобрести некое прикрытие для своего действительного соглашения.

На протяжении всего 1936 г. все столицы мира были взбудоражены официальными и частными сообщениями о германо-японской сделке. Повсюду в дипломатических кругах она стала предметом тревожных домыслов. Москва настаивала на документальном подтверждении подписания соглашения. Мои люди в Германии рисковали жизнью, преодолевая неимоверные трудности. Они понимали, что здесь нельзя считаться ни с издержками, ни с риском. Нам было известно, что нацистская разведка перехватывала шифрованную переписку с Токио, которую генерал Осима вел во время переговоров, и располагает копиями этих депеш. В конце июля 1936 г. мне сообщили, что наши люди в Берлине добыли полный комплект этой секретной переписки в виде микрофильма. Таким образом открылся канал, через который нам обеспечивалось получение будущих донесений Осимы своему правительству и ответной корреспонденции.

Напряжение последующих дней, когда я знал, что этот бесценный материал в наших руках, но приходилось ожидать его прибытия надежным путем из Германии, было почти непереносимо. Никакими случайными оказиями воспользоваться было нельзя, и мне пришлось терпеливо ждать.

8 августа поступило сообщение, что лицо, везущее корреспонденцию, пересекло границу Германии и должно прибыть в Амстердам. Это известие я получил, находясь в Роттердаме. Я сел в машину с помощником, и мы помчались в Амстердам. На полдороге мы встретили нашего агента, который спешил доставить материалы мне. Мы остановились на шоссе.

«Вот оно, у нас», — сказал он и передал мне несколько роликов микрофильма — в таком виде мы обычно переправляли всю нашу почту.

Я отправился прямо в Гарлем, где у нас была тайная фотолаборатория. Переписка Осимы была закодирована, но мы имели японский шифр. Кроме того, в Гарлеме нас поджидал первоклассный переводчик-японист, которого нам удалось подобрать в Москве. Я не мог заставить Москву ждать прибытия документов с курьером, а закодированное сообщение передать из Голландии было нельзя. Я приказал одному из наших людей быть наготове с минуты на минуту вылететь в Париж, чтобы отправить в Москву пространную депешу.

Пока шла расшифровка, я все больше убеждался в том, что передо мной — полная переписка Осимы с Токио, излагающая шаг за шагом весь ход переговоров с Риббентропом, а также все указания, переданные ему правительством. Генерал Осима сообщал, что его переговоры идут под личным контролем со стороны Гитлера, который часто беседует с Риббентропом и дает ему наставления. Из корреспонденции становилось ясно, что целью переговоров являлось заключение секретного пакта о координации всех шагов, предпринимаемых Берлином и Токио в Западной Европе, а также на Тихом океане. В корреспонденции, освещающей ход переговоров на протяжении целого года, не упоминалось о Коминтерне и не предлагалось никаких действий, направленных против коммунизма. По условиям секретного договора, Япония и Германия брали на себя обязательство урегулировать между собой все проблемы, связанные с Советским Союзом и Китаем, и не предпринимать никаких шагов ни в Европе, ни на Тихом океане без консультаций друг с другом. Берлин также согласился предоставить в распоряжение Токио свои новинки в области вооружения и обменяться с Японией военными миссиями.

В 5 часов вечера курьер отправился в Париж с моей шифровкой. Я вернулся домой и несколько дней отдыхал. С этого времени вся последующая переписка между генералом Осимой и Токио регулярно проходила через наши руки. В конечном счете выяснилось, что проект секретного пакта уже составлен и завизирован генералом Осимой и Риббентропом. Этот пакт был составлен в таких выражениях, что область сотрудничества Германии и Японии расширялась и затрагивала интересы не только Советского Союза и Китая.

Оставался неулаженным один вопрос: как замаскировать секретный пакт. Чтобы обмануть мировое общественное мнение, Гитлер решил составить проект Антикоминтерновского пакта. 25 ноября в присутствии всех послов иностранных держав в Берлине, за исключением Советского Союза, Антикоминтерновский пакт был подписан официальными представителями правительств Германии и Японии. Это документ для публики, состоящий из пары немногословных статей. За ним

скрывалось секретное соглашение, существование которого до сих пор официально не признано.

Сталин, разумеется, имел все доказательства этого, выявленные мной. Он решил показать Гитлеру, что Советское правительство все об этом знает. Наркому Литвинову было поручено преподнести Берлину этот сюрприз. 28 ноября, выступая на внеочередном съезде Советов, Литвинов сказал: «Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести переговоры в течение 15 месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить обязательно с японской стороны военному генералу, а с германской — сверхдипломату и что эти переговоры должны были вестись в обстановке чрезвычайной секретности, втайне даже от германской и японской официальной дипломатии... Что касается опубликованного японо-германского соглашения, то я рекомендовал бы не доискиваться в нем смысла, ибо соглашение это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово коммунизм даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом...

Соглашение с Японией имеет тенденцию распространить войну, возникшую на одном континенте, по крайней мере на два, если не на больше континентов»[7].

Нечего и говорить: Берлин пришел в ужас.

Что же касается моего вклада в это дело, то Москва расценила это как триумф. Я был представлен к ордену Ленина. Представление получило одобрение во всех инстанциях, но документы затерялись во время чистки в Красной Армии. Я так и не получил этой награды.

Американская реакция на германо-японский секретный пакт привлекла мое внимание, когда я находился уже в Соединенных Штатах. В январе 1939 г. Гитлер назначил своего личного помощника капитана Фрица Видемана генеральным консулом в Сан-Франциско. У Фрица Видемана, под командой которого во время первой мировой войны служил ефрейтор Адольф Гитлер, и он один из его самых близких соратников и доверенных. Назначение такой фигуры на этот, на первый взгляд маловажный, казалось бы, пост на Тихом океане свидетельствует о значимости германо-японского секретного пакта. Планами Гитлера предусматривалось даже возможность совместных с Японией маневров на Тихом океане.

Генерал-лейтенант Осима получил в октябре 1938 г. повышение, став послом Японии в Германии, и в ноябре того же года вручил свои верительные грамоты Гитлеру.

Как же повлиял пакт Берлин — Токио на внешнюю политику Кремля? Как реагировал Сталин на эту операцию на окружение, проведенную Гитлером против Советского Союза? Сталин продолжал вести одновременно два курса. Серия маневров, которые он совершил для видимости, известна всем. Он упрочил свое единение с Францией особым договором и настаивал на союзе. С Чехословакией он заключил соглашение о взаимопомощи. Он развязал кампанию за создание единого фронта во всем антифашистском мире. По его указанию Литвинов начал добиваться создания системы коллективной безопасности, рассчитанной на то, чтобы привлечь все великие и малые державы к защите Советского Союза от германо-японской агрессии. Он вмешивался в дела Испании для приобретения более тесных связей с Парижем и Лондоном.

Но все эти демонстративные действия были рассчитаны только на то, чтобы произвести впечатление на Гитлера и добиться успеха в своих тайных комбинациях, нацеленных только на одно: сговор с Германией. Едва был подписан германо-японский пакт, как Сталин направил в Берлин в качестве советского торгпреда своего личного посланца, Давида Канделаки, с тем чтобы он, минуя обычные дипломатические каналы, любой ценой устроил сделку с Гитлером. На заседании Политбюро, состоявшемся в этом время, Сталин с уверенностью сообщил своим соратникам: «В самом ближайшем будущем мы достигнем соглашения с Германией».

В декабре 1936 г. я получил директивы прекратить нашу работу в Германии. Первые месяцы 1937 г. прошли в ожидании благоприятного исхода секретных переговоров Канделаки. В апреле я находился в Москве, когда он прибыл из Берлина в сопровождении представителя ОГПУ в Германии. Канделаки привез с собой проект соглашения с нацистским правительством[8]. Он был секретно принят Сталиным, уверовавшим в то, что наконец-то все его маневры увенчались успехом. В то время мне представился случай обстоятельно поговорить с Ежовым, который тогда возглавлял ОГПУ. Он только что доложил Сталину об одной моей операции. Ежов, в молодости рабочий-металлист, был взращен в сталинской школе. Этот страшный человек, организатор большой чистки, был недалекого ума. Любой политический вопрос он нес к Сталину, и все, что говорил ему «хозяин», он повторял слово в слово, а затем претворял в дело.

Мы с Ежовым обсудили ряд поступивших к нам сообщений, касающихся недовольства, зревшего внутри Германии, и возможной оппозиции Гитлеру со стороны старых монархических группировок. Как раз в тот день Ежов обсуждал этот же вопрос со Сталиным. Его слова были буквально фонографическим воспроизведением слов самого «хозяина». «Что это за чушь о недовольстве Гитлером в германской армии? — воскликнул он. — Чем можно ублаготворить армию? Хорошим довольствием? Это Гитлер обеспечивает. Хорошим оружием и снаряжением? Гитлер снабдил их. Престиж, почет? Это обеспечено Гитлером. Ощущение силы и победы? Гитлер дает и это. Вся эта болтовня насчет волнений в армии — чупуха... Что касается капиталистов, то для чего им кайзер? Они хотели, чтобы рабочие вернулись на фабрики. Гитлер сделал это для них. Они хотели избавиться от коммунистов. Гитлер засадил их в тюрьмы и концлагеря. Они по горло сыты профсоюзами и забастовками. Гитлер поставил рабочее движение под контроль государства и запретил забастовки. Чем тут капиталистам быть недовольными?» Ежов продолжал в том же духе: Германия могущественна. Теперь это величайшая сила в мире. Такой сделал ее Гитлер. Кто, находясь в здравом уме, может не считаться с этим? Для Советской России имеется лишь один выбор. И тут он процитировал Сталина: «Мы должны прийти к соглашению с такой великой державой, как нацистская Германия».

Гитлер, однако, снова отклонил попытку Сталина к сближению. К концу 1937 г., когда лопнули планы Сталина в Испании, а Япония добилась успехов в Китае, международная изоляция Советского Союза достигла высшей степени. Сталин тогда сделал вид, что он занимает позиции нейтралитета между двумя основными группировками государств. 27 ноября 1937 г., выступая с речью в Ленинграде, нарком иностранных дел Литвинов высмеял демократические страны за их поведение в отношении фашистских государств. Скрытые же цели Сталина остались прежними.

В марте 1938 г. Сталин инсценировал грандиозный десятидневный процесс над группой Рыкова — Бухарина — Крестинского, бывшими ближайшими соратниками Ленина, стоявшими у истоков советской революции. Эти руководители большевистской партии, ненавистные Гитлеру, были расстреляны по приказу Сталина 15 марта 1938 г., 12 марта без какого-либо протеста со стороны СССР Гитлер аннексировал Австрию. Единственной реакцией Москвы было предложение созвать конгресс демократических государств. И снова, когда в сентябре 1938 г. Гитлер аннексировал Судеты, Литвинов предложил оказать совместную помощь Праге, но только в том случае, если это будет предпринято от имени Лиги Наций. Сам Сталин на протяжении всего необычайно богатого событиями 1938 г. хранил молчание. Зато после Мюнхена не было недостатка в его знаках внимания по отношению к Гитлеру.

12 января 1939 г. на глазах всего дипломатического корпуса состоялся демонстративный дружеский разговор между Гитлером и новым советским послом. Неделей позже в лондонской «News Chronicle» появилась заметка о готовящемся сближении между нацистской Германией и Советской Россией, и эта заметка была немедленно помещена на видном месте в московской газете «Правда», являвшейся рупором Сталина, без опровержения или комментариев. 25 января редактор иностранного отдела лондонской газеты «Daily Herald» У. Эвер писал, что нацистское правительство «теперь почти убеждено в том, что в случае европейской войны Советский Союз будет вести политику нейтралитета и невмешательства», и что на пути в Москву находится германская торговая делегация, «цели которой скорее политические, нежели коммерческие».

В первых числах февраля выяснилось, что Москва согласилась продавать нефть только Италии, Германии и странам, дружественным оси Рим — Берлин. Впервые за всю свою историю Советское правительство прекратило продажу нефти частным иностранным компаниям. Этой новой политикой обеспечивались жизненно важные поставки Италии и Германии в случае их войны с Великобританией и Францией.

Далее, 10 марта 1939 г. Сталин наконец заговорил. Это было первое его заявление после аннексии Германией Австрии и Судет, и он выказал такое необыкновенное благорасположение к Гитлеру, что это шокировало мировое общественное мнение. Он упрекал демократические страны за то, что они плетут заговоры с целью «отравить атмосферу и спровоцировать конфликт» между Германией и Советской Россией, как он выразился, «без видимых на то оснований»[9]. Через три дня после сталинской речи Гитлер подверг расчленению Чехословакию. Еще через два дня он совсем уничтожил ее. Конечно, это было результатом чемберленовской политики умиротворения. Мир тогда еще не осознал, что это был результат также и сталинской политики умиротворения. Втайне Сталин все время играл на руку оси Рим — Берлин против оси Париж — Лондон. Он не верит в силу демократических государств.

Сталину было ясно, что Гитлер занялся разрешением в полном объеме проблемы Центральной и Юго-Восточной Европы — так, чтобы подчинить себе политически и экономически народы и ресурсы этих районов и превратить их в военную базу для будущих операций. Сталин видит, что Гитлер за последние годы продвигается, обеспечивая себе плацдармы для рывков почти на всех направлениях. Он бросил якорь в Тихом океане и дотянулся до Южной Америки. Он подбирается на расстояние удара к британским владениям на Ближнем Востоке. А с помощью Муссолини обосновывается в колониальной Африке. Сталин стремится любой ценой избежать войны. Больше всего он боится войны. Если Гитлер гарантирует ему мир, даже ценой важных экономических уступок, он даст ему свободу действий на всех этих направлениях...

Такой анализ подоплеки сталинской политики по отношению к гитлеровской Германии был представлен на страницах «Saturday Evening Post»[10] за несколько месяцев до 23 августа 1939 г., когда мир был оглушен вестью о подписании сталинско-гитлеровского пакта. Излишне говорить, что для автора этих строк пакт не был новостью. И Молотов и Риббентроп утверждают, что нацистско-советским пактом открывается новая эпоха в развитии германо-советских отношений, которые окажут глубокое влияние на будущую историю Европы и всего мира. Это абсолютная правда.

(Окончание следует)

Примечания

Записки В. Г. Кривицкого (статью о нем Б. А. Старкова, являющегося также автором комментария, см.: Вопросы истории, 1991, № 11) начинаются главой «Сталин умиротворяет Гитлера», в которой раскрывается предыстория подготовки пакта 23 августа 1939 года. К моменту опубликования книги в 1939 г. это был самый злободневный вопрос международной политики. Заключение пакта явилось неожиданностью не только для широких кругов общественности, но и для хорошо информированных дипломатических и правительственных сфер. Оно шокировало мировое общественное мнение и стало в известной степени поворотным пунктом в политической биографии целого поколения приверженцев коммунистической идеологии, сторонников Советского Союза и Коминтерна.

Многое из того, о чем рассказывает Кривицкий, сегодня подтверждено другими документами. В частности, в записках рассказывается о попытке использовать для нажима на Германию «польскую карту» путем заключения пакта СССР — Польша. В это время советской дипломатией активно прорабатывался вопрос о заключении Восточного пакта. Такое название получил проект договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой в случае агрессии со стороны Германии. Однако негативное отношение польского правительства и правящих кругов западноевропейских стран к Восточному пакту похоронило эту идею. Немалую роль сыграло и то, что Сталин начал создавать собственную тайную дипломатию в обход официальных каналов Наркоминдела.

1. В данной главе упоминаются следующие лица: *Артузов А. Х.* (Артур Фраучи) — швейцарец итальянского происхождения. Принимал активное участие в революционном движении. С 1918 г. находился на руководящих должностях в органах ВЧК — ОГПУ (возглавлял Контрразведывательный и Иностранный отделы). Принимал непосредственное участие в агентурно-оперативных разработках «Трест» и «Синдикат-2». В первой половине 30-х годов был переведен на работу в Разведывательное управление РККА. Кривицкий правильно называет причины этого перемещения: разногласие со Сталиным в оценке перспектив советско-польских отношений. В мае 1937 г. арестован и обвинен в контрреволюционной антисоветской троцкистской деятельности. Расстрелян. Реабилитирован посмертно. *Берзин П. И.* (Петерис Кюзис) — в 1924—1935, 1937 гг. начальник Разведывательного управления РККА. Обвинен в принадлежности к латвийской шпионской организации и расстрелян в 1938 году. Реабилитирован посмертно. *Радек К. Б.* в 1932—1936 гг. возглавлял Бюро международной информации ЦК ВКП(б). Осужден в январе 1937 г., убит уголовниками в тюрьме. Реабилитирован посмертно. *Ежов Н. И.* — секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комитета партийного контроля, член Исполкома Коминтерна, с 26 сентября 1936 г. возглавлял НКВД. В октябре получил звание Генерального комиссара государственной безопасности СССР. При его непосредственном участии и под его руководством в 1936—1938 гг. проводился не только «большой террор», но одновременно и «чистка» аппарата НКВД. (Абсолютное большинство чекистов, упоминаемых в записках Кривицкого, репрессировано в то время.) В декабре 1938 г. был перемещен на другую должность, а весной 1939 г. арестован и обвинен в «левацком загибе». Расстрелян в феврале 1940 г. как «враг народа и коммунистической партии».
2. Цитируемый Кривицким текст выступлений Молотова, Литвинова и Сталина здесь воспроизводится по публикациям в советской печати, в частности, выступление Молотова 28 ноября 1933 г. цит. по: Известия, 31.XII.1933.
3. Там же. 30.XII.1933.
4. XVII съезд ВКП(б). Стенографич. отчет. М. 1934, с. 13—14.
5. Известия, 9.XII.1934.
6. Кривицкий не знал (или сознательно умалчивал) о том, что в то время зондаж перспектив советско-германских отношений активно велся по дипломатическим каналам. Летом и осенью 1935 г. посол СССР в Германии Я. З. Суриц усилил контакты с немецкими политическими и общественными деятелями. Его прогнозы были неизменно пессимистическими. В ноябре 1935 г. он изложил их в докладной записке на имя Литвинова. 3 декабря 1935 г. основное содержание этой записки было сообщено в докладе Литвинова Сталину. Для воздействия на Германию Литвинов предлагал ограничить выдачу заказов ей «сотней, максимум двумя сотнями миллионов марок» (Известия ЦК КПСС, 1990, № 2, с. 211—212). Еще 31 марта 1935 г. «Правда» поместила статью М. Н. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии», которая вызвала отрицательную реакцию правительственных кругов в Германии, о чем было официально заявлено послом Германии в СССР Ф. В. фон Шуленбургом Литвинову 4 апреля и германским военным атташе полковником Гартманом начальнику Отдела внешних сношений Наркомата обороны СССР А. И. Геккеру. Рукопись статьи Тухачевского была отредактирована лично Сталиным (см. Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, с. 161—169).
7. Известия, 29.XI.1936.
8. В проекте предварительного соглашения, доставленного Д. В. Канделаки в Москву (материалы о его миссии см.: Вопросы истории, 1991, № 4—5), речь шла о возможности политического сближения СССР и Германии. Обеспечение такой политической линии предполагалось реализовать через заключение советско-германского договора. При этом затрагивались вопросы взаимоотношений с Польшей и Прибалтийскими государствами, экономического и военного сотрудничества. Об этом были проинформированы члены Политбюро ЦК ВКП(б) (ЦГАОР СССР, материалы М. И. Калинина).
9. XVIII съезд ВКП(б). Стенографич. отчет. М. 1939, с. 13.
10. Имеется в виду серия статей Кривицкого, опубликованных весной и летом 1939 г. в «Saturday Evening Post».

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том второй. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918

Глава XXIV. *Ледяной поход — бой 15 марта у Ново-Дмитриевской. Договор с кубанцами о присоединении Кубанского отряда к армии. Поход на Екатеринодар*

15 марта — ледяной поход — слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях — не то были, не то сказки. Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром. Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи — по дорогам и без дорог — заплывших и пропадавших в густом тумане, стлавшемся над землею. Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега, и подул ветер. Застилает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет, словно острыми иглами.

Впереди перестрелка: не доходя 2—3 верст до Ново-Дмитриевской — речка, противоположный берег которой занят аванпостами большевиков. Их отбросили огнем наши передовые части, но мост оказался не то снесенным вздувшейся и бурной речкой, не то испорченным противником. Послали конных искать броды. Колонна сгрудилась к берегу. Две-три хаты небольшого хуторка манили дымками своих труб. Я слез с лошади и с большим трудом пробрался в избу сквозь сплошное месиво человеческих тел. Живая стена больно сжимала со всех сторон; в избе стоял густой туман от дыхания сотни людей и испарений промокшей одежды, носился тошнотный, едкий запах прелой шинельной шерсти и сапог. Но по всему телу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченевшие члены, было приятно и дремотно. А снаружи ломились в окна, в двери новые толпы. «Дайте погреться другим, совести у вас нету».

Переправу искали долго. Корнилов разослал и всех конвойных офицеров. Всадники шли по подернувшему реку у берега тонкому слою льда, проваливались и иногда вместе с конем погружались в ледяную воду. Наконец, марковские конные разведчики перешли реку вброд у снесенного моста. Тотчас же мелькнула белая папаха Маркова, и с того берега донесся его громкий голос: «Всех коней к мосту, полк переправлять верхом и на крупах».

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—11.

Началась томительно-долгая переправа: глубина — в полкорпуса лошади, одновременно проходило не более двух; потом в поводу поворачивали коней обратно за новой очередью пехоты. Попробовали провезти орудие. Лошади шарахнулись, запутались в постромках, повалились вместе с ездовыми в воду и опрокинули пушку. Новая задержка. А в это время переправу начала громить неприятельская артиллерия. Одна за другой ложатся гранаты по снежному полю, падают в реку, вздымая высокие столбы пенящихся брызг. Вот одна упала прямо в костер, разведенный на берегу среди гревшейся толпы добровольцев; разметала, побила, переранила людей.

Между тем погода вновь переменилась: неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. Люди и лошади быстро обросли ледяной корой; казалось, все промерзло до самых костей; покоробившаяся, будто деревянная одежда сковала тело: трудно повернуть голову, трудно поднять ногу в стремя.

Уже вечереет — пурга заглушает шум ружейной стрельбы. Не слышно, что делается впереди. Возле дороги, ведущей от переправы к Ново-Дмитриевской, в поле — брошенные орудия и повозки, безнадежно застрявшие в расплывшейся пахоте, подернутой сверху тонкой корой льда. По дороге тянется вереница людей. Словно тени. Местами тут же на дороге лежит неподвижное тело. «Раненый?» Долго молчит. Потом отрицательно качает головой. «Вы подбодритесь, деревня близко, пропадете ведь здесь, в поле...» Идут и не обращают уже никакого внимания на свист пуль, которыми посыпают дорогу застрявшие где-то в стороне, в темнеющей роще большевики. Проехал Корнилов с одним только штабом — конвой почти весь переправляет пехоту. Стемнело окончательно.

Марков, развернув против станицы Офицерский полк, оказался с ним в полном одиночестве. Покровский, который должен был атаковать станицу с юга, не подошел — счел невозможным двигать по такой дороге и в такую погоду свой отряд. Это обстоятельство спасло большевиков от окружения и стоило нам потом двух лишних боев и лишней крови. Коннице, направленной в охват вправо, не удалось перейти речку, и к ночи она вернулась к общей переправе; батарея, с поврежденными механизмами орудий, застряла в поле; в пятом часу только еще начинала переходить вброд голова Партизанского полка — переправа его протянется, очевидно, до ночи...

Марков решил: «Ну вот что. Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идем в станицу!» И бросился с полком под убийственный огонь мгновенно затрещавших со всех сторон ружей и пулеметов. Полузамерзшие, держа в онемевших руках винтовки, падая и проваливаясь в густом месиве грязи, снега и льда, офицеры бежали к станице, ворвались в нее и перемешались в рукопашной схватке с большевиками; гнали их потом до противоположной окраины, встречаемые огнем чуть не из каждого дома, где засели и грелись не ожидавшие такой стремительной атаки и не успевшие построиться красногвардейцы резервных частей.

Когда мы подъехали к окраине станицы, Офицерского полка там уже не было. У околицы толпились артиллеристы застрявшей батареи с лошадьми, спасавшиеся от стужи и стоявшие в нерешительности: по всем темным улицам станицы шла беспорядочная стрельба. Корнилов послал ординарцев разыскать Маркова и полк, но не дождался донесения и поехал с Романовским, несколькими чинами штаба и ординарцами в обычный сборный пункт — станичное правление. Командующий армией входил туда как раз в тот момент, когда из правления в другие двери выбегала толпа большевиков, встреченная в упор огнем...

Всю ночь шла стрельба в станице; всю ночь переправлялась армия, и весь следующий день подбирали и вытаскивали из грязи повозки обоза и артиллерию. Утром большевики атаковали Ново-Дмитриевскую, но с большим уроном были отброшены. И каждый день потом их артиллерия со стороны Григорьевской громила нашу станицу, преимущественно площадь с церковью, где, как всегда, располагался Корнилов со штабом.

В тот же день, 15-го, наш обоз переходил из аула Шенджий в станицу Калужскую, куда прибыл поздно ночью. Раненые и больные весь день лежали в ледяной воде... Смерть витала над лазаретом.

Мой бронхит свалил меня окончательно. Молодой зауряд-врач, променявший свою мирную профессию на беспокойную и опасную должность ординарца генерала Маркова, милейший Г. Д. Родичев, выслушал меня и, найдя какие-то необык-

новенные шумы, смущенно сказал: «Дело плохо, надо сбегать за доктором...»

Но 17-го приехали представители Кубани на совещание по поводу соединения армий. Пришлось подняться. Предварительно беседовал с Корниловым и Романовским. Выяснилось, что части Кубанского отряда «с оказией» прислали доложить, что они подчиняются только генералу Корнилову и если их командование и кубанское правительство почему-либо на это не пойдут, то все они перейдут к нам самовольно. Было решено, чтобы не создавать опасных прецедентов и не подрывать принципов дисциплины, побудить кубанские власти к мирному и добровольному соглашению.

Приехали — атаман, полковник Филимонов, генерал Покровский, председатель и товарищ председателя законодательной рады Рябовол и Султан-Шахим-Гирей, председатель правительства Быч — люди, которым суждено было впоследствии много времени еще играть большую роль в трагических судьбах Кубани.

Начались томительно-долгие, нудные разговоры, в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии» как опоры правительства, и т. д. Они не договаривали еще одного своего мотива — страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с Кубанским отрядом он не поглотил и их призрачную власть, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове. На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напомнившим лето 1917 года — с бесконечными дебатами революционной демократии, доканчивавшей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове — с разговорами донского правительства, дум и советов, подготовлявшими вступление на Дон красных войск Сиверса... А за стеною жизнь, настоящая жизнь уже напоминала о себе громким треском рвавшихся на площади и возле дома гранат.

Нелепый спор продолжался. Корнилов заявил категорически, что он не согласен командовать «автономными» армиями и пусть в таком случае выбирают другого. Кубанское правительство согласилось, наконец, на соединение армий, но устами Быча заявило, что оно устраняется от дальнейшего участия в работе и снимает с себя всякую ответственность за последствия. Корнилов вспылил и, ударяя по столу пальцем с надетым на нем перстнем — его характерный жест, — сказал: «Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией».

Жизнь настойчиво возвращала совещание к суровой действительности: задрожали стены, зазвенели стекла; возле нашего дома разорвалось несколько гранат; одна забрызгала грязью окна, другая разбила ворота... Кубанские представители попросили разрешения переговорить между собой. Мы вышли в другую комнату и, набросав там проект договора, послали его кубанцам. В окончательной редакции протокол совещания гласил:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии».

Подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей. Последние строки 3-го пункта, введенные по настоянию кубанских представителей, главным образом, якобы, только для морального удовлетворения смещенного командующего войсками, создали впоследствии большие осложнения во взаимоотношениях между главным командованием и Кубанью.

В этот день, 17-го, после артиллерийского обстрела большевики из Григорьевской перешли опять в наступление на Ново-Дмитриевскую; вечером проникли даже

небольшими частями в самую станицу, соединившись здесь с местными иногородними. Несколько часов по улицам жужжали пули, пока, наконец, около полуночи наступление не было отбито.

В ближайшие дни прибыли кубанские войска, влились в Добровольческую армию, которая после расформирования некоторых частей получила следующую организацию[1]: *1-я бригада, генерал Марков.* Офицерский полк. 1-й кубанский стрелковый полк. 1-я инженерная рота. 1-я и 4-я батареи. *2-я бригада, генерал Богаевский.* Корниловский ударный полк. Партизанский полк. Пластунский батальон. 2-я инженерная рота. 2-я, 3-я и 5-я батареи. *Конная бригада, генерал Эрдели.* 1-й конный полк. Кубанский полк (вначале — дивизион). Черкесский полк. Конная батарея. Общая численность армии возросла до 6 тысяч бойцов. Вместе с тем почти удвоился наш обоз.

Атака Екатеринодара решена. Были сомневающиеся, но не было несогласных, тем более что армия до этих дней не знала неудачи и выполняла, невзирая на невероятные трудности, всякий маневр, который ей указывал командующий. Второй месяц уже Корнилов шел вперед, разбивая все преграды, которые встречал на своем пути, побеждая большевиков силою своей воли, обаянием своего мужества и доблестью преданных ему добровольцев.

План операции заключался в следующем: 1) разбить отряды противника, действовавшие южнее Екатеринодара, для того чтобы обеспечить возможность переправы и увеличить запас боевых припасов за счет большевистских складов: 2) внезапным ударом захватить станицу Елисаветинскую в 18 верстах западнее Екатеринодара — пункт, где имелась только паромная переправа и где нас меньше всего ожидали; 3) переправиться через Кубань и атаковать Екатеринодар[2].

В двадцатых числах бригада генерала Богаевского после кровопролитного боя захватила Григорьевскую и Смоленскую. Эрдели с конницей пошел к Елисаветинской. 24-го перед рассветом генерал Марков должен был внезапным ударом овладеть Георгие-Афипской станицей и станцией, где был центр закубанских отрядов, гарнизон свыше 5 тысяч человек с артиллерией и бронепоездами и склад боевых припасов.

Неожиданным нападение не вышло: выступление почему-то сильно замешкалось и, когда голова колонны была в расстоянии менее версты от станицы, как-то сразу рассвело. Большевики увидели перед собою на ровном открытом поле не успевшую развернуться компактную массу пехоты, артиллерии, конных и, после минутного замешательства, открыли по ней убийственный огонь, в котором принял участие и показавшийся за поворотом бронированный поезд.

Корнилов со штабом в это время обгонял колонну и едва успел отъехать в сторону. Ружейной пулей ранило в ногу навылет генерала Романовского, который, однако, остался с Корниловым. По всему полю заметались люди, орудия... По счастью, впереди по заливным лугам проходила высокая насыпь железной дороги, и Марков успел развернуть и скрыть за ней свои части. В таком положении колонне Маркова пришлось простоять несколько часов. Впереди — окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных берегах речкой Шелш с единственным через нее мостом.

Наступление замерло. Корнилов послал приказание бригаде Богаевского ускорить движение от Смоленской в глубокий обход Георгие-Афипской с запада. Сам переехал на это направление.

Во второй половине дня Корниловцы и Партизаны, прорезав железную дорогу, вышли в тыл большевикам и после краткого горячего боя ворвались в станицу и на станцию. С востока вошел и Марков. Началось истребление метавшихся по всей станице остатков большевиков, не успевших прорваться к Екатеринодару. На станции, в числе прочей добычи, нашли и драгоценные для нас снаряды — до 700 штук.

Полки, как всегда, соперничали в доблести, не омраченной ревнивым чувством. Когда Корнилов благодарил командира Партизанского полка, генерала Казановича, за взятие станицы, он ответил: «Никак нет, Ваше Высокопревосходительство. Всем успехом мы обязаны Митрофану Осиповичу[3] и его полку...»

25 марта подтянулся обоз, и пополудни армия двинулась дальше на северо-запад, подорвав железнодорожный мост и выслав отряд для демонстрации против Екатеринодара. Шли вначале вдоль полотна; скоро, однако, приостановились:

подъехал бронированный поезд и эшелон большевиков, с которым наш авангард вел бой до темноты. Колонна свернула в сторону и продолжала путь уже темной ночью. Опять без дорог, сбиваясь и путаясь среди сплошного моря воды, залившей луга и дороги, скрывшей канавы, ямы, обрывы, в которые проваливались люди и повозки. Ночь казалась такой бесконечно долгой, и таким желанным — рассвет...

Пройдя 32 версты, колонна остановилась в ауле Панахес, откуда после небольшого отдыха 2-я бригада генерала Богаевского двинулась дальше к Елисаветинской переправе, находившейся в десяти верстах и уже захваченной Эрдели.

Переправа через Кубань представляет большой интерес не только технической стороной ее выполнения, но и необыкновенной смелостью замысла. У Елисаветинской был паром, подымавший нормально около 15 всадников, или 4 повозки с лошадьми, или 50 человек. Позднее откуда-то снизу притянули другой паром, меньшей подъемной силы и с неисправным тросом, действовавший с перерывами. Был еще десяток рыбачьих гребных лодок. Этими средствами нужно было перебросить армию с ее обозом и беженцами, в составе не менее 9000 человек, до 4000 лошадей и до 600 повозок, орудий, зарядных ящиков.

Операция выполнялась под угрозой с левого берега — со стороны большевиков, владевших железнодорожным мостом, и под некоторым давлением с правого — со стороны авангарда екатеринодарской группы большевиков. Переправа протекала в полном порядке и длилась трое суток в условиях почти мирных — за исключением нескольких часов 27-го — без обстрела. Обратный отход с боем потребовал бы значительно большего времени, вернее, был невыполним вовсе, и, в случае неудачи боя, грозил армии гибелью. Переброшенный на правый берег громадный обоз — подвижной тыл армии, прижатый к реке, становился в полную зависимость от какой-либо случайности в изменчивой обстановке сражения.

Для того чтобы решиться на такую операцию, нужна была крепкая вера вождя в свое боевое счастье и в свою армию. Корнилов не сомневался. 27 марта мы беседовали в штабе о вопросах, связанных с занятием Екатеринодара, как о чем-то неизбежном и не допускающем сомнения. Чтобы не повторить ростовской ошибки, решено было временно, до упрочения военного положения, не восстановлять кубанскую власть, а назначить в Екатеринодар генерал-губернатора; эта должность возложена была на меня. Помню, что кубанское правительство отнеслось к этой мере с молчаливым осуждением. И, когда я просил дать мне в помощь опытных общественных деятелей, они предложили мне... уволенного некогда полицеймейстера и свое контрразведочное отделение[4]. В этот же день Корнилов в первый раз отдал приказ о том, чтобы окрестные кубанские станицы выставили и немедленно прислали в состав Добровольческой армии определенное число вооруженных казаков.

Не сомневалась и армия. Весело толпились у берега, спеша переправиться, Корниловцы и Партизаны, шедшие в этот раз в голове, за конницей. Нервничали марковские офицеры, и ворчал их генерал, оставленный с бригадой в арьергарде на левом берегу до окончания переправы обоза. «Черт знает что! Попадешь к шапочному разбору!»...

Хорошее настроение царило и в обозном походном городке, по капризу судьбы вдруг выросшем на берегу Кубани вокруг маленького черкесского аула[5]. Сотни повозок; пасущиеся возле стреноженные лошади; пестрые лохмотья, разложенные для сушки на чуть пробивающейся траве под яркими еще холодными лучами весеннего солнца; дым и треск костров; разбросанные по всему полю группы людей, с нетерпением ждущих своей очереди для переправы и жадно ловящие вести с того берега. Словно во времена очень далекие — табор крестоносцев — безумцев или праведников, пришедших из-за гор и морей под стены святого города...

И у нашей армии был свой маленький «Иерусалим». Пока еще не тот — заветный, далекий с золотыми маковками сорока сороков Божьих церквей... Более близкий: Екатеринодар. Он влек необыкновенной притягательной силой. Даже люди с холодным умом, ясно взвешивавшие военно-политическое положение, не обольщавшиеся слишком радужными надеждами, поддавались невольно его гипнозу. А массы видели в нем конец своим мучениям, прочную почву под ногами и начало новой жизни. Почему — в этом плохо разбирались, но верили, что так именно будет.

К 27 марта на правом берегу Кубани была уже конница Эрдели и 2-я бригада Богаевского. Бригада Маркова прикрывала обоз. Смелый замысел, поразивший воображение большевиков и спутавший все расчеты их командования, не был доведен до своего логического конца. Над тактическими принципами, требовавшими быстрого сосредоточения всех сил для решительного удара, восторжествовало чувство человечности — огромная моральная сила вождя, привлекающая к нему сердца воинов и, вместе с тем, иногда сковывающая размах стратегии и тактики.

Корнилов мог, рассчитывая на трудную проходимость левобережных плавней, оставить для прикрытия обоза части вспомогательного назначения — охранную, инженерные роты, команды кубанского правительства, вооруженных чинов обоза и т. п. Бригада Маркова могла бы к вечеру 27-го сосредоточиться в Елисаветинской. Но раненые оставались бы тогда три ночи без крова, и всему многочисленному населению обоза, в случае серьезного наступления с тыла от аула Панахес, грозила опасность попасть в руки большевиков. И Корнилов оставил на левом берегу треть своих сил и... Маркова. 1-я бригада постепенно, по частям выходила потом в боевую линию, начиная с полудня 28-го и до вечера 29-го.

Начался бой за Екатеринодар. Утром, 27-го, отряд большевиков из Екатеринодара повел наступление на Елисаветинскую и открыл артиллерийский огонь по станице, явно нащупывая переправу. Сторожевое охранение Корниловцев было потеснено, и Неженцев постепенно ввел в дело весь свой полк. Пополудни генерал Богаевский двинул в бой и Партизанский полк. Генерал Казанович, развернув свои батальоны Партизан, двинулся в атаку без выстрела вдоль Екатеринодарской дороги, поддерживаемый редким огнем своей батареи. Большевики не выдержали атаки и бросились бежать в направлении на Екатеринодар. Бежали густыми толпами, в полном беспорядке и остановились только на линии «фермы»[6] и примыкающих к ней хуторов — в 3-х верстах от города.

Казанович, преследуя большевиков, овладел кирпичным заводом, стоявшим на берегу Кубани, в полпути от Екатеринодара. Ввиду того что на Богаевского возложено было только прикрытие Елисаветинской, а атака Екатеринодара предположена была лишь после переправы всей армии, он счел свою задачу выполненной и, оставив на высоте кирпичного завода сторожевое охранение, отвел полки на ночлег в станицу.

Между тем в штабе настроение значительно поднялось. Легкость, с которой был одержан успех этого дня, моральная неустойчивость большевиков, доходившие сведения о панике в Екатеринодаре, о начинающейся будто бы эвакуации и, вместе с тем, о подходящих спешно подкреплениях — все это побудило Корнилова поспешить атакой и нанести решительный удар, прежде чем большевики опомнятся и усилятся, не дожидаясь сосредоточения всех наших сил. Поздно ночью отдан был приказ ускорить переброску Кубанского стрелкового полка (из бригады Маркова), а Богаевскому совместно с Эрдели атаковать Екатеринодар 28-го марта.

В этом решении многие видели потом причину рокового исхода операции... На войне принимаются не раз решения как будто безрассудные и просто рискованные. Первые кончаются удачей иногда, вторые часто. Успех в этом случае создает полководцу ореол прозорливости и гениальности, неудача обнажает одну только отрицательную сторону решения. Корнилов рискнул и... ушел из жизни раньше, чем окончилась екатеринодарская драма. Рок опустил внезапно занавес, и никто не узнает, каким был бы ее эпилог.

Утром 28-го Богаевский двинулся на Екатеринодар. Партизанскому полку приказано было атаковать западную окраину города, Корниловскому — Черноморский вокзал (севернее города). Еще левее шла конница Эрдели в охват города с севера и северо-востока; она должна была преградить большевикам пути по Черноморской и Владикавказской железным дорогам и поднять казаков станицы Пашковской.

Корниловцы, не получив почему-то своевременно приказа, задержались, и Казанович — этот несравненный таран для лобовых ударов — атаковал ферму и прилегающие хутора один и после горячего боя взял их. Не надолго: большевики подвели крупные резервы, при содействии сильного артиллерийского огня пере-

шли в контратаку и вновь овладели фермой. Но слева подходили уже Корниловцы, опрокидывая большевиков; кубанские пластуны полковника Улагая поддержали Партизан и вместе с ними снова ворвались на ферму, закрепив ее за нами окончательно. В этот день пало много храбрых; в числе других ранены генерал Казанович, полковник Улагай, Партизан — есаул Лазарев...

Мы подъехали к ферме вскоре после ее занятия. Был ясный солнечный день. С возвышенности, на которой стояла ферма, открывалась панорама Екатеринодара. Отчетливо видны были контуры домов предместья, кладбище и Черноморский вокзал. Впереди их — длинные неправильные ряды большевистских окопов.

Возле фермы стала наша батарея. Каждый выезд на позицию — это трагедия: десяток патронов — по целям, требующим сотен, молчание — когда пехота не в силах подняться из окопов под сплошным ливнем неприятельского огня. Вправо, ближе к берегу, пошли и скрылись в складках поля и в роще Партизаны и Пластуны, направляясь на кожевенные заводы. Севернее большой дороги наступает Корниловский полк, и Неженцев идет вперед, не обращая внимания на летящие пули, уже сразившие нескольких его спутников; идет к кургану, откуда должно быть видно, как на ладони, открытое поле, отделяющее нас от вокзала, — поле смерти, которое судьба на этот раз предоставляла преодолеть его полку.

Странно и жутко было видеть от фермы человеческие силуэты[7] на вершине бугра среди цепей и огня. Ферма, где остановился штаб армии, расположена на высоком отвесном берегу Кубани. Она маскировалась несколько рядом безлистых тополей, окаймлявших небольшое опытное поле, примыкающее к ферме с востока. С запада к ней подходила вплотную небольшая четырехугольная роща. Внутри двора — крохотный домик в четыре комнаты, каждая площадью не больше полутора сажен, и рядом сарай. Вся эта резко выделявшаяся на горизонте группа была отчетливо видна с любого места городской окраины и, стоя среди открытого поля, в центре расположения отряда, не могла не привлечь к себе внимания противника.

Перед вечером получено было донесение, что войска правого крыла под начальством полковника Писарева (Партизаны, Пластуны и подошедший батальон Кубанского стр. полка) после жестокого боя овладели предместьем города с кожевенным заводом и идут дальше. Настроение «фермы» ликующее. Уже никто не сомневается, что Екатеринодар падет. Не было еще случая, чтобы красная гвардия, потеряв окраину, принимала бой внутри города или станицы. Корнилов хотел уже перейти на ночлег в предместье, и ему с трудом отсоветовали ехать туда. Коменданту штаба армии послано было приказание — к рассвету выслать квартирьеров...

Разместились тесно — на полу, на соломе: в одной комнатке — Корнилов с двумя адъютантами, в двух — Романовский со штабом и команда связи, четвертая — для перевязочного пункта; в маленькой кладовке, рядом с комнатой Корнилова, поместился я с двумя офицерами. Весь коридор был забит мертвецки спящими телами. Богаевский со штабом расположился возле, в роще, под бурками. Мне плохо спалось: от холода, от стонов, раздававшихся всю ночь из перевязочной, и от напряженного ожидания.

Утром 29-го нас разбудил треск неприятельских снарядов, в большом числе рвавшихся в районе фермы. В течение трех дней с тех пор батареи большевиков перекрестным огнем осыпали ферму и рощу. Расположение штаба становилось тем более рискованным, что ферма стояла у скрещения дорог — большой и береговой, по которым все время сновали люди и повозки, поддерживавшие сообщение с боевой линией. Но вблизи жилья не было, а Корнилов не хотел отдаляться от войск. Романовский указал командующему на безрассудность подвергаться такой опасности, но, видимо, не очень настойчиво, больше по обязанности, так как и сам лично относился ко всякой опасности с полнейшим равнодушием. И штаб остался на ферме. За ночь, оказалось, боевая линия не продвинулась. Писарев дошел до ручья, отделявшего от предместья артиллерийские казармы, обнесенные кругом земляным валом, представлявшим прекрасное оборонительное сооружение, и дальше продвинуться не мог. Атаки повторены были и ночью и под утро — не оставившим строя раненым Казановичем, вызвали лишь тяжелые потери (ранен был и полковник Писарев), но успехом не увенчались. Казанович предпринимал более «солидную» артиллерийскую подготовку. На нашем языке это означало лишних 15—20 снарядов...

Неженцев оставался в прежнем положении, встретив упорное сопротивление и будучи не в силах преодолеть жестокий огонь противника. Корниловский полк, ослабленный сильно предшествовавшими боями, таял. В его ряды на пополнение влили две-три сотни мобилизованных кубанских казаков, по большей части необученных, которые, попадая сразу в самое пекло оглушительного боя, терялись и нервничали. Неженцев страдал за полк, ставил на чашку весов последнюю гирю — свое моральное обаяние и второй день уже безотлучно сидел возле цепей на кургане, вокруг которого неустанно сыпались пули и рвали в клочья человеческое тело вражеские гранаты.

Только у Эрдели дело шло, по-видимому, успешно: конница его заняла Сады[8], пересекла железную дорогу и направилась к Пашковской. Станица эта, расположенная в 10 верстах к востоку от Екатеринодара, большая и многолюдная, была враждебна большевизму с первых его дней, и восстание там в ближайшем тылу екатеринодарского гарнизона сулило весьма благоприятные перспективы.

Между тем береговой дорогой к кожевенному заводу мимо нас потянулись части Офицерского полка. Скоро показался и Марков. Идет широким шагом, размахивая нагайкой, и, издали еще, на ходу ругается: «Черт знает что! Раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой — я бы уже давно в Екатеринодаре был». «Не горюй, Сережа, — отвечает Романовский, — Екатеринодар от тебя не ушел». Два близких друга — родственных по духу. В обоих — горит огонь. Только в одном он прорывается наружу ярким пламенем, другой сковал его силой воли и сознанием исключительной нравственной ответственности своего поста...

Ввиду сосредоточения всей бригады Маркова, решено было разобрать перемешанные части и вечером в 5 часов повторить атаку всем фронтом: Маркову — на артиллерийские казармы, Богаевскому — против Черноморского вокзала.

Батарея полковника Третьякова редким огнем подготовляет штурм казарм. Цепи наши лежат словно вросшие в землю; нельзя поднять головы, чтобы тотчас же не задела одна из тысяч летящих кругом пуль. В глубокой канаве — Марков с Тимановским, штабом (три человека) и командой разведчиков. Он ходит нервными шагами, нетерпеливо ждет начала атаки. Приказ отдан, но части медлят... «Ну, видимо, без нас дело не обойдется». Вскочил на насыпь и бросился к цепям. «Друзья, в атаку, вперед!» Ожило поле, поднялись добровольцы, и все живое бросилось к смертоносному валу — храбрые и робкие — падая, подымаясь, оставляя за собою на взрыхленном снарядами поле, на камнях мостовой судорожно подергивавшиеся и мертвенно неподвижные тела..

Артиллерийские казармы взяты. Когда известие об этом дошло до левого фланга, Неженцев отдал приказ атаковать. Со своего кургана, на котором Бог хранил его целые сутки, он видел, как цепь поднималась и опять залегала; связанный незримыми нитями с теми, что лежали внизу, он чувствовал, что наступил предел человеческому дерзанию и что пришла пора пустить в дело «последний резерв». Сошел с холма, перебежал в овраг и поднял цепи. «Корниловцы, вперед!» Голос застрял в горле. Ударила в голову пуля. Он упал. Потом поднялся, сделал несколько шагов и повалился опять, убитый наповал второй пулей. Не стало Митрофана Осиповича Неженцева!..

Потрясенные смертью командира, потеряв раненым помощника Неженцева, полковника Индейкина, и убитым командира Партизанского батальона, капитана Курочкина, перемешанные цепи Корниловцев, Партизан и елисаветинских казаков схлынули обратно в овраг и окопы. А к роковому холму подходил батальон резерва[9], и генерал Казанович с рукой на перевязи, превозмогая боль перебитого плеча, повел его в атаку. Под бешеным огнем, увлекая за собой и Елисаветинцев, он опрокинул передовые цепи большевиков и уже в темноте по пятам бежавших двинулся к городу.

Вечером этого дня Богаевский объезжал позицию. «Большевики открыли бешеный пулеметный огонь, — рассказывает он, — пришлось спешиться и выждать темноты. Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием «штаб Корниловского полка» почти на линии окопов. Крошечный «форт» с отважным гарнизоном, среди которого только трое было... живых; остальные бойцы лежали мертвые. Один из живых — временно команду-

ющий полком, измученный до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира, подполковника Неженцева. Он лежал тут же, такой же стройный и тонкий; на груди черкески тускло сверкал Георгиевский крест. От позиции большевиков было несколько десятков шагов. Они заметили наше движение, и пули роем засвистели над нами, впиваясь в тела убитых. Лежа рядом с павшим командиром, я слушал свист пуль и тихий доклад его заместителя о боевом дне...»

К ночи в штабе армии положение фронта определялось следующим образом: бригада Маркова закрепляется в районе артиллерийских казарм. С Партизанами Казановича связь потеряна, и о судьбе их ничего неизвестно. Корниловский полк, весьма расстроенный, занимает прежние позиции. Конница Эрдели отходит к Садам.

Когда Корнилову доложили о смерти Неженцева, он закрыл лицо руками и долго молчал. Был угрюм и задумчив; ни разу с тех пор шутка не срывалась с его уст, никто не видел больше его улыбки. Не раз он неожиданно прерывал разговор с новым человеком: «Вы знаете, Неженцев убит, какая тяжелая потеря...» И на минуту замолчит, нервно потирая лоб своим характерным жестом. Когда к ферме подвезли на повозке тело Неженцева, Корнилов склонился над ним, долго с глубокой тоской смотрел в лицо того, кто отдал за него свою жизнь, потом перекрестил и поцеловал его, прощаясь, как с любимым сыном...

На ферме как-то все притихли. Иван Павлович говорил мне в этот день: «Никогда еще я не видел его таким расстроенным. Стараюсь отвлечь его мысли, но плохо удается. Просто так вот по-человечески ужасно жалко его». Опять ночь на ферме. Опять плохо спится — от холода, от стонов раненых и от... тревожного предчувствия.

Утром 30-го, ко всеобщему сожалению, мы узнали, что успех боя был уже почти обеспечен и только ряд роковых случайностей вырвал его из наших рук. Генерал Казанович с вечера 29-го, преследуя бежавших большевиков, прошел мимо участка Кутепова и просил его атаковать одновременно правее и доложить об этом Маркову. Затем, рассеяв легко большевиков, занимавших самую окраину, ворвался в город и, не встречая далее никакого сопротивления, стал подвигаться по улицам в глубь его.

Этот удивительный эпизод, похожий на сказку, сам Казанович передает такими правдивыми и скромными словами: «...Стрельба на участке 1-й бригады стихла. Я был уверен, что мои соседи справа также продвигаются по одной из ближайших улиц, а потому приказал от времени до времени кричать: «Ура генералу Корнилову!» — с целью обозначить своим место моего нахождения. Подвигаясь таким образом, мы достигли Сенной площади... Все было тихо. На площади стали появляться повозки, направлявшиеся на позиции противника. Преимущественно это были санитарные повозки с фельдшерами и сестрами милосердия, но попалась и одна повозка с хлебом, которой мы очень обрадовались, несколько повозок с ружейными патронами, и, что особенно ценно, на одной были артиллерийские патроны. Между тем ночь проходила. Встревоженный долгим отсутствием каких-либо сведений о наших частях, я послал по пройденному нами пути разъезды на отбитых у большевиков конях».

Вернувшийся разъезд доложил, что «наших частей нигде не видно, что окраина города в том месте, где мы в него ворвались, занята большевиками, которые, по-видимому, не подозревают о присутствии у них в тылу противника».

Начальник разъезда, принятый за своего, успокоил большевиков, уверив их, что в городе все тихо. «Потеряв надежду на подход подкреплений, я решил, что дожидаться рассвета среди многолюдного города, в центре расположения противника, имея при себе 250 человек, значит обречь на гибель и их, и себя без всякой пользы для дела. Построив в первой линии Партизан с пулеметами, за ними Елисаветинцев и, наконец, захваченных у большевиков лошадей и повозки, я двинулся назад, приказав на расспросы большевиков отвечать, что мы — «Кавказский отряд» — идем занимать окопы впереди города (такой отряд незадолго перед тем высаживался на вокзале). Подходя к месту нашей последней атаки, мы наткнулись сначала на резервы большевиков, а потом и на первую линию. Наши ответы сначала не возбуждали подозрений, затем раздались удивленные возгласы: «Куда же вы идете, там впереди уже кадеты!» «Их-то нам и надо».

Я рассчитывал, как только подойду вплотную к большевикам, броситься в

штыки и пробить себе дорогу. Но большевики, мирно беседуя с моими людьми, так с ними перемешались, что нечего было и думать об этом; принимая во внимание подавляющее численное превосходство противника, надо было возможно скорее выбираться на простор. Все шло благополучно, пока через ряды большевиков не потянулся наш обоз. Тогда они спохватились и открыли нам в тыл огонь, отрезав часть повозок».

А в то же время, услышав огонь, начали стрелять из казарм наши части, пока, наконец, не выяснилось недоразумение. Настал рассвет, и все кончилось. Еще один счастливый случай потерян. Все складывалось на этот раз к нашему неблагополучию. И гибель всех старших начальников на участке Корниловского полка, удержавшая левое крыло на месте, и то обстоятельство, что Кутепов, по его словам, не мог поднять в атаку свои перемешанные и расстроенные после вчерашнего боя части, и случайность, что Марков перешел вечером на свой правый фланг, а Кутепов почему-то не послал ему доложить об атаке Казановича.

Шел четвертый день непрерывного боя. Противник проявлял упорство, доселе небывалое. Силы его везде, на всех участках боевой линии разительно превышали наши. Какова их действительная численность, не знали ни мы, ни, вероятно, большевистское командование. Разведка штаба определяла в боевой линии до 18 тысяч бойцов при 2—3 бронепоездах, 2—4 гаубицах и 8—10 легких орудиях. Но отряды пополнялись, сменялись, прибывали новые со всех сторон. Позднее в екатеринодарских «Известиях» мы прочли, что защита Екатеринодара обошлась большевикам в 15 тысяч человек, в том числе 10 тысяч ранеными, которыми забиты были все лазареты, все санитарные поезда, непрерывно эвакуируемые на Тихорецкую и Кавказскую.

Как бы то ни было, ясно почувствовалось, что темп атаки сильно ослабел. В этот день генерал Корнилов собрал военный совет — впервые после Ольгинской, где решалось направление движения Добровольческой армии. Я думаю, что на этот шаг побудило его не столько желание выслушать мнение начальников относительно плана военных действий, который был им предрешен, сколько надежда вселить в них убеждение в необходимости решительного штурма Екатеринодара.

Собрались в тесной комнатке Корнилова генералы Алексеев, Романовский, Марков, Богаевский, я и кубанский атаман, полковник Филимонов. Во время беседы выяснилась печальная картина положения армии: противник во много раз превосходит нас силами и обладает неистощимыми запасами снарядов и патронов. Наши войска понесли тяжелые потери, в особенности в командном составе. Части перемешаны и до крайности утомлены физически и морально четырехдневным боем. Офицерский полк еще сохранился, Кубанский стрелковый сильно потрепан, из Партизанского осталось не более 300 штыков, еще меньше в Корниловском[10]. Замечается редкое для добровольцев явление — утечка из боевой линии в тыл. Казаки расходятся по своим станицам. Конница, по-видимому, ничего серьезного сделать не может. Снарядов нет, патронов нет. Число раненых в лазарете перевалило за полторы тысячи.

Настроение у всех членов совещания тяжелое. Опустили глаза. Один только Марков, склонив голову на плечо Романовского, заснул и тихо похрапывает. Кто-то толкнул его. «Извините, Ваше Высокопревосходительство, разморило — двое суток не ложился...»

Корнилов не старался внести успокоительную ноту в нарисованную картину общего положения и не возражал. За ночь он весь как-то осунулся, на лбу легла глубокая складка, придававшая его лицу суровое, страдальческое выражение. Глухим голосом, но резко и отчетливо, он сказал: «Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?»

Все генералы, кроме Алексеева, ответили отрицательно. Мы чувствовали, что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся; неудача штурма вызовет катастрофу; даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению ее слабых частей для охраны и защиты большого города. И, вместе с тем, мы знали, что штурм все-таки состоится, что он решен бесповоротно.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Алексеев. «Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до послезавтра; за сутки войска несколько отдохнут, за ночь

можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка; быть может, станичники подойдут еще на пополнение». На мой взгляд, такое половинчатое решение, в сущности, лишь прикрытое колебание, не сулило существенных выгод; сомнительный отдых — в боевых цепях, трата последних патронов и возможность контратаки противника. Отдаляя решительный час, оно сглаживало лишь психологическую остроту данного момента. Корнилов сразу согласился. «Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1-го апреля».

Участники совета разошлись сумрачные. Люди, близкие к Маркову, рассказывали потом, что, вернувшись в свой штаб, он сказал: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

После совещания мы остались с Корниловым вдвоем. «Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?» «Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб». «Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся». «Вы выведете...» Я встал и взволнованно проговорил: «Ваше Высокопревосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии — она вся погибнет».

Кто-то вошел, и мы никогда уже не докончили этот разговор. В тот же вечер Корнилов как будто продолжил его с прибывшим с позиции в резерв Казановичем. «Я думаю, — сказал Корнилов, — завтра повторить атаку всеми силами. Ваш полк будет у меня в резерве, и я двину его в решительную минуту. Что вы на это скажете?» Казанович ответил, что, по его мнению, также следует атаковать, и он уверен, что атака удастся, раз Корнилов лично будет руководить ею. «Конечно, — продолжал Корнилов, — мы все можем при этом погибнуть. Но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония[11]...»

В этот день, как и в предыдущие, артиллерия противника долго громила ферму, берег и рощу. Вдоль берега по дороге сновали взад и вперед люди и повозки. Шли из екатеринодарского предместья раненые — группами и поодиночке. Я сидел на берегу и вступал в разговоры с ними. Осведомленность их обыкновенно не велика — в пределах своей роты, батальона, понятие об общем положении подчас фантастическое, но о настроении частей дают представление довольно определенное: есть усталость и сомнение, но нет уныния; значит, далеко еще не все потеряно. С левого фланга по большой дороге проходят люди, более подавленные, и более пессимистически определяют положение; они, кроме того, голодны и промерзли.

Неожиданная встреча: идет с беспомощно повисшей рукой — перебита кость — штабс-капитан Бетлинг. Спаситель «бердичевской группы генералов», начальник юнкерского караула в памятную ночь 27 августа[12]. Притерпелось, или пересиливает боль. но лицо веселое. Усадил его на скамейку, поговорили. У Бетлинга типичный формуляр офицера-первопоходника. Геройски дрался с немцами и был ими ранен. В числе первых поступил на должность рядового в Добровольческую армию. Геройски дрался в кубанском походе и дважды был ранен большевиками. С одной здоровой рукой продолжал службу после похода и умер от сыпного тифа. Мир его душе! И этот храбрый офицер о штурме говорил в тот день как-то нерешительно. «От красногвардейцев, когда идешь в атаку, просто в глазах рябит. Но это ничего. Если бы немного патронов, а главное, хоть немножко больше артиллерийского огня. Ведь казармы брали после какого-нибудь десятка гранат...»

Как бы то ни было, там — в окопах, в оврагах екатеринодарских огородов, в артиллерийских казармах — люди живут своей жизнью, не отдают себе ясного отчета о грозности общего положения, страдают и слепо верят. Верят в Корнилова. А ведь вера творит чудеса!..

Глава XXVI. *Смерть генерала Корнилова*

С раннего утра 31-го, как обычно, начался артиллерийский обстрел всего района фермы. Корнилова снова просили переместить штаб, но он ответил: «Теперь уже

не стоит, завтра штурм». Перебросились с Корниловым несколькими незначительными фразами — я не чувствовал тогда, что они будут последними...

Я вышел к восточному краю усадьбы взглянуть на поле боя: там тихо; в цепях не слышно огня, не заметно движения. Сел на берегу возле фермы. Весеннее солнце стало ярче и теплее; дышит паром земля; внизу под отвесным обрывом тихо и лениво течет Кубань; через головы то и дело проносятся со свистом гранаты, бороздят гладь воды, вздымают столбы брызг, играющих разноцветными переливами на солнце, и отбрасывают от места падения в стороны широкие круги.

Подсели два-три офицера. Но разговор не вяжется, хочется побыть одному. В душе — тягостное чувство, навеянное вчерашней беседой с Корниловым. Нельзя допустить непоправимого... Завтра мы с Романовским, которому я передал разговор с командующим, будем неотступно возле него...

Был восьмой час. Глухой удар в роще: разметались кони, зашевелились люди. Другой совсем рядом — сухой и резкий... Прошло несколько минут... «Ваше превосходительство! Генерал Корнилов...» Предо мной стоит адъютант командующего, подпоручик Долинский, с перекошенным лицом и от сдавившей горло судороги не может произнести больше ни слова. Не нужно. Все понятно...

Генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел; силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило об печку. В момент разрыва гранаты в дверях появился Долинский, которого отшвырнуло в сторону. Когда затем Казанович и Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра...

Долинский не докончил еще своей фразы, как к обрыву подошел Романовский и несколько офицеров, принесли носилки и поставили возле меня. Он лежал на них беспомощно и недвижимо; с закрытыми глазами, с лицом, на котором как будто застыло выражение последних тяжелых дум и последней боли. Я наклонился к нему. Дыхание становилось все тише, тише и угасло. Сдерживая рыдание, я приник к холодеющей руке почившего вождя...

Рок — неумолимый и беспощадный. Щадил долго жизнь человека, глядевшего сотни раз в глаза смерти. Поразил его и душу армии в часы ее наибольшего томления. Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного. Мистический покров предвечной тайны покрыл пути и свершения неведомой воли.

Вначале смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась, словно по внушению. Казалось, что самый воздух напоен чем-то жутким и тревожным и что там, в окопах, еще не знают, но уже чувствуют, что свершилось роковое. Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собою шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели.

Конец всему! В этой фразе, которая срывалась с уст не только малодушных, но и многих твердых людей, соединились все разнородные чувства и побуждения их: беспредельная горечь потери, сожаление о погибшем, казалось, деле и у иных — животный страх за свою собственную жизнь. Корабль как будто шел ко дну, и в моральных низах армии уже зловещим шепотом говорили о том, как его покинуть.

Было или казалось только, но многие верили, что враг знал уже о роковом событии; чудилось им за боевой линией — какое-то необычайное оживление; а в атаках и передвижениях большевиков видели подтверждение своих догадок. Словно таинственные флюиды перенесли дыхание нашей скорби в окопы врагов, вызвав в них злорадство и смелость.

Повозка с телом покойного, покрытым буркой, в сопровождении текинского конвоя тихо двигалась по дороге в Елисаветинскую. С ней поравнялся ехавший на ферму генерал Алексеев. Сошел с коляски, отдал земной поклон праху, поцеловал

в лоб, долго, долго смотрел в спокойное уже, бесстрастное лицо. Последнее прощание двух вождей, которых связала общность идеи, разъединяло непонятное чувство взаимного личного разлада и соединит через полгода смерть...

В Елисаветинской тело омыли и положили в сосновый гроб, убранный первыми весенними цветами. Ввиду неопределенности положения армии, надо было скрыть судьбу останков от внимания врагов. Тайно, в присутствии лишь нескольких человек, случайно узнавших о смерти Корнилова, станичный священник дрожащим голосом отслужил панихиду по убиенном воине Лавре... Тайно вечером положили гроб на повозку и, прикрыв его сеном, повезли в обозе уходившей армии. 2 апреля на остановке в немецкой колонии Гначбау предали тело земле. Лишь несколько человек конвоя присутствовало при опускании гроба. И вместо похоронного салюта верных войск почившего командующего провожал в могилу гром вражеских орудий, обстреливавших колонию. Растерянность и страх, чтобы не обнаружить присутствием старших чинов места упокоения, были так велики, что начальник конвоя доложил мне о погребении только после его окончания. И я стороной, незаметно прошел мимо, чтобы бросить прощальный взгляд на могилу.

Могилу сровняли с землей; сняли план места погребения в трех экземплярах и распределили между тремя лицами. Невдалеке от Корнилова был похоронен молодой друг и любимец его — Неженцев. Но судьба, безжалостная к вождю при жизни, была безжалостна и к праху его. Когда ровно через четыре месяца Добровольческая армия вошла победительницей в Екатеринодар и в Гначбау были посланы представители армии поднять дорогие останки, они нашли в разрытой могиле лишь кусок соснового гроба.

«В тот же день (2-го апреля), — говорится в описании Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, — Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшествии разъездов Темрюкского полка. Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать оставшаяся в Гначбау по нездоровью сестра милосердия Добровольческой армии, которая, по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом повезли в Екатеринодар».

«В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; ругали генерала Корнилова. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представителей советской власти, Золотарев, появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова; но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а Темрюкцами. Появились фотографы; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части, и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела».

«После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец, отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях».

«В один день не удалось докончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами и потом опять жгли».

«Через несколько дней после расправы с трупом по городу двигалась какая-то шутовская ряженая процессия; ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать «похороны Корнилова». Останавливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег на помин души Корнилова...»

На крутом берегу Кубани, на месте, где испустил последний вздох вождь Добровольческой армии, поставлен скромный деревянный крест; с ним рядом приютился скоро другой — над могилой друга — жены, пережившей его всего лишь на шесть месяцев.

Носились слухи, что после нашего ухода с Кубани в 1920 году большевики сожгли ферму, сорвали кресты и затоптали могилу. Безумные люди! Огненными буквами записано в летописях имя ратоборца за поруганную русскую землю; его не вырвать грязными руками из памяти народной.

Глава XXVII. *Вступление мое в командование Добровольческой армией. Снятие осады Екатеринодара. Бои у Гначбау и Медведовской. Подвиг генерала Маркова*

Жизнь шла своим чередом, не позволяла предаваться унынию и от горестных мыслей о тяжкой утрате возвращала к суровой действительности. В тот момент, когда от берега Кубани понесли носилки с прахом командующего, его начальник штаба обратился ко мне: «Вы примете командование армией?» «Да».

Не было ни минуты колебания. Официально по званию «помощника командующего армией» мне надлежало заменить убитого. Морально я не имел права уклониться от тяжелой ноши, выпавшей на мою долю в ту минуту, когда армии грозила гибель. Но только временно — здесь, на поле боя... Поэтому когда мне дали на подпись краткое сообщение о событии, адресованное в Елисаветинскую генералу Алексееву, с приглашением прибыть на ферму, я придал записке форму рапорта, предпослав фразу: «Доношу, что...» Этим я признавал за Алексеевым естественное право его на возглавление организации и, следовательно, на назначение постоянного заместителя павшему командующему.

Штаб перешел в конец рощи, где расположился на перекрестке дорог, под открытым небом, в ожидании генерала Алексеева и кубанского атамана полковника Филимонова. Приехал Алексеев и обратился ко мне: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помоги вам Бог!» Мы обменялись крепким рукопожатием. Вместе с Романовским Алексеев обсуждал проект приказа, причем оба остановились в нерешительности на одной технической детали: неписанная конституция Добровольческой власти не знала иного определения ее, как термином «командующий армией». От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто: «Подпишите «генерал от инфантерии»... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

Приказ гласил: §1. «Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч. 30 м. 31 сего марта убит генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора. Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине. Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею — известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества. Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§2. В командование армией вступить генералу Деникину».

На бурках возле дороги сели в круг Алексеев, Романовский, Филимонов и я. Я очертил общее положение армии. Оно несколько ухудшилось в тактическом отношении после 30 марта: на фронте Эрдели началось продвижение противника в охват нашего левого фланга, которое Эрдели сдерживал лихими конными атаками; но, тем не менее, он потеснен и оставил Сады. Туда направлен последний резерв — Казанович с тремястами Партизан.

Но не в этом главное. Смерть вождя нанесла последний удар утомленной нравственно и физически пятидневным боем армии, повергнув ее в отчаяние. Поэтому, ставя себе главной целью спасение армии, я решил сегодня с закатом снять осаду Екатеринодара и быстрым маршем, большими переходами вывести армию из-под удара екатеринодарской группы большевистских войск.

Возражений не последовало. Мы приступили к обсуждению маршрута, пользуясь сведениями кубанского атамана о настроении станиц и о существующих переправах через реки. Выбор был небольшой: на востоке — Екатеринодар, на юге — река Кубань, с единственной паромной переправой, на западе — плавни и море; наш злейший враг — железная дорога опоясывала нас кругом линиями Тимашевская — Крымская — Екатеринодар... И я отдал приказ Добровольческой армии с наступлением темноты двигаться на север, в направлении станицы Старо-Величковской.

В темную ночь армия уходила от Екатеринодара в неизвестное. Шли молча, понуро, подавленные, но в полном порядке; в движении колонн и обоза заметна была даже какая-то подчеркнутая исполнительность и дисциплина. Но когда с рассветом с бронированного поезда, увидевшего наш конный арьергард, открыли по нему артиллерийский огонь, отдаленные звуки его производили на колонну явно тягостное, доселе не замечавшееся впечатление и вызвали большую торопливость...

Необходимо было дать время улечься настроению и избегать боя. Этого, однако, сделать не удалось. Пройдя около 40 верст, авангард был встречен ружейным огнем из попутной станицы и завязал перестрелку. Скоро по нас открыли огонь одно или два большевистских орудия. Колонна продолжала путь, не задерживаясь и свернув лишь несколько вправо полевой дорожкой. Я выехал к кургану, возле станицы. Противник, к счастью, оказался плохо организованным. Наши части скоро ворвались в станицу, батарея не более чем тремя выстрелами прогнала неприятельские орудия, а появившиеся на горизонте во множестве подкрепления — повозки с большевистской пехотой — после двух-трех артиллерийских выстрелов умчались назад.

Так как и Старо- и Ново-Величковская станицы оказались занятыми неприятелем, я приказал армии переправляться через реку Понура между двумя этими пунктами по двум мостам, возле немецкой колонии Гначбау, где и заночевать. Конница стала у переправы на хуторах. Арьергард (ранее авангард) прикрывал это движение, занимая до ночи взятую станицу, которую большевики обстреливали артиллерией. Мост был испорчен, пришлось его долго чинить, и переправа продолжалась почти до рассвета.

На походе я узнал, что из станицы Елисаветинской не удалось вывезти всех раненых. Начальник обоза доложил, что окрестности были уже заняты противником, перевозочных средств одной Елисаветинской не хватало, и пришлось оставить в ней 64 тяжелораненых из числа безнадежных и тех, которые безусловно не в состоянии были бы вынести предстоящие форсированные марши. С ранеными оставлены врач, сестры и денежные средства. Глубокой болью сжалось сердце. Я не знал тогда, где смерть вернее. Но чувствовал, что язык цифр и фактов для них не убедителен, что они — обреченные — имели нравственное право осудить ушедших... После 50-верстного перехода отдых в Гначбау вышел весьма относительный: колония не в состоянии была вместить всех, многим пришлось оставаться под открытым небом на улице.

План предстоящего похода заключался в том, чтобы, двигаясь на восток, вырваться из густой сети железных дорог и более организованного района борьбы «Кубанско-Черноморской советской республики», сосредоточиться на перепутье трех «республик» и трех военных командований — Дона, Кубани и Ставрополя — и оттуда, в зависимости от обстановки, начать новую операцию.

Во исполнение этого плана 2-го апреля нам предстояло прорваться через линию Черноморской железной дороги; я наметил для этого станцию Медведовскую. Обозы были готовы с утра, и выступление предположено с таким расчетом, чтобы подойти к железной дороге в темноте. Но около полудня неожиданно со стороны Ново-Величковской обнаружилось наступление крупного отряда большевиков, и скоро колония с ее скученным добровольческим населением подверглась жестокому обстрелу десятка орудий; в то же время большевистская пехота начала охватывать нас с востока, стремясь запереть в излучине реки.

При таких условиях о скрытности движения и перехода через жел. дор. не могло быть и речи. И я решился на крайнее средство — отсидеться в Гначбау до темноты, с тем чтобы под покровом ночи скрыть свой марш и от Гначбауского и от Медведовского противника. Обоз приказал сократить до минимума: изъять все лишние войсковые повозки; бросить лишние орудия, унеся затворы и испортив лафеты, так как для оставшихся 30 снарядов достаточно было и четырех орудий; беженцам оставить по повозке на 6 человек, остальные порубить. В голову обоза поставить лазарет.

Части 2-й бригады выдвинулись за окраину, залегли и приостановили наступление противника. Но артиллерийский обстрел колонии продолжался с исключительной силой. Этот день останется в памяти первопоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых, самых фантастических слухов. Когда обнажались худшие инстинкты, эгоизм, недоверие и подозрительность — друг к другу, к начальству, одной части к другой. Главным образом — в многолюдном населении обоза. В войсковых частях было лучше, но и там создалось очень нервное настроение.

Вероятно, среди малодушного элемента шли разные разговоры, потому что в продолжение пяти-шести часов в штаб приходили вести, одна другой тревожнее. Получаю, например, донесение, что один из полков конницы решил отделиться от армии и прорываться отдельно... Что организуется много конных партий, предполагающих распылиться... Входит бледный ротмистр Шапрон, адъютант Алексеева, и трагическим шепотом докладывает, что в двух полках решили спасаться ценою выдачи большевикам старших начальников и добровольческой казны... предусмотрено какое-то участие в этом деле Баткина... что сводный офицерский эскадрон прибыл добровольно для охраны генерала Алексеева. От всякой охраны лично я отказался, но много позднее узнал, что тревожные слухи дошли до штаба 1-й бригады и полковник Тимановский[13] придвинул незаметно к штабу армии «на всякий случай» офицерскую часть.

Люди теряли самообладание, и надо было спасать их помимо их собственной воли. Мы с Иваном Павловичем, который сохранял, как всегда, невозмутимое спокойствие, успокаивали волнующихся, спорили с сановными беженцами, добивавшимися права следовать чуть ли не с авангардом, и ждали с нетерпением наступления все примиряющих сумерек. Часовая стрелка в этот день, как всегда в таких случаях, передвигалась с необычайной медленностью...

Перед самым закатом приказал начать движение колонны на север, по Старо-Величковской дороге. Движение замечено было противником, и лощину, где проходит дорога, большевики начали обстреливать ураганным огнем. Но уже спускалась ночь, огонь стал беспорядочнее, голова колонны круто свернула вправо и пошла на северо-восток по дороге на Медведовскую. Вырвались!

Колонна двигалась в полной тишине, не преследуемая противником. В авангарде шла бригада Маркова. Конница Эрдели была направлена севернее Медведовской для рассредоточения, отвлечения внимания противника и порчи пути; к югу для той же цели двинут Черкесский полк.

После 24-верстного перехода, в начале пятого часа утра, замелькали вдали огни железнодорожной будки на переезде, в версте от станции. Марков послал вперед конных разведчиков, но не утерпел и поскакал туда сам. Когда я со штабом подъехал к будке, было еще совсем темно и совершенно тихо. Марков, как оказалось, от лица арестованного дорожного сторожа переговорил уже по телефону с дежурившими на станции большевиками, услышавшими подозрительный шум, и успокоил их. На станции оказались два эшелона красногвардейцев и бронепоезд. Подходила голова бригады, и тихо начали разворачиваться возле полотна цепи. Батальон Офицерского полка двинут Марковым против станции Медведовской, инженерная рота — для порчи полотна и обеспечения с юга, а для захвата станицы, расположенной в полуверсте от будки, я послал конные команды штаба армии во главе с подполковником Генерального штаба Ряснянским.

Ждем результатов захвата станции. На будку приходит штабс-ротмистр Алексеев, сын Михаила Васильевича. «Отец просит разрешения прийти в будку». «По-

жалуйста, милости просим». Это, очевидно, — для примера другим подчеркнутое подчинение драконовским правилам порядка в движении колонны и, вместе с тем, подтверждение неписанной добровольческой конституции: полное невмешательство в дело организации, управления и вождения армией. Такая система завелась с первого дня и строго соблюдается, сильно облегчая командование.

В ночной тишине послышался вдруг один, другой ружейный выстрел. Оказалось потом, что наш разъезд неосторожно спугнул большевиков — часовых на станции. И через несколько минут со стороны станции показалась какая-то движущаяся громада: бронированный поезд. Медленно, с закрытыми огнями, надвигается на нас; только свет от открытой топки скользит по полотну и заставляет бесшумно отбегать в сторону залегших возле полотна людей. Поезд уже в нескольких шагах от переезда.

У будки все: генерал Алексеев, командующий армией со штабом и генерал Марков. Одна граната, несколько лент пулемета и... в командном составе армии произошли бы серьезные перемены. Марков с нагайкой в руке бросился к паровозу. «Поезд, стой! Раздавишь с. с. Разве не видишь, что свои?!» Поезд остановился. И пока ошалевший машинист пришел в себя, Марков выхватил у кого-то из стрелков ручную гранату и бросил ее в машину. Мгновенно из всех вагонов открыли по нас сильнейший огонь из ружей и пулеметов. Только с открытых орудийных площадок не успели дать ни одного выстрела.

Между тем Миончинский продвинул к углу будки орудие и под градом пуль почти в упор навел его по поезду. «Отходи в сторону от поезда, ложись!» — раздается громкий голос Маркова. Грянул выстрел, граната ударила в паровоз, и он с треском повалился передней частью на полотно. Другая, третья по блиндированным вагонам... И тогда со всех сторон бросились к поезду «Марковцы». С ними и их генерал. Стреляли в стенки вагонов, взбирались на крышу, рубили топорами отверстия и сквозь них бросали бомбы; принесли из будки смоляной пакли, и скоро запылали два вагона. Большевики проявили большое мужество и не сдавались: из вагонов шла беспрерывная стрельба. Отдельные фигуры выскакивали на полотно и тут же попадали на штыки. Было видно, как из горящих вагонов, наполненных удушливым дымом, сквозь пробитый пол обгорелые люди выбрасывались вниз и ползли по полотну.

Скоро все кончилось. Слышался еще только треск горящих патронов. Горячо обнимаю виновника этого беспримерного дела. «Не задет?» «От большевиков Бог миловал, — улыбается Марков. — А вот свои палят, как оглашенные. Один выстрелил над самым моим ухом — до сих пор ничего не слышу».

Нельзя терять времени. Послал приказание подвести на рысях вторую батарею, а колонне полным ходом продолжать путь. Уже светало. Перед нашими глазами развернулась картина боя. На севере Боровский с Офицерским полком атакует станцию; оттуда большевики обстреливают сильным огнем будку, переезд и дорогу в станицу; под этим огнем полковник Тимановский — невозмутимый «Степаныч», как его звал Марков, с неизменной трубкой в зубах, подгоняет залегших Кубанских стрелков, ведя их в подкрепление к Боровскому. С юга задымилась труба паровоза, и новый бронированный поезд открыл артиллерийский огонь по колонне; несколькими выстрелами, однако, наша батарея отогнала поезд, и орудия его на пределе продолжали вести по колонне безвредный огонь. Мимо нас через переезд тянутся бесконечной вереницей повозки, попадают в сплошную полосу огня, мчатся рысью и ныряют в станичные улицы. А на самом переезде идет лихорадочная работа: здесь тушат, расцепляют вагоны и выгружают из них драгоценные боевые припасы.

Какое счастье! В этот день взято более 400 артиллерийских и около 100 тысяч ружейных патронов. По добровольческим масштабам, на несколько боев мы обеспечены. Боровский взял станцию, перебил много большевиков; часть их успела погрузиться в поезд, который ушел на север. Конница, потрепанная несколько при переходе через железнодорожный мост встретившимся бронепоездом, перешла линию еще севернее.

После привала в Медведовской армия без всякого давления противника двигалась дальше 17 верст в мирную, дружественную нам станицу Дядьковскую. Потери наши были совершенно ничтожны. Когда я в этот день обгонял колонну, то по лицам добровольцев, по их ответам и разговорам почувствовал ясно, что хотя тяжелая рана, нанесенная смертью любимого вождя, болит и заживет не скоро, но наваждение уже прошло; что по этой широкой кубанской степи, под ясным солнцем идет прежняя Добровольческая армия, сильная духом, способная опять бороться за Родину и побеждать.

Глава XXVIII. *Поход на восток — от Дядьковской до Успенской; трагедия раненых; жизнь на Кубани*

В Дядьковской — дневка; в покое, тепле, сытости и уюте. Встретили нас станичники хлебом-солью и добрым словом; для меня это наиболее тягостная процедура, принимая во внимание последствия, ожидающие говоривших... после нашего ухода. Но иногда нельзя было избегнуть этих встреч.

Для осуществления общего плана операции, чтобы спутать все предположения большевиков внезапностью и быстротою, я решил еще больше увеличить суточные переходы, посадив всю пехоту на подводы. Идея эта применялась частично и не без пользы красногвардейскими отрядами.

Но это решение ставило с необыкновенной остротой вопрос о лазарете. Положение тяжелораненых становилось безвыходным. Они целыми днями тряслись в повозках по ухабам. В течение последних трех суток (от вечера 31-го до вечера 2-го) обоз прошел свыше 90 верст, причем «отдых» в Гначбау не превышал 6—8 часов, а некоторые повозки не разгружались за это время вовсе. В дальнейшем ожидались еще большие трудности. Смертность в лазарете, в котором, кроме того, уже иссякли лечебные и перевязочные средства, достигла ужасных размеров. Предстояло одно из двух: или изменить систему маршей, подвергая армию возможности окружения и гибели, или обречь походом на верную смерть тяжелораненых добровольцев.

Жизнь подсказывала и третье решение, морально наиболее тяжелое: получено было известие из Елисаветинской, что станичники сберегли наших раненых и последние отправлены в местные лазареты. Впоследствии это сведение оказалось ложным: из 64 оставленных только 14 спаслись, остальных большевики зверски убили. Но тогда оно сыграло известную роль в принятии решения, спасшего много жизней.

Я пригласил на совещание старших начальников и некоторых общественных деятелей, следовавших при армии. Очертив им обстановку, предложил на обсуждение вопрос: брать ли с собой всех раненых или оставить тяжелых в станице, приняв меры, до известной степени гарантирующие их безопасность. Ответственные начальники почти все, в том числе Алексеев, Романовский и Марков, высказались за оставление; другие говорили о гнетущем впечатлении, которое вызовет факт оставления. Я знал, конечно, что вся моральная тяжесть этого решения падет на мою голову; что для личного моего успокоения легче было бы взять всех с собою и предоставить разрешение вопроса на волю судьбы; и все же, после тяжкого раздумья, приказал оставить.

Врачи составили список раненых, не могущих выдержать перевозки, которых оказалось около 200; станичный сбор постановил принять их на свое попечение; оставлена была известная сумма денег, врач, сестры и несколько заложников, выведенных кубанцами из Екатеринодара, среди которых был влиятельный большевик Лиманский, давший слово оберечь раненых и исполнивший добросовестно свое обещание. Остался по собственному желанию и «матрос» Баткин, услугами которого более не пользовались. Фактически осталось только 119 человек — остальные были увезены своими однополчанами. Впоследствии оказалось, что из оставшихся двое были убиты большевиками, шестнадцать умерли и 101 спасся.

Переживая мысленно минувшее, я живо помню свои душевные терзания. И, делясь тогда впечатлениями с Романовским, мы оба пришли к одинаковому заключению: подписать приказ заставлял тяжелый долг начальника; но, если бы пришлось оставаться самим, мы предпочли бы пустить себе пулю в лоб.

5 апреля двинулись дальше на восток; предстоял снова переход через магистраль Владикавказской дороги, казавшуюся нам весьма опасной благодаря сосредоточению в двух ее узлах (Екатеринодар, Тихорецкая) крупных сил и многих бронепоездов.

В приказе, отданном накануне, ночлег был фиктивно назначен в станице Березанской. И только на плотине через речку Журавку выставленный штабом маяк сворачивал колонны по действительному направлению к станице Журавской. Предосторожность оказалась не лишней: большевики своевременно узнали о приказе и усиленно рыли окопы для нашей встречи у Березанской.

Добровольческой армии, противно всей природе военного дела, приходилось двигаться не вдоль, а поперек железных дорог, находившихся в руках большевиков; эти нормальные средства связи и питания были для нас злейшими врагами, которых нужно было портить и разрушать; они сжимали нас в своих тисках, готовя тактические западни и окружения; простая сама по себе операция перехода осложнялась до крайности наличием 8—10-верстного обоза, который требовал для своей переброски сносной дороги, железнодорожного переезда и несколько часов времени. В нашем активе были, однако, маневр и абсолютное повиновение войск, противопоставленное медлительной системе большевистского митингового управления.

После привала в Журавской, все выходы из которой во избежание сношений жителей с большевиками заблаговременно были закрыты конницей, с наступлением темноты армия приступила к выполнению задачи. Конница, двинувшись двумя колоннами, быстрым налетом захватила станцию Выселки и разъезд южнее ее и испортила там пути. Авангард — бригада Богаевского (Марков с Богаевским чередовались постоянно в этих переходах) — занял средний переезд и обеспечил его справа и слева ближней порчей рельс[ов] и выставлением заслонов с артиллерией. И под покровом ночи колонна главных сил, соблюдая возможную тишину, быстро стала пересекать железную дорогу. Я пропускал колонну у переезда. Люди на повозках обоза подозрительно косились в сторону убегавших рельс[ов] — не появятся ли оттуда огненные глаза поезда, со вздохом облегчения слушали раскаты отдаленного взрыва — наша конница рвет путь и, благополучно миновав переезд, снимали шапки и крестились — «пронес Господь»!

Перейдя благополучно и этот раз железнодорожную линию и сделав за сутки 65 верст, армия заночевала в станице Бейсугской. На другой день предстояла еще более трудная задача — вырваться из треугольника дорог через преграждавшую нам путь линию Тихорецкая — Кавказская; между этими двумя узловыми пунктами было всего лишь 60 верст — расстояние, допускавшее удар с двух сторон. Опять усиленные демонстрации в южном направлении, к станицам Тифлисской и Казанской; быстрый марш на северо-восток; большой привал во Владимирской; заслоны конницы против Тихорецкого и Кавказского узлов; в третий раз благополучный переезд ночью через железную дорогу между станциями Малороссийской и Мирской. И к утру, 8-го, армия, после 45-верстного перехода, сосредоточилась в Хоперских хуторах. Подоспевший неприятельский броневой поезд успел лишь обстрелять безвредным огнем хвост арьергарда.

В хуторах пробыли недолго, так как обнаружилось наступление неприятеля — вероятно, передовых частей войск, подвозимых по железной дороге; вести затяжной бой в непосредственной близости от нее (7 верст) было нецелесообразно, и армия ночным переходом перешла в станицу Ильинскую, еще 23 версты, где и расположилась на более продолжительный отдых.

Стратегическое положение армии к этому времени значительно изменилось: в 9 дней она прошла от Екатеринодара 220 верст почти без потерь и вырвалась из густой сети железных дорог, получив известную свободу действий; добровольцы были измучены физически, но отдохнули и окрепли морально. В эти дни советские газеты были полны ликующих сообщений о «разгроме и ликвидации белогвардейских банд, рассеявшихся по всему Северному Кавказу»...

В Ильинской мы отдыхали три дня. 10-го и 11-го большевики наступали на станицу небольшими силами с запада, со стороны станции Малороссийской, но были легко отброшены. 12-го я перевел армию в Успенскую, обеспечив ее заслонами у Дмитриевской, Расшеватской и в сторону посада Наволокинского. В последнем направлении двинут был Эрдели с частью конницы, поддержанной потом батальоном Корниловцев; по полученным сведениям, в этом районе находился штаб местных революционных войск и, что самое главное, склад боевых припасов. Последних, к сожалению, не нашли, отряд понес потери до 60 человек, и поиск этот принес пользу лишь тем, что окончательно укрепил большевиков в мысли о нашем намерении «пробиваться на восток». Между тем в эти дни уже забрезжил свет с севера...

Предусматривая поворот туда, я избегал тревожить неприятеля в этом направлении, посылая к ж. д. линии Тихорецкая — Торговая только лазутчиков.

Почти два месяца похода по Кубани сблизили нас с краем. Добровольцы, принимаемые в станицах с сердечною лаской, платили кубанским казакам таким же отношением. Поступавшие в ряды армии кубанцы составляли в ней элемент храбрый, надежный и располагающий к себе своей открытой, мягкой натурой, своей простой и ясной верой в тех, кто их вели. Казалось, что боевые узы, совместные страдания и обильно пролитая за общее дело кровь свяжут навсегда армию с краем. Так было. И понадобилось потом полтора года упорной работы кубанской социалистической демократии, по обидной иронии судьбы — главным образом, тех представителей ее, которые нашли убежище при армии, чтобы порвать эти связующие нити на погибель краю и добровольческому делу.

Настроение Кубани постепенно менялось. Неверно было бы утверждать, что область «изжила большевизм». В казачьей среде, как я уже говорил, больны им были не более 30% — фронтовая молодежь. Несомненно, день за днем шло некоторое численное перемещение и из этого лагеря в стан противников большевизма. Но главное — советский режим с его неизбежными приемами — убийствами, грабежами и насилиями стал вызывать уже в казачьей среде волю к активному сопротивлению. Оно возникало во многих местах стихийно, неорганизованно и разрозненно. Так, кроме Ейского округа, поднялись серьезные восстания в районах Армавира и Кавказской, кроваво подавленные большевиками, обрушившимися во всеоружии военной техчики на почти безоружные казачьи ополчения.

Во многих более крупных центрах, наряду с казачьей революционной демократией, все еще искавшей путей примирения с советской властью, наряду с пассивной обывательщиной и довольно значительным числом «нейтрального» офицерства, проявляли скрытую руководящую деятельность и активные элементы: создавались тайные кружки и организации, в состав которых, кроме энергичных офицеров и более видных казаков, входили представители городской буржуазии и демократии. Без всякого навыка к подобной работе, все эти организации имели уже свои длинные мартирологи выданных и замученных. Но большинство кубанских станиц были предоставлены самим себе. Вся их интеллигенция — терроризованный священник, нейтральный учитель и скрывающийся офицер — опасливо сторонились еще от участия в движении, не вполне доверяя его искренности и серьезности. Тем более, что советская власть на эту именно интеллигенцию воздвигла жестокое гонение, в особенности на духовенство. Простое свершение христианских обрядов становилось подчас... подвигом.

Помню, как в станице Ильинской мы собрались в первый раз отслужить панихиду по «болярине Лавре и воинах Добровольческой армии, на поле брани живот свой положивших». Долго не отворялись царские врата; наконец, после напоминания вышли растерянные священник и дьякон, и последний глухим, дрожащим голосом возгласил прошение об упокоении... «православных воинов, на брани убиенных». Внушительный шепот коменданта штаба армии исправил текст поминания. Другой раз, в Успенской: шло великопостное служение; я подошел к аналою исповедаться. Священник, увидав командующего армией, затрясся весь и не мог произнести ни слова; потом, покрыв поспешно мою голову епитрахилью, не исповедуя, прочел разрешительную молитву...

Только впоследствии я убедился, что опасения духовенства имели веские основания. В одной Кубанской области весною 1918 года было зверски замучено 22 священнослужителя за такие вины, как «сочувствие кадетам и буржуям», осуждение большевиков в проповедях и исполнение треб для проходивших частей Добровольческой армии. Аресты, насилия и издевательства над духовенством производились широко и повсеместно. Это гонение частью сознательно, частью инстинктивно обрушивалось не столько на людей, сколько на идею. Так, в станице Незамаевской большевики замучили священника Иоанна Пригоровского — человека, по определению следственной комиссии, «крайнего левого направления». В ночь под Пасху, во время службы, посреди церкви красногвардейцы выкололи ему глаза, отрезали уши и нос и размозжили голову. С невероятным цинизмом они оскверняли храмы и священные предметы богослужения.

Помню, какое тяжелое впечатление произвело на меня посещение церкви в станице Кореновской после взятия ее с боя добровольцами в июле: стены ее испи-

саны были циничными надписями, иконы размалеваны гнусными рисунками, алтарь обращен в отхожее место, причем для этого пользовались священными сосудами... Нравственное одичание, шедшее извне, возбуждало пока лишь глухой и робкий протест в не извращенной еще народной целине. Просматривая впоследствии синодик замученных священнослужителей, я, к душевному своему успокоению, не нашел в нем имен тех, которых подвел невольно под большевистскую опалу. Кубанские казаки начали присоединяться к армии целыми сотнями. Кубанские правители, шедшие с армией, во всех попутных станицах созывали станичные сборы и объявляли мобилизацию. Правда, многие казаки тотчас по выступлении в поход возвращались домой, многие должны были за отсутствием оружия следовать при обозе. Тем не менее, в рядах армии к маю было более двух тысяч кубанцев. Появился и другой неожиданный способ комплектования — пленные красногвардейцы. Поступали они в небольшом числе — обычно в качестве обозных, иногда и в строй. Но само по себе явление это служило симптомом известного положительного сдвига в добровольческой психологии.

Между кубанскими властями и командованием установились отношения сухие, но вполне корректные. Атаман, правительство и рада ни разу не делали попыток нарушить прерогативы командования и, кроме мобилизации, несколько помогли растаявшей казне Алексеева — миллионом рублей и принятием на себя реквизиционных квитанций за взятых лошадей и другое снабжение. В частях, не исключая и кубанских, к правительству и раде относились иронически и враждебно. Им не могли простить их самостийно-революционное прошлое и то обстоятельство, что «радянский отряд», в 160 здоровых, молодых всадников, на отличных конях, ездил в обозе даже тогда, когда в бой шли раненые.

Что касается революционности, то диапазон ее, впрочем, в представлении известной части офицерства, имел весьма широкие размеры. В Успенской ко мне заходит М. В. Родзянко и говорит: «Мне очень тяжело об этом говорить, но все же решил с вами посоветоваться. До меня дошло, что офицеры считают меня главным виновником революции и всех последующих бед. Возмущаются и моим присутствием при армии. Скажите, Антон Иванович, откровенно, если я в тягость, то останусь в станице, а там уж, что Бог даст». Я успокоил старика. Не стоит обращать внимания на праздные речи.

Добровольцы чистились, мылись, чинились и отсыпались. Даже ходили в станичный кинематограф, с безбожно рябившими в глазах картинами. Создавалась видимость мирной обстановки, хоть на время успокаивающая издерганные нервы. Части проверили свой состав: добровольцы, самовольно покинувшие ряды, составляли лишь редкое исключение.

Сохранились записанные кем-то слова Маркова, обращенные по этому поводу к Офицерскому полку: «Ныне армия вышла из-под ударов, оправилась, вновь сформировалась и готова к новым боям... Но я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули наши ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая их постигла участь, они не спасли свою драгоценную шкуру. Если же кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану. Вольному — воля, спасенному — рай, и... к черту».

В Успенской в первый раз мне удалось собрать части армии на смотр. Одежда в заплатах. Загорелые, обветренные лица. Открытый, доверчивый взгляд. Трогательная простота и скромность, как будто не ими пройден путь крови, страданий и яркого подвига. Говорил им о славном их прошлом, о предстоящих задачах армии, о надеждах на спасение Родины. Чувствовал, что слово идет от сердца к сердцу. Где они теперь? Спят непробудным сном, усеяв костями своими необъятные русские просторы от Орла до Владикавказа, от Камышина до Киева. «Не многие вернулись с поля»...

Глава XXIX. *Восстания на Дону и на Кубани. Возвращение армии на Дон. Бои у Горькой балки и Лежанки. Освобождение Задонья*

Еще во время остановки в Ильинской пришли хорошие вести с двух сторон. Из кубанской станицы Прочноокопской — наиболее твердой и всегда враждебно отно-

сившейся к большевизму, явились посланцы с просьбой идти к ним, в Лабинский отдел. Они рассказывали, что, невзирая на неудачу, постигшую недавно восставших, вся тайная организация, охватывающая Лабинский, Баталпашинский, частью Майкопский и Кавказский отделы, сохранилась; что оружие спрятано, закопано в землю; что, наконец, сделаны все приготовления к захвату города Армавира, где имеются в изобилии в большевистских складах оружие и боевые припасы. В то же время до нас доносились настойчивые слухи с Дона, что казачество там встало поголовно и что даже столица донская — Новочеркасск — в руках восставших.

Армия воспрянула духом окончательно. Обозные стратеги волновались больше всех, роптали на долгую остановку и рвались дальше — к полуоткрывшимся окнам, в которых вдруг мелькнул свет. Но военно-политическая обстановка оставалась для штаба все еще далеко не ясной. Нужно было убедиться в серьезности всех этих сведений, чтобы решить, куда идти. От этого зависела дальнейшая судьба армии. С этой целью на Дон, в станицу Егорлыцкую, был послан с разъездом полковник Генерального штаба Барцевич. Одновременно, по просьбе кубанского правительства и генерала Покровского, в его распоряжение предоставлен был отряд в составе до четырех кубанских и черкесских сотен, который должен был составить ядро восставших лабинцев; отряд стал сосредоточиваться к югу, в станице Расшеватской, в ожидании решения общего плана операции.

Барцевич выехал из Ильинской, в несколько дней сделал лихой пробег в 200 верст (туда и обратно) и вернулся в Успенскую с сотней донских казаков в восторженном настроении: «Дон восстал. Задонские станицы ополчились поголовно, свергли советскую власть, восстановили командование и дисциплину и ведут отчаянную борьбу с большевиками. Бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее прийти на помощь». Одно только было не совсем ясно в привезенных сведениях: советские войска по всему северо-донскому фронту проявляли странную нервность, и через Ростов, якобы, один за другим уходили спешно на юг большевистские эшелоны с войсками и имуществом под давлением какой-то неведомой силы...

Жизнь Дона под властью большевиков в своей бытовой и социальной сущности ничем не отличалась от кубанской. Поэтому я не буду останавливаться на этом вопросе, ограничившись лишь фактической стороной его. 12 февраля на заседание войскового круга явился большевик, войсковой старшина Голубов, и крикнул народным избранникам, которые все, кроме атамана Назарова, почтительно встали при его появлении: «В России совершается социальная революция, а здесь какая-то сволочь разговоры разговаривает. Вон!»

Круг был разогнан, атаман, председатель круга Волошинов, и некоторые члены круга расстреляны. В Новочеркасске поставлен командующим войсками вахмистр Смирнов, в Ростове сел «председатель областного совета Донской республики», демагог, урядник Подтелков. Голубов остался в стороне и затаил злобу.

Началось внедрение советской власти в пределы области, сопровождавшееся, как обычно, захватом пришлыми элементами местного управления, грабежами, реквизициями, арестами, убийствами[14], казнями и карательными экспедициями против непокорных станиц. Хлеб и скот большими партиями увозились на север; одновременно начался дележ казачьей земли крестьянами. Казаки скоро убедились, что с новым строем они теряют все: землю, волю и власть. Даже большие надежды донских казаков на возможность поживиться несметными богатствами ростовской буржуазии оказались тщетными: буржуазия всецело поступила в эксплуатацию пришлого «российского пролетариата». Этот новый властитель, однако, в противоположность положению, создавшемуся на Кубани, оказался одинаково непереносимым как для обираемого им казачьего, так и для покровительствуемого крестьянского населения.

В отчете о заседаниях областного съезда советов Донской республики, состоявшегося в последних числах марта, отмечена враждебность массы его членов к советскому коммунизму и неудержимая тяга к «беспартийности». При полном одобрении всего крестьянского большинства съезда, один из депутатов «со слезами на глазах, с хватающей за душу непосредственностью поведал, как крестьяне партий не знали и шли за тем, кто «крепче» обещал трудовому люду. А в результате появились свои «трудовые» красногвардейцы, которые понаставили пулеметы и пушки и

держат в страхе и трепете население»[15]... Такое настроение обнаружилось в донской деревне уже на второй месяц большевистского управления.

Пробуждение казачества пошло стремительнее, чем было его падение. Уже в середине марта началось сильное брожение в различных местах области и тайная организация казачьих сил, чему немало способствовала наступившая весенняя распутица, мешавшая передвижению большевистских карательных отрядов. 18 марта впервые собирается в станице Манычской съезд Черкасского округа, на котором казаки выносят постановления против советской власти. Во второй половине марта начались и вооруженные выступления.

Одновременно шла и личная борьба между властями Ростова и Новочеркасска. Подтелков, связавший свою судьбу всецело с «рабочим пролетариатом», относился крайне подозрительно к деятельности Голубова и Смирнова, проводивших большевизм свой — донской, казачий, хотя и родственный советскому, но замкнутый в областных рамках и не допускавший господства пришлой власти.

Новочеркасск скоро стал в резкую оппозицию к областному комитету. Голубов, вернувшись из своей поездки по области, привез в Новочеркасск скрывавшегося Митрофана Богаевского, бывшего помощника атамана Каледина. Настроение донской столицы, очевидно, сильно изменилось, если Богаевскому, приведенному с гауптвахты, дали возможность на многолюдном митинге в течение трех часов говорить казакам «всю правду». Казаки слушали с умилением и клялись «не выдавать».

Областной комитет, обеспокоенный этим, потребовал прибытия в Ростов Голубова и Смирнова и выдачи Богаевского. Новочеркасск отказал. Тогда прибыл из Ростова карательный отряд и ликвидировал дело: Смирнов и Голубов бежали, причем последний в одной из станиц был опознан и убит. Такая же участь постигла вскоре и Подтелкова. М. Богаевского бросили все, его перевезли большевики в Ростов и там вскоре расстреляли. Так окончилось содружество двух большевизмов — советского и казачьего[16]. На Дону теперь противопоставлены были без средостения две силы: советская власть и подымающееся казачество.

1-го апреля казаки станиц, ближайших к Новочеркасску, под начальством войскового старшины Фетисова внезапным нападением захватили город. Незначительное число коммунистов и красной гвардии было истреблено или бежало, а необольшевики, казаки голубовской дивизии, объявили «нейтралитет». Это плохо организованное выступление полувооруженного ополчения кончилось печально: 5-го большевики обратно овладели городом, подвергнув население жестокому грабежу и новым казням. Голубовская дивизия предусмотрительно ушла из города накануне, захватив награбленное за время расположения в Новочеркасске добро. По дороге, впрочем, оно было отнято и перераспределено восставшими станицами.

Неудача не остановила, однако, донцов. Организация вооруженного сопротивления продолжалась открыто, и к середине апреля под командой вернувшегося после скитаний в Сальских степях походного атамана, генерала Попова, объединились следующие значительные группы донских ополчений: 1. Задонская группа генерала Семенова (район Кагальницкой — Егорлыцкой); 2. Южная группа — полковника Денисова (район станицы Заплавской); 3. Северная группа — бывший «Степной отряд» — войскового старшины Семилетова (район Раздорской). Во всех этих отрядах было свыше 10 тысяч бойцов. Кроме того, и в других отдаленных округах формировались более или менее значительные ополчения.

«Пробуждение Дона» было, однако, далеко еще не полным. И походному атаману, подготовлявшему наступление на Новочеркасск, приходилось не раз посылать карательные экспедиции в не раскаявшиеся еще и поддерживавшие большевиков станицы, расположенные даже в непосредственной близости от атаманского штаба.

Всех этих подробностей тогда в Успенской мы еще не знали. Но и сведений, привезенных Барцевичем, было достаточно, чтобы сделать выбор: «окно», а не «окошко»; возможность связи и сношений с внешним миром, а не оторванность и одиночество в кавказских предгорьях; новая военно-политическая база, а не продолжение партизанской войны. Словом — на Дон! Генерал Алексеев разделял всецело мой взгляд.

Пригласил кубанских правителей, очертил им обстановку и сообщил решение. Приняли с грустью, но без протеста. Выразили опасение, как бы уход с Кубани не вызвал оставления рядов армии кубанскими казаками и черкесами... Опасение оказалось неосновательным: сотни, которые должны были идти по собственному желанию с Покровским в Лабинский отдел, услышав о движении армии на север, не пожелали расставаться с нею. Окончательное успокоение среди кубанцев внесло мое заявление: Кубани я не брошу; военно-политическая обстановка рисуется в таком виде, что армия в ближайшее время будет сосредоточена в непосредственной близости от Кубанской области и, выполняя общероссийскую задачу, при первой возможности окажет вооруженную помощь для освобождения Кубани.

Предстояло снова в четвертый раз пересечь железную дорогу. Выступление назначил на 16 апреля, пополудни, с таким расчетом, чтобы в сумерках скрыть направление движения и до рассвета закончить переход дороги на участке между станциями Ея и Белая Глина. На этих станциях стояли бронированные поезда, а последняя была занята большим отрядом красногвардейцев.

Выходить из Успенской пришлось под прикрытием арьергарда, ввиду начавшегося с юга на станицу наступления большевиков. Двинул колонну умышленно на северо-восток; авангард вступил в бой с охранением ставропольских красногвардейских отрядов; колонна приостановилась и, как только стемнело, свернула влево; двигались в ночной темноте, по дорогам и без дорог — целиною по указанию сбивавшихся с пути проводников; под утро подошли к глухому железнодорожному переезду и начали переход. Опять конница и авангард разошлись веером — в разные стороны, в виде заслонов. Взрывают путь. Повозки крупной рысью по две в ряд, гремя по каменному настилу, летят через полотно. Опять люди вздыхают полной грудью, крестятся и поздравляют друг друга. «Ну, слава Богу, кажется, перевалили последнюю!»...

Но настал рассвет, и от Белой Глины показался дым бронепоезда: у переезда начали ложиться неприятельские гранаты; позади бронепоезда стал высаживаться из вагонов эшелон пехоты и густыми цепями рассыпаться по полю; из арьергарда донесли, что противник «нажимает»; голову обоза из села Горькой Балки встретили огнем... Войска спокойно развернулись, открыли огонь наши батареи. И скоро нависшие было тучи рассеялись: выступление местных большевиков в Горькой Балке, яром большевистском притоне, оказалось несерьезным и скоро было ликвидировано, арьергард отбил противника, а бронепоезд и эшелоны из Белой Глины держались в почтительном отдалении несколькими десятками выстрелов нашей артиллерии и огнем правого заслона.

После большого привала в Горькой Балке, во время которого не прекращался бой к востоку от села, армия двинулась дальше и заночевала в кубанской станице Плоской. В последние сутки Армия прошла с боем до 70 верст! Прибывший в Плоскую с Дона разъезд донес, что на задонские станицы идет большое наступление с севера и запада и донское начальство просит помощи. 19-го я послал 1-й конный полк полковника Глазенапа прямо на Егорлыцкую, а армию перевел в Лежанку — то село, которое некогда первое встретило Добровольческую армию огнем и жестоко за это поплатилось. Теперь там все мирно. В окрестностях, однако, собрались большие отряды красной гвардии.

Задонье, между тем, переживало критический момент: большевики, после недолгого сопротивления, заняли вновь станицы Кагальницкую и Мечетинскую и начали в них творить расправу; вооруженные казаки отступили на юг, к Егорлыцкой, куда также подходит неприятель. Таким образом, вместо отдыха приходилось начинать новую серьезную операцию для освобождения Задонья. Оставив в Лежанке бригаду Маркова и конницу Эрдели, я приказал Богаевскому со 2-й бригадой идти в тыл большевистским войскам в направлении на Гуляй-Борисовку; Глазенапу, после освобождения Егорлыцкой, наступать на север, объединив командование над донскими ополченцами.

20-го Богаевский выступил. Вероятно, это движение было замечено большевиками и сочтено за отход, так как в тот же день со стороны Лопанки началось наступление на Лежанку больших сил красной гвардии. В течение двух дней большевистская артиллерия громила село, а неприятельские цепи распространялись все дальше к западу, в охват нашего расположения, отрезая пути на Егорлыцкую. Частными атаками Марков временно отбрасывал их, но они возвращались опять большими массами. Это несоизмеримое превосходство сил и наличие в селе беззащитного обоза сильно препятствовало маневренной свободе Марковской бригады.

Были дни страстной недели — пятница и суббота. В станичной церкви шло

богослужение, выносили плащаницу, и люди в скорби и трепете молились «поправшему смерть» под гром рвавшихся вокруг церковной ограды снарядов. Из алтаря слышалось слово Божье о прощении, а за селом лилась кровь, и брат убивал брата... В субботу огонь был особенно жестоким. Зашел ко мне Романовский и пригласил в штаб — для выслушания доклада. Оказалось, что никакого доклада не предстоит, а... мой дом — легкая деревянная постройка, и во дворе его шрапнель уже переранила наших лошадей, тогда как штаб помещался в солидном каменном здании. Предосторожность, однако, на этот раз вышла некстати: в дом штаба и смежное с ним помещение лазарета ударило несколько гранат; нас осыпало известкой, но не тронуло; убило и переранило вновь нескольких человек в лазарете.

Обозу деваться некуда — ждет своей участи и терпит. Наконец, пришло донесение, что Егорлыцкая свободна. Когда Глазенап подошел к станице, в ней оказались только немногие казачки и дети — все казаки с семьями и пожитками ушли в степь, не рассчитывая на свои силы и не желая покоряться большевикам. Их вернули и вооруженных присоединили к отряду; а 21-го большевики, приближавшиеся к станице, внезапно повернули назад и побежали. Сказывалось, очевидно, появление Богаевского.

Многострадальный обоз двинулся, наконец, кружным путем в Егорлыцкую. Уход его развязал руки нашему отряду в Лежанке. К вечеру Марков перешел в контратаку по всему фронту и блестящим ударом Офицерского полка, двинувшегося вперед молча, без единого выстрела, опрокинул большевиков, обратившихся в бегство; их преследовала конница. Я приказал Маркову задержаться в Лежанке на сутки и затем перейти в Егорлыцкую кружным путем, через полустанок Целину, чтобы одновременно отбросить отряд «анархистов», оперировавший с бронепоездами между Торговой и Егорлыцкой (станция Атаман), и испортить там на несколько верст железнодорожный путь.

Богаевский в эти дни по пути разметал отряды большевиков, разбил их главные силы под Гуляй-Борисовкой и расположился в этом селе. Глазенап занял Мечетинскую, потом и Кагальницкую. Задонье было освобождено. Боевое счастье вновь явно начинало склоняться на сторону Добровольческой армии...

Поздно ночью я со штабом ехал по дороге в Егорлыцкую, спеша к пасхальной заутрене. Беседовали с Иваном Павловичем. С первых же дней совместной службы в качестве командующего и начальника штаба между нами установились отношения интимной дружбы, основанные на удивительном понимании друг друга и таком единомыслии, которого мне лично еще не приходилось испытывать в своих отношениях с людьми. Работать вместе было легко и приятно.

Ночь была тихая и звездная. Справа на горизонте догорал зажженный кем-то после боя хутор и бросал кровавый отблеск в небесную высь и в степь. Гулко стучали подковы по не оттаявшей еще земле. Перешли в шаг. «Вот, — резонерствовал Иван Павлович, — два месяца тому назад мы проходили это же место, начиная поход. Когда мы были сильнее — тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла нас отчаянно в своей чертовой ступке и не истолкла; закалилось лишь терпение и воля; и вот эта сопротивляемость, которая не поддается никаким ударам». «Что же, Иван Павлович, как говорит внутренний голос — одолеем?» «Как сказать... Мне кажется, что теперь мы выйдем на большую дорогу. Но попадем в жестокую схватку между двумя процессами — распада и сложения здоровых народных сил. Они по существу будут бороться, а мы, в зависимости от течения их борьбы, одолеем или пропадем». Я вспомнил этот разговор через два года, также в Святую ночь — в Средиземном море, на русском корабле под английским флагом, уносившем меня от последнего клочка Русской земли и от свежей могилы друга...

В стороне от дороги послышался шорох. «Стой!» В темноте обрисовались силуэты казачьей заставы. Въезжаем на площадь. Светится ярко храм. Полон народа. Радость Светлого праздника соединилась сегодня с избавлением от «нашествия», с воскресением надежд. Радостно гудят колокола; радостно шумит вся церковь в ответ на всеблагую весть: «Воистину воскресе!» В мареве дыма кадильного и дрожащего света паникадил сияют лица молящихся. «... И нас сподоби чистым сердцем Тебе славити».

С приходом на Дон восстановилась связь с внешним миром, и мы были ошеломлены нахлынувшими со всех сторон неожиданными новостями.

23 апреля донским ополчением Южной группы полковника Денисова взят был Новочеркасск. Глава посланного туда от Добровольческой армии представительства, генерал Кисляков, в своих донесениях определял положение с большой осторожностью: «полевой армии» в истинном смысле этого слова на Дону еще нет; казаки по-прежнему в боях не всегда устойчивы; то, что там происходит — пока еще только местные восстания, не вполне прочно взятые в руки». Но несомненно, что восстания эти серьезные и на большом пространстве, за исключением двух округов, обнимающие всю область.

Как будто в подтверждение его слов, 25 апреля большевики с севера повели наступление на Новочеркасск и ко второму дню овладели уже предместьем города, переживавшего часы сильнейшей паники. Казаки не устояли и начали отступать. Порыв казался исчерпанным и дело проигранным. Уже жителям несчастного Новочеркасска мерещились новые ужасы кровавой расправы... Но в наиболее тяжелый момент свершилось чудо: неожиданно в семи верстах к западу от Новочеркасска, у Каменного Брода, появился Офицерский отряд полковника Дроздовского, силою до 1000 бойцов, который и решил участь боя. Это была новая героическая сказка на темном фоне русской смуты[17]: два месяца из Румынии, от Ясс до Новочеркасска, более тысячи верст отряд этот шел с боями на соединение с Добровольческой армией.

Чтобы удержать от падения Румынский фронт, генерал Щербачев в конце 1917 года приступил к переформированию корпусов в национальные соединения, главным образом, украинские. Мера эта не привела ни к каким результатам, не находя почвы в солдатских настроениях и встретив решительное противодействие со стороны большей части офицерства. Общие невыносимые условия армейского быта, введение выборного начала и система национализации создали большие кадры бездомного офицерства, которое частью разъезжалось, но в большинстве оседало в крупных городах фронта и в пунктах квартирования высших штабов.

Едва ли где-либо слагалась более благоприятная обстановка для добровольческих формирований, чем на Румынском фронте. Тем более, что сохранившие дисциплину румынские войска сдерживали в известной мере своеволие распущенных тыловых банд русских солдат, а союзные миссии имели тогда еще большое влияние на румынское правительство.

Офицерство ждало приказа, ждало, чтобы во главе его стал авторитетный начальник, который повел бы его на борьбу. Это стремление усилилось еще более, когда стало известным, что генерал Алексеев прислал письмо генералу Щербачеву, которым сообщал о создании Добровольческой армии, об ее целях и приглашал добровольцев на Дон. Генерал Щербачев не нашел в себе достаточно решимости, чтобы стать во главе движения или, по крайней мере, придать ему сразу широкие организованные формы. Несомненно, в этом отношении на него повлияло резкое противодействие украинского комиссара Чеботаренко и колебания французской миссии, увлекавшейся тогда созданием самостоятельной Украины и «союзной украинской армии» — идеей, стоявшей в прямом противоречии с началами, положенными в основу добровольчества. Не взяв на себя задачи формирования добровольческого отряда, ген. Щербачев, вместе с тем, не откликнулся и на просьбу ген. Алексеева об организации планомерной отправки офицеров на Дон.

Инициатива пришла снизу. Полковник Михаил Гордеевич Дроздовский, бывший командующий 14-й пех. дивизией, после настойчивых просьб, в начале декабря получил разрешение Щербачева формировать добровольческие части. Храбрый, решительный, упорный человек, большой патриот, Дроздовский взялся лихорадочно за дело, и скоро в окрестностях Ясс (местечко Соколы) он начал собирать добровольцев, преимущественно офицеров, и накапливать военное имущество. Какими оригинальными средствами приобреталось оно, об этом образно говорят участники: «...Добровольцы устраивали у дорог, вблизи путей следования удиравших с фронта частей, засады; неожиданно нападали на голову колонны и захватывали ехавших обыкновенно впереди начальников; затем быстро и решительно отбирали от всех оружие, увозили с собой необходимое имущество, а иногда заби-

рали и офицеров, следовавших с частями». Никакого сопротивления солдаты при этом не оказывали. Таким путем отряд Дроздовского приобрел оружие, легкую и тяжелую артиллерию, техническое имущество и обоз.

Между тем Украинская рада приступила к сепаратным переговорам о мире с Центральными державами. Только это обстоятельство раскрыло, наконец, глаза союзным миссиям, и они более внимательно начали относиться к идее добровольчества. Под их влиянием и ген. Щербачев решил расширить рамки организации и приказом от 24 января учредил должность «инспектора по формированию добровольческих частей». Дроздовский был отодвинут на задний план, а инспектором назначен ген.-майор Кельчевский; при нем большой штаб; предположено было формировать отдельный корпус.

В своем первом приказе новый руководитель обратился к добровольцам со следующими словами: «...Вам, скромные, но мужественные люди, отрезвевшая Русь скажет спасибо... за то, что среди всеобщей злобы и подозрений, среди анархии и подлых наветов... вы с верой в Бога взялись за великое дело по созданию силы для борьбы по восстановлению порядка и на защиту будущего Учредительного собрания»...

Офицерство стекалось, однако, медленно. Те причины духовного переутомления и всеобщего нравственного упадка, о которых я говорил раньше, здесь, на Румынском фронте, обострялись еще отсутствием имени. Имени — привлекающего, импонирующего, вокруг которого могли бы объединиться все, сохранившие «светильники непогашенными». В результате из всего огромного численно Румынского фронта к концу февраля собралось в районе Ясс (1-я бригада полк. Дроздовского) около 900 добровольцев, в районе Кишинева (2-я бриг. ген.-лейт. Белозора) около 800. Одесса, в которой насчитывалось до 15 тысяч офицеров, эта — «прекрасная Ниневия, где все продается и все покупается» — не откликнулась вовсе...

27 января Украина заключила мир с Германией. Румыния увидела себя окончательно покинутой и, в свою очередь, приступила к сепаратным переговорам с Центральными державами. К этому времени, согласно распоряжению совета комиссаров, русские корпуса начали оставлять фронт, пытаясь прорваться на север, к Черновицам. Румыны выставили там заслон и, убедившись в полной небоеспособности наших войск, приступили к их разоружению. Лишь несколько частей оказало незначительное сопротивление; все огромные запасы фронта остались в руках румын. Вместе с тем, изменилось в корне отношение румын к русским, которых они считали единственными виновниками своих бедствий; широкою волною разлилась ненависть ко всему русскому, не раз проявлявшаяся в насилиях и оскорблениях, которые трудно будет когда-либо забыть неповинному и без того исстрадавшемуся тогда русскому офицерству.

Ввиду нового направления румынской политики, добровольческая организация, проповедовавшая «борьбу с большевиками и немцами — их пособниками», оказалась в чрезвычайно трудном положении. Немецкие войска начали движение в пределы не занятой еще Румынии; сочувствовавшие нам союзные миссии стали покидать Яссы; румынское главное командование в угоду немцам предъявило категорическое требование о разоружении и расформировании добровольческих бригад. Но окончательный удар делу был нанесен во второй половине февраля. Генералы Щербачев и Кельчевский решили, что при сложившемся международном и внутреннем русском положении дальнейшее существование организации бесцельно. Был отдан приказ, который освобождал офицеров от данных им обязательств и распускал добровольческие бригады.

Казалось, что дело окончательно погибло. Ген. Белозор распустил 2-ю бригаду. Но полковник Дроздовский не мог помириться с крушением начатого им дела. С непоколебимым упорством он говорил смущенным офицерам: «Не падайте духом! Только действительно неодолимая сила может остановить нас, а не ожидание возможности встретиться с ней». Дроздовский категорически отказался исполнить приказ и продолжал формирование, поставив себе целью скорейшее движение на Дон, на соединение с Добровольческой армией, куда влекли всех имена признанных вождей — Корнилова и Алексеева. Бригада откликнулась на призыв своего начальника.

Начались пререкания со штабом фронта и борьба с румынским правительством, постановившим не выпускать бригаду с оружием в руках. Дроздовский

заявил решительно, что «разоружение добровольцев не будет столь безболезненно, как это кажется правительству», и что «при первых враждебных действиях город (Яссы) и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем». Действительно, 23 февраля, когда румынские войска начали окружать м. Соколы, против них развернулись цепи добровольцев, а жерла тяжелых орудий направлены были на Ясский дворец... Румыны поспешно увели свои части и на следующий же день подали поезда для перевозки добровольцев в Кишинев. А 4 марта вся бригада сосредоточилась в м. Дубоссарах, на левом берегу Днестра, вне оккупационной зоны румын.

Надежды на пополнение из состава Кишиневского гарнизона оправдались лишь в самой ничтожной степени — присоединилось всего несколько десятков офицеров. Психология уклонявшегося от борьбы офицерства как нельзя лучше сказалась в приводимом полковником Колтышевым разговоре: «Мы привыкли исполнять приказы, а нас вместо этого просят или даже объявляют, что действительность данных нами обязательств уничтожается и что мы лучше сделаем, если не пойдем на такое рискованное предприятие. Ясно, что старшие начальники сами не верят в успех, а им виднее...»

Среди такого подавленного настроения, общей растерянности и безнадежности в Дубоссарах жил своей особенной жизнью отряд русских людей, готовясь к походу и борьбе. Впереди более тысячи верст пути, две серьезные водные преграды (Буг и Днепр), весенние разливы, край, взбаламученный до дна. А наперерез — непрерывно двигающиеся от Бирзулы к Одессе и к востоку, по приглашению Украинской рады, австро-германские эшелоны. Впереди полная неизвестность — волнующая, но не заглушающая молодого порыва, жажда подвига и веры в правоту своего дела; веры, все возрастающей, в своего начальника, в свое будущее. Ее не подорвали даже докатившиеся тогда уже до Днестра зловещие слухи о падении Дона... Поход Дроздовцев от м. Соколы до Новочеркасска длился 61 день. 7 марта выступили из Дубоссар; 15-го переправились через Буг у Александровки; 28-го перешли Днепр у Бериславля; 3 апреля заняли Мелитополь; 21-го появились под Ростовом. Шли форсированными маршами, с посаженной на подводы пехотой, делая иногда 60—70 верст в сутки[18].

Весь юг России переживал тогда сумбурный период безвременья и безвластья несколько иначе, чем юго-восток. Земельный вопрос был уже там захватным правом разрешен; на юге не было столкновения интересов таких социально враждебных групп, как казачество и «иногородние»; на юге не оседали еще в сколько-нибудь широких размерах фронтовые части, а без них формирование красной гвардии и утверждение советской власти шло замедленным темпом. Наконец, движение австро-германских войск в глубь территории, опережаемое самыми фантастическими и угрожающими слухами, создавало психологическую обстановку, далеко не благоприятную для большевиков. Край был наполнен небольшими неорганизованными шайками, не имевшими решительно никакой политической физиономии и своими разбоями доводившими до отчаяния все население.

Благодаря этим обстоятельствам отряд Дроздовского шел, почти не встречая сопротивления; только у Каховки и Мелитополя он столкнулся с большевистскими бандами, которые разбил легко, почти не понеся потерь, и принял участие в двух-трех карательных экспедициях.

Население повсюду встречало отряд как своих избавителей и, не отдавая себе отчета ни в силе, ни в назначении его, с приходом добровольцев связывало надежды на окончание смуты. Из далеких сел приходили депутации, прося спасти их от «душегубов», привозили связанными своих большевиков, членов советов — и преступных и, может быть, невинных — «на суд и расправу». Суд бывал краток, расправа жестока. А на утро отряд уходил дальше, оставляя за собой развороshенный муравейник, кипящие страсти и затаенную месть.

26 марта Дроздовскому подчинился шедший походом из Измаила отряд полковника Жебрака в составе 130 человек, главным образом из состава так называемой Балтийской морской дивизии (пехотн.). По пути к Дроздовцам присоединялись новые добровольцы, преимущественно офицеры и учащаяся молодежь. Обычная картина: после прихода отряда в большой населенный пункт, в ряды его записываются сотни добровольцев; но через день приходят по следам Дроздовцев немцы, в населении появляется уверенность в прочности положения, и с отрядом уходят

лишь несколько человек. Нередко в местах записи слышались разговоры: «А много ли вас?» «Тысяча». «Ну, с этим Россию не спасешь!...»

Не встречая серьезного сопротивления со стороны большевиков, Дроздовский оказался, однако, в весьма трудном положении в отношении другого врага: по следам отряда, иногда опережая его по железной дороге, шли австро-германцы... Если широкая политика и истинные мотивы движения их были не совсем ясны для офицерства, то во всяком случае психология огромной части его не могла воспринять это событие иначе, как в смысле продолжения войны и вражеского нашествия на русскую землю. И, вместе с тем, не было ни сил, ни какой-либо возможности противодействовать им, не отказываясь от выполнения своей основной задачи. Наконец, эти враги гонят перед собой большевиков, расчищая тем путь отряду...

Дроздовский объявил, что отряд сохраняет в отношении австро-германцев нейтралитет и ведет борьбу только против большевиков. Не было ли еще инструкций из главной немецкой квартиры, не разобрались немцы в истинных побуждениях добровольцев или просто сравнительно слабым передовым частям их невыгодно было вступать в столкновение с хорошо вооруженным, организованным и морально стойким отрядом, но формула Дроздовского была молчаливо принята. Быть может, и совесть рядового немецкого офицерства заговорила при виде людей, оставшихся верными своему долгу, и одинокой, трагически ничтожной кучкой бросившихся в водоворот народной стихии. Хотя люди эти и были им врагами.

Добровольцы шли в непосредственной близости от своих «внешних врагов», стараясь не встретиться с ними и принимая меры боевой предосторожности. На душе у них было далеко не спокойно. Но... «Разум брал свое, и мы, молча, в тяжелом раздумье продолжали свой путь»...

До Днепра встречались только австрийцы. Они сами, по-видимому, избегали встреч с Дроздовцами. Иногда австрийские аванпосты открывали огонь по нашим разъездам, а части их поспешно снимались со своих стоянок и уходили в сторону. Однажды, когда колонна Дроздовцев пересекала железную дорогу между Бирзулой и Жмеринкой, в нее врезался эшелон австрийцев. К изумлению добровольцев, австрийские офицеры приветствовали их отданием чести и криками: «Счастливого пути!»

Первый раз с немцами встретились на переправе через Днепр у Бериславля. Несмотря на усиленные марши, Дроздовскому не удалось предупредить там немцев. Когда колонна подходила к Бериславлю, он был занят уже двумя германскими батальонами, подошедшими из Херсона. После кратких переговоров немецкий майор согласился не препятствовать переправе добровольцев и временно снять с позиции свои части, с тем чтобы возле моста оставалась одна из немецких рот. Обе стороны расположились, однако, из предосторожности так, чтобы, в случае надобности, можно было легко вступить в бой...

Трагическая игра судьбы! В Бериславле у моста стоял враг — немцы. За рекой у Каховки стоял другой враг — русские большевики; они обстреливали расположение немцев артиллерийским огнем, преграждая им путь. Добровольцам предстояло атаковать большевиков, как будто открывая тем дорогу немцам в широкие заднепровские просторы... Старые Дроздовцы не забудут того тяжелого чувства, которое они испытали в эту темную, холодную ночь. Когда разум мутился, чувство раздваивалось, и мысль мучительно искала ответа, запутавшись безнадежно в удивительных жизненных парадоксах.

Каховка после короткого боя была взята, большевики бежали. Но тягостное настроение добровольцев заставило Дроздовского пригласить всех старших начальников и разъяснить им, что он «ни в какие переговоры о совместных действиях с немцами не входил, а лишь потребовал пропустить отряд».

Приходилось не раз прибегать к хитрости. Так, когда колонна пересекала железную дорогу севернее Таганрога, часть обоза и арьергард были отрезаны подошедшим из Тагаирога паровозом, ставшим поперек переезда. Германский майор Гудерман заявил, что не пропустит колонну до тех пор, пока не получит разрешения из Таганрога от корпусного штаба. По-видимому, он выжидал прибытия эшелона. Начальник арьергарда, полковник Жебрак, развернул роту с пулеметами вдоль полотна. Но насильственные меры могли быть чреваты опасными последствиями. Жебрак вступил поэтому в переговоры с майором, посоветовав для ускорения ответа послать его адъютанта на паровозе в Таганрог. Как только паровоз

скрылся из глаз и путь стал свободен, повозки рысью двинулись через переезд. «Вы поступили не по-джентльменски», — сказал раздраженно Гудерман. «Кому, кому судить об этом, — ответил Жебрак, — но только не вам, майор. У нас с вами мир еще не заключен. Кто нам мешает, тот нам враг».

Невзирая на ряд подобных эпизодов, в которых прорывались истинные чувства отряда, «нейтралитет» все же не нарушался, и Дроздовцы приближались благополучно к «земле обетованной». Между тем вести, шедшие оттуда, становились все более печальными. 1 апреля окончательно подтвердились сведения, что весь Дон занят большевиками; о генерале Корнилове говорили, что он «дерется где-то в районе ст. Кавказской, и ходят даже слухи, что он убит». 14-го слухи о смерти вождя не вызывали уже сомнений.

Будущее опять заволокло зловещими тучами. Падала цель, казались напрасными все труды и лишения тысячеверстного похода. Малодушных охватило уныние. Но Дроздовский — мрачный, замкнутый, не любивший делиться своими надеждами и сомнениями с окружающими, твердо и решительно вел отряд вперед, напролом, руководствуясь не столько реальными данными, сколько верой и внутренним чувством. Оно не обмануло его. Уже за Бердянском получены были радостные вести: «Дон поднялся! Добровольческая армия жива!»

Ростов переживал тяжелое время. Много дней уже слышна была отдаленная артиллерийская стрельба; ходили неясные слухи о приближении немцев, украинских гайдамаков, каких-то неведомых «щербачевцев», наконец, восставших донцов. Эти слухи как будто находили подтверждение в нервном настроении советских властей и в явно производившейся эвакуации города.

Ростовцы не знали, кто их освободит; но, переходя от надежд к отчаянию, все же ждали со дня на день избавления. В Святую ночь оно как будто бы пришло: после сильной артиллерийской канонады большевики начали покидать город, отходя в Нахичевань, и к утру Светлого Воскресения ростовские жители, выглянув со страхом на улицу, увидели разъезды каких-то неведомых людей, пришедших из Румынии и называвших себя «Корниловцами».

Обойдя с севера Таганрог, в котором сосредоточился германский корпус, дошедший уже передовыми частями до станции Синявки, Дроздовский 21 апреля атаковал Ростов. Операция была весьма рискованная, силы далеко не достаточные. Но агентурные сведения указывали на стремление немцев занять Ростов. Дроздовский решил поэтому предупредить их, желая оказать скорейшую помощь Дону, воспользоваться богатейшими военными запасами, сосредоточенными в городе, и учитывая, вместе с тем, моральное значение захвата этого крупного политического и военного центра «русскими руками».

Конный дивизион Дроздовцев с конно-горной батареей и броневиком под командой начальника штаба отряда, полковника Войналовича, атаковал передовые части большевиков, разбил их и ворвался на вокзал. Впечатление этого налета было настолько велико, что большевики начали даже поспешно покидать город, а эшелоны красной гвардии, бывшие на вокзале, целыми толпами сдавались в плен. Но прошел час, другой, подкрепление не подходило, и большевики, опомнившись, открыли огонь по добровольцам. Первым пал доблестный полковник Войналович. Авангард отступил. Но вскоре подошли главные силы, и большевики, преследуемые артиллерийским огнем, стали отходить окончательно, к полуночи очистив весь город. Дроздовский занял вокзал и прилегающий район.

Легкость овладения городом вызвала пренебрежение к противнику. Стояли беспечно. Утром пехота разошлась, приступив к очистке города. Разведки не было. И потому, когда около 6 часов неожиданно открыл огонь большевистский бронепоезд и из Новочеркасска один за другим стали подходить эшелоны красной гвардии, отряд Дроздовского был застигнут врасплох. Начался тяжелый бой, лишенный должного управления, в результате которого Дроздовский очистил Ростов, потеряв до 100 человек, часть обоза и пулеметов.

Части собрались в селе Чалтырь. Там уже оказался... авангард германцев. Несмотря на предупредительное отношение немецкого начальника, предоставившего отряду для ночлега часть села, офицеры просили увести их оттуда; невзирая на крайнее утомление, двинулись дальше и остановились в селе Крым. То фальшивое положение, в котором добровольцы находились постоянно в отношении «вне-

шнего врага», угнетало их чрезвычайно. Последняя боевая неудача еще более понизила настроение.

Дроздовский счел необходимым собрать добровольцев и снова побеседовать с ними. Коснулся и больного вопроса о причинах неудачи: «Реорганизация необходима. Смена некоторых начальников, проявивших отсутствие распорядительности и личного примера, также необходима. О себе же отчет я дам лишь своему начальнику — тому, к которому направлены все наши помыслы, наши стремления... Начинается воскресение России... Вновь обращаюсь к вам: не падайте духом!»

А через день на горизонте опять просветлело: пришло известие о взятии донцами Новочеркасска. Тяжелые потери 22-го получили некоторое моральное оправдание: бой этот, хотя и неудачный, отвлек, несомненно, большие силы от Новочеркасска и избавил донцов от перспективы получить свою столицу... из рук немцев.

В тот же день Дроздовский двинулся к Новочеркасску, и 25-го передовые части его подоспели туда, как я уже говорил, в самый критический для донцов момент. Авангардная батарея открыла огонь во фланг наступавшему противнику, броневик врезался в самую гущу неприятельских резервов, внеся смятение и смерть в ряды большевиков, рассеявшихся по всему полю. Казаки, ободренные успехом, перешли в контратаку и на расстоянии 15 верст преследовали бегущего врага. К вечеру Дроздовцы входили стройными рядами в Новочеркасск, восторженно приветствуемые жителями. Вместе с весенними цветами, которыми забрасывали добровольцев, на них повеяло лаской и любовью многотысячных толп народа, запрудивших все улицы освобожденного города.

«25 апреля, — писал в своем приказе Дроздовский, — части вверенного мне отряда вступили в Новочеркасск... в город, который с первых дней возникновения отряда был нашей заветной целью... Теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить все, что творилось в Яссах и Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней, все нашептывания и запугивания окружавших вас малодушных. Пусть же послужит вам примером, что только смелость и твердая воля творят большие дела... Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело цели и стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славу и гибель позорному отказу от борьбы; другую же дорогу предоставить всем малодушным и берегущим свою шкуру». В тот же день Дроздовский отправил донесение командующему Добровольческой армией: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... отряд утомлен непрерывным походом... но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний...»

Глава XXI. *Немецкое нашествие на Дон. Связь с внешним миром и три проблемы: единство фронта, внешняя «ориентация» и политические лозунги. Итоги Первого Кубанского похода*

Положение донской столицы значительно окрепло. В области, как доносил Кисляков, было хорошее настроение и много хорошего материала; по общему признанию, не хватало лишь крепкой воли и надлежащей организации. Походный атаман, генерал Попов, — человек вялый и нерешительный — не пользовался авторитетом; «временное правительство», образовавшееся еще в дни первого налета на Новочеркасск, во главе с правым демагогом есаулом Яновым, не чувствовало почвы под ногами и, принимая в свой состав прибывающих в город членов круга, обратилось в многоголовый «совдеп». Решение всех важнейших вопросов откладывалось, и все надежды возлагались на «Круг спасения Дона», который должен был собраться из представителей восставших станиц и казачьих дружин к 29 апреля.

Из новочеркасских впечатлений и разговоров, из взаимоотношений с задонскими военными властями понемногу, однако, начало выясняться, что надежды на объединение противобольшевистских сил для дальнейшей борьбы становятся все более проблематичными. Кисляков, сделавший некоторые шаги перед «временным правительством» в этом направлении, доносил: «Правительство и атаман не считают возможным подчинение донской армии командующему Добровольческой армией. Мотивы такого решения — крайние опасения, что такое подчинение не своему (казачьему) генералу может послужить поводом к агитации, которая найдет благоприятную почву среди казаков. Заявляют, что приход нашей армии на Дон

крайне желателен и что совместные действия с казаками послужат к укреплению боевого духа последних. Словом, от подчинения отказываются, «унии» весьма хотят». К сожалению, «уния» имела уже свою печальную историю в декабре — феврале 1917—1918 гг. и как идея, чужеродная военной организации, не предвещала ничего хорошего в будущем.

После отступления Дроздовцев Ростов погрузился опять в холодное отчаяние. Но паника среди советских властей не улеглась. Они лихорадочно эвакуировали город; эшелоны с красной гвардией, военными запасами и награбленным имуществом тянулись безостановочно за Дон. И когда 25-го напуганные ростовские жители, удивленные наступившей тишиной, выглянули на улицу, они увидели с изумлением, многие с горьким разочарованием, марширующие по улицам колонны... людей в касках. То вступала в Ростов головная дивизия 1-го германского корпуса.

Это событие, словно удар грома среди прояснившегося было для нас неба, поразило своей неожиданностью и грозным значением. Малочисленная Добровольческая армия, почти лишенная боевых припасов, становилась лицом к лицу одновременно с двумя враждебными факторами — советской властью и немецким нашествием, многочисленной красной гвардией и корпусами первоклассной европейской армии. Этот чужеземный враг был страшен своим бездонным национальным эгоизмом, своим полным отрешением от общечеловеческой морали; он с одинаковым цинизмом жал руку палача в Брест-Литовске, обнадеживал жертву в Москве и Киеве и вносил растление в душу народа, чтобы вывести его надолго из строя столкнувшихся мировых сил. Какие еще новые беды несет с собой его приход?

Донская делегация, посланная «временным правительством» в Ростов, была принята начальником штаба немецкой дивизии, и между ним и донцами произошел знаменательный разговор:

«Донцы: С какой целью и по каким соображениям немцы вторглись на территорию Дона? Немцы: Политические соображения неизвестны, но по стратегическим соображениям приказано занять Ростов и Батайск, чтобы обеспечить Украину от большевиков удержанием этого важного железнодорожного узла.

Донцы: Ростов находится на территории Дона, права коего, следовательно, нарушаются вами... Немцы: о границах Дона с Украиной вам надлежит договариваться с последней.

Донцы: Пойдете ли вы на Новочеркасск? Н.: Такого приказания у нас нет, а если получим, то Новочеркасск займем. Не будет ли открыто партизанскими отрядами враждебных действий против наших войск? Д.: Такого распоряжения не отдавалось, почему до выяснения вопроса с Украиной такие действия должны рассматриваться как не основанные на распоряжениях высшей военной власти Дона.

Д.: Признаете ли суверенные права Дона? Н.: Да, признаем Дон штатом (?).

Д.: Какова организация власти на Украине? Н.: Власть полномочного гетмана Скоропадского, усмотрением коего назначаются министры. Украине запрещено проводить социалистические начала. Земля возвращена помещикам не свыше известной нормы. Приказано всем засеять поля.

Д.: Признается ли за Украиной право решать вопрос о войне и мире? Н.: Да, но не против Германии.

Далее немцы говорили, что они действуют в союзе с казаками, ибо действуют совместно против красной гвардии.

Д.: Почему вы двигаетесь на Дон, заключив мир с Россией? Н.: Мы признаем Брестский договор, но правительство комиссаров не исполняет своего обязательства о разоружении красной гвардии, против которой мы и идем. Признает ли себя Дон самостоятельной республикой? Д.: Мы признаем себя частью России, но не признаем большевистского правительства».

Из этого разговора трудно было еще уяснить себе ближайшие перспективы: сохранят ли немцы в отношении Добровольческой армии нейтралитет, пойдут ли на нас войною или предоставят нам меряться силами с большевиками только для того, чтобы с холодным, веским расчетом, на костях и крови русских построить себе свободный путь к морю, хлебу и нефти. Политическая обстановка была запутана до крайности. Будущее темно. Но наказ, данный мною генералу Кислякову, совершенно ясен: «Ни в какие сношения с командованием враждебной России державы не вступать».

Встал передо мной еще один вопрос. В середине апреля, почти одновременно приехали из Москвы в армию полковники Страдецкий и Голицын[19]. Первый был командирован в столицу для связи с московскими организациями еще в январе 1918 г. из Ростова, второй — бывший генералом для поручений при генерале Корнилове — послан был, кажется, в Астрахань, но ввиду ее падения попал также в Москву.

Голицын уверял, что Москва совсем не интересуется Югом, и в частности «Корниловской армией», что там идет борьба политических лозунгов и внешних ориентаций и некоторая местная концентрация сил, совершенно не склонных к подчинению указаниям Юга. Страдецкий, наоборот, рисовал картину разбросанной широко по России сети активных ячеек, отчасти подчиненных тайной организации, в которой он играл видную роль, отчасти самостоятельных. Но что те и другие считают себя всецело в распоряжении командования Добровольческой армии, вполне подготовлены к выступлению и ожидают только приказа...

Мне показались несколько сомнительными серьезность, сила и влияние организации, и, во всяком случае, я не счел возможным, не имея ясного представления о внутреннем положении страны, указывать времена и сроки. Предложил лишь, в подтверждение предыдущих инструкций, продолжать организацию на местах, пользуясь всяким случаем, чтобы стягивать силы к нам на Дон. Единственным безошибочным моментом выступления надлежало считать приближение к данному району Добровольческой армии.

Много позднее я узнал, что разговор шел о «Союзе защиты Родины и свободы», возглавляемом Савинковым — обстоятельство, которое Страдецкий утаил от меня. И что эта организация в половине апреля не имела еще решительно никакого реального значения. Тем не менее доклад поставил на очередь вопрос о необходимости сказать во всеуслышание слово от армии, тем более, что само бытие ее в последнее время среди широких кругов русского общества вызывало сомнение.

В Лежанке под гром неприятельской артиллерии я составлял свое первое политическое обращение к русским людям: От Добровольческой армии. «Полный развал армии, анархия и одичание в стране, предательство народных комиссаров, разоривших страну дотла и отдавших ее на растерзание врагам, привели Россию на край гибели. Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предрешали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного Собрания, созванного по водворении в стране правового порядка. Для выполнения этой задачи необходима была база для формирования и сосредоточения сил. В качестве таковой была избрана Донская область, а впоследствии, по мере развития сил и средств организации, предполагалась вся территория т. н. Юго-Восточного союза. Отсюда Добровольческая армия должна была идти историческими путями на Москву и Волгу... Расчеты, однако, не оправдались...»

Указав далее мотивы нашего «исхода» с Дона и сделав краткий очерк первого кубанского похода, я заканчивал: «Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целость разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни. Борьба до смерти. Таков взгляд и генерала Алексеева, и старших генералов Добровольческой армии (Эрдели, Романовского, Маркова и Богаевского), таков взгляд лучшей ее части. Пусть силы наши не велики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан Родине.

Я призываю всех, кто связан с Добровольческой армией и работает на местах, в этот грозный час напрячь все силы, чтобы немедля сорганизовать кадры будущей армии и, в единении со всеми государственно мыслящими русскими людьми, свергнуть гибельную власть народных комиссаров. Командующий Добровольческой армией Генерал-лейтенант Деникин».

23-го в Егорлыцкой я познакомил с «обращением» генерала Алексеева и старших начальников армии, находившихся в станице. «Обращение» не вызвало никаких возражений, и штаб послал большое количество напечатанных в походной

кубанской типографии экземпляров его для распространения в Ростов, Киев, Москву и далее по России. Прошло дня два. Заходит ко мне генерал Марков и смущенно докладывает: «Среди офицерства вызывает толки упоминание воззвания о „народоправстве" и об „Учредительном Собрании"»...

Я только наметил здесь три капитальнейших вопроса, вставшие передо мной в их элементарном отражении — тогда в глухой донской станице, при первом общении с внешним миром: единство фронта, внешняя «ориентация» и политические лозунги. В дальнейшем ходе событий эти вопросы разрастутся в глубокие внутренние процессы, обволакивающие «белое движение» и в значительной мере лишающие его единства, ясности и, следовательно, необходимой силы.

Освобождение Новочеркасска дало мне, наконец, возможность отправить туда раненых. Хотя власти приняли их там не особенно ласково, заявив, что предпочли бы видеть полк здоровых добровольцев... хотя много еще пришлось им испытать невзгод в обедневших и разоренных донских лазаретах, но все это было несравнимо с тем, что они вынесли в походе, и казалось счастьем.

В Егорлыцкой армии предстояло еще одно испытание. После всех переживаний тяжелого похода у всех наступила некоторая реакция; многих тянуло к Ростову и Новочеркасску, где остались родные и близкие; многим просто смертельно хотелось отдохнуть и отрешиться на время от острых впечатлений боя.

Между тем новая политическая обстановка, допускавшая самые неожиданные возможности, с необыкновенной остротой ставила вопрос о полной необеспеченности армии снабжением, в особенности боевыми припасами. В то же время разведка упорно доносила об огромном и хаотическом движении большевистских эшелонов по линии Ростов — Тихорецкая — Царицын, — движении, закупорившем все узловые станции. Шло массовое перемещение военных материалов, которые могли ускользнуть окончательно из наших рук.

Приходилось организовать набег, чтобы пополнить истощенные запасы. Назначил днем выступления 25 апреля. Добровольцы поворчали немного и пошли беспрекословно. Операция заключалась в том, чтобы быстрым маршем захватить узловую станцию Сосыка на Кубани, в тылу той группы большевиков, которая стояла против немцев у Батайска; одновременно для обеспечения и расширения района захвата занять соседние станции Крыловскую и Ново-Леушковскую[20].

25 апреля Богаевский со 2-й бригадой выступил из Гуляй-Борисовки и взял с бою станицу Екатериновскую; главная колонна — бригады Маркова и Эрдели, — сделав 65 верст, заночевала в Незамаевской, занятой без сопротивления. На рассвете 26-го Богаевский, Марков и Эрдели[21] атаковали тремя колоннами станции Крыловскую, Сосыку и Ново-Леушковскую и, после горячего боя с большими силами и бронепоездами большевиков, все три станции были заняты. Много поездов с военными материалами попало в наши руки.

В ту же ночь я перешел с колонной Маркова в станицу Михайловскую, предполагая расширить несколько задачу к северу. Но бригада Богаевского встретила уже упорное сопротивление большевиков, усилившихся подошедшими подкреплениями; добыча не стоила бы новых жертв. И я увел армию без всякого давления со стороны противника, развивавшего только сильнейший артиллерийский огонь, обратно на Дон. Увозили с собой большую добычу: ружья, пулеметы, боевые припасы и обмундировальные материалы; уводили несколько сот мобилизованных кубанских казаков.

Должен сказать откровенно, что нанесение более серьезного удара в тыл тем большевистским войскам, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входило тогда в мои намерения: извращенная донельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи... 30 апреля армия стала, наконец, на отдых в двух пунктах: станицах Мечетинской (штаб армии и 2-я бригада) и Егорлыцкой (1-я и конная бригады), прикрываясь заслонами от большевиков и от... немцев.

Первый кубанский поход — анабазис Добровольческой армии — окончен. Армия выступила 9 февраля и вернулась 30 апреля, пробыв в походе 80 дней. Прошла по основному маршруту 1050 верст. Из 80 дней — 44 дня вела бои. Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами. Начала поход с 600—700 снарядами, имея по 150—200 патронов на человека; вернулась почти с тем же: все снабжение для ведения войны добывалось ценою крови. В

кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла более полутора тысяч раненых; много их еще оставалось в строю; много было ранено по несколько раз. В память похода установлен знак: меч в терновом венце.

Издалека, из Румынии, на помощь Добровольческой армии пришли новые бойцы, родственные ей по духу. Два с половиной года длилась еще их борьба. И тех немногих, кто уцелел в ней, судьба разметала по свету: одни — в рядах полков, нашедших приют в славянских землях, другие — за колючей проволокой лагерей — тюрем, воздвигнутых недавними союзниками, третьи — голодные и бесприютные — в грязных ночлежках городов Старого и Нового света. И все на чужбине, все «без Родины»...

Когда над бедной нашей страной почиет мир и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто первыми поднялись на защиту России от красной напасти.

Окончание второго тома

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Чехо-словацкий батальон не включался в состав бригад.
2. Ближайшие переправы были: деревянный мост у Пашковской, где недавно был Покровский и где поэтому нас могли ожидать; железнодорожный мост у самого Екатеринодара, атака которого представляла непреодолимые технические трудности.
3. Подполковник Неженцев, командир Корниловского полка.
4. Нужно заметить, что контрразведка не была исключительной слабостью военной власти. Всякое местное «демократическое правительство» в это смутное время начинало свою деятельность с организации широкой сети контрразведки.
5. Хатук.
6. Образцовая ферма Екатеринодарского сельскохозяйственного общества.
7. Там оказались Казанович, Неженцев и их полковые штабы.
8. Северное предместье Екатеринодара со сплошными садами.
9. 2-й батальон Партизан, перешедший с правого фланга.
10. Командиром его был назначен полковник Кутепов.
11. Рассказ ген. Казановича в газете «Свободная речь».
12. См. Т. I, главу 37-ю.
13. Начальник штаба у Маркова.
14. Одних офицеров было убито около 500.
15. «Рабочий голос», 1918 г., № 1. Орган соц.-дем.
16. Представленного Голубовым и Смирновым.
17. Данные о походе Дроздовцев взяты из «Воспоминаний участников», редактированных полковником Колтышевым.
18. Состав бригады Дроздовского: 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей, священников, чиновников; 12 сестер милосердия. Сводный стрелковый полк (ген.-майор Семенов, позднее удален). Конный дивизион (шт. ротм. Гаевский). Легкая батарея (полк. Ползиков). Конно-горная батарея (капит. Колзаков). Мортирный взвод (полк. Медведев). Технические части и лазарет.
19. Несколько штрихов для характеристики деятелей смутного времени: Голицын доложил мне, что вывез семью генерала Корнилова в Москву, где она проживает инкогнито и в полной безопасности вместе с его семьей. За это он был обласкан и награжден из скромной добровольческой казны. Затем уехал и объявился в Сибири генералом, занимал потом высокие командные посты в армии адмирала Колчака. Оказалось впоследствии, что семья Корнилова осталась тогда на Кавказе в тяжелом, почти безвыходном положении.
20. Общий фронт 33 версты.
21. Средняя и левая колонны сделали в этот день еще до 40 верст.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

19 июля/1 августа. Вчера вечером coup de théâtre[1]. В первый раз за все лето мы пошли прогуляться за Запрудскую горушку; отошли с 1/2 версты, вдруг крики: «Идите домой, кто-то приехал». «Кто?» «Не знаем!» В первую минуту я думал, не местный ли какой-нибудь комитет или что-нибудь в этом роде. Возвращаемся, и на Запрудской горушке у мельницы я встречаю Ивана, бывшего швейцара из Симеиза. В первый момент я даже и не узнал его; Нина же, увидев его, вообразила, что умер кто-нибудь из ее родителей. Дело оказалось в том, что пресловутый штраф за сахар был на меня наложен, и в субботу 14 мая товарищи явились, чтобы взыскать с меня 10 000 рублей или арестовать. По рассказу Ивана, в нашем доме все надеялись, что бумаги по этому делу погибли в мятеже 25/VI—7/VII[2], и были совершенно спокойны. Т.к. меня не оказалось, то спрашивали мой адрес. Как бы то ни было, но кто-то дал знать родителям жены, и они вступили в переговоры о выкупе. Это было в воскресенье или понедельник. Ивана отправили, чтобы нас обо всем предупредить и сказать, что деньги найдены и что торгуются, что есть надежда уменьшить цифру и что дело улажено. Т.к. из 1 пуда 5 фунтов, которые мы имели несчастье приобрести, мы на свою долю приобрели 7 фунтов, то сахар обходится дорого. Еще Иван сказал, что мы должны получить телеграмму с извещением, сколько все это обходится. Закусивши и забравши каких оказалось возможным послать припасов, Иван ночью уехал.

Это был сон, но сон кошмарный. А главное, что, когда получится телеграмма, окончательно ликвидирующая дело. Вот уже более суток, а ее все еще нет. Да и как это будет избыть? Как отдать занятые деньги? Хотя я и ждал этого дела, и лучше, что оно ликвидируется, но такой ужас и такое насилие можно стараться встретить и пережить равнодушно и с апатией, но не хладнокровно. Общие известия, сообщенные Иваном, были почему-то оптимистичны; почему, я и сам не понимаю. Все чего-то ждут и на что-то надеются; самое, однако, интересное из его сообщений — это как проезжать на юг за рубеж. Вот куда придется бежать; реальность этого факта все более и более мне уясняется. Весь день очень скверное состояние духа и тоска не от этого эпизода, а перед теми новыми испытаниями, которые нам готовится, — холера, хронический голод, хронические издевательства и унижения, возможность войны на улицах Москвы и т.д. Я радовался только тому, что целый день пришлось работать в поле — убирали сено и клевер довольно удачно в смысле погоды.

20 июля/2 августа. Тихий день; телеграммы не получили; вечером пришли из старой усадьбы, чтоб прослушать Загранскую хронику, и, пока мы ее читали, явились в гости почтенные гориллы с Горы — Иван Терентьев и Ив[ан] Яковлев; был устроен five o'clock[3], на который приглашены Образцовы; было трогательное единение с народом, продолжавшееся часа два. После этого продолжено было чтение Загранской хроники.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—11.

21 июля/3 августа. Телеграммы нет; чувство тупого беспокойства, хотя рассудок говорит, что если никто не беспокоит, значит дело как-нибудь устроится. Ездил на почту; ничего, даже ни одного письма. Кое у кого нашел 5 №№ «Нашего века»[4], из которых узнал, что японцы двигаются от Владивостока[5], англичане — в Ташкент[6] и Алексеевцы заняли Ставрополь и Армавир, чехо-словаки — Екатеринбург, союзники — Архангельск[7]. Кольцо образовывается, но горе всем тем, кто останется внутри его. Мне думается, что Москва должна превратиться в настоящую геенну огненную. А это дурачье призывает офицеров на действительную службу для занятия командных должностей[8].

22 июля/4 августа. Телеграмму получили: «пока благополучно». Заключили из нее, что эта история еще не кончена, но что есть надежда отделаться не так дорого. Вечером обед и чай у Мани Куторга; были три инженера с железной дороги и две графини Толстые, занесенные бурей в Андрейцево к Поповым. Это типичные épavés de la révolution[9], двоюродные сестры петербургских графов Д.И. и И.И. Толстых[10]; пенсионерки государя, они лишились всего; одна где-то служит, другая совсем больная, но приятная на разговор. Все это было так странно и так грустно — этот пир в Загранском доме, доживающем свой век.

23 июля/5 августа. Получил письмо от Георгиевского; чувствуется, что в Москве голод; он также пишет, что большевики предполагают, по-видимому, лишить нас двухмесячного ваката, но мне это все равно; я решил раньше 15-го не ехать. В газетах нового: скрежет Московских совдепов против буржуазии и крестьян н покушение на Эйхгорна в Киеве[11]. Этому поделом; чем более немецких китов пострадает, тем лучше: на это и должны быть употреблены левые с.-р., к которым принадлежит и убийца Эйхгорна; только на это они и годятся.

24 июля/6 августа. Стараюсь работать как можно больше; во-первых, потому что на дворе такая поганая погода, какой я давно здесь не помню; во-вторых, потому что все-таки время моего пребывания ограничено, а хочется здесь, в относительно спокойной обстановке, сделать как можно более; ведь в Москве все равно заниматься придется мало и едва ли успешно. Чем больше я думаю, тем яснее мне становнтся, что настанет илн может настать момент, когда бегство будет необходимо; надо решиться теперь же по возвращении в Москву подготавливать переезд на юг, например в Харьков; все равно придется спасаться из Москвы, потому что Москва будет ареной небывалых по ужасам событий. Какое счастье, что здесь голод стал чувствоваться только в последние дни; иначе, я уверен, что выдержать было бы невозможно; на две недели терпения хватит; до новой жатвы слишком близко, чтобы ждать эксцессов; но если бы ждать было долго, то эксцессы были бы, конечно; достаточно вндеть эти униженно-напряженные лица, которые, пока заимообразно, ищут хлеба. А вот будет ли хлеб тогда, когда опять здешннй хлеб будет съеден? В Сандово, говорят, переезжает часть Весьегонского совдепа с красногвардейским отрядом; это скверно; хорошо еще, что мы поихнему другого уезда[12]; это уменьшает шансы быть выгнанными из того «народного достояния», в котором мы живем.

Я не отметил здесь смерти Николая II[13], но это потому, что только вчера, прочитав «Наш век» от 20-го июля, я получил возможность осязать это сообщение. Николай II имел судьбу Людовика XVI и Карла I, но в модернизованном и перелнцованном á la russe[14]виде, без лнцемерной торжест енности английской революции и без разнузданной, но все-таки торжественной, французск й; Николая без суда, это для русских особенно характерно, убили вдали от столиц, спеша, зря, боясь собственной тени. Сам он все сделал для того, чтобы это случилось; но его исчезновенне есть развязка одного нз бесчисленных второстепенных узлов нашей смуты, а монархнческий принцнп от этого только выиграет.

25 июля/7 августа. Местные слухи — будто весь Весьегонский совдеп переезжает в Сандово; они, кажется, имеют под собой основание; это может действнтельно вызвать нашу выгонку отсюда; хоть бы недели 3 продержаться. Потом слышишь, что здесь н там уже жнут и молотят и что будто бы обмолоченный хлеб будут отбирать «под комитет»; последние слухи, вндимо, нервят население.

26 июля/8 августа. Газета от 2-го августа не дала ничего нового. Слухи о Сандове, к счастью, оказываются ложными. К вечеру комический инцидент style moderne[15]. К нашему дому подходят 2 человека, один в форме, в двубортном сюртуке из парусины; за ним некто в солдатском костюме, с шашкой и босиком; я выхожу на веранду; первый говорит: «Представитель милиции Весьегонского уезда». В моем воображении встают картины, одна страшнее и невозможнее другой; но дело разрешается самым комическнм и вместе с тем грустным образом: в Сандово прислан отряд милиции в 10 человек; они там уже 4 дня, но им не дают пайка, и они голодают и поэтому форменно ходят по миру — их просьба дать им хлеба. Мы пригласили их и угостили молоком и хлебом и хлеба дали с собой, попросив этот инцидент оставить без огласки, т.к. хлеба даем им не от излишка, а из своего пайка. Из разговора оказалось, что один из них — бывший Весьегонский брандмейстер, уволенный, здорово живешь, большевиками или, точнее, лицами, хозяйничающими там под фирмою большевизма; в конце концов ему дали компенсацию в виде должности письмоводителя при Сандовском отряде милиции. Другой оказался бывшим колбасником от Белова в Москве, который пошел в милицию, потому что ему есть нечего, а колбасное заведение бездействует! За угощение они предлагали нам плату. Вот картина с натуры из русской революции — здесь спутано все: голод, большевизм, добродушие, дезорганизация и нищета людей, доведенных до последнего. Относительно Сандовских слухов, все оказалось более ими менее враками; как, впрочем, все вообще здесь. В Сандове останется отряд милиции, а отряд красной «гвардии» или «армии» (не все ли равно?) временно отправлен в Щербовскую волость на помощь пресловутой бедноте[16].

28 июля/10 августа. Ходил в гости к двум графиням Толстым, которые поселились у Поповых в Андрейцеве. Поговорили с ними очень приятно; больная — неглупая; очень жаль их, несчастных, тем более, что и тут им живется не сладко из-за ссоры двух сестер Поповых. Наконец получил ответы на некоторые из моих писем. Яковлев сообщает, что в библиотеке вводятся новые штаты и 35 библиотекарей, но qu'il s'en moque, j'en fais autant[17], и, если это состоится, то буду стараться только об одном — не быть председательствующим в этой коллегии. Богословский сообщает, что уннверситетские дела очень плохи и что с 15 сентября нового стиля «они» введут свои правила, детально разрабатываемые теперь еще каким-то новым совещанием, в котором участвуют 6 профессоров, 6 комиссаров и совдепщиков и 6 студентов, преимущественно крайних направлений[18]. Бедные университеты. Впрочем, все равно, если дело затянется, то нужно выдворяться в другие страны. Вспомннаешь психологию Печерина — отрекшегося от всего — как она высказана в одном из его плохих и искренних стихотворений, где говорится, как он, свободный духом, плывет по морю.

30 июля/12 августа. Бывшая управляющая Заграньем, Маремьяна Грачева, более чем подружилась с бывшим главой совдепа, большевиком и кронштадтцем, Смирновым из Бесова; отсюда естественное желание Маремьяны засесть в Загранье, а Смирнова — ей помочь; члены теперешнего совдепа, по крайней мере заведующий продовольственной частью, с ними заодно, тем более, что этот последний сам из Парфеньева, где обитает Маремьяна. Этим объясняются все внезапные ревизии в Загранье, придирки к Лене как управляющей и доверенной советской власти. Вчера все это вскрылось на «общем собранни», куда мои кузины были приглашены. Предполагалось их устранить от управления, придравшись к мелочам; но очевидность была за них и, что очень характерно, само общее собранне не пошло за агитаторами, а стало за них: это знамение новейшего времени. Вот картина с натуры из действий советской власти в деревне.

Был у Благовещенских. Своеченица только что получила письмо от дочери из Луганска: она зовет всех туда воскресать от голода; как бы не были эти слова пророческими для всех. Младший Благовещенскнй, Леша, возмущался порядками в Кашинском реальном училище, где он год назад кончил курс: ученики ворвались в совет, курят в классах, выживают неугодных преподавателей; при этом рассказчик добродушно прибавлял, что еслн бы он был теперь в училище, то он, наверно, был бы во главе безобразников, но что теперь он понимает, как все это ужасно и недопустимо; характерный пример предметного урока жизни. Погода так отвратительна, как давно не была здесь; такого июля я даже не помню.

31 июля/13 августа. Смутные слухи о каких-то ужасах в Петрограде; газета «Наш век», очевидно, прнкрыта; в советской России, т.е. в росефесере, осталась только росефесерская печать; целый день помогали кузинам убирать клевер.

1/14 августа. С почты ни газет, нн денег, ни писем — даже возмутительно; работали целый день, помогая Лене и Куторгам справиться с их клевером; т.к. у них нет такого хозяйственного мужика, то их положение много хуже и беспомощнее нашего. Сегодня день рождения Володьки — 7 лет — уже большой мальчик, целый отрок; Нина ездила с ним в церковь; он правил, и было полное удовольствие; опять целый день убирали клевер.

3/16 августа. Два дня непрерывной работы, чтоб помочь Лене и Мане убрать предоставленный им клевер; это была прекрасная школа для изучения дела, лучшая, чем на нашем сенокосе, потому что мы были предоставлены только своим буржуазным силам. Характерная картина — не успели мы убрать десятину, лежавшую близко к дер. Горе, как уже кто-то нз обитателей ее явился с корзнной и стал косить окоски; если бы десятнна была не убрана, он, вероятно, утащил бы клевер. По вечерам устраивались ужины вскладчину; они пронсходили в старом доме, и буржуи за ними отдыхалн; однако, вчерашний ужин ознаменовался скандальчиком семейного характера между Маней и ее мужем, в котором сказались в

Куторге некоторые характерные черты русского интеллигента: еще утром, и опять за ужином, он говорил о том, как бы не обидеть мужика, если бы обстоятельства переменились, а когда его жена выпила рюмку наливки, он закричал, что он не позволяет ей этого, устроил скандал, вышел из-за стола, проявляя деспотизм, неуравновешенность и невоспитанность. Тяжело жить без известий; сегодня, когда физическим трудом мы не занимаемся, это особенно чувствуется, может быть, от погоды, которая продолжает быть отвратительной. Такой полосы ненастья я давно здесь не переживал — вот он, северный климат и северная природа.

4/17 августа. Газет больше нет и не будет; это очевидно. Из ихних газет явствует, что мы «в огненном кольце». Интересно известие А. С.[19]: немцы предъявили ультиматум большевикам о мануфактуре и об освобождении бывших офицеров, теперь арестованных, и будто бы большевики отказали. В Москве множество арестов — среди офицеров и «капиталистов» — и все-таки у пишущих надежда, что что-то будет новое впереди. Не знаешь, что и думать; а Москва становится действительно «геенна огненная», возвращаться туда не хочется.

5/18 августа. Бесконечно грустные мысли от полученных вчера писем; введена настоящая диктатура пролетариата — бессмысленная жестокость темных масс, возбуждаемых демагогами, направляема против более образованных элементов; я начинаю чувствовать чувство террора. Несомненно, Москва будет местом величайших ужасов. Как сделать, чтобы их избежать? Сегодня утром Нина призналась, что теперь она стала разделять мое стремление бросить все и уехать куда-то далеко, далеко.

6/19 августа. Была семья Благовещенских; они также подтверждали разнообразные слухи о том, что отовсюду по направлению к Москве движутся разнообразные силы; все это, конечно, нуждается в проверке, но один слух подтверждает другой и, сопоставляя их, можно прийти к мысли, что нет дыма без огня. Это, однако, не сулит близкого счастья ни с какой стороны — хуже всего будет резня в Москве или вообще эксцессы в последние дни господства советской власти, или какая-нибудь осада Москвы. Только бы какой-нибудь конец поскорее. Об этом всем особенно приходится заботиться и думать, собираясь в Москву, а отъезд не за горами. Вечером ездили к гр. А. Г. Толстой, которая совершенно попала в руки полоумных и полудиких сестер Поповых. С почты ничего.

7/20 августа. С утра страшная тоска, главным образом от того, что совершенно не знаешь, что делать, — всем ли семейством ехать в Москву на голод или же расстаться с риском быть отрезанными друг от друга; надо решиться ждать до субботы, а там принять какое-нибудь решение. Днем Ник. Антипьев привез известия, подтверждающие то, что писал А. С.: требование Гельфериха, их отклонение и его отъезд[20]. На поверку оказалось, что об этом горским [т.е. жителям Горы] рассказала Лена с моих слов, и таким образом рассказ опять дошел до меня обратно; тем не менее, в № газеты, который я получил с Горы, сказано, что персонал посольства уехал в Петербург; это подтверждает все остальное. А кроме того, французы опять здорово бьют немцев[21].

8/21 августа. С почты нет ничего; будучи в Сандове, просмотрел газеты «ихние» — тоже мало известий, которые бы представляли интерес: занят Шенкурск, значит идут к Вологде; цель англо-французов, вероятно, захватить магистраль Званка — Пермь, т.е. весь север, всю Сибирь[22]. Все это, однако, процесс долгий, а в огненном кольце, в которое мы попали, мы все, может быть, погибнем. И вот в таком расположении надо ехать в проклятую Москву.

9/22 августа. Телеграмма из Новгорода — брат арестован за неисполнение правил регистрации офицеров[23]: «приезжайте немедленно». Новая наклейка, быть может, удар, быть может, для него несчастие. Надо здесь преждевременно бросить все и ехать в Новгород; что делать, сам не знаю. О безумие человека, видящего только то, что он желает видеть, и не считающегося с жизнью. Другая неприятность: образуется волостной комитет бедноты с неограниченными полномочиями. Лично нас это не коснется, т.к. мы отсюда уедем; но нашему Загранью, может быть, это и конец. Целый день чувство такой тоски, что от нее отпивался бромом. Вечером в Старом Загранье видели Чудновского, который сообщал слухи — их много, и они очень разнообразны; по ним выходит, что перемены внесут не немцы, а они придут с востока[24]. Кто доживет, увидит. Послали в Новгород запрос, прежде, чем к нему ехать.

10/23 августа. Хуже всего — сознание, что нужно ехать в Москву; тем, кто из нее не выезжал, все равно, а вот возвращаться в геенну огненную — это тяжело; тяжело еще уезжать из того относительного спокойствия, в котором прожиты 2 месяца, а еще — оставлять своих, хоть бы на 2 недели.

11/24 августа. Письма из Москвы, из которых явствует: 1) что жизнь там возмутительно скверна, 2) что там неудержимо надеются на перемены к лучшему, 3) что инцидент с сахаром отнюдь не ликвидирован, а только отложен до моего возвращения. Советуют в Москву пока

не ехать до каких-то перемен; до каких же это пор? Все это заставляет меня бесповоротно ехать в Москву и самому все это дело выяснить и ликвидировать. Здесь почти кончили жать и посеяли; вчера Нина нажала 2 груды, а я — !! — 7 снопов; и то рекорд для старого профессора.

12/25 августа. Телеграмма получена: «еще не освобожден, выезжайте». Значит, надо ехать в Новгород, потом в Москву на ряд тяжелых неприятностей, на неизвестность. Теперь все, что здесь, уже отходит на задний план; жаль, что я не успел набросать хоть бы 6-ой главы моей будущей книги. Когда теперь придется за нее приняться? Сегодняшний день надо отвести на организацию отъезда и сборы.

13/26 августа. Окончательно выяснилось, что еду сегодня в ночь; наши останутся впредь до 1-го сентября или до моего извещения. Итак, лето 1918 года прожито в Загранье; и за то спасибо судьбе. Известий с почты никаких. Надо выезжать в мир темноты, ужасов и слухов. Вчера Благовещенские говорили, что издан декрет, по которому всякий, хотя бы неграмотный, может поступить в любое высшее учебное заведение, если он достиг 16-ти лет, причем бедноте и пролетариату отводится преимущество[25]. Это уже delirium tremens[26].

22 августа/4 сентября. Я не записывал ничего целую неделю; причина — мои передвижения, московские хлопоты и житье вне дома. Путь в Красный Холм был очень неприятен — дороги напомнили мне то доброе старое время, когда с Ниной мы ехали в Загранье в виде voyage de noce[27]. В Молокове — сетования Ал[ександры] Ив[ановны] и ее супруга на современные события; старое поколение поняло, что оно ничего от нового строя не получит. Дорога до Сонкова прилична, но далее — настоящий пандемониум. Сначала я стоял на тормозе, причем был свидетелем спора между большевицким офицером, вооруженным шашкой и нагайкой, и рабочим Экспедиции заготовления государственных бумаг, очевидно, меньшевиком или с.-р.; спор носил ожесточенно страстный характер, с тоном угрозы со стороны «офицера», который, вероятно, из прежних ускоренных прапорщиков.

Потом меня приютила в купе 2-го класса дама, ехавшая с 4-мя детьми, и я чувствовал себя счастливым; от Бологого до Чудова я ехал уже в другом месте, также в ногах дамы, спавшей с ребенком. В Волхов поезд опоздал, пароход был пропущен, и я сидел 8 часов на ст. Чудово[28], превращенной в грязнейшую клоаку, и, чтобы получить право взять билет в Новгород, я должен был заплатить рублевую подать в местный совдеп. Пока я был в Чудове, прошел эшелон Красной армии — лошади и материальная часть в хорошем виде, люди с обычными физиономиями, на которых написано нахальство, самодовольство и все, что угодно, кроме воинского духа; в каждом вагоне, кроме «солдат», была девка, скверная, дешевая петербургская девка; если все такие солдаты р.с.ф.с.р., то с ними не победить.

В Новгород я приехал в 7 часов вечера, 15/28; пошел пешком и, дойдя до Софии и Волхова, был сразу поражен красотой города; пройдя на Торговую сторону, я уже не мог обойтись без извозчика и нашел его за 5 рублей; извозчиков в Новгороде больше, чем в Москве. Я пробыл в Новгороде от 15-го вечера до 18-го — 1 час дня. Мои впечатления резко делятся надвое — хлопоты о брате и сам Новгород. Приехав, я узнал, что брат в тюрьме, арестованный на улице по доносу за нерегистрацию, которой он подлежал как офицер; в «чрезвычайной комиссии», которая есть и в Новгороде, он, кроме того, поругался с тамошними латышами. Я ставил себе задачей выяснить его положение, добиться с ним свидания и содействовать его освобождению. Выяснилось, что он числится за чрезвычайной комиссией, которая должна передать его в рев. трибунал.

Освободить его, пока он за чрезвычайной комиссией, конечно, нельзя; я насилу добился там свидания с ним. Вот как это было: я являюсь в чрезвычайную комиссию, наполненную девками-латышками; меня посылают в комнату, где сидит одна такая особа. Я излагаю просьбу, она удаляется и приносит мне ответ невидимого божества — нельзя. Я прошу личных переговоров с этим божеством, которое называется «товарищ Ватинь[?]», коренастый латыш с тупым лицом и грязными ногтями, в красном галстуке и грязном пиджаке. Я опять излагаю просьбу и предъявляю свои документы: бумажка, выданная мне на право возвращения в Москву из учреждения, называемого «Совдеп — комиссия по эвакуации», производит на него впечатление, и он дает мне разрешение на свидание. Пока писали мне бумажку, он вдруг опять подскочил ко мне и спросил: «А где вы узнали мою фамилию?», желая этим что-то выведать. «Да у вас на двери она значится», — ответил я, указывая на соответствующий плакат. Злобный дурак отошел с кривой усмешкой.

Выяснив положение в данный момент, я стал добиваться скорейшего облегчения его участи после передачи его в рев. трибунал. Я беседовал по этому поводу с военным комиссаром губернии (он же председатель трибунала), бывшим военным следователем Макаровым, с председателем народного суда, бывшим судебным следователем Васильевым и с следовате-

лем при трибунале Куприяновым (из интеллигентных военных чиновников). Все обещали мне содействие и были очень любезны; но, видя этих людей из бывших судейских в роли большевистских судей, я дивился глубине разврата, в который впал русский народ. Я уехал, повидавшись с братом и заручившись обещанием, что меня вызовут, если в этом явится надобность; освободить брата обещали через недельку или полторы. Теперь я боюсь, что ранение Ленина[29] затянет дело.

На осмотр Новгорода я мог употребить урывки от первого дня, половину 2-го и утро 3-го. Если бы Новгород был не в России, то в него бы ездило множество туристов; он был бы предметом паломничества; у нас он забыт и запущен, хотя последнее придает ему особую прелесть. Из памятников я осмотрел Софию, Нередицы, Юрьев и Антониев монастыри и одну или две церкви. Впечатление было громадное; кроме того, я обегал все валы, которыми Новгород окружен. Как-то особенно живо чувствовалась прежняя жизнь Новгорода, особенно на Софийской стороне, где улицы остались такими же кривыми и пересеченными, как в старое время, тогда как на Торговой — все были перепланированы, вероятно, после пожара; такое же чувство при виде Волхова и его набережной, где склады леса и Гостиный двор выходят, опять-таки как в старое время, прямо на реку. Прекрасен вид с моста в сторону Ильменя, замыкаемый Городищем и Юрьевым монастырем, — необычайная ширь и многоводие. Но наибольшее впечатление оставляет одинокая Нередицкая церковь на холме, с несколькими домиками вблизи. Кто строил ее, кто и по чьему почину писал эти фрески? Вековое молчание; поросшая былью и забвением старина, яркий след прошлой жизни, затерявшейся среди современного хаоса; квартира брата на окраине города, и окна его прямо смотрят на Нередицы; а с холма чудесный вид — равнина во все стороны, на которой, кроме города, видны монастыри: Кирилловский, Сковородский, Хутынский и отдельные церкви, ровесницы Нередицкой, — Волотово, Ковалево и др. Придя в Городище, я долго сидел на откосе, вспоминая, как отсюда же смотрели на запретный для них город княжеские наместники. Здесь мне удалось переехать на тот берег Волхова в Юрьев, наиболее богатый (до большевических декретов) из новгородских монастырей. Фотий устроил его великолепно на Орловские средства[30], не особенно испортив, впрочем, собор XII века с типичными 3 главами и столпом-башней; но теперь монахи все разбежались почти, и я ходил по монастырю, словно по замку спящей красавицы. За монастырем под вековыми ивами с вымытыми водой корнями — дивный вид на Ильмень.

В Антониевом монастыре мне не удалось проникнуть внутрь церквей — все было заперто, и ни одного отца я не встретил. София очень напомнила мне Киевскую; она, впрочем, немного поменьше; ее реставрация, произведенная в последние годы, еще слишком свежа, но впечатление все же очень сильное; а когда я смотрел Спаса (нереставрированного) в среднем куполе с его легендарной десницею, мне хотелось, чтобы десница хоть наконец разжалась и поразила порочное и низкое человечество. Детинец, стены которого все целы, наполовину окружен городским садом, деревья которого обрамляют стены, как парк Гейдельбергского замка, и этот угол прекрасен в своем запустении.

Назад я поехал пароходом до ст. Волхов. Река полноводьем напоминает Неву; берега частью плоские, частью холмистые, местами очень красивые и живописные; я наслаждался, и, как накануне во время прогулки в Нередицы и Городище, я забылся и забыл о современности. Проехавши Колмово, исторические воспоминания о старом Новгороде исчезают; их сменяет Аракчеевщина: его казармы и бывшие военные поселения, Кречевицы, Муравьевские, Селищенские казармы, с соединяющими их шоссе, обсаженными березами; грандиозные и хозяйственные постройки. Еще недавнее оживление (здесь во время войны стояли запасные части) сменилось теперь пустотой и частью даже разорением; говорят, в последнее время солдаты, не желая даже таскать дрова, рубили пол и им себя топили. Станция Волхов пробудила меня к нынешней скорбной жизни: опять стояние на тормозе, а потом ночь в дачном вагоне с невозможностью даже прислониться, при мучительной неизбежности слушать громкий разговор 4 горилл о современных событиях.

В Москву я приехал 31/13 сентября[31] и первое, что узнал из заборной литературы — это покушение на Ленина. Я не знаю, нужно ли было это делать; но видно, что борьба между большевиками и с.-рами усиливается[32]. Уже это сразу погрузило меня в кошмарную действительность; паника, подавленность, террор, смерть всякой жизни чувствуется гораздо больше, чем два месяца назад; всюду стремление уехать, бежать на Украйну; кругом лица или уезжающие или готовящиеся уехать в Украйну. Это только начало, и далее, если ничего не изменится, то этот великий исход будет только расти, а старые центры русской жизни — Петербург и Москва — замирать и падать: как характерна трава забвения, которая затягивает некоторые московские переулки, — это прообраз будущего. Большевицкий террор тоже растет

— все задушено; кругом аресты; арестованные и скрывающиеся повсюду, есть и среди родных — например, Саша Рар. По вечерам темно; жизнь замирает рано — и это начало великого разорения.

Насколько я мог ориентироваться, положение смутно и более запутано, чем когда-либо; немцев бьют союзники так, как никогда; хотя полной победы я еще не предвижу, но немцам трудно, и они отступают и сдают; это заставляет их дружить с большевиками и даже покровительствовать им не из симпатии к ним, а для поддержки их против союзников, идущих против большевиков и против немцев. Великороссия в результате сделается театром неслыханной гражданской войны, где русские будут сражаться рядом с немцами против русских же, идущих вместе с союзниками. И русские пойдут друг на друга и будут сражаться и избивать самих себя, являя пример невиданной подлости и тупости. Хорошо дополнительное соглашение немцев с большевиками — прибавление к Брестскому миру; Совдепия выплачивает немцам 6 миллиардов за немецкие капиталы и значительную часть этой суммы — золотом[33]. Дальше нельзя идти в области цинизма, чем то, что дали большевики в смысле «без аннексий и контрибуций».

В Москве я должен был, конечно, заняться ликвидацией моей сахарной истории. Я был у М. Н. Покровского, чтоб заручиться ходатайством от Комиссариата Народного Просвещения о сложении 10 000 штрафа; в нужде, чтоб спастись от большевиков, пришлось кланяться большевикам же; я это свидетельствую здесь, не желая выставлять себя лучше, чем я на самом деле. Он принял меня как старого товарища, и бумага была написана; вчера я подал свое прошение в Чрезвычайную Комиссию[34] и теперь жду, что из этого будет, не ночуя дома и не заглядывая туда — глупое и гнусное положение. Все меня об этой истории спрашивают и соболезнуют. Дела я начал только в Музее. Библиотеки и Музей — по прежнему фетиши большевиков; что-то все заседают, совещаются, хлопочут, делают проекты увеличения штатов, но как все это смешно — ведь все равно из этого ничего не выйдет, а внутри Музея работа не делается почти вовсе. И как посмотришь на все, так и хочется, неудержимо хочется, бросить все и бежать, куда глядят глаза. Положительно надо об этом думать, и думать сериозно, ибо настанет момент, когда материальная жизнь станет здесь совершенно невозможной, а духовная померкнет окончательно.

23 августа/5 сентября. Не выдали шуб; новая напасть и новый убыток; говорят, надо подавать какое-то заявление, тогда часть выдадут; продался Лялькин столик, так что есть 900 рублей для меня; сэф не просрочен — и то хорошо. Слухов новых нет; на западном фронте союзники продолжают лупить немцев.

24 августа/6 сентября. Из Кокоревки есть шансы получить 2 сундука брата — надо скорее это сделать. Меня более всего занимает сейчас психология немцев в их новом договоре с большевиками. Уступки, которые им делаются, правда, условные и могущие быть взятыми обратно, некоторые объясняют тем, что немцам плохо на западном фронте; я думаю, что положение на западном фронте влияет, но не в нем одном дело — немцы, пользуясь большевиками и тем, что восток России фактически на стороне союзников, нагло и беззастенчиво грабят Россию; они тоже рассуждают — хоть день, да наш, пока не придется мириться с западными врагами, которые сегодня опять одержали громадные успехи. В личных делах день прошел спокойно; из Загранья письмо, что все спокойно и что пока комитета бедноты, в котором сидит Запрудский Яша Фишин, поставляющий нам грибы, опасаться нечего. Отмечаю еще следующее: когда был обыск у В. И. Герье[35], то бедного старика, так много сделавшего для России, и его дочерей обокрали тысяч на 15 и унесли все, что у них было драгоценного.

25 августа/7 сентября. Массовые расстрелы в Москве — погибли Щегловитов, Хвостов, Белецкий и протоиерей Восторгов[36]; они все много сделали, каждый со своей стороны, чтобы довести Россию до современного положения, но едва ли они думали, что погибнут из-за выстрела жидовки эс-ерки Ройд-Каплан[37] против Ленина. Тревожные известия о брате — боюсь, чтобы он не стал жертвою того же озверения; единственная надежда — то, что вести пришли из наименее достоверного источника. Полный разрыв между большевиками и англо-французами и американцами, которые продолжают лупить немцев, как никогда. Впрочем, их успехи делают положение внутри России еще более тяжелым. В советской России атмосфера сгущается с каждым днем.

27 августа/9 сентября. Ездил вчера в Пестово, где летняя жизнь также протекала благополучно: новость то, что раз нельзя пользоваться телефоном и условиться таким образом о приезде, то сообщают по телефону из Пушкинской аптеки и идут пешком навстречу экипажу; я дошел таким образом до Курова, т.е. полдороги. Возвращение в Москву сегодня потребовало 5 часов: поезд опоздал на 2 часа — таковы теперь порядки на Ярославской дороге,

которая всегда была одна из наиболее благоустроенных. В Москве на сегодня особых неприятностей не было; выясняется, что к нам, вероятно, вселятся Разореновы.

28 августа/10 сентября. Опять перевозился в остатках своей квартиры; решение ликвидировать все, что еще можно ликвидировать, крепнет с каждым днем. Навестил старого учителя В. И. Герье; удивительно философское спокойствие у этого старика, и много верного в тех мыслях, которые он проводил вчера, которые он проводил во всю свою жизнь — мысли умеренного либерала, против которых так многие восставали. Когда мы слушали его лекции по истории французской революции, мы не думали, что вместе будем переживать русскую. На западе отступление немцев продолжается; единственно, что утешает. Большевики взяли Казань[38].

30 августа/12 сентября. Новые и постоянные успехи французов, англичан и американцев; местами они заходят за линию 1917 года: ex occidente lux[39]; мои сахарные дела идут в затяжку; в квартиру въехали Разореновы; каков будет симбиоз с ними — трудно сказать; квартира наша вновь представляет собою мебельную лавку, которую надо вычищать.

31 августа/13 сентября. Появился жестокий декрет, регламентирующий выселение с квартир[40]; быть может, это и не коснется нас и наших близких; однако, декрет этот — не что иное, как обставленный правилами грабеж, в таком виде и размере, в каком свет еще этого не видал; надо всячески стремиться к полному облегчению себя от всего лишнего; это более необходимо, чем когда-либо. Был у Патулье; много и интересно разговаривал с ним; воззрения на русских близкие к моим; но винит и своих в многих проявлениях недостатка такта при сношениях с большевиками; будущее все зависит, по его мнению, от мира; а дело мира и войны в руках Вильсона — qui dispose de l'argent et des armées[41]; тогда решится и русский вопрос; к японцам у него недоверие. Характерно, что к московской французской колонии, состоящей из parvenus riches[42], у него такое же отношение, как у Па[...]ва. Жду своих; сегодня грустный 10-летний юбилей нашей свадьбы. Как хорошо были они прожиты для нас лично, и как ужасно вокруг. Курьезно, что Саша Р[ар] сегодня ночевал у Дольников, а вчера были его именины; уходя, он говорил, что не знает, где и сколько ночей ему придется ночевать в биваке.

2/15 сентября. Вчера я страшно волновался из-за неприезда Нины; ожидание началось еще 31-го; к юбилею Нина не приехала; я ждал 4 часа на вокзале, чтобы дождаться наконец опоздавшего поезда с бандой матросов, наполнявших его половину; жуткое впечатление от этих разбойников — истинных потомков Разинцев и Пугачевцев; вчера опять вопросы на вокзале через Митю Курдюмова[43]; наконец, в 2 часа вдруг письмо, которое я прилагаю здесь[44]. В нем Нина сообщает свое мудрое решение остаться в Загранье до 10 сентября, главным образом, для Володи; так будет, правда, лучше, хотя и тяжко без них. Fichelle, зайдя в Музей, сообщил о новой победе французов; срезан выступ St.Mihiel, занят Pagny sur Moselle и начался обстрел Меца с взятием 13 тысяч пленных; слава Богу; хоть умирая политически, мы видим торжество истины на западе или, вернее, начало ее торжества. Здесь общее сознание — что дело затянулось в долгий ящик; правда, ведь только общий мир может дать толчок к разрешению русского кризиса и к уничтожению гнилостного очага заразы, идущей из нашей помойной ямы, на которой издавна уже изредка вырастали благородные шампиньоны.

Интересная сводка сведений получилась у меня о чехо-словаках: 1) они отступают; 2) они делают это потому, что им наскучило защищать мертвое тело России, т.к. сами русские ни на что не способны; 3) между русскими группами, стоящими за чехо-словаками, идет страшнейший раздор; 4) la garde blanche a fait une noce épouvantable à Kazan[45]. Все это сообщено 4-мя разными лицами, но как все это похоже на правду! Мертвый народ, мертвое общество, которые должны стать материалом для эксплуатации со стороны более сильных народов. Я начал чистить квартиру и перенес все картины в Музей.

3/16 сентября. Получил письмо из Новгорода, которое прилагаю к дневнику[46]. Оно показательно для того, как господствующие люди производят репрессии в будущих поколениях, — такой способ действий должен пробудить ужас и отвращение. В результате надо ехать в Новгород, вызволять брата; на это уйдет дней пять. Общее положение без перемен — никаких новых вестей или слухов; сообщений с западного фронта нет. Вчера была свадьба двоюродного брата жены — Миши Дольника; ужасно странное чувство я испытывал — точно происходило что-то давно забытое и явно контрреволюционное.

5/18 сентября. Чтобы выехать по Николаевской железной дороге, надо особое разрешение; его выдают в одном из помещений бывшего Дворянского института[47]. Мне пришлось подниматься по лестнице, которая вела в квартиру О. А. Талызиной; я был там всего год назад — Боже, что это за ужас, что за грязь и мерзость. На 4-м этаже выдают пропуски по командировкам; удостоверения выдавал товарищ-рабочий, грубости которого я еще ничего

равного не слыхал и не видал; а т.к. наша канцелярия не изволила поставить номера на выданное мне удостоверение, то мне и вовсе не выдали пропуска, и я еще потерял день. На западном фронте продолжается лупцовка немцев.

7/20 сентября. Вчера я просто не попал в то здание, где раздаются пропуски; безобразные очереди, перепутанные и бесконечные, у дверей бывшего подъезда Талызиных; какие-то хулиганы в полувоенной форме симулируют рубку шашкой, битье прикладом и даже делают вид, что стреляют; публика разношерстная, глупая шарахается, сбивает сама себя, испуганно оглядываясь на хулиганов, которые орут, что их вывели из терпения и что они всех выметут; я простоял два часа и ушел ни с чем; не знаю, что будет сегодня. Прикладываю письмо Нины[48] с грустными нотами относительно Загранья; я думаю, что там судьба простая и ясная — спасибо, что дали прожить лето; о дальнейшем мечтать не надо, тем более, что если ничто не изменится, то все равно придется отсюда удаляться куда-нибудь. На западе нового немного; мир, предлагаемый Австрией, рискует повиснуть в воздухе, и война будет еще продолжаться. Из Казани антисоветские силы вывезли все золото[49] — 675 миллионов; по моим расчетам, это составляет более половины наличных, и, если прибавить 200 миллионов, отданных немцам, то у советов не более 300 миллионов.

8/21 сентября. Рождество Богородицы, и мы занимаемся в Музее; это плод нового режима; жиды же сегодня, в субботу, гуляют; такова справедливость нынешнего дня. Волна ужасов докатилась до Загранья. Во вторник 4/17 арестовали Лену Репман, которую под прямым влиянием пресловутого Бесовского Смирнова как военного комиссара, объявили контрреволюционеркой, отправили в Красный Холм с издевательствами и стращают расстрелом, гоняя на принудительные работы рыть картофель. Когда это случилось, Нина сейчас же поехала в Москву и, слава Богу, вчера прибыла благополучно, принявшись сейчас же хлопотать по делам Лены. Между прочим, для этой цели я посетил сегодня моего кузена, большевика С. С. Кривцова[50], который любезно взял поручительство и по Лене и по Ляле. Он был важен, исполнен достоинства и журил профессоров Университета за то, что они не хотят мириться с «нынешним начальством». Прилагаю последнее письмо Нины из Загранья[51] как материал для суждения о тамошних настроениях в последние дни нашего там житья.

9/22 — 13/26 сентября. Вторая поездка в Новгород. Что за ужас ездить по железным дорогам. Вот моя одиссея. Я выехал из дома в 6 часов вечера 9 сентября. На Николаевском вокзале я долго сидел у кассы на своем чемодане в ожидании выдачи билетов; на скорый поезд, отходящий в 9 часов, меня не пустили; это — поезд привилегированных советской республики, поезд новых буржуев и патрициев демократии. Выдали билет на ускоренный поезд, выходящий в 10 часов вечера. Чтобы попасть в вагон, т.е. даже чтобы выйти на платформу, установлена очередь; я занял место в конце, который был около входной двери; очередь медленно двигалась; когда я добрался до вагона 2 класса, то мне удалось занять место в купе, в котором уже сидело 10 человек; я был 11-м потом набился и коридор; в этом состоянии мы ехали всю дорогу; то же самое было и на обратном пути.

Я не могу сказать, чтобы публика была злой и друг другу неприятной; напротив, и туда и обратно все люди, скученные в купе, были взаимно расположены, кротки и предупредительны; господствовал оттенок грустной насмешки относительно положения вещей; на обратном пути стонали только некоторые, потому что была забита народом уборная, в которую доступ был совершенно прегражден; да еще тяжко было от недостатка воздуха; когда ехали туда, то окно открывали на стоянках; на обратном пути открыли щелку, пока не запротестовали русские люди, ненавидящие свежий воздух. Ускоренный поезд добрался прилично до Твери, но затем прицепили товарный паровоз, с которым до Вишеры[52] мы опоздали на 2 часа. Одно время я даже боялся, что мы к 2 часам опоздаем в Чудово. Из Чудова до Новгорода я ехал в 4-м классе, совершенно пустом, так что я мог отоспаться за бессонную ночь; точно так же и возвращение до Чудова было отличным — я вторично ехал по Волхову; погода была вполне удовлетворительной, и я опять любовался широкой и полноводной рекой и ее интересными берегами.

Моей задачей в Новгороде было освободить брата; я достиг этого, и притом скоро и без большого труда; очевидно, психологический момент настал. В Чрезвычайной комиссии я довольно скоро добрался до ее начальника, т.е. председателя, который принял от меня прошение и предложил достать ему справку о «политической благонадежности» брата. Я обратился к комиссару дивизии, к которому он меня послал, который, в свою очередь, адресовал меня к уже известному мне с первой поездки губернскому комиссару Макарову; очень характерно, что комиссар дивизии, простой рабочий в косоворотке, говорил — «моя дивизия»; хоть я и не офицер, но мне было больно и обидно слушать, как он это изрекал. Макаров был так же любезен, как и в первый раз, и обещал переговорить с председателем Ч.К.; этот раз-

говор решил дело. Не менее характерно, что выяснилось, что прежний состав Новгородской Ч.К. — товарищи Василит и Ватинь [?] — обвиняются в разграблении какого-то из Лифляндских казначейств при эвакуации тамошнего края.

В среду 12-го/25-го брата выпустили, причем Макаров передал чрез меня совет — уехать из Новгорода; завтра ждем его в Москве. Жизнь его действительно была в опасности и сохранилась только по случайности, о которой писал мне Бок. Обстановка расстрела была ужасающей; соузников брата вывели в поле и расстреливали, как рябчиков, а одного, не убитого сразу, добивали в упор; убийцами были мальчишки-красногвардейцы, а распоряжался — бывший кавалерийский полковник Ниман, или Нейман; таковы нравы Совдепии.

Между дела я опять бродил по чудесному Новгороду; был кое-где в церквах и в местах, в которых ранее мне быть не доводилось; я уехал под тем же впечатлением очарования, как и в первый раз.

15/28 сентября. В Музее все по-старому; ходил в Комиссариат Народного Просвещения добывать охранную грамоту на квартиру и на библиотеку; меня за первой послали к Скаткину, секретарю Покровского; случайно встретив последнего, я ему рассказал цель своего посещения; он мне ответил: «Чем больше мы даем таких свидетельств, тем менее они имеют силы». Вот как говорят те, которые считают себя владыками. Был я еще у Fichelle, который мне сообщил удивительные вещи о победах союзников на Балканах, в Палестине и во Франции; союзники нашли, наконец, средство против немцев; французы спаяли своих союзников, и Фош стал противником Гинденбурга и Людендорфа[53]. Несчастные презренные русские: пир был готов, но званые оказались не достойными его.

16/29 сентября. Большевистские газеты все-таки пропечатали вчерашнее французское радио, за исключением ответа Franchet d'Esperey[54]; дело заварилось не на шутку, во что оно только отольется? Заседание старого бедного комитета Музея 12-го года: решали, что делать дальше, т.к. большевики желают имущество Музея перевести из одних помещений в другие; судьба комитета и самого Музея находится в руках г-жи Троцкой, Грабаря и какого-то невозможного Ятманова[55]; жаль было смотреть на сонм бывших генералов и сановников, членов комитета: кн. Одоевский-Маслов в скверном пиджаке, кн. Щербатов в рваном френче, ободранные генералы Афанасьев, Петров, Яковлев, Воронцов-Вельяминов; А. А. Бахрушин в поддевке и косоворотке и т.д. — бывшие люди и бывшее дело[56].

17/30 сентября. Сегодня ночью арестовали Кизеветтера; в 10 часов начался обыск; в 3 часа ночи увезли его, жену, дочь и падчерицу; ареста его следовало давно ожидать; я удивлялся его спокойствию. Факультетское заседание: рассуждали об исполнении декрета касательно организации проверки знаний для неучей; было и смешно и грустно: ну как проверять знания невежд? А все-таки, во имя сохранения университетских кадров от слепого и дикого разгрома, надо рассуждать и вести переговоры, без надежды отстоять что-либо разумное[57]. В городе преувеличенные разговоры об успехах союзников; многие считают, что немцы уже уничтожены; но это глубочайшее заблуждение.

18 сентября/1 октября. События на западе и на Балканах принимают оборот головокружительный; на французском фронте — прорыв за прорывом; теперь началось очищение Бельгии; в Германии какое-то замешательство — большевики уже учитывают там революцию, но, конечно, это пока лишь воображение; тем не менее, крепость нервов, кажется, начинает изменять немцам, и как бы преимущество не оказалось на стороне западных народов: какая дикая самоуверенность была у немцев, когда они в 1914 году зажгли мировой пожар; отрадно то, что хоть и мы погибли, но, может быть, и немцам придется плохо.

Совет Университета единогласно решил выручать Кизеветтера; в комиссариат ездили Яковлев и Егоров; оказывается, что сам Покровский делал шаги к его освобождению, но последнее не так легко: Кизеветтеру ставят в вину принадлежность к центральному комитету партии и сулят концентрационный лагерь; родных его арестовали за «оскорбление» тех, кто произвел обыск; быть может, все это связывается с предполагаемыми изменениями политической конъюнктуры и с приписываемым по слухам немцам и кадетам вместе стремлением, совместно действуя из Украины, свалить большевиков. Я в это не верю, но факт преследования кадетов в усиленном масштабе налицо; быть может, оттого арестована и Бочкарева. Лену Репман выпустили из Краснохолмской тюрьмы, но подробностей мы пока не имеем.

19 сентября/2 октября. Хлопочем о К[изеветтере]; положение его сериозно; сегодня была забота о библиотеке, т.к. можно бояться расхищения. Было заседание по устройству архивных курсов[58]; мысль, сама по себе, правильная: желательно, чтобы она была приведена в исполнение, но где найти достаточно сил душевных, чтобы предаться этому делу так, как это было бы нужно? На западе и на ближнем востоке союзники, по-прежнему, идут от успеха к успеху. В Бельгии взяты Roulers, Menin; южнее — Cambrai, St. Quentin; в Шампани фран-

цузы и американцы идут на север. Что-то трещит у немцев; на Балканах очищено[?] около 1/3 Сербии; освободители подходят к Ускюбу[59]; в Палестине взято в плен 50 000 турок. Я не знаю, какой корешок нашли союзники против немцев, но что-то они нашли — технику ли, большую ли крепость нервов или иное что, но факт, что на 5-м году, без России, перевес переходит на их стороны. Все это сулит неисчислимые перемены в будущем, повороты самые неожиданные и коренные, притом такие, которые будут совершенно противоречить тому, что ждут люди, считающие себя самыми дальновидными.

20 сентября/3 октября. На западе и на Балканах дальнейшее развитие тех же событий. Начал хождение по шубам; обнадеживают у Белкина[60], что часть шуб выдадут. Странное чувство овладевает мною, когда я хожу по московским улицам, — чувство общей смерти, прекращения всякой жизни, безвозвратного и бесповоротного; от этого чувства я отхожу, только когда я сижу или дома, или в еще не слишком разгромленной квартире, или же в Музее. Вава Варсонофьева вернулась из Заграньи и находит, что жить там еще возможно; брат приехал из Новгорода и собирается в Загранье на неопределенное время.

21 сентября/4 октября. Внезапная тревога — на сегодня нас вызывают на вторичную ревизию и потрошение сэфа у Юнкера; между прочим, помещение реквизировано Государственной комиссией погашения долгов[61] — интересно, какие долги она погашает теперь, когда все аннулировали; поэтому кладовые торопятся вычистить; надо поэтому ожидать радикального разрешения вопроса о сэфе. Положение К[изеветтера] не улучшается. Характерно, что лица, власть имущие, к которым обращались, отклоняют от себя вмешательство в это дело, т.к. оно в руках учреждения самого высокого и самого властного. На западе немцы сдали без боя Armentières и Lens, который они так успешно и так отчаянно защищали в течение двух лет; в Бельгии англо-бельгийцы идут веером: если это движение продолжится, то немцам надо будет очистить Лилль и Остенде.

23 сентября/6 октября. Вчера мы употребили целый день на то, чтобы выпотрошить свой стальной ящик, а также ящик брата. Ждали три с половиной часа; затем у нас отобрали вещи, свыше 48 золотников, и переписали все бумаги с переводом их на хранение в народный банк Р.С.Ф.С.Р. Товарищи были вежливы, но и только. У меня было радостное чувство, когда вся эта церемония кончилась; эта загвоздка, заноза, сидевшая 10 месяцев и причинявшая боль, вытащена. За сейф, который перестал быть таковым, нас больше не держат; одним якорем в жизни меньше — это имеет свою прелесть. Вечером того же дня новая напасть. Получилось известие, конечно, окольным путем, что в Москве получена телеграмма, что кто-то желает, чтобы я был арестован. Сегодня узнали одну подробность — за контрреволюционную пропаганду на даче. Надо думать, что дело это стоит в какой-то связи с делом Лены Репман и с объявлением Запрудья и Горы контрреволюционными. Кому-то понадобилось и нас припутать к этому делу; этого достаточно, чтобы отравить существование на целых недели две, если не больше. Решили, чтобы мне дома не ночевать; сейчас второй вечер, что я скитаюсь; и противно, и время тратится непроизвольно, а между тем, завтра нужно начинать лекции; вот тут и изворачивайся! Сколько времени придется так скитаться?

Известия с запада по-прежнему хорошие; кроме того, известие, что Германия соглашается на условия союзников; на этом многие строят преувеличенные надежды, но я их не разделяю.

24 сентября/7 октября. Сегодня выяснилось, что пресловутая телеграмма была адресована самому Троцкому; вероятно, ее автором был Смирнов из Бесова. Ход мысли его мне понятен: сначала зацепил Лену, потом целиком распространил свое обвинение в контрреволюции на нас, и в частности на меня как на главу семьи, и, будучи военным комиссаром, ахнул народному комиссару по военным делам. Когда я все это узнал, то я пошел к Н. И. Троцкой, ныне председательнице Коллегии по делам музеев, и рассказал ей это дело. Она была со мной любезна и обещала оказать нужное содействие. Так, более или менее, ликвидирован третий обух: первый — арест Ляльки, второй — арест Лены и отъезд Нины, а третий — телеграмма. Будем ждать, что будет далее. Во всяком случае, буду жить дома. Была сделана сегодня попытка начать лекции в Университете; в 10 утра были там С. А. Котляревский и И. А. Покровский, математик приват-доцент Некрасов, Н. И. Новосадский и я — ни у кого лекции не состоялось; читал позднее только один Познышев на юридическом факультете[62]; у остальных ни у кого лекции не состоялись; хорошее начало семестра в обновленном университете.

25 сентября/8 октября. День без особых впечатлений. На западе опять успехи: освобожден от обстрела Реймс после четырех лет разрушения. В Москве бездна слухов, один неосновательнее другого. Видел человека, приехавшего из Казани: 5-го августа 800 человек заняли город; от них бежали несколько тысяч красноармейцев; они организовали народную

армию, достигшую 8 000; принудительная мобилизация проходила плохо, мобилизуемые разбегались. Они вывезли все и, главное, золото; и когда они увидели, что против них сосредоточены силы, с которыми они не могли справиться, то они ушли. За ними ушла вся буржуазия, буржуа вернулись большей частью из Лаишева и Чистополя[63], между тем как чехо-словаки, белогвардейцы и народная армия ушли дальше. Квартиры вернувшихся буржуев были конфискованы. Такова история Казани в пересказе очевидца.

27 сентября/10 октября. Наиболее выдающимся явлением за эти два дня был декрет о переизбрании всех профессоров, прослуживших более 10-ти лет в одном высшем учебном заведении или имеющих 15 лет педагогической деятельности в совокупности[64]. Итак, с 1-го января, среди учебного года, мы выгнаны: кто и как будет дочитывать наши курсы, остается неизвестным; кто нас будет переизбирать под видом «всероссийского конкурса», также пока неизвестно. Возможность дальнейшего преподавания поставлена в зависимость от каких-то неизвестных сил, однако сил заведомо нам враждебных. Те из товарищей, с которыми мне приходилось говорить вчера и сегодня, относятся ко всему этому скорее иронически — ведь придется переизбирать около 9/10 всего университетского персонала; многие, кроме того, думают, что что-то до 1-го января переменится.

Я отношусь хладнокровно, с тем грустным и равнодушным скептицизмом относительно благих результатов большевицких мероприятий, какой в последнее время не оставляет меня. Быть может, это облегчит отъезд из Москвы; заставит насильно разрубить узел, который добровольно никогда не разрубишь сам; с другой стороны, перерыв заработка среди года может поставить в безвыходное материальное положение и сделать самый отъезд невозможным. Что же — будем фаталистами. Пожалуй, так и лучше и спокойнее.

А на западе опять союзники шарахнули немцев между St. Quentin и Cambrai. Досужие москвичи уже вчера уверяли, что заключено перемирие и что скоро все переменится. Старая сплетница Москва остается верной себе; слухи родятся и сменяют один другой; то подписывают перемирие, то вводят в Россию международную оккупационную армию на 5 лет; но все это не подтверждается и, думается мне, еще долго не подтвердится. Сегодня я начал лекции на курсах; аудитория в 25—30 человек; на 2-м часе больше; преимущественно старые слушательницы; внимательное отношение — у них еще есть наивная вера в то, что в России можно учиться.

28 сентября/11 октября. Новый декрет о высшей школе: 1. все учебные занятия должны начинаться с 5-ти дня, чтобы дать возможность заниматься трудящимся; как это совместить с занятиями лабораторными и клиническими, это поистине непостижимо; объясняется все только чистой демагогией, и только. Реагируют на декреты одни смехом, другие безнадежным равнодушием. На западе новые успехи; ответ Вильсона требует увода германских войск с занятых территорий, прежде чем говорить о мире.

29 сентября/12 октября. Сегодня в Музее меня посетил заведующий следственной частью в Ч.К., товарищ Р[оманов], и просил им помочь найти инструкции или правила для жандармов, чтобы правила эти, видоизменив, приложить к теперешнему хаосу, особенно чувствуемому в иногородних чрезвычайных комиссиях. Дальше идти нельзя. Приехал Avenard, прожив 2 месяца в Костромской губернии, и сам высказал мысль, что французским социалистам типа Longuet[65] надо было бы приехать сюда и воочию убедиться в том, к чему приводит социалистический опыт. На западе блестящее наступление англо-французов идет по-прежнему; хочется выпить, даже нарезаться за здоровье Фоша.

30 сентября/13 октября. Письмо от Алексея: в Загранье все арестованы; кругом жгут; в Загранье сожгли овин; запрещено выезжать в город за кем-либо из нас; просит предупредить брата, чтобы обождал, не приезжал, иначе его арестуют. Приходится обо всем этом его уведомить, чтобы ему не попасться; самому же мне спасать его не приходится: письмо Алексея Ив[анова] вполне вскрывает ту обстановку, при которой было послано товарищу Троцкому предложение о моем аресте. Прекрасный день; ездили на кладбище и были на новоселье у Курдюмовых на Ярославском вокзале.

2/15 октября. Всеобщее чувство, что назревает мир; я не думаю, однако, чтобы это настало очень скоро; однако, в зависимости от надежд на мир, во многих оживились и другие надежды. Конечно, одно из двух: или весь мир должен стать большевицким, или же мы должны жить, как все. Победившая сторона примется за нас, быть может, даже вместе с побежденными; как странно думать, что побежденными, в конечном счете побежденными, оказались немцы, и как прав был Avenard, говоривший весною, в самые трудные минуты последнего германского наступления: «Attendez la réplique de Foch». Réplique превратилась в ту настоящую revanche[66], о которой полвека грезили французы. Сегодня дальнейшие успехи — Douai, La Fére взяты. Немцы продолжают отступать. Обсуждали в двух факультетах — Университета и Высших Женских Курсов, как быть с занятиями; лекции превратили в 30-минутные и уложили все в промежуток между 5 и 10. Впрочем, все равно из занятий, надо думать, ничего не выйдет. Вчера я радовался, что оказалось возможным вызволить эмалевую табакерку, реквизированную из сейфа.

3/16 октября. Успехи и на западе и на Балканах продолжаются; немцы выгнаны из Ниша и Митровицы; оставлен Laon и громадная площадь вокруг этого города. Мое буржуазное сердце только и живет славой старых народов запада, которые наши богоносцы считали выродками. Читал положение о единой трудовой школе[67]; какая смесь лицемерия, глупости, фантастики и сознательной злобы!

4/17 октября. Выручили шубы; перевели Нину в 3-ю категорию из 4-й; я перейду, вероятно, во 2-ю[68] — вот 3 обывательских радости, которые я сегодня пережил. Это характерно для переживаемого времени. В Загранье опять арестовали Лену. По декрету о перевыборах профессоров из 100 членов совета остается 9; вновь вошли в состав совета 162 человека; из них выбывают в свою очередь 80 — таково обновление совета; та же история будет и на Высших Женских Курсах; и грустно и смешно. О войне сегодня мало известий; только более подробное донесение о победе в Бельгии, давшей союзникам Roulers, да еще ответ Вильсона на немецкий ответ: он суров и требует, чтобы немцы, прежде чем мириться, перестали делать безобразия.

5/18 октября. Успехи в Бельгии продолжаются. Здесь чего-то ждут с юга, но чего, положительно никому толком не известно, кроме, может быть, посвященных. Шубы привезли домой.

6/19 октября. Сегодня очередь Лилля и Остенде; нажим на немцев идет своим чередом. Здесь усиливается тревога; что грозит властям, я не знаю, но что-то надвигается с юга; если все это опять кончится ничем, то это будет более, чем глупо. На Высшие Женские Курсы большевики назначают комиссара — не доставало еще этого; впрочем, это должно быть вознаграждено — переименованием в университет.

7/20 октября. Очищены Брюгге, Зеебрюгге, Roubaix и Douai; долголетние стремления Германии к Pas de Calais, вообще к морю около Англии, канут на долгие годы, быть может, навсегда. Союзники требуют на будущем конгрессе представителя единой России; в Украйне перемена в ориентации от Германии на союзников; совещание бывших членов Государственной Думы в Киеве решает, что будущая Россия будет конституционной монархией; все это я вычитал сегодня из «Известий В.Ц.И.К.»[69]; выходит, что дело подходит к 5-му акту Макбета; скоро, может быть, Бэрнамский лес поднимется и пойдет со своего места. Но иллюзий себе делать не надо — все это будет еще не скоро и перестрадать придется немало.

8/21 октября. Смутные разговоры и смутные надежды; неисправимых оптимистов все-таки еще остается достаточно. Сегодня возобновили действие compréhension réciproque; настроение было бодрое; решили работать на будущее. Начали заниматься в Университете по вечерам; чувство всеобщей бестолковости; народу топчется немало, но все производят впечатление, что они не знают, чего хотят.

9/22 октября. Очищены Куртре, Tourcoing; нажим продолжается; даже из «Известий» видно, что Австрия валится, а немцы идут на переговоры с Вильсоном, несмотря на суровый тон его нот. В Университете сегодня более благоприятное впечатление от занятий, хотя все-таки остается мысль, что профессоров больше, чем студентов[70].

10/23 октября. Продвижение продолжается на западе, хотя сегодня в меньшей степени; но немецкий ответ Вильсону делает, на мой взгляд, дальнейшие переговоры возможными. Странную речь произнес Ленин в ЦИК'е: с одной стороны, говорил он, мы трещим, с другой — мы победим с помощью германских и болгарских товарищей; что это, сознательный обман или бессознательное самообольщение? Однако, одним дышит эта речь: беспросветной немецкой ориентацией; для Ленина Германия остается пупом земли, если не империалистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что все та же Германия — на этот раз большевистская — решит судьбу мира[71].

11/24 октября. Сегодня опять арестован брат в военном комиссариате. Я думаю, что его желание получить заграничный паспорт шло слишком вразрез с приказом, только что вывешенным на улицах и призывающим всех, или почти всех, офицеров до 40-летнего возраста. Опять полоса беспокойств и волнений. Я много думаю о том, что в действительности случилось в Германии и чем объяснить ее break-down[72], что-то в ней рухнуло внутри; быть может, здесь есть косвенное влияние русской революции: Германия зажгла ее, а теперь, когда она сама стала испытывать на себе тяжести поражений, тот дух, который она насадила у соседей, стал отзываться и на ней. Немцы от напряжения войны пострадали более, чем все другие, за исключением одной Франции, но разница между Францией и Германией та, что Германия,

сама уже утомленная, лишилась всех своих союзников, а к обессиленной Франции могучие союзные силы все прибавлялись. Я забыл отметить, что уже несколько дней, как, незаметно для нас, ликвидировалось Загранье. Дом опечатан; какой-то инструктор сказал, что мы можем туда не возвращаться, т.к. мы имеем квартиру в Москве. Откровенно сказать, меня это не тронуло; хочется не жизни в Загранье, а чего-то другого — отъезда куда-то далеко.

15/28 октября. Три дня я не вел записи, потому что опять явился ряд недоумений, вопросов и осложнений. В пятницу 12/25 брат отправился в военно-окружной комиссариат просить свидетельства о неимении препятствий к выезду за границу, но был там задержан, причем ему предъявили ту самую телеграмму, которую послал Федор Александров с Мокей Горы; его отпустили через сутки, но в выдаче пропуска отказали; ему был произведен допрос, как касательно его, так и обо мне. Таким образом, встал вновь вопрос о неприятностях, которые мне могут угрожать. Ясно, что телеграмма из центрального комиссариата была передана в окружной комиссариат и пока там остается. Посоветовавшись со сведущими людьми, я пошел поговорить об этом деле с товарищем Романовым, заведующим следственной частью иногороднего отдела В.Ч.К.

Я нашел его в его резиденции в Национале; в гостинице все на вид по-старому, но внизу стоят товарищи в военном костюме, с винтовками; другой товарищ, за особой конторкой, говоря с еврейским акцентом, дает приказания. Пройдя контроль, все обстоит свободно. Я нашел товарища Р. в его комнате, живущим с супругой; это очень любезный молодой человек с университетским образованием; говорят, что он идейный коммунист; но говорили мы с ним, как старые добрые знакомые прежнего времени; выслушав меня, он посоветовал мне «плюнуть и не волноваться», но вперед не забегать, т.к. иначе «можно на себя насплетничать», «мало ли бывает наветов». Его мнение оказалось таким же, как и мнение Н. И. Троцкой, — из этого дела не выйдет ничего особенного; вероятно, оно где-нибудь замрет, а если не замрет и меня побеспокоят помимо его, товарища Р., то тогда нужно сослаться на него и на других видных «коммунистов». По его мнению, если дело не замрет, то оно дойдет до его рук, а что касается его, то он это дело распорядится погасить. На этом я в настоящее время остановился и ожидаю событий.

В остальном дела без перемен; с одной стороны, гнут свое — национализуют торговлю; торговые улицы Москвы стали похожими на кладбище; все идет к общей социально-экономической смерти, среди пролеткультов, культурно-просветительных лекций, митингов и прочих попыток культурно-маниловских начинаний. Очень хороша нота Советского правительства Вильсону с вопросом о намерениях союзников касательно Совдепии: это удивительная смесь наивности и нахальства. Дело мира идет медленно, верно, но до русских дел еще далеко. А Фош, по-прежнему, гвоздит Гинденбурга.

16/29 октября. День без особых личных впечатлений. Приехал Леша Благовещенский и сообщил, что наш дом отводится под сельскохозяйственную школу; Лену Репман обвиняют в спекуляции; донос исходит от Аксиньи и работника Михаила (последнее было, впрочем, и летом). Ф[едор] Ал[ексан]дров явился к нам, вытянул у Алексея 40 рублей и на нашей лошади отправился в Сандово, чтобы дать не раз уже здесь помянутую телеграмму. Всюду ходит повальная испанская болезнь со смертельным исходом. К тому, что происходит в Загранье, я отношусь совершенно философски; мне все равно, ибо в условиях данного времени жизнь там все равно невозможна.

19 октября/1 ноября. Опять я не записывал, потому что была новая тревога. Опять арестован брат, и приходилось измышлять всякие ходы, чтобы его высвободить. Однако, через $1^1/_2$суток сидения в узилище, в доме Шамшина на Знаменке, его опять выпустили. Снова происходил допрос, снова его расспрашивали не столько о нем, сколько обо мне, о Сандове, о Сонкове, о наших деревенских отношениях и т. п. По-видимому, таково его впечатление, что следствие ведется о взрыве на Рыбинско-Бологовской железной дороге, который произошел недавно и был, по-видимому, очень сильным. Пресловутая телеграмма сумасшедшего Ф[едора] Ал[ександрова] навела на мысль о возможности нашего отношения к этому событию. Право, уж не знаешь, к какому делу слепая судьба не приплетет в наше время; если бы не трепались ненужным образом нервы, то было бы просто смешно. Ища всяких ходов, я случайно вчера встретился с Ф. А. Армандом, который предложил мне обратиться к знаменитой товарищу Инессе, его матери, а моему другу детства. Сначала мне этого не хотелось, но потом, вспомнив, что Not kennt kein Gebot, я решился; сегодня я получил от нее billet d'introduction к комиссару военного округа Муралову и любезное письмо, которое как документ здесь прилагаю[73].

Сегодня очень интересное сообщение в «Известиях» под заглавием «Заговор империалистов против Советской России», где говорится о предполагаемом почти что соглашении всех против большевизма. Я бы очень хотел знать, что это — ловкий прием, чтобы запугать одну часть читателей, или же под этим оповещением скрывается признание действительной опасности? Англичане дошли до Алеппо; вся Сирия и Месопотамия в их руках; французы в Герцеговине; на западе напор продолжается, но эти дни, как будто, менее силен.

20 октября/2 ноября. День с малым числом впечатлений; быть может, поэтому более останавливаешься на общих мыслях. Австрия так же разваливается, как и Россия; большевики кричат, что там социальная революция; этого еще далеко не видно; но что развал идет на национальной почве, это не подлежит сомнению. Я очень рад тому, что подлая клика действительных империалистов, свивших издавна гнездо в центральной Европе, — прусские юнкера, венские жидовские банкиры, австро-венгерские аристократы и т.д., наконец, военные партии обеих стран — Австрии и Германии, словом, все те, которые действительно затеяли войну, что именно они повержены в прах и уничтожаются. Поделом. Quem Jupiter perdere vult, dementat [prius][74]: немцы совершили 3 непоправимых ошибки: 1) начали войну, когда почти владели миром, 2) втравили в войну Америку, которая вовсе воевать не желала, и 3) посадили в России большевиков. Всем этим руководящие немецкие круги доказали, что за их самоуверенностью скрывалась величайшая степень истинно немецкой тупости, такой, до которой не доходил ни один из народов земного шара, и вот результат — гибель монархий руками главных европейских монархистов, гибель империализма руками главнейших европейских империалистов.

21 октября/3 ноября. Видел торжества открытия памятников: 1) не то Каляеву, не то Дантону и 2) Кольцову и Никитину. Первое происходило, или должно было произойти, в Александровском саду. Около какого-то бюста, еще задрапированного, ходил с важным видом официальный историк нынешнего времени Н. М. Лукин; потом подошли два оркестра, какие-то quasi[75] войска с красными плакатами и рабочие, тоже с плакатами, и еще человек 100—150 публики. Войска были предводимы молодым человеком верхом, в штатском и в широкополой шляпе; говорили, что это Смидович[76]; посмотрев все это, я ушел. На Театральной площади уже были открыты 2 жалких памятника народным поэтам. Около одного было пустое место, около другого — до 150 человек, уныло слушавших ораторов. Тот, которого я слышал, говорил заученные речи о страданиях голодного народа, воспетых поэтами, и о преступлениях помещиков, которые питались за счет народа; такова фальшь жизни. Потом я пошел навестить бедного К. А. Вилькена, который почти что умирает, не перенося благодеяний времени. Такова истина жизни. Днем ходили группы с плакатами в честь революции в Австрии; она официально провозглашена большевиками, но между их воззваниями и телеграммами, на которых они основаны, лежит целая пропасть.

22 октября/4 ноября. Арестовали С. Н. Василенко[77], человека, менее, чем кто-либо, способного к политическим деяниям и к политическому мышлению. Это, конечно, недоразумение, но чего это будет ему стоить! Получаем по полфунта конфет на карточку по случаю революционных празднеств.

23 октября/5 ноября. Москва готовится к революционной годовщине — эмблемы и украшения с кровожадными лозунгами; накопив кое-какого провианта, владыки выдают несколько усиленные порции сладостей, мяса, масла, точно заискивая или желая показать, что, когда мы хотим, то и миловать можем. На западе опять удар по немцам, и очень удачный; сербы, вместе с союзниками, заняли Белград[78]; Сербия вычищена в один месяц после 3-летнего угнетения; честь им и слава; Австрия, видимо, разваливается, но разваливается ли она так, как этого хотят большевики, этого ниоткуда не видно; между тем, истинного положения вещей не понять, живя впотьмах.

Сегодня получено письмо от Алексея, из которого видно, что Загранье ликвидировалось. Он сообщает, что все белье, даже то, которое у него, увезли «незнамо куда»; что, если мы приедем летом, то должны жить «на их квартире», и что хлебом он нас будет кормить, что он на нас очень обиделся, потому что мы его не обеспечили; письмо заканчивается извещением, что у них «комуна» и что вообще плохо. Надо думать, что это «незнамо куда», просто обозначает, что белье вывезено на Гору и что гг. Образцовы, видя что мы в данный момент ликвидируемся, предупредили совет и прибрали к рукам все, что было можно. Недовольство нами очень характерно для русской гориллы, которая останется жить в нашем доме, в наших вещах, пользуясь нашей коровой и нашей лошадью.

В общем случилось то, что я предвидел с весны 1917: русскую интеллигенцию выгнали из деревни, а в этом процессе очередь дошла и до нас; приходится с благодарностью вспомянуть, что все же лето 1918 года нам, не в пример большинству лиц, имевших деревенские резиденции, удалось прожить в Загранье. Лену Репман, по дошедшим известиям, собираются освободить, но Петр Смирнов из Бесова, один из главных местных деятелей, заявил: «Чтобы

Репман в волости не было». Маня решается, кажется, оставаться в Загранье, в маленьком доме, созерцая разгром всего своего достояния и не имея возможности теперь его оставить; думается, что и ее скоро выставят; лишних свидетелей не нужно.

24 октября/6 ноября. Очередное событие — разрыв дипломатических сношений между немцами и советской властью[79]; событие — чреватое последствиями, но я еще не могу себе отдать отчета, какими именно и когда они скажутся. Возможно буквально все; власти скрывают многое, а обыватель, как всегда, предается преждевременной радости. Во всяком случае, какие-то события последуют; я только боюсь, что нашей братии придется претерпеть немало. Нельзя себе представить, как разукрасили большевики Москву: в украшениях сказалась та удивительная смесь передовых политических и социальных идей с футуризмом, кубизмом и т.п.; вечером была своего рода пасхальная ночь: у Хр. Спасителя жгли фейерверк в течение около получаса; вероятно, жгли и какие-нибудь чучела; нам было противно, и мы не ходили туда, несмотря на близость.

25 октября/7 ноября. Москва празднует; я был только вечером на Тверской; погода прекрасная; говорят, что толпы были большие; город вечером был опять иллюминован; красные фонари были даже на Иване Великом. Il en a vu bien d'autre, ce brave vieux[80]. Толпа на Тверской была демократическая, черная, мастеровая, половинчатая — истинное олицетворение того, что захватило власть. Как всякая русская толпа, она была мрачна и скучна; на боковых улицах было темно и тихо, и даже флагов было немного. Газет нет; нет и известий, даже урезанных и искаженных; одни веселятся, другие скрывают, третьи ждут.

26 октября/8 ноября. Всеобщее напряженное ожидание, выражаемое толпами читающих стенные объявления-газеты «Роста», т.е. Российского телеграфного агентства. Недостаточность известий только возбуждает любопытство и разочаровывает. Ездил на именины свояка Мити Курдюмова на Ярославский вокзал и видел украшения в центре города. Я думаю, что каждый момент имеет свое отражение в искусстве. Украшения Москвы в октябре 1918 года превосходят по степени уродства все немецкое искусство довоенного времени, олицетворенное Лейпцигским памятником[81]; наиболее полное выражение нашего искусства — роспись лавчонок в Охотном Ряду, в котором гармонически смешались все «измы», которыми полна русская жизнь.

27 октября/9 ноября. Немцы порвали с советской властью. Значит ли это, что они сейчас что-нибудь предпримут? Я думаю, что нет. Это сделано, может быть, для того, чтобы скорее и лучше поладить с англо-франко-американцами; быть может, это предпосылка к тем переговорам, которые будут вести Эрцбергер и К°в ставке маршала Фоша[82]; между разрывом в России и вытекающими из него последствиями может пройти довольно долгий период, нежелательный для всех, но неизбежный. Это надо помнить всем русским легкомысленным оптимистам. Праздник в Москве еще не кончился: учреждения чисто советские продолжали сегодня праздновать. Наступление во Франции все еще продолжается, и если не будет перемирия, то союзники вытеснят немцев из Франции окончательно.

28 октября/10 ноября. Злобы сегодняшнего дня — дополнительное, опубликованное днем известие, что в Берлине власть перешла к какому-то совету и что тов. Иоффе вернули в Берлин[83]. Каков процент правды в этом известии, не дано знать нам; но взрыв в Германии сам по себе возможен, потому что отступление их на западе приняло катастрофический характер, который или указывает на такой взрыв, или его предсказывает. Всякий взрыв в Германии, в том или ином размере почти неизбежный, может быть только вреден для остатков русской буржуазии, для Украины, для всех антибольшевистских элементов в России; поэтому отдаленный момент отдыха и спокойствия отдаляется еще более. Но что бы ни вышло, что бы ни было с нами, если кому поделом встряска и даже возможная гибель — это германским принцам, юнкерам, банкирам и промышленникам, словом, тем, кого по справедливости надо называть мировыми империалистами. Выгонка из Франции и Бельгии, поездка на поклон к Фошу, суровые условия перемирия — все это только начало, быть может, великого искупления за величайшее в мировой истории преступление — войну, затеянную ими в 1914 году.

29 октября/11 ноября. Общее мнение то, что в Германии происходит не совсем то, что объявляют русские власти; новых известий почти нет: все отрывочно и смутно. Василенко выпустили без предъявления обвинения. Я получил сообщение от товарища М. К. Романова, что мне нечего тревожиться касательно телеграммы Фед[ора] Ал[ексан]дрова.

30 октября/12 ноября. Правдивых сведений мало; чтобы что-либо сказать о настоящем и что-либо предугадать в будущем, надо выждать некоторое время; я сейчас ничего не рисую себе сколько-нибудь точного и вероятного. Чем больше я думаю, тем более дивлюсь самоуверенности и глупости немцев, которые, погнавшись за победой над всем миром, погубили

и всю Европу, и самих себя; погубили с такой же глупостью, как Николай II — Россию и русских нереволюционеров. Для меня вопрос стоит так: дойдет ли в Германии до объявления войны принципу собственности или нет; если нет, то революция остановится; если да, то это — большевизм; политический порядок в сущности для нас безразличен, а если немецких государей по шапке, то мир от этого не потеряет ничего. Другой вопрос, как это отразится на победителях; но реальных данных о состоянии умов во Франции и Англии мы не знаем ровно ничего, и потому судить нельзя.

31 октября/13 ноября. Положение без особых перемен: перемирие заключено, но точных условий его я еще не знаю; кажется, они жестокие; быть может, здесь влияние Англии, которая с Вильгельмом так же жестока, как была в свое время с Наполеоном. Говорят, что князья мира сего не слишком ликуют; это значит, что они не уверены в обороте, который примет германская революция. Говорил я сегодня с Авенаром; он тоже боится, что и во Франции может возникнуть движение: суровые условия перемирия он считает ошибкой; лучше было бы примирить с собою Германию, чем восстанавливать ее против себя — французские социалисты, усиленные всеми недовольными от войны, будут, по его мнению, против тяжелых условий. Вообще данный момент необыкновенно важен и тревожен: будущее всей несчастной, старой, поруганной и разграбленной Европы заволоклось туманом, который не рассеется еще долго. А к нам, пожалуй, придут американцы; они очень мало пострадали, и у них еще наверное руки чешутся; да и business[84] в России можно сделать хорошую.

1/14 ноября. Ничего нового; большевики сами признают устами своих вождей, что о Германии они знают очень мало; известия смутны, и в них трудно разобраться. Немцев мне глубоко жаль; вот куда приводит ослепление национальной гордостью. Но до чего глупы все полетевшие стремглав немецкие государи! Жили бы себе мирно — наверное, их хватило бы еще на несколько столетий, а теперь — старухи с разбитым корытом. Большевики на радости уничтожили Брестский договор[85]; какие из этого вытекут последствия? На квартиру нам еще набавили: теперь мы платим 600 рублей в месяц; я думаю, что долго мы не в состоянии будем жить на этой квартире.

2/15 ноября. Большевики по-прежнему недовольны германской революцией; это — единственный объективный признак, по которому мы можем судить о ее течении. Очередная бомба — вопрос о выселении с квартиры, который в 3-й раз встает перед нами. Военный контроль, или контрразведка, пронизавшая наш дом подобно раковой опухоли, желает еще распространиться и забрать весь наш передний корпус. На этот раз Нине и мне кажется, что придется уступить и переселяться в Музейскую мурью; жалко этой квартиры, которую мы себе выбрали и любили, но теперь, все равно, старая жизнь невозможна, и потому переезд на бивуак в 3 комнаты будет новым шагом по пути облегчения от всех приверженностей к вещам, к комфорту и т.п. Умер К. А. Вилькен; из людей, близких к моим родителям, остались в Москве только Ю. Е. Вилькен и Ар. Евг. Арманд, которым вместе 150 лет, да еще в Харькове М. М. Черкасская и Л. Н. Красильникова, которым вместе столько же.

3/16 ноября. В «Известиях» напечатаны очень интересные сведения «из киевских газет» о всех замыслах союзников против большевиков. Я не совсем отдаю себе отчет, зачем это напечатано, — объяснений может быть много, но которое правильно, я не знаю. Очередная бомба — история в Музее: несколько дураков — разновидности русских дурней: упрямый и тупой белорусский осел смотритель Никитин, болван с демагогическими приемами регистратор Солодков, квазимодо делопроизводитель канцелярии Козлов и, наконец, прекраснодушный антропософ Петровский — задумали сваливать Стратонитского[86] и даже князя, при помощи служителей; придется пожертвовать первым, чтобы спасти положение. Вопрос о выселении остается открытым и решится на будущей неделе.

5/18 ноября. Вчера и сегодня почти не был дома; Вилькенские похороны, поход в Марьину Рощу, чтобы застать Лерика Веселаго, и сегодня поход на Введенские Горы[87]. Оказывается, что теперь и умирать неудобно: на иноверческом кладбище, которое всегда было организовано лучше всех, могильщики не хоронят более 7-ми покойников в день и не хоронят ранее часа дня. Когда хоронили К. А. Вилькена, могила была недорыта, и гроб пришлось поднимать опять на землю; крест, приготовленный заранее, потеряли и были грубы и недовольны; типичное проявление русской революции. Общее положение мутно; слухи иссякают, и ими продолжают жить обыватели; из-за границы вестей никаких; кажется, разрастаются крестьянские волнения, подавляемые в каждом отдельном случае, но вновь вспыхивающие в других местах.

6/19 ноября. Молчание в газетах; слухи все те же; чего-нибудь верного не определишь. В более узком круге дел — день без особых впечатлений.

8/21 ноября. Известий почти нет; слухи распространяются тем охотнее; говорят о приб-

лижении эскадры союзников к Петербургу; сегодня говорили, что Петербург уже взят; я этому, конечно, не придаю веры. Сегодня я был в «городе» и пришел в ужас от вида Никольской и Ильинки — все закрыто, люди еле бродят, не то чума, не то большой праздник; кое-где сбивают вывески, напоминающие о господстве буржуев в торговле и промышленности. Вопрос о нашем выселении с квартиры вчера, как будто, обострился; но ордера пока нет; стараемся принять все возможные меры, чтобы удержаться или же чтобы обеспечить себе переход в Музейские владения. Большевики, озабоченные сбором 10-миллионного налога, объявили о том, что каждый обязан показать все, что он имеет, — до наличных денег, хранимых на дому, включительно; но овцу можно стричь только тогда, если шерсть у нее отросла, а не гладко обритую, как те русские, которые прежде имели средства.

9/22 ноября. Вопрос о нашем выселении не подвинулся, за исключением разве лишь того, что я прилагаю старания обеспечить себе на территории Румянцевского Музея какой-нибудь угол; я, кажется, нашел его в квартире, отведенной под рукописи и архивы. Общие известия по-прежнему смутны; обращает внимание только известие о перестрелке между финляндским фортом Ино[88] и «русским» флотом, если сопоставить его с известиями о появлении союзной эскадры в Финском заливе. Более чем когда-либо чувствуется всеобщее утомление и всеобщее со стороны цивилизованных русских людей страстное желание, чтобы миновало лихолетие. Чем дальше, тем тяжелее и тем меньше терпения.

11/24 ноября. Вопрос о нашем выселении, по-видимому, откладывается; вчера наш пархатейший председатель домового комитета сообщил об этом нашим жильцам; но его слова — это песок морской. Общие сведения по-прежнему смутны. Сегодня воскресенье, просидел дома и впечатлений испытал очень мало; было приятно отдохнуть в своей скорлупе.

12/25 ноября. Слухи, слухи и слухи; в них, кажется, можно уловить только одно, что флот союзников, возможно, появился в Балтийском море. В Москве скучно, мертво, становится все голоднее; день прошел, как все прошлые и будущие.

13/26 ноября. Одна из величайших несправедливостей заключается в том, что М. М. Петрово-Соловово, домовладелицу, живущую в этом доме, быть может, лет 50, выселяют в 2 дня, и ей некуда приклонить голову. А между тем, факт этот в наше время случается сплошь и рядом. По новейшим сведениям, которые сейчас сообщил кн. Урусов, М. М. Петрово-Соловово хотят вселить к нам, на обмен Разореновых. В общем положении такая же муть, как и ранее.

14/27 ноября. Буча дома успокаивается, и пока никаких переселений и перемен у нас не будет. Определенных известий никаких. Все более и более чувствуешь гнет от отсутствия известий и от жизни подобно кротам.

15/28 ноября. Перемен нет; однако кто-то взял у совдепистов Лиски[89]. Воронеж объявлен на осадном положении и эвакуируется. Был в бюро по сейфам и видел там зерцало, в которое, на место классических указов Петра, был вставлен портрет Троцкого; кто из большевиков был на других двух сторонах, не знаю. В Музее опять брожение среди служителей: теперь желают уплотнять служащих, имеющих там квартиры.

16/29 ноября. Что-то готовится, где и как, мы не знаем ничего; но борьба будет, причем те, кто теперь владеет Россией, пустят в ход все доступные им средства. Сегодня я слышал об одном из комиссаров Кремля, эстонце Веймане, что он целых полтора месяца был в тайной командировке в Германии, для того чтобы вести там коммунистическую пропаганду; вот на что они идут; дураки те, кто в свое время их поддерживал.

17/30 ноября. Слышал из достоверных источников о том, что они готовятся к обмену или штемпелеванию денег, причем будут обменивать только в таком количестве, которое заявлено в сведениях, кем-[то] подаваемых. Это отличный способ выйти из затруднений и сразу уничтожить громадное количество денег. Пишут о появлении союзной эскадры в Черном море; но срок не указан; вероятно, это произошло уже давно.

18 ноября/1 декабря. Ездили в Пушкино хоронить моего двоюродного брата и друга детства и юности Володю Репмана, умершего 47-ми лет от прогрессивного паралича. Его жизнь была полна ошибок; последние 10 лет он постепенно разрушался, а смерть была избавлением и для него и для всех его близких. Его похоронили по-православному, отпели в Пушкинской сельской церкви и похоронили на Пушкинском кладбище. Его отец притулился по смерти [жены] к семье Готье; он тоже паразитически жил и паразитически упокоился при семье Армандов, в которую вошел своей женитьбой, как его отец вошел в семью Готье. На похоронах, при дневном свете, я видел кое-кого из семьи Арманд, с которой когда-то дружили мои родители. Бедные старики, последние сверстники и друзья отца — все они смотрят в могилу, и Ар. Евг. Арманд говорил сегодня, что все они, старики, обязательно уйдут этой зимой. Контрастом этой великой грусти был зимний славный денек с порошей. Вчера мне пришлось

читать киевские газеты от прошлого воскресенья. От них веет чем-то живым, хотя, вчитываясь в них, нельзя не утвердиться в моем давнишнем убеждении, что скорого конца нашим страданиям ждать нельзя, а восстание идиота Петлюры[90], конечно, способно только задержать дело. Дело выяснится в 1919 году; дай Бог, чтобы от нас не остались только рожки да ножки.

19 ноября/2 декабря. Перемен нет; все так их, однако, хотят, что непременно требуют, чтобы они были скоро; отсюда новые и новые слухи, которые не смолкают ни на минуту, ни на день, но которых нельзя принимать всерьез. Общее положение таково, что победители будут должны заняться полицией мира, и есть много данных за то, что все дело кончится не триумфом русских большевиков, а возвращением к порядку волею культурных стран запада; однако на это нужно время и время. Получили письмо от Лены Репман; она пишет что у нас понемногу все расхищают. Кисмет![?] Тем более, что возвращаться в Загранье ни Нине ни мне не хочется. Умер С. А. Белокуров. Для Архива Иностранных Дел и Общества истории и древностей, где он был всем, это невознаградимая потеря. Это был умный и крупный человек в нашем мире ничтожества; велики были и его недостатки — завистливость, мстительность, властолюбие; но они уравновешивались добросовестностью, преданностью своему делу и в особенности той гибкой стойкостью, которую он обнаружил в последний год, когда он спас Архив и всех служащих, не поступаясь собственным достоинством. Это 8-я смерть за один месяц. Испанская болезнь, общий упадок, от которого страдают все, плохое питание и холод делают свое дело. Москва не только разбегается, но и вымирает.

21 ноября/4 декабря. Введение, но буднее: в Музее пришлось работать, но на Высших Женских Курсах я отменил семинарий; уж очень непривычно и очень не хотелось мне заниматься. Был сегодня в последний раз в «сифилитическом» банке Р.С.Ф.С.Р.; вместо своих бумаг я получил одну квитанцию. Пролетаризация идет все далее и далее. Слухи все те же. Положительных известий никаких.

22 ноября/5 декабря. Слухи не умолкают; но все только слухи; нового за сегодняшний день мало. Меня очень интересует вопрос: что нам, профессорам, после первого января велят — оставаться на своих местах до перевыбора или же запретят подходить к Университету и Высшим Женским Курсам на пушечный выстрел? Они одинаково способны и на то и на другое.

23 ноября/6 декабря. Положение без перемен, но слухи не умолкают, а, наоборот, все крепнут и крепнут; быть может, впрочем, это мне кажется, потому что, логически рассуждая, или весь мир должен стать большевицким или же мы должны жить, как живет весь мир; а так как последнее вероятнее, то и кажется, что избавление придет скоро.

Я был приглашен на собрание, заседание или совещание в Народный Комиссариат по просвещению, касавшееся организации кинематографического дела в России, точнее, в Совдепии; это стоит в связи с мыслью создать кинематографическую картину «История русского освободительного движения», по поводу которой я являюсь чем-то вроде эксперта или консультанта в Обществе «Нептун». Я прежде всего увидел на этом собрании товарища Луначарского. Довольно изящный господин с развязными, хлыщеватыми манерами; хороший диалектик; он вел заседание, я должен сказать, талантливо и шел к ясно сознаваемой цели, несмотря на противодействие товарищей более низкой пробы. По сравнению с окружающими «товарищами» Луначарский был, несомненно, много выше, и эта давнишняя привычка вращаться среди людей низших во всех отношениях не осталась, может быть, без влияния на дальнейшее развитие самовлюбленности и самообольщения, несомненно, врожденного в этом природном кубисте-футуристе и хлыще.

На собрание пришли многие из божеств местного Олимпа, начиная с тов. Покровского, который все более и более напоминает квазимодо; тут были прохвосты, кающиеся интеллигенты, профессионалы кинематографии, лица с выражением узкого фанатизма на лице и неизбежные жиды и жидовки, которые, в сущности, главенствовали здесь, как они главенствуют везде. Все это возглавлялось тремя богинями: Н. И. Троцкой — модисткой низшего разбора, Каменевой — жидовкой с лицом попугая и М. Ф. Желябужской-Андреевой-Горькой и т.д., которая, несмотря на «40 веков», ею олицетворяемых, сохранила некоторые следы «античных» своих внешних качеств. Тут же заседал «Профессор» Коган[91], мой старший товарищ по университету, теперь усердно рекламирующий Ленина на публичных лекциях — ad majorem «Dei» (Ленина) gloriam[92]. То, что говорилось на заседании, интереса не представляло: обычная русско-жидовская болтовня, бессодержательная и полная личных счетов.

24 ноября/7 декабря. Беседа с Н. Г. Семеновым, моим товарищем по юнкерскому училищу, он ген. штаба, командовал дивизией; теперь волею большевиков, он начальник штаба 2-й армии, оперирующей на восточном фронте, но сбежал оттуда, заболев[93]. Вот его характе-

ристика Красной армии: ее достоинство невелико; с командным составом из бывших офицеров нет никакой внутренней связи, но среди командиров новой формации, из красноармейцев, есть такие, которые пользуются авторитетом; они запанибрата с солдатами, но умеют им внушить иногда и доверие. Уничтожить эту армию трудно, потому что части рассеянные, разбегаясь, вербуют из местных жителей бывших солдат, и бывали случаи, что некоторое время спустя они собирались вновь даже в большем числе. Припасов огнестрельных у них больше, чем у противников, и это создает им перевес. Противник еще слабее их. Ядро — чехо-словаки, к которым присоединяются части, формируемые Сибирским правительством; солдаты там получают мало, припасов у них мало; офицерство ничему не научилось, поскольку дело касается обращения с солдатами и отношения к ним. Они, кроме того, деморализуются пропагандой большевиков. Стоит, однако, прийти настоящей вооруженной силе, сильно организованной и оборудованной технически, и перевес легко окажется на ее стороне.

В настоящее время военная опасность для Р.С.Ф.С.Р. не на восточном, а на южном фронте. Сегодня большевистские газеты сообщают, что зарубежное русское представительство[94] приняло обязательство платить долги, признало прежнее заграничное представительство России; что немцы возвратили союзникам взятое ими русское золото и что главное руководство войсками союзников на юге будет принадлежать Franchet d'Esperey.

25 ноября/8 декабря. Сегодня ничего не сообщается о поездке в Берлин русско-жидовских товарищей и говорится о боях к северу от Лисок. Значит, все идет не так, как им хочется. Слухи все те же или такие же.

28 ноября/11 декабря. Эти дни все оставалось без перемен; все то же напряженное ожидание чего-то, и все тот же мрак, нас окружающий. Сопоставляя все военные известия, я теперь убедился, что большевики врут жестоко. Они врут, скрывают и извращают, как никогда этого не делало ни одно правительство; так же точно они врут и в своих сообщениях из-за границы. Ни в Германии, ни в остальной Европе дела вовсе не идут так, как бы им хотелось. Сегодня ходил прощаться с Патулье, который уезжает в надежде, как он говорит, вернуться к весне в Москву. Он много меня расспрашивал о моих мнениях касательно того, что нужно делать в России; в частности, ставя вопрос, не делают ли союзники ошибки, дружа с контрреволюционными элементами вне Совдепии. Я отвечал ему, что иного выхода у них нет; что только контрреволюционеры оставались им все время верны; желательно только, чтобы контрреволюция не проявлялась слишком сильно и не была слишком черной. Он уверял, что все это будет в числе материалов для его бесед с Poincarè и вообще с некоторыми из великих мира. Кухарка Маша сообщила, что солдат-латыш сообщил ее другу Гаврилычу, что они безотменно уедут через две недели «в свою сторону». Имея в виду движение большевиков внутрь Балтики, я начинаю допускать возможность тяги латышей изнутри совдепии к ее периферии.

29 ноября/12 декабря. День прошел без перемен и без особых впечатлений; кажется, явилась уже привычка к жизни на манер кротов — слепыми и в земле.

30 ноября/13 декабря. Слухи утомили и как будто утихают; пусты и газеты; теперь тревога в Музее в смысле разных похоронок; уверяют, что будут обыски и надо опять думать о перенесении мощей разного рода в другие места.

1/14 декабря. Момент затишья, конечно, временного, продолжается. Слухи не изменяются в своем содержании, однако большевики указывают и на высадку на юге[95] и на возможность начала военных действий на севере. По-прежнему самое приятное и единственно приятное провождение времени — когда спишь или же, окончив деловой день и надев валенки, запираешься в свою скорлупу.

3/16 декабря. Сегодня опять общий подъем: на него оказывают влияние меньшевистские газетки, выходящие по воскресеньям и по понедельникам. Проводили сегодня Авенара; много говорили о грядущем пришествии нашем во Францию. Дай Бог, чтобы все это сбылось. Во мне крепнет в последние дни уверенность, что все это изменится в более или менее близком будущем, иначе придется бежать отсюда без возврата. Надо думать, что бедному Авенару, наконец, удастся вырваться из этого ужаса на простор в его beau pays de France[96].

5/18 декабря. Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым[97]. Раньше это не сознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспособляются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы, — трудно это сразу объяснить: не то наследие Питерской бюрократичности, не то какой-то налет эсеровщины, уживающейся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы. Факт все-таки тот, что они легче мирятся и с тов. Гольдендахом и со всем еже с ним. В Киеве творится что-то неладное;

самостийники Петлюра и К°, кажется, вновь взяли верх и свергли Скоропадского; об этом глухо сообщают большевики; все ли проходит именно так или на самом деле все идет как-нибудь иначе, мы совсем не знаем. В том-то и ужас нашего положения, что мы слепы, как кроты, — c'est la bouteille à l'encre[98], как сказал друг Авенар, сегодня окончательно уехавший. Приведется ли когда-нибудь с ним увидеться?

7/20 декабря. Вчера справляли традиционные именины тестя; после будничных занятий в Музее я провел целый вечер в тепле и уюте, напоминавшем старую Москву, которой никто из нас больше не увидит; даже смеялся, как будто забыв все происходящее; выпили и немножко водки. Сегодня вечером беседа у Богословского; разбирали, что от чего пошло и кто во всем виноват; голоса разделились, но, прислушиваясь к нашей беседе, посторонний бы поразился безотрадностью и мрачностью суждений историков; наши петербургские коллеги даже не могли этого перенести и, замолчав, скоро удалились. О происходящем вокруг нас по-прежнему никакого понятия нельзя составить; вдумываясь по отрывочным данным в события на Украйне и задавая себе вопрос, на чьи деньги оперирует Петлюра, а с другой, принимая во внимание окрики Фоша на немцев и угрозы оккупации Германии, невольно думаешь, что Германия все еще не сложила оружия и, не сопротивляясь активно, все еще доступными ей средствами подливает масла в огонь везде, где этот огонь еще тлеет.

Получили известия от дяди Эмиля, бежавшего на Украйну; в Полтавской губернии им показалось недостаточно спокойно — от их ли трусости или от действительных движений Петлюры и т.п. сволочи, но он отправился в Бендеры[99]. «Бендер пустынные раскаты» увидят теперь нашего бедного московского ультрабуржуазного дядю; будем надеяться, что у румын ему будет спокойно. Еще одна мысль: мне думается, что у поляков конца XVIII века должна была появляться мысль, что длительное владычество иностранцев — единственный выход из анархии; глядя на Украйну, Совдепию, Сибирь и другие лоскуты несчастной погибшей России, не знающие покоя, видя, как смуты вспыхивают там, откуда уходят немцы, я задаю себе вопрос, не нужно ли нам длительной, тяжелой оккупации иноземцев, их сурового владычества, чтобы вылечиться от гангрены, в которую уже полвека погружена Русь?

8/21 декабря. День без всяких впечатлений; бушует пурга, и невольно думается о стуже и морозах, которые нас ждут в дальнейшие 3 месяца, без дров и продовольствия. Узнал, что иностранцы продолжают уезжать; теперь черед за бельгийцами. Процесс превращения Совдепии в страну, лишенную всякого общения с цивилизованным миром, идет неуклонно: страна вне закона — вот во что превращается Россия.

9/22 декабря. Пурга бушевала весь день так, что невольно приходят на ум всякие преобразования, предвещания и т.п.; точно сам Бог от нас окончательно отступился и ясно нам это показывает. В заседании Общества истории и древностей Любавский прочел некролог Белокурова — кое-что в нем было шаблонно, но была одна основная мысль, что смерть главного работника в Обществе напоминает о том, что теперь черед за всем Обществом, которое погибнет, как погибнет вся русская культура.

Вечер провел у Яковлева, сначала с Пресняковым и Николаевым[100], потом вдвоем с Яковлевым; между прочим, мы обсуждали вопрос, что будет у нас, если все пойдет так, как оно идет сейчас; мы единогласно решили, что постепенно должно замереть все, прекратиться школы, умереть от голода и холода города, стать железные дороги, а в деревнях будут жить гориллоподобные троглодиты, кое-как, по образу первобытных людей каменного века, обрабатывая пашню и тем питаясь. Наносная русская культурность должна погибнуть, ибо «народ», во имя которого «интеллигенция», или, вернее, полуинтеллигенция, принесла в жертву все, что было в России лучшего, не нуждается ни в чем, кроме самого грубого удовлетворения своих первобытных инстинктов. Говорили и о петербуржцах; думается, что они страдают своего рода дальтонизмом в отношении большевиков; они в своем брошенном Петрограде искренне думают, что с ними можно говорить о созидательной работе, тогда как мы уверены, что такая работа при этой власти немыслима.

10/23 декабря. Пурга кончилась, но сегодня уже гонят буржуев расчищать снег, даже на железных дорогах; по правде сказать, я таких сугробов и не видал. Говорят о телеграмме, будто бы полученной великими мира от тов. Зиновьева, что все морские базы на Балтийском море захвачены союзниками, что морских сил нет и что положение тяжелое. В Университете какие-то зловещие слухи среди студентов о том, что вместо нынешнего старостата назначат старост-коммунистов; что же поделать, пусть и они, как и крестьяне, почувствуют прелести режима. Один студент обратился ко мне сегодня с вопросом, зачтется ли ему мой курс за весь курс XIX века. Я ответил ему, что не знаю; тогда он мне сказал — вот скоро будет собрание студентов-социалистов, они все устроят, и управление университетом и все требования установят; на это я ему возразил — вот с их требованиями и сообразуйтесь.

11/24 декабря. Сегодня слышал такой рассказ: сами большевики смеются над тем, что они пишут в своих газетах: телеграммы — сплошное вранье; радио, и особенно немецкое радио, выдумываются целиком в Москве. Читал последнюю лекцию в Университете в качестве профессора до обращения в бесправного человека, которому, может быть, дозволено будет преподавать. Надо все же терпеть до теплого времени.

13/26 декабря. Ничего нового, все та же мгла, та же надвигающаяся последняя черта. Сегодня они уничтожили все юридические факультеты как устарелые и ненужные. Действительно, в бесправной стране права знать не нужно. Это новая черта той безумной, превосходящей всякое вероятие глупости и безмозглости, которой отличаются вершители коммунистических судеб бедной России. Опять снежная метель, которая точно все хочет засыпать, точно хочет уничтожить все живое. Картофеля нет и не будет, т.к. его сгноили, заморозили, спрятали или раскрали, а без картофеля голод в Москве еще увеличится.

14/27 декабря. Новые слухи о критическом положении под Петроградом и о критическом же положении на юге; мы так часто слышим о такого рода новостях, что я пропускал все это мимо ушей. Над нами теперь висит «чрезвычайный революционный налог», выражаемый цифрами астрономическими; все его ждут, все о нем говорят, но никто о нем не беспокоится, именно ввиду его чрезвычайности и его непосильных размеров: что же волноваться, когда все равно его не уплатить. Меня все более и более беспокоит вопрос питания Нины; на все лады я обдумываю вопрос о том, когда и куда ее вывезти; но ведь теперь куда бы то ни было везти — это везти на верную смерть.

15/28 декабря. Беспокоюсь за состояние Нины[101], наша кухарка заболела, по-видимому, испанской болезнью, и Нине приходится все делать за нее, а это еще более влияет на ее болезненное состояние. Вечером была Лена Репман — зовет на праздники в Пестово; я стою за то, чтобы воспользоваться приглашением, пока возможно; все-таки это даст некоторый отдых и некоторые силы, пока подготовится дело отъезда окончательного, вон из проклятой совдепии.

16/29 декабря. Вечером зашел за Б. В. Ключевским, который угостил меня великолепной горячей белой булкой, и мы вместе пошли на панихиду по С. Ф. Фортунатове[102]. Я первый раз в жизни был в покойницкой часовне больницы; там бедный Степочка лежал еще без гроба в обществе еще 6 покойников, и панихида прошла в самой тяжелой и убогой обстановке. Такое же похоронное воспоминание оставило во мне совещание профессоров и преподавателей историко-филологического факультета по вопросу о пресловутом всероссийском конкурсе; что-то мы старались сделать, а между тем Университет уже все равно разгромлен, да и не существовать ему, если удержатся долго большевики; все закончилось похоронным пустым чаем в ректорском кабинете, из которого Мензбир вытаскивает все его собственное имущество, т.к. через два дня он уже более не ректор[103].

Вечером пришлось идти на собрание жильцов дома по поводу раскладки революционного налога, по которому меня обклали в 2000 рублей. Налог был распределен, несомненно, с полным презрением к справедливости, праву и всяким требованиям этики; на заседании видно было, что комитет хочет только протолкнуть дело, не вникая ни в одно возражение и не принимая никакой поправки; жид Славин, конечно, сумел выйти сухим из этой неприятности; он себя обложил только в 1000 рублей. Вечером была Мариетта, бывшая Куторга, имеющая стать Кузьминой-Караваевой, т.к. переходит замуж за другого. Между прочим выяснилось, что Куторга оказался типичным русским интеллигентом-социалистом: обобрал у своей бывшей жены все деньги и еще просит, а может быть, и требует, от нее на содержание себя. Сообщила Мариетта и о Загранье: у нас вывезли не только белье, но и книги; в доме собирается поселиться исполнительный комитет Юрьевской волости, а Образцовы, дураки и нахалы, обокрали нас, как могли; служат совдепщикам, дерут нос, ходят в нашем добре и орут, что мы им не заплатили жалований; интеллигент и мужик в русской земле одинаково хороши: Куторга и Образцов могут подать друг другу руку.

17/30 декабря. Давно не было такой тоски, как сегодня; давно мне не представлялась так ясно бездна, в которую упал русский народ; из этой бездны лжи, беспринципности и бесправия не вытащит его и тот чаемый переворот, которого мы все ждем, и ждем, может быть, напрасно. Ужас в том, что слишком много народа ничему не выучились и ничего не забыли и, попирая все принципы этики, все еще говорят о республиканских чувствах, о свободе и т.п. химерах, хотя казалось бы, что большевики давно на практике нас отучили от всего этого. Сегодня я заметил, насколько и я и все кругом нас раздражительны; в Музее мне пришлось несколько раз с раздражением повышать голос в разговоре с людьми, которые не хотели понять, что есть известные товарищеские принципы и требования солидарности. Дело шло только об установлении праздничных дежурств.

18/31 декабря. Были Любавский и Шамбинаго; отлично поболтали, несмотря на то, что пессимизм мой и Любавского перевешивал обычный оптимизм Шамби; даже замечталось о какой-то лучшей жизни. Сегодня брошен один жребий и приняты меры к обеспечению существования вне совдепии; правда, меры эти мизерные, но на худой конец, если придется выезжать из совдепии, и они пригодятся. Сегодня конец большевицкого года; хотя это — единственный декрет, который надо навсегда оставить в силе, тем не менее праздновать сегодня и встречать новый год было бы чем-то несовместимым с чувством порядочности; пускай над нами веселятся проклятые латыши, которые уже сейчас поют у меня над головой. Второй раз я заканчиваю год в этих записках, и теперь положение еще во много раз хуже, чем год назад. Что даст наступающий 19-й год? Я надеюсь, что он даст ту или иную развязку.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Неожиданное происшествие (*фр.*).
2. То есть 25—27 июня/5—7 июля. Говоря о мятеже, Готье в отсутствие других сведений принимает официальную версию того, что произошло в эти дни в Москве.
3. Чай (*англ.*).
4. *«Наш век»* — одно из названий газеты «Речь». Издатели пользовались им короткое время в 1908 и 1911 гг., а затем с 30 ноября 1917 г. до окончательного закрытия газеты 3 августа 1918 года.
5. В июне — августе отряд под командованием атамана Уссурийского казачьего войска есаула И. М. Калмыкова (которого поддерживали японцы) двигался по железной дороге Никольск (Уссурийск) — Хабаровск, занимая промежуточные станции.
6. 26 июля Закаспийское временное правительство, возникшее в результате свержения во второй декаде июля Советской власти в Закаспийской области, обратилось с просьбой о помощи к британской военной миссии, которая находилась в г. Мешхеде (Иран). 28 июля в район ст. Байрам-Али Закаспийской железной дороги прибыла британская пулеметная команда из 20 человек. В те дни войска Закаспийского правительства вели бои с красноармейскими частями в районе Чарджоу, в 214 км к северо-востоку от Байрам-Али, то есть по направлению к Ташкенту.
7. Ставрополь был взят 21 июля, Армавир — 26, но 30 опять перешел к красным. Екатеринбург был занят сибирскими и чехо-словацкими войсками в ночь на 25 июля; 13 августа там было образовано Уральское временное правительство. В Архангельске 2 августа была свергнута Советская власть и в тот же день образовано Верховное управление Северной области во главе с Н. В. Чайковским, которое пригласило в город союзников (союзная эскадра стояла на архангельском рейде) (см. Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж. 1929).
8. Декрет СНК о призыве на действительную службу «бывших» офицеров был принят 29 июля.
9. Вышвырнутые революцией (*фр.*).
10. *Д.И.* — возможно, это описка, следует: «Д.А.», тогда это Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — государственный деятель, в 1866—1880 гг. — министр народного просвещения. *Толстой Иван Иванович* (1858—1916) — нумизмат и археолог, по образованию юрист; в октябре 1905 — апреле 1906 г. — министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте.
11. *Эйхгорн Герман, фон* (1848—1918) — германский генерал-фельдмаршал, с конца марта 1918 г. — главнокомандующий группой армий «Киев», которая оккупировала Украину и прилегающие местности. 30 июля убит левыми эсерами Б. Д. Донским (?—1918) и И. К. Каховской (1888—1960) с целью, с одной стороны, отомстить за политику оккупационных властей по отношению к крестьянам, а с другой — сорвать Брестский мир. Об отношении к Брестскому миру различных групп в ПЛСР см.: Минувшее. Вып. 2. Париж. 1986, с. 7—80.
12. В 1918(?) г. из южной части Весьегонского уезда был образован Краснохолмский, в который, как видно, вошло и Загранье.
13. См.: Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения; Радзинский Э. Расстрел в Екатеринбурге. — Огонек, 1989, № 21; 1990, № 2.
14. На русский манер (*фр.*).
15. В новейшем стиле (*фр.*).
16. Одним из аспектов «продовольственной диктатуры», введенной декретами ВЦИК и СНК от 13 и 27 мая, было создание из городских рабочих-добровольцев вооруженных продотрядов, часть которых входила в Продармию. Продармейцы находились на положении красноармейцев. В обязанности отрядов входили «организация бедноты», «реквизиция» продовольствия, подавление «контрреволюционных» выступлений, несение заградительной службы (против «мешочников» — частных лиц, возвращавшихся в города с самостоятельно приобретенным продовольствием). О деятельности

продотрядов и ее результатах см.: Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918—1921 гг. Иерусалим. 1987.
17. Если ему безразлично, то и мне (*фр.*).
18. Вероятно, речь идет о комиссии, созданной для разработки Положения об университетах.
19. Вероятно, Савин.
20. 6 августа миссия Гельфериха уехала из Москвы в Псков, находившийся на территории, оккупированной германскими войсками.
21. Речь идет об Амьенской операции британских (в том числе австралийских и канадских) и французских войск 8—13 июня, которая положила начало общему наступлению союзников, приведшему к капитуляции Германии.
22. *Шенкурск* — уездный город Архангельской губ. на р. Ваге. *Званка* — узловая станция (у одноименного села Новоладожского уезда Петроградской губ., на линии Петроград—Вологда, где от нее отходит построенная во время мировой войны железная дорога на Мурманск. Целью продвижения на юг русских войск Северной области и союзников действительно было достижение магистрали Вологда—Пермь с тем, чтобы соединиться с наступавшими с востока сибирскими и чехо-словацкими войсками и создать общий антибольшевистский фронт.
23. Для призыва их в Красную Армию.
24. Части Народной армии (Комитета членов Учредительного собрания) и чехо-словацкие войска 22 июля взяли Симбирск, а 6 августа — Казань. Об условиях жизни при «белых» в Казани людей из состоятельных слоев общества см. Рачинская Е. Калейдоскоп жизни. Воспоминания. Париж. 1990.
25. Такие положения действительно содержались в подписанном Лениным декрете СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» от 2 августа и в принятом на том же заседании СНК по предложению Ленина проекте постановления о приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства.
26. Белая горячка (*лат.*).
27. Свадебного путешествия (*фр.*).
28. Готье сел на поезд на ст. Красный Холм, в Сонкове и Бологом у него были пересадки. *Волхов* — ст. Волховская на левом берегу р. Волхов, где Готье хотел пересесть на пароход, но пропустил его; пришлось проехать еще несколько километров до ст. Чудово, чтобы там сесть на поезд, идущий в Новгород.
29. Покушение на Ленина имело место 30 августа.
30. *Фотий* (в миру Спасский Петр Никитич (1792—1838) — церковный деятель, архимандрит; будучи с 1822 г. настоятелем основанного в 1030 г. Ярославом Мудрым Юрьевского монастыря в Новгороде, богато обстроил его на средства, пожертвованные его духовной дочерью и почитательницей графиней А. А. Орловой-Чесменской.
31. Так в тексте, должно быть 18/31 августа.
32. Не имея других сведений, Готье принимает официальную версию о покушении на Ленина как организованном ПСР.
33. 27 августа советской делегацией во главе с Иоффе в Берлине было подписано финансовое соглашение, которым Советское правительство обязывалось выплатить Германии контрибуцию (формально — компенсацию за национализированные немецкие капиталы) в 6 млрд. германских марок.
34. Автор приложил черновик прошения к дневнику (см. Приложения, письмо 1).
35. *Герье Владимир Иванович* (1837—1919) — профессор всеобщей истории в Московском университете и либеральный общественно-политический деятель. Основатель и руководитель (1872—1888, 1900—1905) Московских высших женских курсов (часто назывались курсами Герье). Деятельный участник московского городского и губернского земского самоуправления. С 1906 г. член Государственного совета по назначению, октябрист. Автор книг о I, II и III Государственных думах, о крестьянской реформе Столыпина («Второе раскрепощение»). О Герье как преподавателе см. воспоминания его слушателей, в том числе Готье, в сборнике «Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917)». М. 1989.
36. *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861—1918) — действительный тайный советник, статс-секретарь (почетное звание для лиц из высших гражданских чинов, которых император формально приближал к себе), сенатор. В 1906—1915 гг. — министр юстиции, с 1907 г. — член Государственного совета по назначению (вошел в группу правых), в январе—феврале 1917 г. — его председатель. Имел репутацию реакционера, покровительствовал черносотенному Союзу русского народа. *Хвостов Алексей Николаевич* (1872—1918) — действительный статский советник, камергер. Служил по Министерству внутренних дел. Депутат IV Государственной думы, лидер и председатель бюро фракции правых. В 1915—1916 гг. — министр внутренних дел и главноначальствующий отдельным корпусом жандармов. Как и Щегловитов, считался крайним реакционером, принадлежащим к «клике Распутина»; оба расстреляны 5 сентября. *Восторгов Иоанн Иоаннович* (1866/67—1918) из духовной семьи, протоиерей, законоучитель и миссионер, издатель ряда черносотенных газет и журналов, редактор «Московских церковных ведомостей». Председатель Московского отделения Союза русского народа, а после его раскола — Всенародного русского союза.

В течение предшествовавших месяцев Ленин и другие большевистские лидеры в публичных выступлениях неоднократно настаивали на необходимости подавления «классовых врагов» при помощи террора, в частности расстрелов. Покушение на Ленина послужило поводом для принятия соответствующих постановлений, за которыми последовали массовые расстрелы. В резолюции ВЦИК от 2 сентября, принятой по предложению Свердлова, говорилось, что «за каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов». 5 сентября СНК по докладу Дзержинского принял постановление, которое, в частности, гласило, «что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; [...] что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»; постановление было подписано наркомом юстиции Д. И. Курским, наркомом по внутренним делам Г. И. Петровским и управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем (см.: Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. Изд. 2-е, доп. Берлин. 1924; Нью-Йорк. 1979; Смолин А. У истоков красного террора. — Ленинградская панорама, 1989, № 7, с. 25—28).
37. Опять Готье опирается на официальную версию, которую, правда, до сих пор принимают без серьезной проверки почти все историки. «Ройд-Каплан» — сдвоенная и частично исковерканная фамилия, часто фигурировавшая в печати. *Ройтман Фейга Хаимовна*, с 1906 г. известная как Фаня Каплан (1887, а не 1880 г., как часто указывается, — 1918) была обвинена в покушении на Ленина и по распоряжению Свердлова расстреляна 3 сентября в Кремле; скорее всего, покушения не совершала (по состоянию здоровья она и не могла его совершить). ПСР, по-видимому, к этому покушению не имела отношения (см. Lyandres S. The 1918 Attempt on the Life of Lenin: A New Look at the Evidence. — Slavic Review 48, № 3 (Fall 1989). Автор тщательно проанализировал едва ли не все опубликованные источники (и небольшое число неопубликованных, найденных им в иностранных архивах); вопрос об организаторах, исполнителях и мотивах покушения остается открытым и нуждается в серьезном исследовании с привлечением не введенных до сих пор в научный оборот (вероятно, все еще недоступных) архивных материалов.
38. Красная Армия взяла Казань 9—10 сентября.
39. Свет с запада (*лат.*).
40. 13 сентября Президиум Моссовета издал постановление (опубликовано в тот же день в «Известиях») о порядке реквизиции жилых помещений и движимого имущества.
41. *Вильсон Т. В.* (1856—1924) — президент США (1913—1921). Патулье, вероятно, имел в виду «14 пунктов Вильсона» — условия справедливого мира, изложенные в послании президента конгрессу США 18 января. Пункт 6 касался России и предусматривал освобождение Германией всех оккупированных ею российских территорий, предоставление России возможности определить свою национальную (государственную) политику и вступить в сообщество свободных наций. Qui dispose de l'argent et des armées — который располагает деньгами и армиями (*фр.*).
42. Богатых выскочек (*фр.*).
43. *Курдюмов Дмитрий* — свояк Готье.
44. См. Приложения, письмо 2.
45. Белая гвардия учинила в Казани страшный дебош (*фр.*).
46. См. Приложения, письмо 3.
47. Очевидно, имеется в виду Елизаветинский женский институт.
48. См. Приложения, письмо 4.
49. В казанском отделении Государственного банка находилась значительная часть золотого запаса России, эвакуированная из Петрограда. О дальнейшей судьбе золота см. статью «Золотой запас РСФСР» в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». М. 1983.
50. *Кривцов Степан Саввич* (1885—? — вероятно, погиб во время ежовщины) — большевик, с начала 20-х годов преподавал в Институте красной профессуры; к 1930 г. — член Коммунистической академии и Общества историков-марксистов, заведующий методологической секцией Института В. И. Ленина. Видный пропагандист понятия «марксизм-ленинизм» и один из создателей «марксистско-ленинской теории исторического материализма».
51. См. Приложения, письмо 5.
52. *Вишера* — вероятно, станция Малая Вишера в 44 км к юго-востоку от Чудова.
53. На Балканах союзники в течение второй половины сентября заняли почти всю сербскую часть Македонии. В то же время британские и арабские войска заняли северную Палестину. Во Франции

26 сентября началось общее наступление союзных армий по всему фронту от побережья до Вердена. 14 апреля было создано Верховное командование всех союзных войск во Франции. Верховным главнокомандующим был назначен маршал *Ф. Фош* (1851—1929). *Гинденбург П., фон* (1847—1934), генерал-фельдмаршал, с 1916 г. — начальник Генерального штаба полевых армий, фактически главнокомандующий. *Людендорф Э.* (1865—1937), генерал от инфантерии, с 1916 г. — первый генерал-квартирмейстер, фактически начальник Генерального штаба.

54. *Franchet d'Esperey Louis—Félix* (1856—1942) — французский генерал, с июля 1918 г. главнокомандующий союзными войсками на Балканском театре военных действий. 29 сентября в Салониках было подписано сепаратное перемирие между союзниками и капитулировавшей Болгарией.
55. *Н. И. Седова (Троцкая)* была заведующей Музейным отделом Наркомпроса, созданным 28 мая 1918 г.; Г. С. Ятманов и И. Э. Грабарь, до этого возглавлявшие не связанные друг с другом музейные коллегии НКП в Петрограде и Москве, вошли в состав коллегии нового отдела.
56. *Одоевский-Маслов Николай Николаевич* (1849—1919) — генерал, бывший командир лейб-гвардии конного полка. *Щербатов* — вероятно, Николай Борисович (1849—1936). *Петров* — вероятно, Николай Иванович (1841—?). *Яковлев* — вероятно, Григорий Михайлович (1852—?). *Бахрушин Алексей Александрович* (1865—1929) — театральный деятель, создатель Театрального музея; с 1918 г. — председатель музейно-архивной секции при Театральном отделе НКП.
57. Возможно, арест Кизеветтера был связан с его выступлением в Совете университета, в котором он призывал бойкотировать назначенное на сентябрь второе совещание по реформе высшей школы в знак протеста против декрета от 2 августа. На заседании Совета ректор университета М. А. Мензбир счел декрет приемлемым при условии, что к лабораторным занятиям будут допускаться только достаточно подготовленные студенты; большинство присутствовавших согласилось. Очевидно, на описываемом заседании историко-филологического факультета продолжалось обсуждение этих вопросов.
58. К концу 1918 г. Главное управление по архивному делу НКП открыло в Петрограде и Москве курсы архивистов. На московских курсах, кроме Готье, из упоминаемых им в дневнике лиц читали лекции С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин, А. И. Яковлев, М. К. Любавский, А. Н. Савин.
59. *Ускюб* — турецкое название македонского города Скопле.
60. *Белкин Сергей Иванович* — владелец мехового магазина на Кузнецком мосту, в который можно было сдавать меховые вещи на хранение.
61. *Юнкер* — частный (акционерный) коммерческий банк Юнкер и К° на Кузнецком мосту, к описываемому времени — отделение Государственного банка. Государственная комиссия погашения долгов — ведомство государственных займов, учрежденное в 1810 г.; подчинялось министру финансов. Очевидно, помещение банка было реквизировано при переезде Советского правительства в Москву.
62. *Покровский Иосиф Алексеевич* (1868—1920) — профессор римского и гражданского права. *Некрасов Александр Иванович* (1883—1957) — математик и механик, с 1918 г. — доцент, с 1937 г. — профессор Московского университета. *Новосадский Николай Иванович* (1859—1941) — специалист по классической филологии и эпиграфике; до 1906 г. — профессор Варшавского университета, с 1906 г. — Московского. *Познышев С. В.* (1874—?) — криминалист, представитель социологической школы уголовного права.
63. *Лаишев* — уездный город Казанской губ., пристань на правом берегу Камы в 62 км к юго-востоку от Казани. *Чистополь* — уездный город Казанской губ., пристань на левом берегу Камы, примерно в 140 км к юго-востоку от Казани. «Буржуи» бежали из Казани на пароходах; железная дорога — на Агрыз — Екатеринбург только строилась.
64. Декрет, содержание которого автор передает, был принят СНК 1 сентября. Перевыборы должны были произойти не позже 1 ноября. Фактически «конкурс» состоялся в начале 1919 г. и не произвел особых перемен в составе профессоров университета. По словам профессора М. М. Новикова, забаллотирован был лишь профессор астрономии коммунист Штернберг (см. Московский университет в первый период большевистского режима. — Московский университет. 1755—1930. Юб. сб. Париж. 1930).
65. *Longuet Edgar* (1879—1950) — внук К. Маркса, видный деятель Французской социалистической партии.
66. Attendez la réplique de Foch — подождите ответа Фоша. Revanche — реванш (*фр.*).
67. Проект положения «О единой трудовой школе» обсуждался на состоявшемся 26 августа — 1 сентября Первом Всероссийском съезде по просвещению, на котором выступал Ленин. 30 сентября ВЦИК утвердил представленный НКП текст положения (подписали Я. М. Свердлов, М. Н. Покровский и секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе), который был опубликован 16 сентября. Одновременно было опубликовано датированное тем же числом обращение Государственной комиссии по просвещению за подписью Луначарского под заголовком «Основные принципы единой трудовой школы»

(см. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. Сб. док. 1917—1973. М. 1974). Готье, вероятно, прочитал оба документа.

68. Речь идет о категориях хлебных карточек, введенных в августе: ко 2-й относились лица, занятые легким физическим трудом (200 г хлеба в день), к 3-й — умственным трудом (100 г), к 4-й — неработающие, которым хлеб не выдавался.
69. Известия, 20.X.1918.
70. До декрета 2 августа о правилах приема в Московский университет поступило 2632 заявления. После опубликования декрета было получено еще 5892, большей частью от лиц, не имевших законченного среднего образования. Однако посещение занятий резко сократилось; в результате в 1918/19 уч. г. университет закончило только 178 человек, по сравнению с 1668 в предшествующем году.
71. См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 111—125.
72. Крушение (*англ.*).
73. Not kennt kein Gebot — про нужду закон не писан (*нем.*). Billet d'introduction — рекомендательную записку (*фр.*). Письмо в рукописном собрании Гуверовского института не найдено. Записка Муралову, командующему войсками (а не комиссару) Московского военного округа гласит: «Уважаемый товарищ! Прошу принять моего знакомого, Юрия Владимировича Готье. Буду Вам благодарна. Инесса Арманд».
74. Кого Юпитер хочет погубить, того он прежде всего лишает разума (*лат.*).
75. Якобы (*лат.*).
76. Так как на открытии памятника выступал Лукин, более вероятно, что памятник был Дантону, одному из главных деятелей Французской революции конца XVIII века. *А. Г. Кольцов* (1809—1842) и *И. С. Никитин* (1824—1861) считались (особенно в кругах левой интеллигенции) «народными» поэтами. *Александровский сад* — большой парк вдоль западной стены Кремля, разбитый в 1820—1821 гг. при перепланировке центра Москвы после пожара 1812 г. над заключенной в трубы рекой Неглинной. *Лукин Николай Михайлович* (1885—1940? — погиб в заключении) — историк, специалист по истории Западной Европы в новое время; большевик с 1904 г., журналист, в конце 1917 — начале 1918 г. — помощник Покровского в Московском областном комиссариате по иностранным делам. В 1915 г. начал преподавать в Московском университете (кажется, прочитал только пробную лекцию); возобновил преподавание осенью 1918 года. Его младшая сестра Надежда Михайловна была женой Н. И. Бухарина. *Смидович Петр Гермогенович* (1874—1935) — с марта 1918 г. председатель Московского Совета.
77. *Василенко Сергей Никифорович* (1872—1956) — композитор и дирижер, с 1907 г. — профессор Московской консерватории.
78. Белград был взят 18 октября.
79. А.А. Иоффе, бывший с апреля советским послом (с июня, когда Советское правительство отменило дипломатические ранги, — полномочным представителем) в Германии, по его словам, «принимал деятельное участие в подготовке германской революции» (в частности, по-видимому, тратя на это крупные суммы денег (см. Ларсонс М. Я. В советском лабиринте: эпизоды и силуэты. Париж. 1932). 5 ноября германское правительство разорвало дипломатические отношения с РСФСР, а на следующий день Иоффе и весь состав полпредства были высланы из Германии.
80. Он всякое видел, славный старик (*фр.*).
81. Памятник, установленный в Лейпциге в 1913 г., в дни празднования столетней годовщины Лейпцигского сражения 1813 г., в котором соединенные силы России, Австрии, Пруссии и Швеции одержали победу над армией Наполеона.
82. Слухи о том, что разрыв Германии с Советским правительством был как-то связан с давлением стран Антанты, вскоре широко распространились по Москве. *Эрцбергер Матиас* (1875—1921), с начала августа 1918 г. — министр без портфеля в правительстве принца Макса Баденского, глава делегации, 11 ноября подписавшей Компьенское перемирие, условия которого были продиктованы маршалом Фошем.
83. 9 ноября правительство Макса Баденского ушло в отставку, и в тот же день кайзер Вильгельм II отрекся от престола; 10 ноября было создано временное правительство, Совет народных уполномоченных в составе трех правых и трех левых социал-демократов. Сообщение о возвращении Иоффе в Берлин не соответствовало действительности.
84. Коммерцию (*англ.*).
85. Германия отказалась от Брестского мирного договора 11 ноября актом подписания Компьенского перемирия (включением этого условия союзники показали, что в какой-то степени продолжают заботиться об интересах России); 13 ноября договор был аннулирован Советским правительством.
86. *Петровский Алексей Сергеевич* (1881—1958) — сотрудник библиотеки Румянцевского музея, специалист по русской литературе, зав. отделом философии; член Русского антропософского общества. *Стратонитский Конкордий Андреевич* (1865—?) — ученый секретарь Румянцевского музея.

87. *Марьина Роща* — местность в северной части Москвы. *Введенские Горы* — местность на северо-востоке Москвы, где находится Немецкое (Введенское) кладбище.
88. *Ино* — форт на южном побережье Финляндии.
89. *Лиски* — узловая станция на Юго-Восточной железной дороге в 90 км к югу от Воронежа. Была взята Донской казачьей армией под командованием генерала С. В. Денисова.
90. *Петлюра Симон Васильевич* (1879—1926) — украинский политический деятель, один из руководителей Украинской народной республики. 13 ноября Украинский народный союз (коалиция украинских социалистических партий) образовал в Белой Церкви, уездном городе Киевской губ., где был расположен полк сечевых стрельцов, созданный в конце 1917 г. из бывших австрийских военнопленных-галичан, Директорию, которая выступила против правительства гетмана Скоропадского. Петлюра занял в Директории пост командующего войсками, ядро которых составляли сечевые стрельцы.
91. *Каменева Ольга Давыдовна* (1883—1941, расстреляна) — в 1918—1919 гг. заведовала Театральным отделом Наркомпроса с момента его образования, затем подотделом художественного образования Московского отдела народного образования; с 1923 г. ведала культурными связями с заграницей, в 1925—1929 гг. — председатель правления ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей); в 1929(?)—1935(?) гг. — председатель правления общества «Друг детей». *Желябужская* (по мужу) *Мария Федоровна* (1868—1953), актриса, в 1903—1913 — гражданская жена Горького; с 1904 г. большевичка, играла большую роль в финансировании большевистской фракции РСДРП. С сентября(?) 1917 г. возглавляла городские театры Петрограда; с сентября 1918 г. — комиссар театров и зрелищ Северной коммуны. *Коган Петр Семенович* (1872—1932) — историк литературы, приват-доцент Петербургского университета, часто выступал с публичными лекциями. В своих «Очерках» перетолковывал на марксистский лад историю западноевропейских, древнегреческой и новейшей русской литератур. Сотрудник Театрального отдела Наркомпроса. С 1918 г. — профессор Московского университета. Беря слово «профессор» в кавычки, Готье, вероятно, хотел подчеркнуть свой взгляд на работы Когана как поверхностные и тенденциозные. Позднее обвинялся в «вульгарном социологизме».
92. К вящей славе Божией (*лат.*).
93. 2-я армия Восточного фронта была создана 20 июня 1918 г. приказом командующего фронтом М. А. Муравьева. Н. Г. Семенов был начальником штаба армии 19 сентября — 2 ноября. В бытность Семенова начальником штаба армия участвовала в операции против восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов; сходное с рассказом Семенова описание обстановки в армии и на фронте см. в автобиографии Сокольникова в энциклопедии «Гранат».
94. Речь идет о собрании в Париже российских послов в странах Западной Европы, итогом которого было создание там же в конце года Русского политического совещания с кн. Г. Е. Львовым во главе как некоего политического центра антибольшевистской борьбы, ставившего себе целью защиту единства, целостности и суверенитета России, «спасение русской демократии и революции». Из упоминаемых в дневнике лиц в Совещание входили посол во Франции В. А. Маклаков, Б. В. Савинков, гр. С. В. Панина (как представительница Национального центра), связан с ним был П. Б. Струве; членами Совещания были также бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов, представлявший адмирала Колчака и генерала Деникина, Н. В. Чайковский и др. (см.: Thompson J.M. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton. 1966).
95. В ночь с 15 на 16 ноября союзный флот в составе британских, французских, итальянских и греческих судов вошел в Черное море; высадившиеся союзные войска заняли 23 ноября Новороссийск, 24-го — Севастополь, 26—28-го — Одессу, 9 декабря — Николаев, 14-го — Феодосию.
96. Прекрасную землю Франции (*фр.*).
97. *Полиевктов Михаил Александрович* (1872—1942) — с 1917 г. профессор Петроградского университета, с 1920 г. преподавал в Тифлисском университете. В связи с «делом Платонова» его имя называлось в печати как якобы члена подпольной организации, но арестован он, кажется, не был.
98. Ни зги не видим (*фр.*).
99. 14 декабря войска Директории под командованием Петлюры заняли Киев, место правительства гетмана Скоропадского заняла Директория, была восстановлена Украинская народная республика. *Бендеры* — уездный город Бессарабской губернии. Вся Бессарабия с января 1918 г. была занята румынскими войсками, а в апреле официально присоединена к Румынии.
100. *Николаев Александр Сергеевич* (? — после 1948) — историк, специалист по истории и методике архивного дела; читал лекции на Петроградских курсах по подготовке архивных специалистов.
101. Н. Н. Готье страдала диабетом.
102. *Ключевский Борис Васильевич* (1869—1944) — сын В. О. Ключевского, был помощником и секретарем отца, а после его смерти хранил его бумаги. *Фортунатов Степан Филиппович* (1850—1918) — приват-доцент Московского университета, специалист по зарубежной истории XVIII—XIX веков.
103. Фактически Мензбир оставался в должности до весны 1919 года.

Александр Иванович Гучков рассказывает

Четверг, 30 марта 1933 г.

Гучков. Последний раз я видел П. А. Столыпина за несколько дней до его поездки в Киев. Я только что вернулся из своего путешествия по Дальнему Востоку, где ознакомился с ходом постройки Амурской железной дороги и по поручению Главного управления Красного Креста принял участие в организации борьбы с чумой в пределах русских концессий в Маньчжурии. Узнав о моем возвращении в Петербург, П. А. пригласил меня к себе обедать. Свидание происходило в его летнем помещении на Елагином острове. После обеда мы с ним гуляли в саду.

Я нашел его очень сумрачным. У меня получилось впечатление, что он все более и более убеждается в своем бессилии. Какие-то другие силы берут верх. С горечью говорил он о том, как в эпизоде борьбы Илиодора с саратовским губернатором Илиодор одержал верх и как престиж власти в губернии потерпел урон. Такие ноты были очень большой редкостью в беседах П. А. Чувствовалась такая безнадежность в его тоне, что, видимо, он уже решил, что уйдет от власти. Через несколько дней пришла весть о покушении на него в Киеве. Я послал ему иконку, которую он получил, когда был в сознании. Меня что-то задержало в Петербурге, и я по приезде в Киев уже застал Столыпина в гробу.

Генерал-губернатор киевский Ф. Ф. Трепов рассказал мне, при какой обстановке протекали вообще все празднества и был убит П. А. Столыпин. Дело охраны было изъято из рук местных властей и передано в руки центральной власти, охраной руководил Курлов, товарищ министра, затем видную роль играли полковник Спиридович, ротмистр Кулябко и Веригин. По наблюдениям Трепова, охрана не брала на себя ограждение личности Столыпина, а только государя и царской семьи, так что, когда надо было кольцом агентов выделить, то Столыпин находился вне охраны. Хотя Трепов не сказал мне определенными словами, но, как я понял из общего его рассказа, он разделяет мои подозрения, что, если охранка не организовала самого покушения, то во всяком случае не препятствовала ему. Еще больше укрепилось во мне это подозрение, когда сенатор Трусевич, которому было поручено расследование дела убийства Столыпина, заехал ко мне на квартиру и ознакомил меня тоже со своим общим впечатлением.
Базили. Вы были тогда председатель Думы?
Гучков. Нет. Я как раз перед этим отказался. Западное земство было в Государ-

О к о н ч а н и е. См. Вопросы истории, 1991, №№ 7—11.

ственном совете искажено. Тогда Столыпин подал в отставку. Государь не принял. Тогда была распущена Дума. Это было так против моей оценки положения, что я сейчас же получил указ о роспуске. Закон о западном земстве был законом либеральным. Впервые инородцы приобщались к российской жизни. Там [поскольку] было засилье польского элемента в отношении русского, вводилась, в отличие от русского земства, куриальная система. Поляки выбирают промеж себя, русские из своей среды. Вот против этого вооружились наши левые, потому что это противоречило общему принципу демократическому о равенстве всех и о территориальных формах избрания, они никаких курий не признавали. Но все-таки большинство у нас нашлось.

Когда это попало в Государственный совет, то там правое крыло было вообще не расположено к этому закону, но так как они не решились бороться с принципом, потому что принцип был одобрен государем, поэтому они старались исказить, сделать этот закон неприемлемым, они ввели эту поправку, они отвергли куриальную систему. Государственный совет отверг куриальную систему для того, чтобы торпедировать весь закон. Все правое крыло этим воспользовалось для того, чтобы исказить закон. Если бы это было случайное большинство, исходило бы от левых, от центра! Но когда совершенно открыто руководство этой кампанией повели Трепов и Дурново — члены Государственного совета по назначению, мне стало ясно, что эти люди были приняты государем в отдельной аудиенции.

Тогда Столыпин, решив, что при таких условиях не может остаться, вручил прошение. Государь был расстроен всем этим, просил остаться и согласился на все те условия, которые поставил Столыпин. Условия были неправильны с начала до конца. Была расправа с членами Государственного совета. Члены Государственного совета были вечными, но каждое 1 января из всего состава членов Государственного совета назначались к присутствию такие-то по назначению. Государь обещал, что он их к 1 января исключит, а пока было им приказано взять отпуск и до конца года не присутствовать. Такая кара по отношению к ним должна быть очень сурова.

И другое условие Столыпин поставил для того, чтобы свою победу очень ярко охарактеризовать. Он получил разрешение государя на три дня отсрочить заседание Государственной думы, и тогда правительство получило право действовать на основании 87-й статьи. Одновременно распустили Думу [и Совет] и издали закон в том виде, как он пришел в Государственную думу... против Государственного совета. Столыпин не учел того впечатления, которое должно было составиться у нас и вообще в общественном мнении. Здесь как будто цель хорошая — либеральный закон, спасти от интриганов, но создавался прецедент в борьбе с законодательными учреждениями. Это было недостойно, могло сделаться [стандартным] маневром, могло повести дальше. Раз Госсовет разошелся с Думой, полагалась согласительная комиссия, которая должна была разногласия ликвидировать другим способом.

Получив рано утром этот указ о роспуске на три дня, я пошел в Государственную думу и тут же написал, что я слагаю с себя [полномочия председателя]. Мне не хотелось, чтобы октябристская партия была скомпрометирована, будто это было с одобрения нашего. Столыпин был юрист слабый. У него не было достаточно чувствительности, и он очень удивлялся. Он говорил: «Закон издается в той редакции, как Государственная дума приняла». Я сказал: «Я считаю, что это роковая вещь — то, что вы сделали, расправа с этими членами Государственного совета. Они как законодатели должны быть независимы, такие кары неудобны — за голосование против правительства расправляться. Вы некоторый урон нанесли нашей молодой русской конституции, но главный грех — это то, что вы сами себе нанесли удар. Если раньше с вами считались как с человеком, имеющим большой вес, то это, по-моему, политическое харакири».

Это преддверие к его уходу. Затем второе. Предвидя, что будут запросы, я не хотел участвовать. Я не мог защитить, но в то же время не мог участвовать в атаках на него. Я взял отпуск и уехал на Восток. Я поехал на Амурскую дорогу. В то время разыгралась в Маньчжурии чума, и Красный Крест поручил мне организацию помощи в борьбе с чумой. Весной вернулся назад, когда Государственной думы не было. Столыпин возил меня обедать перед смертью. По душам говорили, он был подавлен, он чувствовал... Государь в руках таких людей... О Распутине мы с ним

не говорили в данном случае, [упоминавшийся] эпизод был: Илиодор против гражданской власти и губернатора.

Потом меня укрепил в этом [подозрении] сенатор Трусевич, директор Департамента полиции, затем я видел одного из Нейдгартов. Я чувствовал, что те подозрения, которые мной овладели, этими людьми разделяются, может быть не вполне осознанно, я увидел, что не ошибаюсь. Я предъявил запрос в Государственную думу: известно ли правительству, что условия убийства Столыпина [говорят о том, что] были допущены известные незакономерные действия? И я показал, что это не небрежность при выполнении обязанностей, а там есть попустительство, и перечислил всех тех, кого имел в виду, назвал генерала Курлова, полковника Спиридовича, ротмистра Кулябко и какого-то Веригина.

Это была не охрана государя, это была вообще вся охрана. Охрана была изъята из рук киевских [полицейских властей] и передана приезжим из Петербурга. В ответ на это последовало, что Спиридович как помощник дворцового коменданта подал докладную записку Дедюлину, что я его оскорбил, что он просит разрешения вызвать меня на дуэль, либо оградить его от посягательств на его честь с моей стороны. В правительстве не хотели таких осложнений, ему приказано было сидеть смирно, как я потом узнал.

Базили. Спиридович был замешан?

Гучков. Картина была такая. Не знали, как отделаться от Столыпина. Просто брутально удалить не решались. Была мысль создать высокий пост на окраинах, думали о восстановлении наместничества Восточно-Сибирского. Вот эти люди, которые тоже недружелюбно относились к Столыпину (тем более, что в это время Столыпин назначил ревизию секретных фондов Департамента полиции), словом, они нашли, что можно не мешать... В это время в левых кругах создалась атмосфера какая-то покушений на Столыпина. Когда я вернулся с Дальнего Востока, мне об этом сообщили и указали, что можно ждать покушений со стороны финляндцев. Перед этим прошел закон о Финляндии, который обидел финляндских националистов, можно было ждать покушения оттуда. Так как у меня были конкретные данные, я, несмотря на мое нерасположение к Курлову, эти сведения ему сообщил.

Так как предвиделась поездка Столыпина в Киев, то я его предупредил об этом, и у меня определенно сложилось впечатление, что что-то готовится против Столыпина. Я тогда последний раз виделся со Столыпиным. Мы поздно вернулись к нему. Заседание должно было состояться... Он стоял в дверях, а я все думал — сказать ему или не сказать, чтобы он остерегался... Я ему не сказал. У меня до сих пор сохранилось убеждение, что в этих кругах считали своевременным снять охрану Столыпина. Любопытно следующее: я потом узнал, что Столыпин не раз говорил Шульгину: «Вы увидите, меня как-нибудь убьют и убьет чин охраны...»

Базили. Но фактически были левые, которые его убили?

Гучков. Да, да, да, Богров левый[1]. Я думаю, что он служил обеим сторонам, так как он не был героем, этот Богров, и нельзя было ждать, что он отдаст себя на казнь, то надо было думать, что у него были перспективы, ему помогут ускользнуть.

Базили. В левых кругах зрело желание отделаться от Столыпина? Под влиянием чего?..

Гучков. Вообще деятельность партии эсеров спадала. На местах частью [предпринимался] мелкий террор, но не было такого энтузиазма, террора в том смысле, как он до этого велся, это все спадало, шло на убыль. По-видимому, в их кругах было разочарование в своих методах борьбы. В это время появился роман Савинкова «Конь бледный», который произвел впечатление. В свидании со Столыпиным я ему передал. По-моему, в этих кругах шло благотворное перерождение, какой-то надлом там шел, разочарование в методах. И, затем, поводов не было, не было среды такой, но, конечно, те немногие силы террористические и страсти, которые там были, [сходились] в отношении к отдельному лицу, которое своими реформами вырвало почву из-под ног таких лиц. На нем одном остаток революционных страстей и [террористических. — *Ред.*] замыслов останавливался. А затем те сведения, которые я получил от финляндских националистов...

Базили. Можно поставить в известную связь опасения земельных кругов, что земельная реформа Столыпина укрепит власть с уменьшением?[2]

Гучков. Земельная реформа служила укреплению общего порядка, [умиротворяла те] эсеровские элементы, которые пробивались из народнических кругов: тут отк-

рывалась возможность крестьянству окрепнуть. Какой энтузиазм вызвала реформа, связанная с земскими статистиками; землемеры, которые около крестьян работали, — перед ними открылись перспективы.
Базили. Направляя революцию в сторону укрепления собственности, это могло...
Гучков. Это могло раздражать те круги, которые послали Богрова. Это была кажется III Дума. Такой порядок был. Предъявлялся письменный запрос, и тем, кто вносил этот запрос, давалось слово. Я этим словом воспользовался и развил эту мысль, затем это должно быть передано в комиссию по запросам, но так как запросов было без конца, а я считал нужным просто дать ход этим мыслям, я не избегал и не искал продолжения этого скандала. Конечно, это очень мне было поставлено в вину.

С этого момента у меня впервые явилось какое-то недружелюбное чувство по отношению к государю, связанное с убийством Столыпина, и его поведению после смерти Столыпина. Он даже не остался на похороны, уехал в Чернигов, в Крым. Что меня особенно больно кольнуло, это та беседа с государем, которую мне передал Коковцов. Это характерно для всех порядков. Коковцов только что назначен, в Киеве его государь назначил. Государь уехал на юг, Коковцов вернулся в Петербург. Через две-три недели накопились вопросы, Коковцов поехал в Крым. Во-первых, самая передача ему власти... Все министры собрались в Киеве на вокзале провожать государя. Государь, обходя всех, подошел к Коковцову и говорит: «Владимир Николаевич, у меня к вам просьба и у меня есть виды на вас. Я имею в виду назначить вас председателем Совета министров...»
Базили. Это было очень скоро после гибели Столыпина?..
Гучков. Столыпин только что умер, даже не похоронен. Государь назначает его в такой форме на вокзале. Все же такое смутное время, убит председатель Совета министров, министр внутренних дел. Так, знаете ли, лавочку не передают своему приказчику, как государь передает Коковцову Россию. Коковцов едет в Крым для доклада. Его принимают такими словами: «В. Н., я слышал, как вы себя окружили, как вы повели дело первые дни, я знаю ваши требования. Я очень рад, что вы не делаете того, что делал покойный Столыпин, который заслонял меня...» Коковцов тогда не имел особого теплого чувства к Столыпину. Разные натуры. Коковцов порядочный царедворец, бюрократ в плохом смысле этого слова... Все-таки это через две-три недели. У Коковцова вырвалась такая фраза: «Ваше Императорское Величество, покойный Петр Аркадьевич не заслонял Вас, он умер за Вас»[3]. Царь говорит с упрямством: «Он заслонял меня. Мне надоело читать каждый день в газетах «Председатель Совета Министров, Председатель Совета Министров!»

Меня так передернуло. Был государь маленький, вроде Вильгельма I, — он взгромоздился на плечи такого гиганта, как Бисмарк... Какие могут быть счеты, заслонять... Та очень скромная популярность, которой Столыпин пользовался, довольно одинок он был... В противоположность многим другим министрам Столыпин никогда [не позволял себе] ни одного слова осуждения, ни цитирования какого-нибудь факта, который мог бы представить государя с непривлекательной стороны. Наоборот, все, что только можно было делать хорошего, он приписывал государю. У меня были добрые отношения с П. А. Не припомню какого-либо факта, которым он охарактеризовал бы с противоположной стороны Государя, никогда. И оказывается — «заслонял».

Тогда мне вспомнилось: в начале своего правления Столыпин тяжело заболел, второй раз в 1909 г. он был тяжело болен воспалением легких. Доктора приказали ему после выздоровления проделать такой курс лечения морским воздухом, государь предоставил одну из яхт в его распоряжение. Тогда еще террор был силен, а так как на яхте можно было создать безопасность, он с семьей по шхерам разъезжал... К 1 января каждый год морской министр представлял Государю список яхт для распределения по разным категориям. И вот тогда морской министр государю назвал яхту, на которой Столыпин ездил, и спросил, в какую категорию ее зачислить. Государь воскликнул: «Ну уже, конечно, не Столыпинская яхта»...

Третий эпизод характерный. 1908 год. Свидание государя с королем Эдуардом. Вот это был как раз апогей престижа Столыпина. Революционный период закончился, начала какая-то работа налаживаться. Это был медовый месяц Столыпина. Интересный человек. Эдуард очень интересовался Столыпиным, всегда искал возможности с ним поговорить. Встреча ли была на императорской яхте, он всегда

искал возможности с ним поговорить. Столыпин отлично говорил по-английски, кругом фотографы, получалось: грузная фигура Эдуарда, большая фигура Столыпина, затем все это в английских журналах было. Я знаю от Нилова, что коллекционировали эти фотографии и незаметно подсовывали государю: так встреча с Эдуардом отражается в прессе английской — Столыпин, Столыпин, Столыпин...
Базили. Кто вел эту борьбу, кто старался дискредитировать Столыпина?
Гучков. Воейков. Надо было принадлежать к интимному кругу царской семьи, чтобы этим пользоваться.
Базили. Я был в Ставке свидетелем того, как Воейков интриговал против Кривошеина и Сазонова. Это очень странное влияние Воейкова. Государь Воейкова не любил, но Воейков странная была фигура, Воейков всегда был у него. Я имел несколько разговоров с государем во время моего пребывания в Ставке, у меня было с государем всего два-три разговора. Государь поручил мне писать письма иностранным государям: королю румынскому и Пуанкаре. Я написал королю румынскому целый ряд вопросов. Государь был очень доволен этим письмом. Он говорит со мной об этом письме. Приятный мне разговор, но длинный. И вот я вижу, Воейков начинает приходить в неистовство и подходить во время разговора два-три раза: «Ваше Императорское Величество, Вас ждут...» Как только кто-нибудь, кто не был в этой маленькой кучке, обращал на себя внимание [государя], налаживались какие-то разговоры, которые могли быть сегодня об этом, завтра о чем-нибудь другом, — сейчас же [начиналось противодействие].
Гучков. Такой эпизод. Полтавские торжества — юбилей Петра Великого. Столыпина занимала мысль: довольно редки поездки государя в провинцию, надо этим [случаем] воспользоваться, чтобы создать народные празднества вокруг него. Был составлен план, из целого ряда окружающих губерний созваны волостные старшины присутствовать на торжествах. Для них был выстроен целый лагерь под Полтавой. Столыпин хотел поближе свести государя с крестьянством, а так как этот вопрос все-таки в церемониал не входил, крестьянство присутствовало, но не было общения, то как-то врасплох Столыпин говорит: «Ваше Императорское Величество, было бы очень желательно, чтобы Вы их посетили». Государь говорит: «Охотно». Но ему кто-то такой говорит: «Ваше Императорское Величество, ведь это не предусмотрено, Вы должны быть там-то и там-то».

Столыпин его повез туда, несмотря на протест церемониальной части. Государь обходил всех. Вели они себя, эти мужики, совершенно идеально, т. е. никаких не было просьб, они так были на верху счастья, что государь к ним пришел, все ответы, которые ему давали были тактичны до высокой степени. Государь ходил и душевно радовался, как в теплой ванне пребывал, какой-то фимиам шел обожания, чувствовал как эти люди к нему относятся. Он всех обошел. Государь сказал: «Однако я здесь больше задержался, чем нужно было, остальные номера с опозданием, я здесь двадцать минут пробыл». Столыпин вынимает часы: «Ваше Императорское Величество, два часа». Государь пробыл два часа с мужиками и не заметил.
Базили. Это очень интересно, это показывает, до какой степени, если бы этот человек попал в другие руки, в руки действительно преданных стране людей, из него можно было бы сделать Большого Монарха, но доверие его пошло в другую сторону. Это его погубило.
Гучков. Еще один эпизод расскажу, который характерен по отношению к Столыпину. В III Государственной думе мы застали министра народного просвещения Кауфмана. Он был во главе ведомства императрицы Марии. Он не был на высоте Министерства народного просвещения. Времена трудные были, разруха в школе, гимназии, особенно университеты, профессора... Разрушение какое-то шло. Надо было бы привести школу в порядок, но это не значит, что тот, кого назначили, был удачен. Назначили Шварца, очень хорошего педагога, знающего свое дело, но [это был] какой-то формалист. Жизнь он не знал, не признавал. Он стал приводить высшую школу в порядок. Сообразовываясь с нормами закона, он обнаружил, что в жизнь высшей школы вошло такое самовольное явление — студентки. Не допускать студенток. Оказалось, что 600—800 девушек оказались университетскими студентками. Еще кончающих курс не было. Многие из них приехали из-за границы, учились в Женеве.

И вдруг мы в Государственной думе узнаем, что Шварц разослал циркуляр — всех девиц выкинуть вон. Я вижу, какая радость на левых скамьях. Великолепный

случай правительство дискредитировать, я вижу там злорадство, запрос готовится. Я сам чувствую, что правительство совершенно неправо. Мне хочется спасти правительство от бламажа... Тогда я иду к Шварцу, потому что у меня добрые отношения. Отказ: закон. Тогда я иду к левым. Как сейчас помню, я к некоторым из них относился терпимо, к другим брезгливо. Я относился брезгливо к Чхеидзе с его ненавистью к буржуазному строю, русскому народу, к России самой. Он из злобных был, он глава социал-демократической партии (фракции. — *Ред.*). И почему-то не кадеты, а этот идет с запросом. Я иду и говорю: «Я слышал, что вы собираетесь такой запрос предъявить. Я хочу верить, что вы принимаете интерес в девушках, но ваш запрос загубит этих девушек. Поэтому к вам просьба». «Что же вы хотите от меня?» «Дайте мне срок два-три дня».

Тогда, не знаю, потому ли, что я сумел подойти, но он мне дал обещание, что запросов не будет. Тогда я взял с собой Анрепа, который был председателем Комиссии по народному образованию и по телефону снесся со Столыпиным и просил, чтобы он нас принял. И, как сейчас помню, поздно ночью, он в то время жил в Зимнем дворце, мы изложили положение. Столыпин очень мало знал. Я ему все рассказал и говорю: это вещь недопустимая. Конечно, незаконность налицо, но, если восстановлять закон, нужно карать тех, которые допустили: министр народного просвещения, попечители округов. Но ведь тут вы на тех, кто наименее виноват, обрушились. Столыпин стал на формальную позицию, защищал действия своего министра: «Он другого ничего не может сделать». Но сказал: «Я подумаю».

Когда мы поздно ночью вышли, Анреп говорит: «Я был прав, по-моему вышло. Столыпин понял всю жестокость этой меры, он примет это к своему производству». Я Столыпину сказал: «Имейте в виду, это вещь спешная, иначе будет скандал». Эти самые курсистки — они с самого начала предприняли шаги: образовались маленькие группы депутаток от студенток. Они обходили разных политических людей. Ко мне тоже пришла группа, четыре барышни, которые просили заступиться за них. Я говорю: «Обещайте, что вы ничего не предпримете. Ведите себя скромно и больше не обхаживайте никого. Если не удастся — делайте что хотите».

Звонок по телефону. Столыпин радостным тоном говорит: «А. И., все налажено, государь дал лично от себя распоряжение, чтобы никаких репрессивных мер в отношении тех, которые уже приняты, не было, а что касается допуска женщин в университеты, будет законодательная мера. А кроме того, я хотел бы вас видеть». Он хотел, чтобы я знал некоторые подробности. Он мне рассказал, что на другой день после [нашей] беседы с ним он отправился к государю, говорит, что допущена такая незаконность [в отношении] 600—800 девушек. Теперь министр Шварц ничего не может сделать. Но, Ваше Императорское Величество, он говорит, есть одна инстанция, которая может творить правду, становясь выше всяких законов. Государь улыбнулся и сказал: «Вы меня имеете в виду». Столыпин говорит: «Да, Ваше Императорское Величество...», и далее, не знаю в какой форме, что не [следует] допускать удаления, и Столыпин прибавил при этом: «Вас будут спрашивать, как это произошло, объясните им, что правительство ничего не могло делать, как исполнять закон, а та милость, которая им оказывается, — милость Государя Императора».

Базили. Как произошло, что Столыпин оценил так верно земельные реформы?..

Гучков. Он сам из помещиков, он крестьянское хозяйство, помещичье хозяйство знает; [побыл и] в качестве гродненского губернатора. Эта западная губерния гораздо ближе стояла к нуждам населения, там губернатор был, как председатель губернской земской управы — близко к этим вопросам стоял. Так как он человек просвещенного ума и не был, как Хомяков, противник земельной реформы, поэтому [ему не была чужда] идея создания частной крестьянской собственности... Знакомство с русской деревней, во-первых, и идеи западные, во-вторых. В нем отсутствовал социальный элемент, Столыпин был представитель государственной идеи. Государство нуждается в богатом крестьянине, а если благодаря этому помещики не могут иметь крестьянский труд — пусть перестроятся. Он к этому пришел, видимо, давно.

Первое мое соприкосновение с ним, когда он был во главе правительства и после неудачи Витте. Когда Столыпин на первых же порах приступил к такой же идее, он имел в виду Шипова, Львова, меня; он в первые дни своего появления у власти развивал эту идею. Он убеждал Львова взять на себя, говоря, что нет предела

той земельной реформы, которую он имел в виду; [намереваясь исполнить] все, что требуется в смысле государственных жертв, чтобы расширить площадь крестьянского земледелия, [предоставить] льготы по покупке земель,.. что нет предела — это основа всего. Если только нам эта земельная реформа не удастся, то всех нас надо гнать поганым помелом. Он указывал, что между Львовым и им, разницы по существу нет большой, он не допускает революционного элемента в эту реформу.

Базили. Это так легко было сделать. Все дворянство в долгу, как в шелку. Просто курс поставить определенный.

Гучков. Это в нем давно сидело. Потом, когда он приступил к реформам, он нашел этот вопрос подготовленным. Разработка шла по Министерству внутренних дел. Это была работа В. И. Гурко в качестве товарища министра; ближе подошел к этим идеям и тот законопроект, который правительство провело в порядке 87 статьи, этот закон составлен главным образом на основании проектов, подготовленных в министерстве Гурко.

В противоположность тем, которые думают освободить и предоставили крестьян самим себе, он предполагал, что это первый шаг к дальнейшему. Подъем культурный крестьянства. Раз вы вышли из общины, сделались земельным собственником, вы вправе приобщиться ко всем тем экономическим и финансовым благам, с которыми связан личный кредит, особенно крестьянские банки, которые давали возможность мелким собственникам улучшить хозяйство. [Наряду] с этими экономическими мерами была принята мера подъема общественного и социального уровня крестьян, подготовки их к идеям самоуправления в тех пределах, в которых их навыки давали возможность, [поставлен] вопрос о волостном земстве. Мужика пустили в губернское земство — там он теряется; в уездном — тоже, но он думал создать из волостных земств хорошую школу для крестьянства. И, наконец, поднятие умственного уровня крестьянства посредством школы. Со времени III Думы много было сделано в смысле образования. Такая работа обещала нам лет через десяток — два—три получить новое крестьянство.

А волостное земство вот в каком виде. Оно было коньком либеральных партий. Столыпин очень сочувственно к этому относился. Разумеется, правительство не выполнило всех ожиданий, так как в волостном земстве предполагалось слить в общей работе разные группы населения, начиная от помещика, собственника завода, местного священника, доктора и лавочника и, наконец, просто крестьян. Надо было против засилья крестьянской массы оградить этих представителей. Поэтому вводились некоторые нормы, ограничения, волостное земство было поставлено под известный контроль, пока формы самоуправления еще не созрели, требовалось руководство.

Левые встретили волостное земство в штыки, в правых кругах несочувственно. Мы, в середине, мы были сторонниками этого. Наш докладчик Глебов, предводитель дворянства Нежинского уезда, был немножко склонен к левизне в этих вопросах. В законопроекте, поскольку он прошел комиссии Думы, Глебов дал уклон несколько более в сторону левых ожиданий. И сделал его малоприемлемым. Даже для правительства характерно было, что этим левым поправкам правые элементы не препятствовали. В таком виде это попало в Думу. Столыпин несколько раз пытался Глебова и некоторых членов этой комиссии обламывать, чтобы они пошли на уступки, которые сделали бы этот законопроект приемлемым. В конце концов этот законопроект прошел и поступил в Государственный совет, а там он не успел пройти. У Столыпина был один недостаток: он не умел рекламировать ни себя, ни своего правительства, ни программы.

5 апреля 1933 г.

Гучков. С первых же дней существования Временного правительства я почувствовал его шаткость — та санкция сверху, та преемственность, тот легитимный характер, которые были бы ему даны новым монархом, занявшим место прежнего, отрекшегося, исчезли с отречением великого князя Михаила Александровича. И в то же время под него не были подведены снизу какие-либо прочные устои. Не было санкции народного избрания, не было законодательных учреждений, опирающихся на народную волю, и не было ничего конкретного. Были только общие смутные

чувства симпатии, доверия, но и эти чувства не были ярки, не были прочны. В отдаленном будущем предполагалось созвать Учредительное собрание, но ни срок созыва, ни состав собрания, ни способы его избрания не были еще определены. Разработку всех этих вопросов передали в особую комиссию юристов и государствоведов. И представлялось еще большим вопросом, удастся ли провести выборы и созвать Учредительное собрание в то время, когда на фронте еще бушевала война.

Итак, Временное правительство висело в воздухе, наверху пустота, внизу бездна. Получалось впечатление, какого-то акта захвата, самозванства. Единственный выход из этого состояния изолированности я видел в созыве законодательных учреждений, во всяком случае Государственной думы, все же покоящейся на народном избрании. Наиболее правильным актом я считал созыв Государственной думы в том составе, в каком застал ее переворот, но я готов был примириться с некоторыми частичными поправками в виде дополнения ее состава представителями каких-нибудь групп населения, не представленных или слабо представленных в Думе. Подобные перелицовки общественных учреждений уже стали практиковаться кое-где путем введения в городские думы представителей демократических групп.

Еще в одном отношении Временное правительство, по моему мнению, крайне нуждалось иметь рядом с собой законодательные учреждения. Оно нуждалось в трибуне, в возможности говорить общественному мнению, народным массам через головы законодательных учреждений. Оно нуждалось также в критике, нуждалось в необходимости объяснять и оправдывать свои действия. К вопросу о созыве Думы я возвращался несколько раз в беседах со своими товарищами по Временному правительству. И не нашел ни одного сочувствующего этой идее. Я даже не нашел никого, кто ощущал бы так остро, как я, это состояние заброшенности, изоляции Временного правительства.

Характернее всего были слова А. И. Шингарева, который, объясняя свое отрицательное отношение к моему предложению, как-то заметил: «Вы предлагаете созвать Государственную думу потому, что вы недостаточно знаете ее состав. Если бы надо было отслужить молебен или панихиду, тогда стоило бы ее созвать, но на законодательную работу она неспособна». А. И. Шингарев имел в виду тот состав IV Думы, который образовался в тех условиях административного давления. В частности давления церковных властей, в которых проходили выборы в эту думу.

У меня получилось ощущение, что отрицательное отношение к идее созыва законодательных учреждений объяснялось отрицательным отношением большинства членов Временного правительства, принадлежавшего к кадетской партии, к данному составу Государственной думы, где эта партия была чрезвычайно слабо представлена. По-видимому, у них было ощущение, что они не найдут прочного большинства в Государственной думе, в чем они, по моему глубокому убеждению, очень ошибались. В общественном мнении, да и в самой Думе, несомненно, произошли глубокие сдвиги. Те общественные классы, которые были представлены в Думе и образовывали думское большинство, смотрели на Временное правительство как на последнее прибежище в создании государственной власти и в ограждении страны от анархии.

Потерпев неудачу внутри Временного правительства, я попытался найти союзников вне среды лиц, которые могли иметь известное влияние на решение правительства, но и там эти союзники оказались немногочисленны. Среди членов Думы, и в частности среди Думского комитета, я нашел только двух, которые готовы были поддержать мою идею. Это были М. В. Родзянко и В. А. Маклаков. Другие либо относились отрицательно, считая, что Дума в силу цензового характера своего избрания дискредитирована в глазах народных масс, во всяком случае не авторитетна, и потому не ждали большого толка от ее созыва, либо не искали (и скорее избегали) случая разделить с Временным правительством ответственность в деле управления государством.

Если бы Временное правительство решилось созвать Государственную думу, она собралась бы и громадным большинством поддержала правительство. Дума в своем громадном большинстве не рвалась к активной роли и отказывалась производить на правительство нужное давление. Все же благодаря настояниям М. В. Родзянко и моим удалось добиться созыва Совещания, но раннего и однократного

составов всех 4-х Государственных дум. Такое совещание было приемлемым для противников созыва Государственной думы как определенного государственного установления, ибо, во-первых, в состав этого Совещания входили первые две Думы с их ярко демократическим характером и революционным прошлым. Во-вторых, такое Совещание не угрожало стать прочным государственным учреждением. При таких условиях Временное правительство сохраняло всю полноту государственной власти.

Те впечатления и наблюдения, которые я вынес от соприкосновения с Совещанием четырех Дум, меня еще более убедили в необходимости для Временного правительства иметь над собой или рядом с собой правильно сконструнрованные государственные учреждения. Прохождение через такое законодательное учреждение проектов правительства гарантировало бы до известной степени их большую продуманность и обоснованность, и вместе с тем трибуна этого законодательного учреждения давала возможность правительству живыми речами осведомлять общественное мнение и примирять его. Получалась какая-то связь со страной, возможность на нее опереться. В сознании необходимости существования такого законодательного учреждения я готов был идти даже на такие уступки, как образование такого учреждения из состава всех четырех Дум. Лучше было иметь такую несколько распухшую и уродливую Думу, чем не иметь ничего.

Но время шло. Комиссия, вырабатывавшая положение об Учредительном собрании, торопилась закончить свою работу. Предвиделись выборы в Учредительное собрание. Интересы и шансы к созыву Государственной думы все слабели. Значительно позднее потребность в подведении каких-то общественных фундаментов под Временное правительство нашла себе выражение в двух направлениях. В Москве состоялось так называемое Государственное совещание, в Петербурге под самый конец существования Временного правительства был собран Предпарламент. Московское совещание совсем не претендовало стать постоянным установлением. Петербургский предпарламент исчез под ударом грозных событий.

10 февраля 1936 г. Беседа с А. И. Гучковым

А. И. на обращенный к нему вопрос сказал, что его письмо к графу В. Н. Коковцову имело целью только указать, что в вопросе о гибели царской семьи он всецело примыкает к взгляду, высказанному В. Н., а не к взгляду П. Н. Милюкова[4]. Однако опубликовать в таком виде письмо не имеет смысла, потому что нужно было бы его обосновать. В настоящее время он занят этим с помощью своего племянника П. Н. Гучкова и Руманова.

А. И. считает, что положение сделалось безнадежным с того момента, когда великий князь Михаил Александрович отказался санкционировать происшедшее. Рядом с Советом раб. и солд. деп. Временное правительство было совершенно бессильно, и он, А. И., сознавал это с первой минуты. П. Н. Милюков, который имел дело с Палеологом и другими послами и занимался обменом нот, не мог знать надлежащим образом настроений. Он, Гучков, соприкоснулся с массой, он буквально купался в солдатских делегациях. Пришлось ему бывать и на фронте и для него совершенно было ясно, что Временное правительство абсолютно ни на какую силу опереться не могло. Оно всецело находилось во власти Ахерона, который грозил каждую минуту затопить его. А. И. неоднократно обсуждал этот вопрос с ген. Корниловым, который смотрел на положение дел совершенно так же.

Держалось Временное правительство только иллюзиями, и иллюзия была с обеих сторон: со стороны Временного правительства, которое полагало, что оно может на какие-то силы опереться, и со стороны Совета раб. и солд. деп., который не сознавал своей силы и думал, что за Временным правительством стоят какие-то силы. В действительности Временное правительство было совершенно голым. «А король-то был гол!» Надо было избегать всего, что могло бы обнаружить эту наготу.

Когда собралось Временное правительство и стали обсуждать вопрос о положении царской семьи, все без исключения, не исключая и Керенского, самым искренним образом были озабочены вопросом о спасении царской семьи. Но ввиду настроения Совета раб. и солд. деп. надо было действовать так, как будто делается

это по настоянию англичан. Иначе это могло бы только возбудить подозрения революционно настроенных масс, угрожавшие опасностью царской семье. Попытка вывезти царскую семью без подготовки могла бы привести к тому, что они были бы задержаны на границе и местный Совет раб. и солд. деп. их расстрелял бы.

Это вопрос, на котором лучше всего обнаружилась иллюзорность власти Временного правительства и его полное бессилие. Из 200-тысячного петербургского гарнизона только 4200 молодых офицеров и юнкеров были действительно верны правительству. Молодежь эта действительно была склонна к активным действиям. Но генералы, которые потом пошли в белое движение, тоже не верили в возможность каких-либо активных действий. Даже в вопросе о терроре только молодежь, лица не старше ротмистра, высказывались положительно.

На мой вопрос, на кого же тогда предполагал опереться ген. Корнилов в своей августовской попытке, А. И. ответил: Корнилов неоднократно указывал ему, А. И., что он, А. И., как «буржуй», не может рассчитывать увлечь за собой войска. Напротив, по его мнению, Керенский, который представлялся им своим человеком, мог бы это сделать. И свое выступление Корнилов рассматривал как coup d'Etat [государственный переворот], который должен был быть произведен под флагом Керенского. А. И. был осведомлен об этом ген. Крымовым, покончившим с собой при неудаче. Ген. Крымов со своими казаками должен был, по плану Корнилова, явиться авангардом движения. Казаки эти пока подчинялись Крымову, но по мере приближения к столице разложение сказалось и у них. У Керенского в последнюю минуту не хватило мужества, и когда была получена его дезавуирующая телеграмма и Корнилов не двинулся, Крымов оказался в таком положении, что покончил с собой. Адъютант Крымова передал А. И., что, когда он раненый лежал на полу, он сказал: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил»[5].

На дальнейший мой вопрос, каким же образом удалось подавить восстание 3 июля, А. И. ответил, что с помощью небольшого количества верных юнкеров и офицеров можно было оказать сопротивление, но никаких самостоятельных активных действий предпринять нельзя было. Может быть, если бы в апреле толпа, собравшаяся перед Мариинским дворцом, который находился под охраной офицеров и юнкеров, попыталась напасть на него, последующее получило бы другое развитие.

В конце А. И., возвращаясь к вопросу об отказе великого князя Михаила Александровича, сказал: «Маклаков прав. Это определило неизбежно все последующее[6]. Когда последовал отказ, я заявил, что не войду в состав Временного правительства. Но меня стали упрашивать, не исключая Керенского, и у меня было ощущение, что если я не пойду, это будет дезертирством. Оставаясь верным своему прошлому, после отказа великого князя я не должен был пойти во Временное правительство».

Примечания

1. *Богров Дмитрий Григорьевич* (1887—1911), помощник присяжного поверенного. 1 сентября 1911 г. смертельно ранил Столыпина во время торжественного спектакля в Киевском оперном театре в присутствии Николая II. После казни Богрова в прессе появились сообщения о его связях с Киевским охранным отделением (в дальнейшем они были подвергнуты сомнению). Принимавшие участие в казни Богрова Сергеев и Кузнецов впоследствии были приговорены советским судом к 5 и 3 годам заключения соответственно (Известия, Одесса, 30.X.1927).
2. Так в тексте.
3. Разговор Николая II с Коковцовым вошел в публикацию «Из воспоминаний А. И. Гучкова» (Последние новости, 2.IX.1936), что вызвало незамедлительную реакцию Коковцова. В письме в редакцию он отрицал приписываемую ему фразу, а также указывал, что в период с сентября по декабрь 1911 г. с Гучковым не встречался (Письмо графа Коковцова. — Последние новости, 6.IX.1936).
4. Здесь имеется в виду разгоревшаяся в парижской эмигрантской прессе полемика по поводу прочитанного Коковцовым 19 января 1936 г. в общем собрании «Союза ревнителей памяти императора Николая II» доклада «Была ли возможность спасти Государя и его семью в условиях между его отречением в Пскове и роковой развязкой в Екатеринбурге?» С небольшими сокращениями доклад был напечатан в «Последних новостях», 21,22,23.I.1936 под заглавием «Возможен ли был выезд имп. Николая II за границу». Коковцов утверждал, что Временное правительство, уступив давлению Петроградского Совета и отложив предполагавшийся в первые дни революции отъезд царской семьи в Англию, несет часть ответственности за ее гибель. Первым, еще при жизни Гучкова, на выступление Коковцова отреагировал Милюков. Он писал, что помешал отъезду за границу отказ со стороны Англии по требованию премьер-министра Ллойд Джорджа, вопреки ранее данному согласию на предоставление убежища царской семье (Милюков П. Кто виноват? (по поводу доклада графа В. Н. Коковцова). — Последние новости, 26.I.1936).
В последние дни своей жизни Гучков занимался составлением письма, в котором собирался поддержать Коковцова. Это письмо, даже если оно и было закончено, опубликовано не было. Племянник Гучкова — П. Н. Гучков, сын его брата Николая, бывшего Московского городского головы (1905—1913), умер в эмиграции в 1934 году.
Историей несостоявшегося отъезда царской семьи в Англию интересовался Базили, собирая материалы для книги. На эту тему он беседовал с Лукомским, Гучковым, Керенским, Марковым, обращался с письмами к дочери английского посла в России М. Бьюкенен и Милюкову (Архив Гуверовского института. Коллекция Базили. Ящ. 17 (беседа с Лукомским 24.III.1933 г.); ящ. 24 (личные записи Базили); ящ. 1 (Базили — Милюкову 24.XI.1932, Базили — Керенскому 6.II.1933, Базили — Н. Маркову 1.V.1934).
5. На полях рукописи против этого места сделана запись: «Не для опубликования».
6. В 1927 г. Маклаков выразил печатно свое мнение по поводу подписания великим князем Михаилом Александровичем манифеста об отречении. Уступая требованию членов Думского Комитета, писал Маклаков, великий князь подписал 3 марта «странный и преступный манифест», который, по существующей конституции, не имел права подписывать, даже если бы был монархом. Игнорируя мнение думского большинства и наперекор основным законам, он передал Временному правительству (вплоть до выборов в Учредительное собрание) власть абсолютного монарха, которой не обладал. Возникшая в результате этого акта анархия, по мнению Маклакова, была навязана сверху, но вскоре использована правительством для оправдания своей слабости. Сначала Временное правительство якобы само нарушило конституционный порядок, а потом посчитало, что сохранить этот порядок — выше человеческих сил. «Придя к заключению, что борьба невозможна, — продолжает Маклаков, — правительство первым уступило в борьбе с анархией» (Маклаков В. Предисловие к кн. La Chute du Regime Tsariste — Interrogatoires. P. 1927, p. 12). При этом упущено, что с точки зрения существовавших законов передача власти Николаем II брату (с отказом за наследника) была тоже неправомерной.

Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции

№ 61. 1/X 906.

1) Вопрос *Лучицкого* относительно циркуляра, разосланного ведомствам, чиновникам о выходе из К. Д. партии[1]. Особое положение профессор[ов]. Решено вызвать в Петербург в четверг 5/X Моск. чл[енов] ЦК профессоров Шерш[еневича], Котляревск[ого], Вернадск[ого], Кизеветтера, Новгородцева в кв. Муханова в 12 час. у[тра].
2) Благодарить Муханова и Протопопова[2].
3) Пленарное заседание собрать в Москве в конце октября (через месяц) (28/X?).
4) Изгоев предлагает распределить обязанности между чл[енами] ЦК.
5) Что нам делать в виду необходимости заинтересовать членов партии в работе на местах; он предлагает подготовление к выборам и, м[ожет] б[ыть], участие в пленар. засед[аниях] ЦК губ. к-тов, к-рое д[олжно] заменить общ[ий] съезд. Принята замена общ. съезда плен[арным] заседанием с губ. представителями в случае объявл[ения] выборов в течение октября.
6) Вопрос о пересмотре законопроекта о мест. самоуправлении. Вопрос о мелк[ом] земск[ом] упр[авле]нии.
7) Просить выяснить И. И. Петрункевича и А. А. Корнилова, где и из каких лиц и с какими средствами возможно пустить в ход дело о земском самоуправлении.
8) Об аграрной комиссии. (В Москве: Мануилов, Якушкин, в П[етер]бурге: Черненков, Чупров, Кауфман, Кутлер.) Избраны для организации этого дела Муханов А. А. и Черненков Н. Н.
9) В Москве в 2 часа 7/X дня заседание у Долгорукова.
10) 3/X в 7 час. вечера у Муханова засед. ЦК.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 17—17 об.

№ 62. 3/X 906.

1) Циркуляр организац[ионной] к-сии. Принят проект Колюбакина[3].
2) *Изгоев.* О начале избирательной кампании. Избирательные поездки лидеров. Поручено секретариату выработать план поездок членов ЦК и, обсудив этот план в Моск. отд., доложить к-ту.
3) По делу Кроля ЦК признает такие обращения несвоеврем[енными][4].

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2, 5, 6, 9, 12.

4) Пока резолюции [съезда] не печатать.
5) Поручено собрать Петерб. к-т Гессену И. В.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 19.

№ 63. 5/X 906

1) По заявл[ению] Колюбакина дать студ[енческой] группе 50 руб. на организацию продажи наших изданий.
2) Вопрос о Мандельштаме. 1) О смысле исключения. 2) О значении поступка Мандельштама как вредном[5]. 3) О том, что все же нам грозит раскол. 4) О том, что ЦК есть учреждение конспиративное и может действовать только при полном взаимном доверии к своим членам.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 22.

№ 64. 7/X 906 в Москве

1) Вопросы организационно-агитационные. Доклад Колюбакина[6]. 1) Вопрос об округах. 2) Курсы.
Вятка и Пермь — к Петербургу. Казанск. Окр. Сам. Каз. Уфа и Симбирск. Саратов. Пенза. Тамбов. Уральск[7].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 23.

№ 65. Журнал заседания ЦК К. Д. партии 14 октября 1906 г.

1. Ввиду последовавших распоряжений правительства о составлении списков лиц, имеющих право участия в выборах в Государственную Думу, ЦК признал необходимым без замедления приступить к подготовке избирательной кампании. С этою целью постановлено пригласить на пленарное заседание съезда, имеющее быть в Москве 28 октября с. г., представителей от губернских и столичных групп. На разрешение совещания должны быть поставлены следующие вопросы избирательной кампании: 1) Выработка избирательной платформы. 2) Тактические приемы избирательной кампании в зависимости от условий настоящего времени (в частности вопросы о блоках и соглашениях с другими партиями и союзами). 3) Выяснение результатов ограничений избирательных прав крестьян и рабочих, устанавливаемых разъяснениями Сената, и выработка способов борьбы с ними.
2. Для разъяснений недоразумений, вытекающих из применения избирательного закона, по предложению А. М. Колюбакина постановлено образовать при[8]...

14 октября [1906 г.]. Заседание ЦК.

По вопросу о составе съезда на 28 октября с представителями местных групп. Решено — созывать для целей выборной кампании. 1) Избирательная платформа. 2) Тактические приемы текущей избирательной кампании в связи с обстоятельствами последнего времени. 3) Выяснение результатов сенатских разъяснений[9] и способы борьбы с ними.
И. Гессен полагает, что вопросы о блоках уже решены ранее, где ЦК принадлежит право воспрещения.
Вл. Гессен считает, что желательны указания с мест и отсутствие противоположных указаний.
А. Муханов. Вопрос частный. Не следует вносить предложений, по которому[10] не может быть предварительных решений.
Гредескул считает, что не следовало бы объединяться ни направо, ни налево, а вести свою линию.
И. Гессен. Необходимо собрать материал для суждения о влиянии разъяснений Сената.
Юридическая комиссия по выяснению возникающих вопросов. При выборах комиссии [избраны]: Набоков, И. Гессен, Вл. Гессен, А. Муханов, А. Колюбакин, Каминка, С. Муромцев.
Обращаться в редакцию «Право».

Милюков выдвинул вопрос в отношении кандидатур бывших членов Думы.

Колюбакин считает необходимым обсудить вопрос об избирательных блоках.

Милюков. Возникает вопрос об объединении чиновничества внепартийного под влиянием партии Нар. Своб. Просит заключения ЦК. Блоки.

Гессен. В СПб вопрос возник и все левые уже объединились и решились: к К. Д.; Румянцев, Анненский, Салазкин и Лутугин. Желают получить ответ.

Петрункевич. Необходимо считаться с действительными силами. Н. С.[11] силы совершенно неопределенны. С. Д. по решению Сената[10]. Реальная сила их значительно уменьшилась. Поэтому наше соглашение не может быть в настоящее время выдвинуто. Тем более что такое действие может перекинуть среднего обывателя значительно правее.

Гессен считает, что некоторые из объявленных имен может навредить по своим именам[10]. Отношение их показывает, что претензии их решительно ни на чем не основаны. В форме, которой предлагается, является совершенно неприемлемыми.

Муханов. Вопрос частных соглашений и своевременно будет обсужден Петербургским комитетом.

Гредескул. Присоединяется к высказанным мнениям и что можно выдвинуть рабочих.

Протопопов требует решительного ответа.

Изгоев полагает, что блоки должны быть сосредоточены на [основе] профессиональных, национальных и других бытовых групп.

Решено — неприемлемо. Резолюцию следует отпечатать на мимеографе.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 41—43.

№ 66. Заседание 20 октября [1906 г.].

1. О чиновниках. Признать.

2. Заявление архимандрита Михаила экстр[аординарного] проф[ессора] по церковному праву: вступает в партию — выступает в Симбирске (христиан.-соц.); просит поддержки — переговорить с Метальниковым и написать в Симбирск. комитет.

3. Следующее заседание 24 октября.

Авг. Исак. Каминка 3-й избир. кампания.

Изгоев. Против подробности программы, считает необходимым выдвинуть (реформа органов самоуправления и[8].

Черненков считает, что теперь — платформа должна отвечать настоящему моменту: полноправная Дума и аграрный вопрос.

Изгоев считает необходимым выдвинуть только два вопроса, для укрепления Думы (самоуправление и земельный вопрос).

Черненков настаивает на очередных вопросах и считает, что [вопрос] о работе в Думе следует отодвинуть.

Каминка считает, что необходимо указать на реальную работу, укрепляющую положение Думы.

Милюков указывает на подробности платформы (ближе к программе) и считает, что необходимо сократить, изменивши угол зрения. Вопрос в том, *как* мы будем добиваться. Задача заключалась в том, чтобы указать на 3 съезде, что́ нужно сделать, укрепляя деятельность Думы (избират. закон и свободы). Вопрос борьбы за власть уже выдвигался, и на нем Дума потерпела крушение в первой Думе. Избиратель как реалист потребует ответа на вопрос об укреплении Думы. — Вопрос о реорганизации органов самоуправления на демократических началах. Вопрос о расширении прав Думы надо поставить как цель, но обещаний давать невозможно. Вопрос об отношении к правительственным законопроектам необходимо обсудить до Думы.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 45—45 об.

№ 67. Заседание 24 октября [1906 г.]

1) Николаевской группе послать 500 экз.

Образована комиссия.

2) *Гредескул* — костромские дворяне предполагают принять в состав костромского дво-

рянства всех исключенных за подписание Выборгского воззвания. По мнению их, это по настроению вполне возможно.

Петрункевич полагает, что это будет иметь весьма большое практическое значение. Опубликование считает нежелательным. *Гессен и Винавер* считают нужным спешить с опубликованием.

Набоков считает, что теперь исключенных дворян нет.

Поручено Гредескулу запросить костромских дворян, изъявил согласие.

4)[10]. П. 5 резолюций съезда. Признать, что в период выборной кампании выполнение постановлений съезда по вопросу о пропаганде пассивного сопротивления[8].

Отношение в период выборов к бывш. чл. Думы.

1) *Петрункевич* считает совершенно невозможным ставить, совершенно безнадежны[10]. Выбирать невозможно.

2) *Каминка* находит необходимым избирать в городах в выборщики, не ставя их кандидатуры в Думу.

Гредескул считает, что в этом случае мы должны ограничиться реальным значением выборов, а не демонстрацией.

И. Гессен считает, что все должно быть предоставлено обстоятельствам каждого данного избирательного собрания. Директив давать не следует.

Милюков считает необходимым дать директиву на вопрос, поставленный кр[естья]нами.

Петрункевич считает необходимым разъяснить от ЦК то положение, которое может быть при выборе быв[ших] членов Думы и тот риск, который вытекает из закона.

Винавер находит необходимым дать директиву. Соглашается с Петрункевичем и Гредескулом.

И. Гессен считает невозможным решать такие постанов., особенно при общем пониженном настроении.

Набоков считает, что партийные органы не должны выставлять кандидатуры, которые неприемлемы по формальным причинам.

Струве присоединяется к мнению Петрункевича. Следует остерегаться также возможных подвохов со стороны правительства и широких сенатских толкований.

Милюков. Практического значения выборы иметь не могут, демонстративная может быть осуществлена далеко не всегда[10]. Директива должна быть партийным органам с правом отступления в благоприятных случаях.

Сергиевская 38—8$^1/_2$ завтра у Набокова.

Струве. Для комиссии по рабочему вопросу необходимы расходы на проезд. В Москве организовано отделение, на поездки нужно до 200 руб. кредита и привлечь платных работников.

Постановления ЦК 24 октября.

I. О переизбрании бывших членов Думы. Избрание лиц, привлеченных по 129 ст. Уг[оловного] Ул[ожения] не может иметь практического значения, вместе с тем грозит возможностью при устранении (от выбора) избранных лиц вступления на их место реакционных кандидатов. При вполне благоприятных обстоятельствах, когда исключение из списка выборщиков дает вступление прогрессивного же кандидата, в отдельных местностях могут быть поставлены кандидатуры в выборщики бывших членов Думы, привлеченных к следствию, но при условии полного выяснения избирателям возможных неблагоприятных последствий.

II. Признать, что в виду начала избирательной кампании пропаганда идеи пассивного сопротивления должна быть приостановлена.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. I, д. 28, лл. 47—49.

№ 68. Вопросы, подлежащие обсуждению ЦК 25 октября [1906 г.][12]

А. О подготовлении докладов к 28 октября. 1) Избирательная платформа — П. Н. Милюков. 2) Избирательная тактика — Колюбакин. И. И. Петр[ункевич] а) выбор лиц, привлечен[ных] по ст[атьям], лишающим права участия в выборах, б) соглашения с другими партиями. 3) Сенатские разъяснения по ограничению избирательного права. Обращение

Рижской группы — послать телеграмму. Кредит на рабочую группу. Послать в Кр[ест]цы — 50 экз. к кр[естья]нам и рабочим. Письмо Марковича передано М. М. Винаверу.

Петрункевич следует перечислить правонарушения и заявить, что[8]

Милюков. Сократить начало, опустить конец или перенести центр тяжести с обжалования. Пределы и важность нарушений. Политическая роль Сената.

Винавер предлагает перенести вопрос об обжаловании на совещание в Москве.

Поручено составление протеста П. Н. Милюкову и А. И. Каминке и опубликование до[8]

Доклад о тактике.

И. Гессен — необходимо поднять дух на выборах.

Винавер — вопрос об агитационных поездках.

Платформа.

И. Гессен считает необходимым, чтобы парламентарным путем, иным, [чем путем] установления прецедентов[8].

Изгоев — необходимо выдвинуть аграрный вопрос. Следует исключить слово «конфликт».

Петрункевич. Следует перестроить доклад к его ближайшей цели, и в этом случае необходимо выдвинуть аграрный вопрос. По вопросу о министерстве согласен с Изгоевым. Следует сократить доклад. Выдвинуть необходимость поднять дух.

Винавер подчеркивает необходимость местной реформы. Следует[8]...

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 50—51.

№ 69. Центр. Ком. 28 октября [1906 г.]. Москва[13].

Доложена программа занятий совещания. Доклад П. Н. Милюкова о платформе.

Гессен и *Винавер* подтверждают прежние замечания.

Якушкин считает необходимым перестроить доклад, т. к. вступление относится к тактике в Думе, а не [к] платформе.

Муханов считает, что министерские экскурсии в область аграрного законодательства не есть реформы, а разграбление земельного фонда[14].

Струве — считает, что термин «ответственное» министерство следует заменить термином солидарное с Думой. Возражает против отодвигания рабочего вопроса. Считает его и принципиально неверным и практически неосуществимым[10].

Совещание Центрального Комитета с пр[едставителями] губернских [групп]
в Москве 28 октября [1906 г.]

Предметы занятий: 1) Избирательная платформа. П. Н. Милюков. 2) Избирательная тактика: а) тактические действия в период избирательной кампании в связи с условиями настоящего времени (А. Камин[ка]), б) об избрании лиц, не имеющих права участия в выборах по формальным основаниям; в) блоки и соглашения с другими партиями. 3) Сенатские разъяснения избирательного закона, значение их для отдельных местностей и практические способы борьбы с ними (обжалование, А. И. Каминка).

ЦК. Предложение Харьковской группы.

О п. 5 постановлений Гельсингфорсского съезда.

Сообщение о финансах (Ржевская группа).

Сообщения Архангельской и Олонецкой группы.

Делегаты от ——— губерний и городов. Членов ЦК ——— лиц[15].

Заслушаны доклады *А. М. Колюбакина* о тактических действиях в связи с обстоятельствами настоящего времени, *Пав. Д. Долгорукова* о мелких избирателях, отчет Рузского уезда. *Кишкин* сообщает данные о постановлениях.

Иваницкий утверждает, что то, что мы не обращали внимания на 10-дворных...[16] Начал не сначала[17]. Разыскивать 10-дворных и волостных уполномоченных невозможно. Мелкие землевладельцы в настоящее время против нас. В прежнее время все сделали городские выборщики. Подчеркивает необходимость работы исключительно в городах. Приводит пример Харьковской губ. Мещанство может быть организовано и совершенно достаточно для подготовки предвыборных собраний.

Щепкин. В случае отказа в легализации необходимо избрать запасные комитеты. Подразделиться на мелкие группы — в городах это возможно. В городах следует обратить

внимание на пункты съездов из провинции (подворья, постоялые дворы, лавки для забора товара). Пресса — помещение воззваний в столичных [газетах].

Полторацкий. Реакционное настр[оение] общества и терроризированность населения. Комитет собирается конспиративно и действует так же. Даже во время Думы собрания происходили закрыто. Губернатор дал слово, что выборы пройдут удачно, отнимает подписку, адресованную губ. в губ. управу[10] (голоса: и в Московской, Владимирской, Костромской, Смоленской, Воронежской, Ярославской). Печать закрыта (Десна) и от типографий отобрана подписка, что не будут ничего печатать от партии. Мы согласились с одной из местных газет. 2 столбца арендовали. Ожидаем также высылки. Подчеркивает необходимость агитации среди мелких землевладельцев. Считает, что правые уже обеспечены. В некоторых управах нет даже данных о землях, купленных через Кр[естья]нский банк. Комитет издает брошюру для кр[естья]н об их участии, предлагает заявлять в уездную управу, как она приобретена. Издана по соглашению с левыми, которые и будут распространять. В деревне мы не сумеем и должны обратить внимание на города.

В. Е. Якушкин полагает, что настроение значительно упало в последнее время и необходимо это очертить, каково общее настроение в их местности. Привлечение мелких собственников. Необходимо приблизить избирательные съезды к населению. Следует этому препятствовать[10]. В Курск. губ., где выборы были сосредоточены абсентизм...[18], а где много пунктов...[18]

Пав. Д. Долгоруков возражает против конспирации, насколько это возможно. Сообщает данные об агитационных курсах в Москве, куда приехали ближайшие. Высказывает пожелание об устройстве их в областях. Издается брошюра в пособие агитаторов, выйдет в начале ноября. Указывает на необходимость воззвания в газетах о переизбрании вол[остного] схода. Это надо сделать скорее, не теряя времени. Мелких землевлад[ельцев] можно хорошо выбрать.

Успенский (Орловск. губ.). Дела не стоят хуже, хотя кр[естья]нское население и тихо, но сознание в кр[естья]нской массе поднялось. Разгон Думы выявил новые надежды и администрация не успеют[10]. Надо рассчитывать, что правых они выбирать не станут. При губернском собрании чрезвычайно важно поднять атмосферу в самом городе. Фиксирование лекций и митингов в губернских городах, а если возможно, то и в уездных городах. Своими силами мы этого сделать не можем. Состояние умов в провинции колеблющееся. Устройство собраний у нас еще возможно. Обращает внимание на прессу. В Орле предполагается издание партийного органа.

Протопопов. При неблагоприятных условиях — сообщает о Петербургской группировке. Обращает внимание на торговцев и необходимость бесед с ними, предпринимая обходы. Обращает внимание на мелких землевладельцев.

Имшенецкий (Полтавск.). Настроение населения «в селах все осило». Полагаем бороться с этим, т. к. понятие казачьей земли спутано, что из этого выйдет, неизвестно. Было послано извещение, что соберутся частные лица, и запретили, т. к. не определено цели. Пресса задавлена, и ничего быть не может, и нет никакой надежды. Всякие способы агитации закрыты. Запрещен даже выпуск телеграмм, что никаких вырезок кроме газет «Новое время», «Киевлянин». Угроза типографии, закрыли прессу. Надеялись на газету в Харькове, но предприятие не открылось. Может быть войдет в соглашение с «Киевлянином».

Шулепников (Кострома) вносит вопрос об общем отношении к циркуляру о выходе [из партии] состоящих на выборных должностях. Потребовали подписки от предводителей о выходе из партии. Необходимы общие меры. Агрессивная деятельность. Может быть, привлекут к ответственности. Подчеркивает необходимость лекций. Предположение о возможности исключения лучших членов из собраний. Лекция Гредескула то запрещалась, то разрешалась. Дальнейшее разрешение может быть заторможено.

Мандельштам предлагает выпустить сборник: извлечения из речей ораторов в Думе (как это сделано по аграрному вопросу). Это можно сделать в 2—3 недели. Партия Народной Свободы в Думе.

Ольденбург. По Тверской губ. положение печально, но прогнозов для выборов сделать невозможно, т. к. и другие находятся в разложении, каково и положение Союза 17 окт. Правые крайние не нашли 12 челов. для подписи, причем и среди них защищали Думу. Мы еще не приспособились к новым условиям. Лекции чрезвычайно важны, но организовать их невозможно. Как и распространять литературу. Надо новое соответственно ново[му] моменту. Нужно подготовить но[вые] издания. Прессы мало сил. В Америке для мелких городов печатается 1 страница.

Добровольский (Петербург). Необходимо считаться с обыкновенным обывателем Педагогически-специфической литературой, что мы не заведем туда, где крайние партии. Надо считаться даже с территориальными ограничениями. Кроме того, возможно ожидать, что все выступающие будут привлечены по 129 ст. Воззвания будут воспрещаться, их печатание в типографиях. Бюллетени.

Беляев (Курск). Кампания может быть ведена открыто; администрация не препятствует. Интерес кр[естья]н не понизился, хотят выбирать старых или новых [депутатов]. Необходимо устройство лекций. Мы считаем, что в городе Курске победа обеспечена. Кр[естья]нство отчасти оппозиционно, отчасти реакционно. Большое затруднение [вызвало] устранение бывших членов Думы. Подтверждает необходимость работы агентов и собрания выборщиков — приводит пример, что сделал один учитель по поручению партии. Предоставили квартиру за плату и там интеллигентные выборщики довершили. Черносотенная пресса борется и клевещет на членов партии, и, как кто что худо сделает, говорят, что это кадет. С ноября у нас будет издаваться газета. Большинство интеллигенции левее нас и ее конкуренция опасна. Циркуляр о выходе. Организация прогрессивных избирателей.

Алибеков (Баку) указывает на настроение мусульман как неустойчивое реакционное. Национальная рознь делает почти невозможными выборы по 1 от Баку и Тифлиса. Рассказывает подробно о прошлых выбор[ах]. Необходим приезд оратора в Баку и выслать агитационную литературу для перевода на местный язык.

Розенфельд (Смоленск) присоединяется по настроению к тому, что сказано об Орловской губ. Настроение. Партия деморализована за отсутствием работы. Необходим приезд оратора и возможно скорее. Желательно, чтобы сами лекторы испрашивали разрешение помимо комитета.

Шалый (Киевск.) подтверждает заключения о неблагоприятных условиях выборов. Настроение кр[естья]н стало сознательнее, и они передвинулись влево. То же можно сказать про Подольскую и Волынскую губ. Роль поляков-землевладельцев. Мы можем рассчитывать в воздействии на выборщиков. Возражает против издания органов, как дорогих. Говорит о присылке лекторов.

Бабин (Ярославль). Комитет закрыт еще в мае. Губерн. делят Россию, уничтожают православие и против...[18] вообще. Замирание деятельности партии и репрессии на членов партии. На местную прессу рассчитывать нельзя, т. к. объявление о заявлении квартиронанимателей повлекло запрещение. Приезд лектора необходим.

Перерыв до 8 ч. веч.

Лучицкий (Киевск.). Настроение общества до выборов было и раньше пониженное до момента самих выборов.

Топоркова. Об издании брошюр от народного права ряда работ: 1) Обращение к мелким избират[елям]. 2) Полемика с черносотен[ными] издан[иями]. 3) Разработка программ крайних партий. 4) Деятельность Думы (Герценшт[ейна], Якушкина, Протопопова).

Темы для составления брошюр. Совещание в понедельник в 10 утра в клубе.

Френкель. Поднятие самосознания; крушение левых организаций. Отсутствие опасности погромов — кр[естья]не отшатнулись от правой, в рядах стоит мелкая буржуазия. Гр. Орлов — Герценштейн бросил стулом в Думе, когда он объявил, что Государь желал передать кр[естья]нам землю[10]. Крайние на днях составили собрание — прикащики ответили, что следует выбирать чл[енов] партии Народной Свободы. Сейчас необходимо добавить новый психологический элемент. Как вести работу — мнение избирателей. 1) Мелкие торговцы предлагали свои услуги обхода квартир. 2) В одном уезде члены комитета объезжают деревни, беседуя со своими знакомыми. 3) Хождение оратора к слушателям. Необходим объезд губерний членами Центрального Комитета для собеседования. 4) Работа среди местных организаций — надо взять позиции обратно (галичское земство).

Максимов за работу в уездах.

Одесса. Положение в Одессе. Говорят в населении, что левые ничего не сделали, что к. д. слишком далеко зашли. Крайние элементы стали симпатизировать к. д. Умеренные, вследствие репрессив[ных] действий, выведенные из терпения, также будут поддерживать оппозицион[ную] партию, т. е. кадетов. Железнодорожники (левые) тоже заявили о том, что будут голосов[ать] за к. д. Собраний и митингов не разрешают в Одессе. Ясно, что и впредь не будут разрешать. Шпионы из «Рус[ских] людей» будут выслеживать собрания. Положение небезнадежно. Партия правого порядка не соберет голосов. Она распола[га]ет[10] теперь на 3

черносот[енные] организации: «Рус. людей», «Союз активной борьбы с революцией» и «Монарх[ический] союз». Привлечены в эти союзы отбросы. Союз 17 окт. тоже распался и вместе с «Торг[ово]-промышл[енной] партией» образовал партию мирного обновления. Имен у них нет. Лидеры их скомпрометир[овали] себя на прошлых выборах. Еще поэтому надежды у к. д. на успех. Но администрация будет стараться отцепить партию, высылая и арестуя членов партии. Надежда на прессу тоже слаба. Вероят[но], столич[ные] оппозиц[ионные] газеты также будут изъяты. Нужны из столицы агитац[ионные] листки[19].

Мандельштам выясняет, что юридич. значение выхода не может влечь обвинение по 126 ст.[20]

Тезисы доклада Колюбакина[21] приняты. Окончательная редакция поручена Центр. Ком.

Доклад Петрункевича о канд. бывших членах Думы[21].

Имшенецкий предлагает издать брошюру.

Кн. Долгоруков предлагает выставлять кандидатуры сидящих в тюрьмах и находящихся в административной ссылке.

Гессен сообщает, что Сенат не предполагает издать печатных бюллетеней.

Иваницкий возражает, что теряются голоса, если выбирать только в выборщики или в Думу.

Пет. Долгор[уков] указывает на пример [депутата] Ширкова.

Мандельштам предлагает выбирать в депутаты кто желателен и не выбирать только в выборщики. Принято.

Заседание 29 октября [1906 г.][22]

Доклад Каминки[23] о положении, которое нужно занять партии по отношению последних сен[атских] разъясн[ений]. Сенатское р[азъяснение] будет, конечно, применяться, но оно не закон, и потому ЦК находит нужным в видах полит[ического] воспит[ания] населения распространить убежд[ение] в необход[имости] системат[ического] обжалования этих разъясн[ений]. С друг[ой] стор[оны], и Г. Д[ума] могла бы, казалось бы, отменять непр[авомерные] выборы. Но это было признано непрактичным. Остается одно обжалование, в виде демонстрации.

Лучицкий[24]. Сенатское раз[ъ]снение] перевело в крест[ьянскую] курию массу избирателей не крестьян. Воспрещена идея надельн. кр[естьяни]на. Но в Полтавской же губ. новый список не имеет под собой никаких оснований: меньше имеющие земли з[емле]владельцы получают много нов[ых] мест, а казаки вместе с кр[естья]нами остаются при 29 местах для всей губернии. Необходимо требовать в газетах восстановления попранного принципа, установленного положениями 6 авг[уста] и 11 дек[абря][25].

И. Петрункевич[26] поддерживает заявление г. Лучицкого. В Борзенск. у[езде] 30 лет тому назад дворянам принадлежала всего 1/5 земли. Но он против изменения числа мест, так как мы этим косвенно признали бы справедливость разъяснений Сената. Пусть Г. Д[ума] пересмотрит вопрос и восстановит права мелких з[емлевладель]цев во всей их неприкосновенности.

Беляев. В каком направлении жалобы[10].

Добровольский[27]. Когда — обжаловать? Теперь же или тогда, когда наступит ограничение? Теперь было [бы] более яркой дем[он]страцией.

Колюб[акин]: ЦК полагает, что жалобы должны передаваться в порядке инстанций. Сенат будет завален. Обжалов[ание] иного вида не обсуждалось.

Гессен: это недоразумение.

Колюб[акин][28]. Нужно собрать сведения о лицах м. земл., лишенных права участия в выборах. Это должны сделать губ. к-ты.

Каминка. Все дело в демонстрации — и тогда важно инстанц[ионное] обжалование. А обжалование Сенат[ских] разъясн[ений] недопустимо по закону.

Предложение ЦК единогласно принято[29]. Точно так же приняты необходимость подсчета лиц, лишен[ных] избир. прав.

Решено издать протест от имени ЦК по поводу сенатск. разъяснений.

[По вопросу о циркуляре, воспрещающем лицам, состоящим на государственной службе, участвовать в оппозиции:]

Председатель:[30] нельзя издать императивного постановления по поводу неподчинения известному минист[ерскому] циркуляру о чиновниках. Несомненное значение тайно сочувствующих. Пример профессоров.

Полторацкий:[31] на героизм членов партии рассчитывать нельзя. Может идти речь только о пожеланиях. Если ч[елове]к намечается в Г. Д[уму] то пусть он оставит место, но из партии не выходит.

Френкель:[32] нельзя допустить столь резкого вторжения в права земского самоуправления. Поэтому з[емские] собрания должны поставить на очередь вопрос о подобн[ых] нарушениях. Это вопрос достоинства з[емских] учрежд[ений]. Нужно через наших членов поднять протест. Ведь председателям управ поручается обязать подпиской о непринадлежности к партии. В самом циркуляре есть места, говорящие только о правит. чиновниках, и партия Н[ародной] Св[ободы] не называется определенно. Нужно не обличать, а затруднять деятельность правительства. Необходимы хотя бы совещания председателей губ. управ.

Ольденбург[33]. Общество не сорганизовалось для отпора циркуляру. Не упущено ли время? Наблюдается постепен[ное] неподчинение циркуляру. Ничего нельзя сделать относительно правит. служащих. Остаются служащие в земстве и в городе. Надо начать немедленно кампанию.

Шулепников[34]. Он говорил с Д. Н. Шиповым, который не признавал возможным применять циркуляр к служ[ащим] на обществ[енных] должностях и лишь пользующихся правами госуд. службы. Для избежания единичн[ых] выступлений нужно поднять вопрос на губ. земск. собраниях. Оратор знает октябриста, возмущенного этим циркуляром.

Принято[35] предложение протестовать всем служащим по выборам. *Принято* большинством нежелательность выхода из партии кандидатов в члены Г. Д[умы]. *Принята* необходимость совещаний для противодействия циркуляра относительно служащих по выбору и по найму.

По вопросу о созыве совещ[ания] из предс[едателей] Головин[36] высказал опасение, что такое совещание приведет к отрицат[ельному] результату. Поэтому нужно ограничиться частными местными совещаниями.

[Избирательная платформа].

Доклад Милюкова. 1. Только основные элементы платформы обсуждаем. Общая директива дана решениями Г[ельсинг]форсского съезда — это ответн[ый] адрес. Задача легче. Цели и решимость наши оценены избирателями. Но он спросит нас о средствах. И мы не можем ответить указанием на силу обществ[енного] движения, работающего рядом с Г. Д[умой]. Это и раньше говорилось: III парт. съезд. Опыт подтвердил правильность взгляда. Д[ума] должна делать собств[енное] дело. Борьба за власть — вот формулировка обвинения противниками. Невозможность работать совместно с бюрократией. Вот причина борьбы. Всякая к[онститу]ционная партия делала бы то же самое. Но противники уверяют, что за к[онститу]цию были они, а мы за парламентаризм. Но мы требуем работосп[особного] прав[итепьст]ва. Общая скобка, охватыв[авшая] практич[еское] исполнение наших пожеланий — парламентское м[инистерст]во. 2. Думское м[инистерст]во — условие всей нашей программы. Но для этого нужна поддержка избирателя. 3. Необходимо создание политическ[ого] большинства в Д[уме], не нуждающ[егося] в поддержке друг[их] партий. Поддер[жка] со стороны организов[анных] сил. Но способы крайних партий неудобны — имее[тся] переоценка сил. Законод[ательное] проведение свобод. 4. Всеобщ[ее] избир[ательное] право. Узурпация — сенатские разъяснения. Будем это подчеркивать. Нужно не возвращаться к 11 дек[абря], а держаться прежн[его] нашего проекта. 5. Аграрный вопрос. Центральный характер этой реформы. Критика минист[ерских] мер. Судьба партии связана с разрешением аграрного вопроса. Связь этого вопроса с вопросом о думском м[инистерст]ве. Нельзя чего-нибудь сделать без такого м[инистерст]ва. Но здесь нужно оставаться самим собой: без утопий и без уступок. Несовместимость исполнения без применения Основных законов — но для этого нужно д[умское] м[инистерст]во. Еще: равноправие, права народностей, права рабочих. Тезисы: 1. Платф[орма] — программа ответного адреса. 2. Думское м[инистерст]во. 3. Дружеская поддержка. 4. Критика сен[атских] разъясн[ений] — основа проповеди. 5. Аграрный проект — центр пропаганды. 6. Невозм. — расшир[ение] прав Д[умы]. 7. Остальные вопросы.

Гредескул[37]. Один пункт. Лозунг — полновластная Дума. Как его понимать? Это было бы нечестно — ее намечать. Предпочтительнее — избрание столь же настойчивой Думы. Должен быть известный реальный процесс — его путь через парламентаризм.

Струве[38]. Несогласен с докладом по рабоч[ему] вопросу. Изменение. Исключение рабочих сен[атскими] разъяснениями изменяет вопрос. Скажут, что теперь не нуждаемся в раб[очих] голосах и потому мы остыли к раб[очему] вопросу. Значение рабочей курии, которая, однако, представл[ена] интеллигенцией. Страхование рабочих есть настоятельная задача — и по существу, и в смысле агитации в эпоху, когда полит[ические] ценности несколько понизились в глазах обывателя. Прав-во придет в Д[уму] с серией законопроектов по раб[очему] вопросу. Январский съезд промышленников[39]. Как же нам устранять раб[очий] вопрос из платформы? Нужно внести в платформу то, что вносилось на II съезде.

Кокошкин[40]. Тактику мы теперь должны неск[олько] изменить. Всесильная Д[ума] снимается с очереди. Тактика парлам[ентского] штурма не удалась, но это была неизбежная ошибка всей страны. Иначе действовать мы психолог[ически] не могли, так как вся страна требовала от нас штурма. Режим азартный, а не коммерческий. И все-таки нас распустили бы — через 1 год, может б[ыть]. Сами должны были проделать опыт. Важная сторона — в изменении наших сил. Будь реформа земства, у нас были бы позиции, на которые мы могли бы отступить. Огромное тактич[еское] значение имеет реформа судебной и администр. [власти]. «Прав-во уже идет на суд. реформы». Поднимает вопрос о преобразовании Сената. Ошибка всей страны. Организация юстиции.

Котляревский[41]. Бережное обращение с Д[умой] — это нужно внушить обывателю. Но аграрную реформу следует связать с конституционностью. Мы ближе к д[емократическим] р[еформам][42], чем к крайним. Не столь резко подчеркивать чисто аграрн[ую] точку зрения.

Винавер[43]. Нужно бы только развить один пункт. Значение того, что наша п[артия] в Д[уме] умеряла требование страны к конфликту. Постоянно нам приходилось отводить громы: амнистия, депутация, смертная казнь — Дума не давала себя увлечь на [нежелательный] путь. И впредь будем так поступать.

Н. Н. Щепкин[44]. Особенно об ошибках не стоит говорить. Эти ошибки было привели к м[инистерст]ву. Все-таки это были поверхност[ные] волны. Худож[ественный] театр. Театральность. Массов[ого] сознания не было глубокого. Смущается лозунгом «Полн[овластная] Дума». Это был очень распростран[енный] лозунг. И сейчас противники будут поминать «У[чредительное] С[обрание]». Нужно все включить в платф[орму]. Живая ведь нить. Но нам ли включать вопрос о суд[ебной] реформе. Вопрос шкурный. Включение раб[очего] зак[онодательст]ва в платформу. Это вопрос всех труд[овых] классов. 5% всех рабочих в России сорганизовать. Наличность и среди рабочих очень многих людей, смотрящих на вопросы по-нашему. Стоит за почетн[ое] место рабоч[ей] реформы в платформе.

Струве[45] продолжает стоять за полн[овластную] Д[уму] и думает, что Д[умское] м[инистерст]во и будет средством для этой цели. Вовсе не такой был штурм, и особых серьезн[ых] ошибок в Д[уме] совершено не было. Почему распущена была Д[ума]? Это вопрос щекотливый — несовместимость Св[еаборга] и Кроншт[адта][46] с засед[анием] лиц, их подготовлявших. И что такое конфликт? Прав-во не грозило им.

Обмен замечаниями[47] по вопросу об обращении к населению. Мы не знаем, что т[акое] конфликт.

Шольп[48]. Вопрос бюджета. Необходимость...[18] бюдж. вопросов и упоминания бюдж. реформ в платформе. Бережливость. Облегчение налогового бремени. Второй вопрос существенный, но неразработанный. Вопрос военный. Определение положения партии в воен[ном] вопр[осе]. Третий вопрос — реформа местн[ого] самоупр[авления]. Но нужно ставить шире, чем мы ставили в Д[уме]. Также надо ставить широко и затронуть вопр[ос] о мелк[ой] земск[ой] единице.

Ледницкий[49]. Разногласия не может быть. Но надо понимать, что на всех собраниях будет критиковаться дея[тельно]сть Думы. Особого штурма не было, но Д[ума] не была Д[умой] компромиссов. Что же, новая Д[ума] должна б[ыть] Д[умой] компромиссов? Нужно больше доверия к своим силам, а сосредоточиванию всех сил в партии Н. Св.[10]. Отдельные вопросы. Одно замечание.

М[илю]ков: констит. стремлениям правых противопоставить вопрос аграрный. Не надо из него никогда делать вопрос демагогический. И раньше мы шли под знаменем Народовластия; и теперь менять не следует. Рабочий вопрос считает [имеющим] не менее важное значение, чем вопр. аграрный. Автономия. Не согласен с докладом. Демократич. характер нашей программы, тогда как у поляков историч. взгляд. Перспективы. Не заслонили бы другие вопросы.

Колюбакин: Гредеск[ул] верно разграничил блок между центральн. к-тами и между местными. Вопрос здесь определен[ного] подсчета. Общее решение ни с кем не входить в блок может нам повредить. В последней стадии в городах вряд ли понадобятся блоки. В выборщики даже не попадут, если на низших стадиях не будет соглашения.

Ледницкий. Ригоризму не должно было быть места. Нужно оставить этот вопрос открытым, предоставив местн. к-там известный простор. В северо-западном крае наша партия не пройдет без помощи других групп.

Беляев: затруднения в Курске: 10 мест? Но кому? Кто нас ругал картежниками? В губ. и у[езде] не партийны[е] будут. С кр[естья]нами можно...[18]. Он против прямолинейности.

Медведев. Решено до последн. момента в блоки не вступать. Больше будет у нас халатности в агитации, если будут полагаться на блоки[10].

Мандельштам. Опасность от разрозненности в городах. Пример Екатеринослава. Выборы должно вести на 2 фронта в первый раз. Опасности. Общ[его] блока между ЦК быть не должно, но не должно стеснять местные к-ты.

Шольп. Без директив вполне обойтись нельзя. Разойдемся мы еще больше, чем в первый [раз]. Если мы теперь не выскажемся определенно, то мы будем левых иметь против себя. Надо сказать, что левые наши союзники. Технические блоки с кем? Широкая директива, предоставляющая [свободу] областн[ому] к-ту. В 9 западных губ. формируются и национ[альные] блоки.

Лучицкий. Изменившиеся обстоятельства: сен[атские] разъяснения; землевладельцы для нас потеряны. Кр[естья]не? Только в губ. собр. города? Оставаясь со своим списком, мы ничего не поделаем. Стоит за блоки. Предостерегает против увлечения старыми победами.

Мандельштам[50]. За включение раб[очего] вопроса в платформу. Раб. класс может пополнять кадры разных партий. И нарекания за пренебрежение к раб. вопросу. Д[ума], перерезавшая нерв, соед[иняющий] ее со страной, может б[ыть], потеряла бы место в сердцах народа. Дума не трибуна, сказал М[илюков], но это не так. Д[ума] и трибуна, и этим средством мы должны пользоваться. Вопрос о парл[аментском] м[инистерст]ве есть воп[рос], подставленный гос. правом. Мы боремся за искоренение старой бюрократии. Мы меньшего не хотим — зачем же выставлять большее? Разделяет парл[амент] на боев[ой] лозунг и на...[8]. Против соединения аграрного вопроса с парл[амента]ризмом.

Кишкин[51]. Милюков сравнил Д[умскую] кам[панию] с войной. Но не посмотрел, что делалось в стране. А там-то и был штурм. I Д[ума] — рекогносцировка. Ощупью. С позиции на позицию. Вопрос об ошибках сам отпадает — это была только рекогносцировка. Теперь надо наметить, что в Д[уме] на I черед ставить. Выясним, что тыла не было и о нем не позаботились. Ничего не делали в смысле местных организаций. Наша платформа должна начаться с заявления, что мы проводим проект законов, на которых об[щест]во может организоваться. 2-я позиция — м[инистерст]во, ответственное перед Д[умой]. Опять сзади нужна организация. Летнее приближение к власти[52]. Он опасался, что такое м[инистерст]во не опиралось на организацию в народе. Нужно м[инистерст]во, пользующ[ееся] доверием Д[умы], а не непременно из наших.

Имшенецкий[53]: необходимо отказаться от треб[ования] полн[овластной] Д[умы]. Это равносильно требов[анию] У[чредительного] С[обрания] и революции. Изменение законов нужно и Учр. Собр. требуем, но через м[инистерст]во, пользующ. доверием Думы.

Френкель[54] стоит за рассылку доклада. По поводу реформы местн. самоуправл[ения]. Эта работа не...[18] нас в Г. Д[уме]. Хотел внести его ранее проекта по агр. вопросу. Земский кризис. Иллюзия. Мы все мечтали о новом, что д[олжно] б[ыть] создано. И потому оно прочно не может быть. Позиции нужно отвоевывать. Пренебрегать земствами нельзя, и мы должны пользоваться теперешними з[емст]вами. Немедленные заявления в земских собр[аниях] и в Думах.

Вечернее заседание

Милюков[55]. Главное возражение — мое отношение к рабоч[ему] вопросу. Я советовал относиться к рабоч. вопросу по-прежнему и потому я не говорил специально. Скоро переломить С.-Д. владычество у раб[очих] нам не удастся. Професс[иональное] движение вне с.-д.-тии? Но и в этом отношении с.-д.-тия служит своим целям, против нас, обращает против нас острие беспартийн[ого] проф. движения. Все-таки тактич[еский] результат не будет велик. Лишь парт. съезд мог бы изменить прог[рамму] в отношении фед. автономии. Но и сама идея такова, что опыт жизни ее еще не коснулся. Поэтому в нее столь многие еще и верят. Ошибки, на которые мы указывали, были ошибками всей страны. Мы шли на штурм, повинуясь голосу страны. Что касается реформы суд[ебной] и суд[ебно]-адм[инистративной], то это очень желат[ельно], но ведь это деталь, а мы рисуем картину широкими штрихами. Само прав[ительст]во даже может на нее пойти. Может б[ыть], я напрасно противополагал конституционализму аграрный вопрос. Правые партии отличаются преобладанием конституционализма, а не социальных вопросов; они партии классовые. Теперь мы аграрный вопрос в карман прятать не должны. Обвинять партию в демагогизме нельзя. Вопрос о полновл[астной] Думе — 2 точки зрения: старая струя и новая (Мандельштам). Парл[аментское] м[инистерст]во есть...[18] термин, но с весьма жизн[енным] содер[жанием]. Это значит уход...[18]. Против М[андельшта]ма — издание. Отчего же не говорить об ответств[енном] и властн[ом]

м[инистерст]ве из...[18] страны. Бюджетная реформа. Важное значение этого вопроса. Широкая дем[ократическая] реформа в армии. Злоупотребление выражением «Д[ума] как трибуна». Думу более трибуной не сделаем.

Баллотировка[56]. Поправки отвергаются, кроме необходимости тезиса с упоминанием необходимости бюджетной реформы. В 5 тезис вводятся серьезные поправки.

Обмен мнений об автономии и федерализме, причем М[илюков] отмечает глубокое различие между автономией Польши, требованиями Малороссии и путаницей кавказской. М[илюков] согласен с предложением Выковского о возвращении к нашей основной программе.

Френкель. Новые выборы будут нар[одным] судом над правительством роспуска. Нужно придать выборам такой характер.

Изгоев[57]: может быть ошибка. Случайные обстоятельства могут склонить решение, и тогда народное мнение будет считаться санкционирующим вредные начала.

Милюков: теперь правительство обращается не к тому же народу; дело идет не о том, чтобы узнать мнение народа путем новых выборов.

Пост[ановлено][58]. Опубликование тезисов принято. Центр. К-ту поручено.

Блоки

Предс[едатель]. История вопроса. В Туле был блок с октябристами. В М[оск]ве ничего не вышло[59].

Полторацкий[60]. Желал бы запрещения блоков с Союзом 17/Х. Условия для блока: признание формулы всеобщ[его] избир[ательного] права и думск. м[инистерст]ва.

Алибегов[61]. За блок с...[8].

Д. Д. [Протопопов][62].

Гредескул[63]. Различный характер блоков. Не нужно смешивать блоков различных свойств. Скорее и он за невступление в блоки. Мы под собой имеем почву. Мы нечто определенное, и нас можно учесть. Мы же вступаем в блоки с чем-то неопределенным. Вовсе от нас многие не уйдут теперь после того, как левые примут участие в выборах. Теперь ясно, что штурмом взять нельзя; нужна осада по такой тактике, которую избрала П[артия] Н. Св. Стоящие влево всегда будут стоять за штурм. Предварит[ельный] блок же стушует свои физиономии. Что б[удет] последствием блока? Прекратятся ли нападки? Тишина была бы для нас невыгодна; на нас перестали нападать, и мы не могли бы нападать. Блоков заранее созданных не проводить. Деловая сделка другое дело. Она с кем угодно возможна. Они много не будут компрометировать. В I стадии вести свою линию. Во второй стадии возможно.

Струве[64]. Нельзя вступать ни в какие сделки в деле выбора выборщиков. Идти своим путем. Но с кем соединяться? 17 окт? М[ирное] обн[овление]? Дерефы[65]? Налево?..[18]. Бесформенное состояние социалистов. Нар[одные] соц[иалисты]? Избирателей нет. С.-р.? Но мы не знаем разницы в оттенках? Единств[енная] директива — сохранение при составл[ении] списка выборщиков собствен[ной] физиономии. Полное сохранение самостоятельности.

Богуславский[66]. История выборов в Харькове. В настоящее время Харьк. к-т вошел в блок с организациями и представителями кр[айних] левых. Требование левых. Организация правых сильна и прогрессивные могут б[ыть] разбиты в гор. Харькове. Просят дать директиву и относительно блока в губ. избир[ательном] собр[ании].

Кокошкин[67] указывает на необходимость блоков. Дело не в выражении платонич[еского] сочувствия левым. Все — дело местн[ых] к-тов.

Петрункевич[68]. Дело не в том, чтобы непременно провести своих членов. Всякого рода попытки блока с теми, кто за прав-во. Поэтому против мирн[ого] обновл[ения]. Никто правее стоящий не должен получить поддержки.

Гредескул[69]. Стоит за то, чтобы никакой директивы не давать. Но рекомендуется держать свою линию до последней степени. Мелкие з[емлевладель]цы — прогрессивны, левее нас неизвестно. Город., уездн. и губ. Едва ли мы выиграем от блока с левыми. Пример Харькова. Места́ рабочим и прикащикам в СПб и в М[оск]ве. Своей линии держаться.

Котляревский[70]. Саратовский опыт. Стоит за мнение Ледницкого. Против конца речи Петрункевича. Полный отказ от директивы.

Комиссаров[71] отвергает мнение Ледницкого. Ничего подобн[ого] не было. Стоит за предл[ожение] Петрункевича.

Выковский[72].

Струве[73]. Фактом союза правых[10]. Они разъяснены. Соединения нужны, но это далеко от блока с политич. партиями. Это здоров. блок. Не надо давать таких директив, как неблокирование с правыми.

Мандельштам предлагает резолюцию[74].

Ольденбург[75]. До последней степени быть самим собой. История партии — мы были сильны там, где были сами собой.

Предс[едатель][76].

Петрункевич[77] стоит за то, чтобы партия была сама собой. Но могут быть случаи, когда мы никого сами не можем провести, никого. Шипов. Он один. Борьбу с правит[ельством], разгон Д[умы] мы должны предпочесть вредным мерам[10]. В таком случае какого-ниб[удь] оппоз[иционного] депутата.

[Постановление][78]. 1) Быть самой собой. 2) Блок целой партии нежелателен. 3) Если шансы наши где-н[ибудь] слабы. Соглашение по числу, на известных лицах.

Центр. Ком. 30 октября [1906 г.][79]

Об иностранной прессе

Жданов. 1) Осведомлять через посредство особого бюро иностр: прессы западную печать. Теперь же желательно осведомить о черной сотне. Англию за известными подписями (Пав. Долгор[уков], Милюков, Петрункевич, Родичев). Для Парижа желательно свой орган или посланники. Это вряд ли доступно, а потому может быть следует остановиться на особом лице, которое осведомляло бы. 2) В Москве персонал имеется. Нужно лишь согласие лидеров.

Милюков. Осведомление должно быть через «Correspondans Russe» и...[80]. Относительно писателя — нет подходящего лица, при наличии, конечно, это желательно. Следовало бы использовать матерьял, собранный в докладе Колюбакина, через Ман[дельшта]ма.

Жданов возражает, что, по его мнению, информационные статьи, подписанные видными именами, будут иметь большое значение, особенно для германской печати, французская печать сама по себе подкупна.

2. Воззвание. Н. А. Гредескул — признать невозможным выпустить. Предложить выпустить воззвание от столичных (Московской и Петербургской) групп и распространить в провинции.

3. Кооптирован Френкель.

4. Поездки членов Ц. Ком. Должно быть поставлено в ближайшее заседание ЦК.

1) О воззвании. а) Документ о сенатских разъяснениях.

1) Отчет о деятельности. 2) Деловые разъяснения о выборах. 3) Сделать его нейтральным.

1) Признано необходимым выпустить воззвание и немедленно.

2) Опубликовать доклад П. Н. Милюкова и отдельными оттисками от ЦК и в[8]...

3) Популяризация. П. Н. Милюков и А. М. Колюбакин.

4) Шаховской возбуждает вопрос о Ярославской группе. Признано решениями о Таврических действиях. Сенатские разъяснения — тоже. Подавать ли заявления — да.

5) Харьковская группа. Правила о лекциях и повременной печати Топорковой. Просить Ф. Ф. Кокошкина написать статью по поводу исключений б[ывших] чл[енов] Думы из земских и городских собраний. Желательно, чтобы гласные протестовали против исключений и, ставя на рассмотрение земских собраний, разослать особое мнение гласных Московской думы.

6) Предложение выпустить от ЦК агитационный листок к лицам, которые должны выйти из партии по циркуляру. Подчеркнуть необходимость продолжения их деятельности в партии.

Постановлено поручить выпуск столичным группам, а составление Н. Н. Щепкину. Поручить Голубеву переделку и издание от ЦК с отметкой.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 52—66, 72—87 об.

Примечания

1. Имеется в виду циркуляр П. А. Столыпина министрам и главноуправляющим от 14 сентября 1906 г., которым запрещалось участие чиновников не только в «явно революционных» политических партиях, но и в таких, которые «обнаруживают стремление к борьбе с правительством».
2. За организационную работу по устройству общепартийного съезда.
3. Зачеркнуто: «о комиссиях губ. к-та». В материалах данного дела проект Колюбакина отсутствует.

4. Имеется в виду обыск и высылка инженера Л. А. Кроля, товарища председателя Екатеринбургского комитета кадетской партии, из Пермской губ., произведенные в начале сентября 1906 г. по распоряжению пермского губернатора. Под «обращением» подразумевается протест по этому поводу, составленный Пав. Д. Долгоруковым, на имя Столыпина (черновик этого обращения см. там же, лл. 37—38).
5. Видимо, речь идет о демонстративном выходе Мандельштама из состава ЦК.
6. Вероятно, речь в докладе шла об итогах заседания Организационной комиссии ЦК, проходившего 28—29 сентября 1906 г. (см. выше).
7. Речь идет о перераспределении местных партийных организаций по отдельным округам.
8. Текст обрывается.
9. Сенатские разъяснения к избирательному закону от 11 декабря 1905 г., опубликованные в период избирательной кампании во II Думу, урезали избирательные права некоторых категорий населения.
10. Так в тексте.
11. Партия народных социалистов.
12. Так в тексте. Далее следует не только повестка дня этого заседания, но и его протокол.
13. Вероятно, это протокол заседания ЦК, предшествовавшего пленарному.
14. Имеется в виду ряд указов, изданных в августе — сентябре 1906 г. («О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения» от 27 августа, «О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для образования переселенческих участков» от 19 сентября и др.).
15. Цифры не проставлены.
16. Речь идет о первой стадии выборов по крестьянской курии, когда один уполномоченный избирался от десяти крестьянских дворов.
17. Отметка о неполноте записи данного выступления секретарем.
18. Одно слово не разобрано.
19. Выступление представителя Одессы записано отдельно и приложено к протоколу.
20. Правильно: по 129-й статье.
21. Текст доклада в протоколах отсутствует.
22. В деле два черновых протокола этого заседания. Ниже публикуется текст, написанный Н. Н. Черненковым. Более краткий вариант записи выступлений, сделанный А. М. Колюбакиным, см. в соответствующих примечаниях.
23. «Доклад Каминки словесный о сенатских разъяснениях.
    1) Поднятие демонстрации в смысле обжалования сенатских разъяснений в инстанционном порядке и 2) протест Центрального Комитета».
24. «*Лучицкий* указывает на противоречия с основаниями Булыгинской реформы и указания числа выборщиков от Полтавской губ. сенатскому разъяснению. По Полтавской губ. Предлагает, чтобы были изменены и списки по Полтавской губ.».
25. Имеются в виду манифест 6 августа 1905 г. о Булыгинской думе и избирательный закон 11 декабря 1905 года.
26. «*Петрункевич.* Указывает на то, что сказанное Лучицким о Полтавской губ. относится и к Черниговской, Харьковской и Киевской губ.».
27. «*Добровольский* задает вопрос о ходатайстве через особое присутствие при Государственном Совете или в инстанционном порядке.
    Каминка указывает, что такого права нет».
28. «*Колюбакин* предлагает поручить Губ. Ком[итетам] установить точные цифры по местам тех лиц, которые будут лишены избирательных прав на основании сенатских толкований».
29. «Совещание приняло единогласно предложения как ЦК, так и Колюбакина».
30. «*Пав. Долгоруков* предлагает, чтобы лица, служащие по выборам, а равно и профессорский персонал против этого протестовали. Но из этого не следует, что возможны в этом отношении директивы».
31. «*Полторацкий.* Соглашается с Долгоруковым, но указывает, что лица, которые являются кандидатами в члены Думы, ни в коем случае не должны выходить из партии».
32. «*Френкель.* Предлагает рекомендовать губ. собран[иям] протестовать против применения циркул[яра] к земским учреждениям, а равно и лицам, служащим по выборам. Подтверждает прежние предложения об использовании земств».
33. «*Ольденбург.* Указывает, что кампания в земстве возможна и к ней можно приалечь».
34. «*Шулепников* настаивает на необходимости директивы в отношении лиц, служащих по выборам от земства, равно и дворянства. Необходим протест».
35. «Предложения Френкеля приняты. Поручение ЦК дано. Желательно: созыв по губерниям совещаний из служащих, как по выборам, так и по найму».

36. «*Головин* высказывается против устройства совещаний. Всероссийского совещания председателей управ».
37. «*Гредескул.* Вместо лозунга «полновластная Дума» — «Дума с той же настойчивостью, что и прежняя Дума».
38. «*Струве* возражает против постановки рабочего вопроса в формуле Милюк[ова], считает, что рабочий вопрос, имеющий в форме страхования значение для всех трудящихся, должен быть поставлен совершенно самостоятельно».
39. Съезд представителей торгово-промышленных предприятий России (Петербург, 12—13 января 1906 года).
40. «*Кокошкин* указывает, что ошибка штурма позиций не есть ошибка парламентской фракции, а всей страны. Выдвигает необходимость реформ местной и административной юстиции. Это наиболее легкая по победе и вместе с тем укрепляющая позиции реформа».
41. «*Котляревский* указывает на нежелательность противопоставления аграрного вопроса — конституционным требованиям. Указывает на их равнозначущее значение».
42. Имеется в виду Партия демократических реформ.
43. «*Винавер.* Соглашается с докладом, но подчеркивает необходимость указания на умеряющее значение партии, устранявшей целый ряд поводов к роспуску Думы. Предлагает издать брошюру».
44. «*Н. Щепкин.* Указывает на общий переучет сил, который и был результатом неудачи. Указывает на необходимость раскрыть скобки полновластной Думы. Платформу можно наполнить многим. Полагает, что судебную реформу не следует выдвигать, она встанет сама собой. Поддерживает необходимость выставления рабочего вопроса».
45. «*Струве.* Находит, что требование полновластной Думы [оправданно], считает, что указание ошибок бывшей Думы не может быть задачей агитации».
46. Имеются в виду восстания в Свеаборге и Кронштадте летом 1906 года.
47. «*Шульга* (Одесса) находит, что рабочий вопрос должен быть развит. Указывает на необходимость выделения автономного вопроса как национального».
48. «*Шольп.* Выдвигает необходимость указания в платформе на бюджетный вопрос. Выдвигает необходимость разработки вопроса об армии, а также выдвижения вопроса о мелкой земской единице».
49. «*Ледницкий.* Указывает на опасность выдвижения аграрного вопроса. Поддерживает мнение Струве о рабочем. Указывает, что [нужна] постановка вопроса об автономии как основного начала, но базируя его не на национальном, а на территориальном начале. Считает необходимым выяснить положение об автономии как демократическом принципе».
50. «*Мандельштам.* Поддерживает необходимость установления рабочего вопроса. Дума разогнана, но она существует в сердце населения. Нельзя отрицать значения Думы как трибуны. Признает, что переживаем реванш бюрократии. Полагает, что не следует связывать аграрный вопрос с парламентским министерством».
51. «*Кишкин.* Развивает мысли Кокошкина о положении страны, побуждавшем Думу на действия. Сравнивает первую Думу с генеральной рекогносцировкой, но не генеральный бой, а потому об ошибках говорить не следует. Выясняет термин: министерство, пользующееся доверием Думы, как непартийное, и поддерживает рабочий вопрос».
52. Речь идет о переговорах кадетских лидеров с царскими министрами в июне 1906 года.
53. «*Имшенецкий.* О полноте власти в связи с агитацией левых. От этого следует отказаться во избежание недоразумений. Предлагает дать директиву об отвержении полноты власти».
54. «*Френкель* предлагает разослать доклад Милюкова во все губернские комитеты. Указывает на значение аграрного вопроса».
55. «*Милюков* а). Рабочий вопрос — отношение рекомендовалось прежнее, а потому ни снимать его, ни ослабить не рекомендовалось. Если нужно усилить, то это возможно, но вряд ли нарушит сложившееся отношение к С.-Д. По вопросу об автономии нельзя сейчас требовать изменения программы и считает, что это изменение было бы вредно. Ошибки Думы — ошибки общественного самосознания, он и не указывал на самостоятельные ошибки Думы. Антитеза 5 п. имеет значение, т. к. правые партии в своих воззваниях вскрывают свой недемократическ[ий характер]. Неравенства отношений к кр[естья]нам и рабочим нет. Можно поменять редакцию пункта, но мысль должна остаться. Против термина полновластной Думы, но настаивает на требовании Думского министерства. Это требование историческое и снять его нельзя. Признает необходимость уствновления момента бюджета в платформе. Против включения военного вопроса в платформу, хотя и считает его важным и подлежащим обсуждению на партийном съезде. Дума как трибуна — это получило слишком большое увлечение и в этом смысле мы и не будем ее употреблять».
56. «Тезисы приняты en bloc и редакция поручена ЦК».
57. «*Изгоев* считает, что в платформе выставлять не следует, т. к. при путанной системе выборов исход их совершенно не определен».
58. «1) Тезисы должны быть опубликованы. 2) Доклад в местные группы».
59. «В постоянный союз, решенный между Ц. Ор[ганами], вступать не следует, отдельные же выборные соглашения могут быть осуществляемы в зависимости от соотношения сил на местах».
60. «*Полторацкий.* Блоки с партиями на основе 4 чл[енной] формулы и Думское м[инистерст]во».
61. «*Алибегов.* Следует объединяться с отдельными профессиональными союзами».
62. У Черненкова это выступление не записано. У Колюбакина: «*Протопопов.* Необходимость оставаться самим собой, т. к. союз с социалистами может отпугнуть массового избирателя».
63. «*Гредескул.* Различает предвыборные общие соглашения от соглашений во время выборов. Надо весьма осторожно идти на соглашение, т. к. за нами есть же прошлое голосование, а что имеют другие еще неизвестно. Критикует тактику левых. Ни в коем случае не заключать блоков ни направо, ни налево. В первой стадии блоков не заключать, а во второй с кем угодно».
64. «*Струве.* При выборе выборщиков никаких соглашений не заключать. Разбирает отдельные партии».
65. То есть Партия демократических реформ.
66. «*Богуславский.* Харьковский комитет вошел в соглашение с национальными группами. С. Д. и С. Р. предложили войти в блок и согласны подавать голоса о том, чтобы не был избран член партии К. Д. или С. Д. (так в тексте. — *Ред.*)». Далее у Колюбакина записано: «*Ледницкий.* Говорит за необходимость широкой свободы соглашений без всяких ограничений. В Москве необходимо заключение союза направо. *Беляев* — считает, что в Курске можно определенно провести своего. В уездах будут проходить отдельные лица. *Медведев* (Твер.). Считает, что соглашения опасны.
Мандельштам. 1) Общего блока быть не должно. 2) Широта полномочий.
Шольп. За соглашения в первой стадии и широкую автономность, 2) допустить и национальные, 3) допустить, что блоки можно заключать.
Лучицкий — крестьяне будут у левых. Возражает против Гредескула, указывает на необходимость блоков на окраинах».
67. «*Кокошкин* — указывает на необходимость блоков на местах по точному учету сил».
68. «*Петрункевич.* Задача создать Думу оппозиционную. И никто не может рассчитывать на нашу поддержку, кто поддерживает правительство».
69. «*Гредескул.* Нужно выдерживать свою линию до последней степени. Нам нужно наметить кандидата наиболее популярного».
70. «*Котляревский.* Никаких директив не надо. Нужна очень гибкая и изменчивая тактика».
71. «*Комиссаров.* Соглашения с октябристами не было и считает необходимым воспретить союз с октябристами».
72. У Черникова это выступление не записано. У Колюбакина: «*Выковский* — за предложение Петрункевича».
73. «*Струве* — соглашается на блоки с национальными и иными группами».
74. Текста резолюции Мандельштама в деле не имеется.
75. «*Ольденбург.* Поддерживает Гредескула. Для целей, нами постааленных, нужно проводить Шипова против многих более левых кандидатур».
76. У Черненкова это выступление не записано. У Колюбакина: «*Пав. Долгоруков.* Считает возможным поддерживать отдельные кандидатуры из мирного обновления».
77. «*Петрункевич.* Рекомендует остаться самим собой, но когда нет шансов провести своего кандидата, поддерживать оппозиционных кандидатов против тех, которые могут пойти с правительством на компромиссы».
78. «1) Партия должна оставаться сама собой. 2) Не блокироваться с правыми. 3) Отдельные соглашения заключаются местными группами».
79. На л. 84 имеется краткий протокол этого же заседания ЦК: «Засед. 30/X. Вопрос о платформе. Вопрос Иваницкого. Включена полная формула избир. права в полит. выборах. Предс. — о распространении. Доложен проект резолюции о выборах. Предложение Ледницкого. 9 «за». Большинство за директивы. Струве предлагает баллотировку по пунктам. Принято. §1 (Френкель). Принято. §2. Пропуск слова «месть». §3. За — 17».
80. Название не разобрано.

Вильбуа.
Рассказы о российском дворе

Франц (Никита Петрович) Вильбуа был выходцем из Франции, где начал морскую службу в 1690 году. Через два года в ходе морского сражения он попал в плен к англичанам, которыми был затем принят на службу. В начале 1698 г. из Англии в Голландию была послана эскадра, чтобы перевезти Петра I со свитою в Лондон. Вильбуа находился на одном из ее военных кораблей. Он понравился царю за смелость и находчивость, проявленные во время шторма, после чего был принят на русскую службу (из прошения об отставке, поданного Вильбуа Елизавете Петровне в 1746 г., следует, что время его поступления на российскую службу — 12 октября 1696 г., но это описка)[1]. Вильбуа сопровождал Петра I в Англии и Голландии и далее, тоже почти постоянно, находился при царе, отлучаясь лишь для выполнения его поручений.

В 1699 г. он дважды был с Петром I в Воронеже, оттуда ездил с ним в Азов и на закладку Таганрога, ходил на русском корабле (при посольстве думного дьяка Е. И. Украинцева в Турцию) до Керчи. Петр I ценил его и доверял ему важные дела. О царском расположении свидетельствует и тот факт, что царь женил его на старшей дочери пастора Глюка, в семье которого воспитывалась Марта Скавронская (будущая Екатерина I).

Вильбуа участвовал в событиях Северной войны: первом походе под Нарву в 1700 г., поездке 1701 г. в Соловецкий монастырь, взятии Нотебурга (Шлиссельбурга) в 1702 г., Канцев (Ниеншанца) в 1703 г., Нарвы в 1704 г., был с царем в 1710 г. под Выборгом и в 1711 г. в Прутском походе, а в 1712—1713 гг. находился в составе русской армии, действовавшей в Померании, затем в 1716 г. участвовал в походе под Гданьск и побывал у Копенгагена, где сосредоточивались русские силы для организации десанта против Швеции, в 1717 — 1718 гг. возглавил эскадру для наблюдения за тем, чтобы Гданьск, осуществляя морскую блокаду, не торговал со Швецией, в 1719 г. участвовал в походе к Аландским островам.

После заключения Ништадтского мира 1721 г. Вильбуа, ставший к тому времени капитаном первого ранга[2], принимал участие в Персидском походе. Он пережил Петра I, Екатерину I, Петра II и Анну Ивановну, дослужился до чина контр-адмирала и в 1747 г. по собственному прошению был уволен в отставку с чином вице-адмирала, пробыв на русской службе около 50 лет. Умер он в 1760 году[3].

С именем этого француза на русской службе связаны «Записки Вильбуа» (иначе «Анекдоты[4] о российском дворе»). Наиболее полные рукописи этих мемуаров находятся: одна — в Парижской Национальной библиотеке, другая — в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА)[5]. Они идентичны и состоят из введения, где говорится об авторе, и пяти частей, в которых повествуется о причине смерти Петра I, «всешутейшем, всепьянейшем Соборе», стрельцах, жизни Е. Ф. Лопухиной, Екатерины I и А. Д. Меншикова. Подлинник до сих пор не найден. На обложке рукописи, хранящейся в Париже, написано неизвестным лицом: «Анекдоты о России, Вильбуа не является их автором».

Судьба списка из ЦГАДА такова. Когда в прошлом веке был впервые в России напечатан отрывок из записок Вильбуа, публикатор указал, что подлинник записок находится «в Парижской Королевской библиотеке, где списаны они были одним из почтенных любителей отечественной истории, который позволил нам пользоваться своим списком»[6]. Именно этот список из Парижа хранится в ЦГАДА. Потом записки Вильбуа были опубликованы в Париже[7], несколько позднее — в Брюсселе и Лондоне. Публикатор обращался с ними вольно: менял порядок разделов, разбивал крупные главы на меньшие, делал свои вставки в текст, составлял развернутые заголовки и пр.

Сочинение Вильбуа не привлекало внимания отечественных историков и не использовано ими. Курский купец XVIII в. Голиков, посвятивший себя изучению времени Петра I, даже не называет записок француза, хотя в его главной многотомной работе Вильбуа упоминается около 30 раз[8]. В ходе работы над рукописью выяснилось, что сочинение, похожее по названию, находится в «Библиотеке Вольтера»[9], чьи труды по истории[10] имеют непосредственное отношение к данной публикации.

Личность Петра I привлекла внимание Вольтера задолго до того, как по просьбе Елизаветы Петровны он взялся за написание «Истории Российской империи при Петре Великом». Еще в 1737 г. через прусского посланника в Петербурге философ попросил прислать ему необходимые материалы, да и сам собирал все, что относилось к истории России при Петре I[11]. Еще не получив ничего из России, Вольтер в 1748 г. издал краткие «Рассказы о Петре Великом». Наконец, в 1757 г. он принялся при посредстве И. И. Шувалова за написание более полной истории. По указу Елизаветы Петровны Российская Академия наук и лично М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер и И. И. Шувалов должны были снабдить Вольтера необходимыми документами, картами, бумагами дипломатического, военного и хозяйственного свойства.

Вольтеру направили пять томов рукописных, переведенных на французский материалов разнообразного характера. В т. 2 находились записки Вильбуа. Т. 1 своего труда Вольтер издал в 1759 г., то есть до получения этих материалов, которые, между прочим, показались ему не очень важными[12]. А в России т. 1 был встречен Ломоносовым и Миллером весьма критически. В 1763 г. Вольтер выпустил тома 2 и 3. После смерти Вольтера его библиотека, включая названные пять томов рукописных материалов, была куплена в 1778 г. Екатериной II. Так самая ранняя копия мемуаров Вильбуа вернулась в Россию.

Вначале библиотека Вольтера располагалась в Эрмитаже, куда почти никого не пускали, а после смерти Екатерины II вообще запретили взирать на эти книги. Во введении к своей «Истории царствования Петра Великого» (тт. 1—6.СПб. 1858—1863) Н. Г. Устрялов писал: «Не жаль потери золотых медалей и дорогих мехов (присланных из России в подарок Вольтеру. — *А. Н.*), но жаль материалов, которые частию посланы были в подлиннике и утратились невозвратно»[13]. К счастью, это было неправдой. Человеком, который был допущен в библиотеку Вольтера в 1832 г. по особому разрешению Николая I, оказался А. С. Пушкин. Работая в то время над «Историей Петра I», он ознакомился и с рукописными материалами, подготовленными для Вольтера. Некоторые авторы доказывали даже, что Пушкин использовал эти материалы[14].

В 1861 г. библиотека Вольтера была передана в Императорскую публичную библиотеку (Петербург). Ныне рукопись Вильбуа и вся библиотека Вольтера находятся там же, то есть в фондах Отдела редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина[15], сотрудники которой оказали нам существенную помощь в ознакомлении с этими материалами. Передача в Публичную библиотеку не привела, однако, к быстрому введению в научный оборот всех материалов вольтеровского собрания. К сожалению, записки Вильбуа сохранились не в полном объеме и здесь. Это стало нам ясно при сличении списка ЦГАДА с рукописями т. 2 материалов, посланных Вольтеру. Например, ч. 3 рукописи о Меншикове начинается с середины (конец второй части — с. 22, начало третьей части — с. 59); повествующая о Екатерине ч. 5 не имеет конца. Обрывы совершенно явные, буквально на середине предложений. По свидетельству работников библиотеки, пять томов рукописных материалов, посланных Вольтеру, были переплетены по их возвращении в Россию. Значит, какие-то листы могли остаться во Франции. Кроме того, в этом томе нет частично рассказов о Лопухиной, которые имеются во французском списке. Возникает также ряд вопросов в связи с пометами неизвестных лиц на титульных листах каждой части. Судя по текстам, список из Национальной библиотеки был переписан именно с материалов т. 2, о чем свидетельствуют детали, использовавшиеся, вероятно, переписчиком, чтобы сократить текст рукописи, а иногда исправить его на французский манер. Ведь все пять томов готовились сначала на русском языке, а затем в большой спешке переводились на французский. С чего же переписывали (или с чьих слов записывали) материалы для Вольтера, пока неясно. Однако упоми-

нем, что Я. Я. Штелин, профессор элоквенции и поэзии Петербургской Академии наук, с 1735 г. живший в России и близкий к императорскому двору, регулярно записывал все рассказы о Петре I, услышанные им от очевидцев событий, преимущественно царедворцев или других лиц, близких к Петру I и хорошо знавших его. Штелин, ничего не добавляя от себя, честно воспроизводил услышанное на бумаге. Он среди других таких сообщений и лиц, на которых ссылается, приводит и рассказ о том, как в 1715 г. царь заложил в Петербурге госпиталь «для больных и престарелых матросов и солдат», и указывает источник сообщения: «От Вице-Адмирала Вильбоа». А в составленном им алфавитном «Реестре свидетелей, от которых издатель слышал сии анекдоты, и которых имена в конце каждого анекдота означены», пишет: «Вильбоа, родом Француз, в молодых летах был пажем при Петре Великом. Должен будучи следовать всюду за Государем, учился он мореплаванию и наконец был Офицером во флоте. В сей службе дослужился при Петре Великом до Капитан-Коммодорского чина, а Императрица Елисавет Петровна пожаловала его Виц-Адмиралом. В сем чине умер он в 1758 году». Штелин добавляет также, что он по распоряжению И. И. Шувалова участвовал в составлении тех материалов, которые были посланы Вольтеру[16]. Следовательно, Вильбуа признавался достаточно надежным очевидцем.

Судьба мемуаров Вильбуа напоминает детективную историю. Отрывки из них уже издавались в XVIII в., частично под заглавием «Anecdotes du règne de Pierre I contenants l'histoire d'Eudochia Fedorovna et de la disgrâce de Menchikov», а частично под заглавием «Anecdotes secrètes de la cour du czar Pierre le Grand et de Catherine son épouse»[17]. Имеются сведения и о некоторых других подобных изданиях.

Но никто ранее не сообщал о Вильбуа как об их авторе. Впоследствии авторство приписывалось ему потому, что первая часть рукописи, подготовленной для Вольтера, называлась так: «Вильбуа. Рассказы о российском дворе в царствование Петра I и его второй жены Екатерины». Ни одна следующая часть не содержит в названии имени Вильбуа. Однако первая часть имеет к нему прямое отношение, так как является рассказом именно о Вильбуа, причем в таком тоне и с такой издевкой, что невозможно представить себе, чтобы человек сам писал о себе нечто подобное!

Незаурядность Петра I и «птенцов» его гнезда, их деятельность, не чуждая экстравагантности, порождали массу легенд, которые имели хождение по всей Европе. В связи с этим и была написана кем-то первая часть рукописи. Она не представляет особого интереса и не включена в данную публикацию, как не имеющая отношения к тексту Вильбуа. Конечно, остается под вопросом его авторство и в отношении остальных частей рукописи. В историографии оно было поставлено под сомнение. Но главное заключается в том, что рукопись составлена очевидцем событий, имевшим возможность наблюдать за жизнью царского двора и находившимся в курсе всех придворных интриг того времени.

Первый русский публикатор отрывков рукописи не знал, что она родилась в России, а отправилась во Францию, откуда и вернулась снова в Россию. По иронии судьбы русскому любителю российских древностей пришлось ехать в Париж за тем, что лежало неподалеку от него — сначала в Эрмитаже, затем в Публичной библиотеке. Наконец, добавим, что исследователь, специально изучавший записки Вильбуа, считает их весьма достоверными[18].

В заключение несколько слов о человеке, который долгие годы готовил эту публикацию и искал ответы на вопросы, частично не выясненные по сей день. Речь идет о Леониде Алексеевиче Никифорове (1911—1987), докторе исторических наук, профессоре, авторе монографий «Русско-английские отношения при Петре I», «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир», других работ. Всю жизнь он отдал изучению эпохи Петра I. За его плечами остались завод, Истфак Московского университета, Великая Отечественная война, тяжелые ранения, дипломатическая служба, работа в Московском государственном институте международных отношений и Московском государственном историко-архивном институте. Его личный архив передан на хранение в Архив внешней политики России. Донести до широких кругов читателей «Записки Вильбуа» было заветной его мечтой. Этот замысел осуществляет его внук.

Перевод с французского текста Г. Ф. ЗВЕРЕВОЙ. Публикацию подготовил А. А. НИКИФОРОВ

Никифоров Антон Алексеевич — старший референт Историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР.

Примечания

1. См.: БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Петр I. Т. 2. М. 1941, с. 293—297; Общезанимательный вестник. Т. 2. СПб. 1858, с. 186—194; Русский архив. 1867, стб. 1188—1199; НИКИФОРОВ Л. А. Записки Вильбуа. В кн.: Общество и государство феодальной России. М. 1975. Мы используем здесь ряд положений, имеющихся в последней из указанных работ.
2. Военный энциклопедический лексикон. Ч. 3. СПб. 1839.
3. Общий Морской список. Ч. I. СПб. 1885, с. 79.
4. Слово «анекдот» (по-гречески: неопубликованное) означало в ту пору устный рассказик.
5. ЦГАДА, ф. 1292 (Русское историческое общество), оп. 1, д. 124; Bibliothèque Nationale, Département des manuscrits, Fr. 14637.
6. Русский вестник, 1842, № 2, с. 139.
7. Mémoires secrètes pour servir à l'histoire de la cour de Russie sous les règnes de Pierre le Grand et de Catherine I-re. P. 1853.
8. ГОЛИКОВ И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Тт. 1—9. М. 1837—1838.
9. ЛЮБЛИНСКИЙ В. С. Библиотека Вольтера. — Исторический журнал, 1945, № 1—2, с. 84—88; Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.-Л. 1961.
10. МИНЦЛОФ Р. И. Прогулка по С.-Петербургской императорской библиотеке. СПб. 1872; е г о ж е. Петр Великий в иностранной литературе. СПб. 1873; ЛЮБЛИНСКИЙ В. С. Вольтер в советских фондах. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М.-Л. 1948.
11. ШМУРЛО Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1. СПб. 1912, с. 54—60, 69—89; е г о ж е. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага. 1929; Литературное наследство. М. 1939, № 33—34.
12. АЛЬБИНА Л. Л. Источники «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера в его библиотеке. В кн.: Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Вып. 2. Л. 1980.
13. Цит. по: ФЕЙНБЕРГ И. Л. Незавершенные работы Пушкина. М. 1979, с. 109.
14. ЯКУБОВИЧ Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. М. 1934; ФЕЙНБЕРГ И. Л. Ук. соч., с. 108 сл.
15. Mémoires pour L'histoire de Russie. Voltaire. Vol. 2: Bibliothèque de Voltaire. Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 5—242.
16. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные через профессора Якова Штелина. Л. 1990, с. 5, 7, 124—125, 192—193, 200.
17. CAUSSY F. Inventaire des manuscrits de la bibliothèque de Voltaire, conservés à la bibliothèque impériale publique de Saint Pétersbourg. P. 1913, f. 71.
18. НИКИФОРОВ Л. А. Ук. соч., с. 223—225.

I. Рассказы о подлинной причине смерти царя Петра I и о всешутейшем и всепьянейшем Соборе, учрежденном этим государем при дворе

Царь Петр Алексеевич, известный под именем Петра I и под прозванием Петра Великого, умер в Санкт-Петербурге в ночь с 7 на 8 февраля 1725 года. Он страдал от задержания мочи, причиной чего была язва с воспалением шейки мочевого пузыря

В течение трех или четырех последних лет, которые предшествовали его смерти, он страдал гонореей, которой, как он открыто заявлял об этом[1], его наградила генеральша Чернышова. Эта последняя защищалась лишь путем ответных обвинений[2]. Отношения царя с этой дамой были исполнены злобы и упреков[3].

Все средства, к которым прибегал государь, так и не смогли излечить его от этой болезни, потому что его несдержанность, будучи сильнее его рассудка и предостережений врачей, сделала все их усилия и все их искусство бесполезными.

Достоверность этого факта опровергает все, что было высказано предположительно и ложно некоторыми современными, плохо осведомленными авторами. Одни из них утверждали, что государь был отравлен, а другие — что он умер от сильного насморка или катара, вызванного чрезмерным охлаждением во время церемонии освящения вод или Крещения. В действительности его смерть была вызвана застаревшей язвой на шейке мочевого пузыря, где произошло воспаление, вызванное несколькими стаканами водки, которые он выпил несмотря на увещева-

ния его врачей и его фаворита Ягужинского, не столько для своего удовольствия, сколько для того, чтобы воодушевить своим примером всех присутствующих на шутовском празднике, который он давал в конце января месяца. Этот праздник давался как для того, чтобы рассеять домашние неприятности, которые его снедали[4], так и для того, чтобы скрыть эти неприятности от окружающих, которых он не считал так хорошо осведомленными, как он сам.

Этот комический праздник назывался Собором. Царь учредил его несколько лет тому назад по различным политическим соображениям и находил удовольствие в том, чтобы время от времени отмечать этот праздник. На празднике в виде гротеска изображалось то, что происходит в Риме в конклаве при провозглашении папы римского. Цели этого праздника сводились к одному. Первая и главная состояла в том, чтобы представить в смешном свете патриарха и вызвать презрение у народа к сану патриарха, уничтожить который в своей стране этот государь имел веские причины. Другая состояла в том, чтобы внушить своим подданным неблагоприятное впечатление о папизме и об основных положениях римского духовенства и тем самым подорвать авторитет папы с тем, чтобы высмеять тем самым и патриарха московского. Это вытекало из стремления этого умного и смелого государя подорвать влияние старого русского духовенства, уменьшить это влияние до разумных пределов и самому стать во главе русской церкви[5], а затем устранить многие прежние обычаи, которые он заменил новыми, более соответствующими его политике.

Этих нововведений не смог бы оценить народ невежественный, суеверный и дикий, поэтому ему нужно было постепенно внушить отвращение к старым привычкам народа. И наилучший способ для достижения этой цели состоял в том, чтобы ловко представить народу в ложном свете некоторые стороны католической религии, так, чтобы она показалась ему смешной, и показать сходство ее с той религией, которой так скрупулезно поклонялись их отцы и они сами. Вот почему царь отмечал как можно чаще этот праздник, называвшийся Собором. Ниже будет дано описание этого праздника после небольшого введения, необходимого для того, чтобы показать читателю, чем могло быть вызвано учреждение праздника и его комической церемонии.

Царь Петр I имел обычай держать при дворе несколько дураков или шутов, которые часто сопровождали его не столько для удовольствия, которое он получал от их выходок, сколько для того, чтобы с их помощью сказать придворным вельможам, а иногда и иностранным министрам, ту горькую правду, которую монарху не подобает произносить самому. Среди этих многочисленных шутов был один старый русский, которого звали Зотов. Все достоинства его сводились к умению хорошенько выпить, а царю он услужил тем, что научил его в детстве грамоте. Его глупость, которую царь в нем поддерживал, состояла в том, что он считал эту услугу столь значительной, что полагал, что за нее ему должны были давать титулы, звания и власть. Он уже устал этого ждать и все время жаловался царю, который имел привычку одобрительно с серьезным видом выслушивать все разглагольствования своих шутов и часто обнадеживал его, обещая сделать для него больше, чем для других своих подданных.

Однажды, когда Зотов после обильного обеда настаивал, чтобы царь сдержал свое слово, тот ответил ему: «Твоя жалоба справедлива, но несмотря на такое долгое ожидание ты ничего не потеряешь. Я делаю тебя князь-папой». Этот пьяница не был настолько лишен разума, чтобы не понять, кто такой папа. Он сообщал всем окружающим все, что он мог узнать о звании папы из множества пасквилей и брошюр, напечатанных в Голландии, откуда они попадали к русскому двору, где имели обычай делать из них выдержки, чтобы выпускать их в форме приложений к газетам каждую неделю. О впечатлении, которое подобные чтения произвели в помутившемся разуме этого шута, можно судить по вопросам, которые он задал царю. Он сказал ему: «Значит, ты меня делаешь Римским патриархом и князем князей? Но ведь все иностранцы и даже русские будут смеяться надо мной! Они будут называть меня извергом, тираном и обманщиком». «Что за важность, — ответил царь, — лишь бы у тебя был хороший дворец, много денег и подвалы, всегда полные вина и водки, пива и меда. Ты будешь назначать кардиналов, которые будут князьями, обязанными восхищаться всем, что ты скажешь, и подчиняться этому».

Поразмыслив, что совсем не свойственно шуту, Зотов спросил, кто ему даст

этот дворец, эти деньги, и этот погреб полный вина. «Я, — ответил царь, — и в исполнение этих слов я даю тебе отныне такой дворец». Этот дворец находился на Сенном острове, который делит Неву на два рукава и является частью города Санкт-Петербурга. Дворец был расположен в квартале, называемом Татарским. «К этому я добавляю пансион в две тысячи рублей (10 тыс. франков) и за первые шесть месяцев заплачу тебе вперед, утверждая тебя в твоей новой должности». Одновременно государь приказал, чтобы Зотов был провозглашен и признан в качестве князь-папы. Это провозглашение и признание произошло со стаканом в руке. Царь подал пример и заставил всех, кто присутствовал, выпить за здоровье нового князя. Каждый должен был подходить по очереди и приветствовать его. По мере того как все подходили, он благодарил каждого стаканом вина. Естественно, что так называемый патриарх лег спать, основательно напившись, и это было для него обычным делом. На другой день царь в сопровождении всего двора, великолепно одетый, с помпой и триумфом отвел этого шута в новый дворец, который он ему накануне пожаловал.

Есть основания полагать, что все эти комические церемонии содержали намек на какую-то из церемоний, которую хотели высмеять, соблюдавшихся при возведении в сан русского патриарха.

Новый князь-папа был встречен у входа в первый вестибюль полудюжиной шутов, смешно одетых, которые ему преподнесли на пороге стакан водки и провели его в большой зал, где находились бочки, полные пива, меда, вина и водки, поставленные рядом так, что могли служить сидениями. При входе в этот зал он был с шумом встречен другой группой шутов, которые вручили ему 1000 рублей медными деньгами (больше, чем такая же сумма во французских грошах). Это составляло его жалованье за первые шесть месяцев. Затем его провели в третий зал, где был приготовлен большой обед за длинными столами со стоящими около них скамьями для приглашенных.

Князь-папа сидел один на возвышении, устроенном в виде кресла, которое было очень похоже на палатку перекупщика, какие можно увидеть в Париже на углах улиц. Обед был очень обильным. В конце обеда князь-папе предложили приступить к назначению своих кардиналов. Царь помог ему выбрать соответствующих лиц, которые смогли бы занять эту должность. Вернее сказать, он сам сделал это назначение от имени князь-папы. Он заполнил этот список именами людей, самых различных по своему положению. Большинство из них были известны или какой-либо выходкой, или чертами. В этот список были с умыслом включены некоторые лица не столько из-за их склонности к дебошам, сколько потому, что они казались подозрительными царю либо которых он ненавидел. Он надеялся, что благодаря чрезмерно выпитому вину у одних развяжется язык и они скажут то[6], что ему нужно знать, а других он таким образом отправит в лучший мир[7].

Поскольку я не ставил себе целью входить здесь в детали политических принципов царя Петра, а лишь хотел подробно рассказать о том, что происходило во время шутовских церемоний Собора, я вновь возвращаюсь к уже назначенным кардиналам. Им сообщили, что, поскольку князь-папа пожаловал им кардинальский сан, они должны прийти к нему в папский дворец на другой день, чтобы поблагодарить за это назначение. А чтобы они не уклонились от этого визита, были выбраны для этого приглашения 4 человека, сильно заикающиеся, которых сопровождал слуга царя. И в то время как они с трудом бормотали, выражая свою благодарность, он умело видоизменял их речи, когда в них нельзя было ничего разобрать. Все они направились в папский дворец в назначенный час. Никто не посмел отказаться, потому что они знали, что это приглашение исходит от царя и, по существу, является приказом, которому нельзя противиться.

По мере того как кардиналы прибывали, шуты, приставленные для их встречи у входа во дворец, проводили их в первую приемную, где им подавали от имени князь-папы колпак из толстого темно-красного сукна, сделанный в форме скуфьи, и широкое платье из той же материи. Все это их заставляли надеть и затем отводили в зал, называемый консисторией. Здесь находились два ряда винных бочек вдоль стен, служивших сидениями. Тут же находилось что-то вроде трона из винных бочек, на котором восседал князь-папа. Трон этот был со всех сторон окружен бутылками и стаканами. Вошедшего кардинала подводили к подножью трона, чтобы он отвесил низкий поклон, на который князь-папа отвечал величественным

кивком головы, а рукой делал знак кардиналу приблизиться. Подавая кардиналу кубок с водкой, он говорил: «Преподобнейший, открой рот и проглоти, и это развяжет тебе язык». Наверное, это был намек на церемонию, которая проводилась в Риме, чтобы заставить кардиналов говорить. Как только кардинал выпивал свой кубок, его проводили на правую или левую сторону и заставляли занять место на одной из бочек.

Когда церемония заканчивалась, подавали сигнал идти в Собор. Хотя Собор и дворец находились на одном и том же острове, нужно было пересечь несколько улиц, чтобы попасть из одного в другой. Кардиналы проделывали этот путь пешком в виде процессии. Шествие открывали несколько человек, бьющих в барабаны. Их сопровождала большая вереница саней, нагруженных пивом, вином, водкой и всевозможными съестными припасами. Затем следовало множество поваров и поваренков, каждый из которых имел какую-нибудь кухонную утварь. Все это производило страшный шум. За ними следовало много труб, гобоев, охотничьих рожков, скрипок и других музыкальных инструментов. Наконец шли кардиналы попарно, в одеждах, о которых уже говорилось. Каждый из них имел справа и слева двух смешно одетых прислужников.

Князь-папа сидел верхом на винной бочке, поставленной на сани, которые тащили четыре быка. Он был окружен со всех сторон группой людей, одетых францисканскими[8] монахами и державших в руках стаканы и бутылки. Эта группа замыкала шествие.

Царь, обряженный шкипером или голландским матросом, появлялся с большой группой придворных в маскарадных костюмах и масках[9] то сбоку, то во главе, то в хвосте процессии.

Когда весь этот кортеж в таком порядке прибывал во дворец, где должен был происходить Собор, каждому подносили стакан водки и вводили в просторный зал, построенный в виде галереи. Здесь было несколько кушеток по числу кардиналов. Эти кушетки были отделены друг от друга проходами, где стояли распиленные пополам бочки. Одна половина бочки назначалась для съестных припасов, а другая — для облегчения тела каждого члена Собора.

После того как каждому кардиналу было указано его место, всем им было приказано никуда не отлучаться в течение всего Собора, который должен был продолжаться до тех пор, пока все они не придут к единому мнению по вопросам, предложенным им князем-папой или когда Его Преосвященству будет угодно прервать Собор. Обязанность конклавистов, приставленных к каждому кардиналу, состояла в том, чтобы не давать ему уходить со своего места, заставлять его много есть и, особенно, пить и носить послания от одного кардинала к другому. Те, кто выполнял эти обязанности, были в большинстве своем молодыми повесами, путешественниками и скитальцами. Они так хорошо делали свое дело во всех отношениях, что многие кардиналы еще долго продолжали страдать от этого, а некоторые даже умерли к концу Собора.

Есть подозрение, что они были доведены до такого состояния по прямому указанию царя, приходившего время от времени наблюдать и слушать, что происходило и говорилось в зале.

Я только что сказал, что эти конклависты прекрасно выполняли свои обязанности. Это относится и к тем посланиям, которые они передавали от одного кардинала другому. Они возбуждали этими шутовскими донесениями людей, разгоряченных вином, и заставляли их говорить друг другу самые грубые непристойности. В своих посланиях кардиналы высказывали самое оскорбительное не только в отношении друг друга, но и в отношении их семей. Если в этой перепалке у кого-нибудь вырывалось что-то особенно интересное, факт, на который надо было обратить внимание, царь записывал это на дощечки, которыми он постоянно пользовался. В результате не было такой непристойности, какая бы не совершалась в этой ассамблее. Чтобы покончить с этим описанием, достаточно сказать, что эта вакхическая церемония длилась три дня и три ночи подряд. Затем открывали двери Собора и уже с меньшей помпой отводили папу в его дворец. Папу и кардиналов доставляли домой в бессознательном состоянии на извозчиках, на которых их загружали, как туши животных. Извозчики — это очень плохие наемные экипажи, повозки и сани, которые можно найти на площадях Москвы и Санкт-Петербурга и которыми простые люди пользуются примерно так же, как фиакрами в Париже.

Из всех вопросов, которые разбирались на этой ассамблее, пока там был какой-то порядок и видимость здравого смысла, я приведу лишь один, которого будет достаточно, чтобы судить о других подобных. Один из кардиналов пожаловался, что вино, которое ему подали, было плохим. Об этом доложили князь-папе, и он, посоветовавшись с кардиналами, приказал, чтобы эта бочка вина была изъята и чтобы навели справки, каким иностранным купцом она была продана. Затем он сказал, что этого человека нужно привести в Собор, запереть его там и во искупление его вины заставить его пить только то вино, которое он продал, до тех пор пока он не поставит две бочки лучшего. Один из конклавистов, заметив в числе любопытных, которые приблизились к дверям Собора, чтобы посмотреть, что там происходит, одного английского купца, на которого он был зол, выдал его, заявив, что это он продал упомянутую бочку вина. Этого человека привели в Собор, и все кардиналы осыпали его оскорблениями. В наказание за его «преступление» его заставили выпить несколько полных стаканов этого плохого вина. Он понял, что эта травля не прекратится до тех пор, пока он не даст им две бочки лучшего вина. Он быстро послал за двумя бочками портвейна и таким образом скоро освободился.

В заключение описания этого праздника, учрежденного царем Петром I, нелишне будет заметить, что, когда он праздновал его в третий раз, его настигла смерть, до которой он прежде довел столько других людей. С тех пор об этом празднике при русском дворе больше уже не было речи.

II. Стрельцы. Восстание и подавление стрельцов в царствование Петра I Великого

Чтобы дать правильное представление о том, кто такие были стрельцы в России, достаточно сказать, что они составляли корпус регулярной пехоты подобно корпусу янычар в Турции: такая же дисциплина, такие же привилегии, такой же мятежный и непокорный дух. Эта параллель позволяет понять, что стрелецкий корпус был страшен даже для царей. Во многих случаях последние были вынуждены скрывать свое недовольство, когда это своевольное войско посягало на их власть. В этих случаях цари применяли в отношениях со стрельцами правило монархов, которые не могут наказать без риска для себя, т. е. чтобы не показывать свое бессилие заставить стрельцов выполнить царскую волю, они делали вид, что находят справедливыми мотивы их мятежей, когда те под предлогом борьбы против злоупотреблений требовали смещения, удаления или казни министров или фаворитов этих государей.

Можно написать целую книгу о волнениях стрельцов в России в разное время. Здесь не идет речь о том, чтобы описывать эти бунты. Автор намерен лишь рассказать о трагическом конце стрельцов. Мы ограничимся тем, что скажем следующее: во времена Петра I, который мог избавиться от их опеки только путем полного их истребления, стрельцы принимали участие во всех заговорах, направленных против этого государя. Они пять раз поднимали восстания, учиняли беспорядки и многочисленные убийства в Москве, а однажды дошли до того, что убили во дворце у ног юного царя его первого министра Артамона Матвеева. Ни слезы, ни просьбы малолетнего Петра не смогли вырвать Матвеева у разъяренных мятежников.

Нетрудно понять, какое впечатление произвело это преступление на царя. И хотя ему было тогда всего 10 лет, у него хватило здравого смысла, чтобы скрывать свои чувства до подходящего случая, чтобы затем вынести свой приговор и отомстить. В этих тайных намерениях его осторожно направляли советы умных людей. Благодаря своей рано проявившейся способности распознавать людей он целиком положился на этих своих приближенных. Среди них был один иностранный офицер по имени Лефорт, который под предлогом развлечения царя невинными играми собрал вокруг молодого государя иностранных офицеров в количестве, достаточном, чтобы создать роту. Эта рота казалась не столь сильной, чтобы стоять на страже безопасности царя, а служила якобы лишь для его развлечения. Она ни у кого не вызывала опасений.

Господин Лефорт, основная цель которого в поисках развлечений для царя состояла в том, чтобы научить его искусству управлять и вести войну, часто прово-

дил учения этой роты в присутствии царя. Петру это так понравилось, что он сам захотел вступить в эту роту и начать с самых низших чинов, таких как барабанщик, солдат, капрал и т. д., чтобы узнать на собственном опыте, как проходит службу военный человек во всех этих рангах. Для московских вельмож и простых горожан это было интересное зрелище: царь в иностранном мундире на строевых занятиях на иностранный манер. Любопытство привлекало на этот спектакль даже стрельцов, которые выражали такое же удовольствие, как и другие зрители, не подозревая, что они наблюдают за рождением орудия их собственной гибели. У них не открылись глаза даже тогда, когда царь, пройдя через все низшие ранги, достиг звания капитана этой роты, независимой от их корпуса. Через некоторое время рота эта выросла до батальона, потом до двух, трех и четырех. В эти батальоны вступили многие русские дворяне, семьи которых подверглись грубому обращению со стороны стрельцов, и поэтому они питали естественное отвращение и неприязнь к стрельцам. Вслед за ними последовали многие их соотечественники, так что в течение семи или восьми лет эти войска, созданные по иностранному образцу, выросли до 12 тысяч человек. Они находились в Москве для охраны этого города. А в это время стрельцы, занятые войной, которую Россия вела против турок, были рассеяны и удерживались на границах.

По мере того как численность войск, созданных по иностранному образцу, возрастала, численность стрельцов уменьшалась. Это происходило потому, что их намеренно безжалостно использовали в самых опасных операциях, а также потому, что закрывали глаза на жадность их командиров и офицеров, которых не заставляли заменять умерших, и жалованье последних поступало в их пользу. Это войско, с 35—40 тысяч вначале, сократилось за несколько лет до 17 тысяч человек. Благодаря этому царь сразу же по достижении совершеннолетия мог противопоставить стрельцам новое войско, способное усмирить их, если бы они вновь начали восстание.

Как только царь почувствовал себя в безопасности с этой стороны, он осуществил свое давнее намерение отправиться в заграничное путешествие, чтобы убедиться в том, что он знал из рассказов о других странах, их нравах, политике, торговле, богатствах. Довольный теми наблюдениями, которые он сделал в различных государствах, он предполагал поехать в Италию и был уже в дороге, когда узнал, что стрельцы, возбуждаемые тайными агентами царевны Софьи, его сестры, которая хотела воспользоваться его отсутствием и овладеть короной, покинули без приказа зимние квартиры на Украине и шли к Москве, чтобы захватить ее.

Это известие заставило царя прервать свое путешествие, чтобы спешно вернуться домой. Он прибыл с небольшой свитой в Москву, где его не ждали, и нашел все в спокойствии благодаря предусмотрительности генерала Гордона, командовавшего войсками иноземного строя. Этот последний узнал, что стрельцы, желая ускорить свое продвижение и не мешать друг другу, разделились на два отряда и пошли по разным дорогам. Тогда Гордон во главе 12-тысячного войска иноземного строя направился навстречу первому из этих отрядов, состоявшему из 10 тысяч человек, и наголову разбил его. Семь тысяч человек остались на поле брани, а три тысячи были рассеяны и спаслись бегством.

Гордон не успокоился, одержав эту первую победу. Не теряя времени, он направился навстречу отряду стрельцов, состоявшему из 7 тысяч человек. Этот отряд уже знал о разгроме своих товарищей и поэтому окопался на острове, окруженном болотами. Гордон блокировал их лагерь и принудил к сдаче. Как только их разоружили, был казнен каждый десятый. Те, на которых пал жребий, были расстреляны тотчас, а остальные приведены пленниками в Москву. Когда они входили в город через одни ворота, царь, возвращавшийся из-за границы, въезжал в другие.

Царь нашел, что военная казнь, проведенная генералом Гордоном, была слишком почетным наказанием и не соответствовала нынешним и прежним преступлениям стрельцов. Он приказал, чтобы их судили, как воров и убийц, и чтобы они были наказаны как таковые. Так и было сделано. Их вывели из различных тюрем, куда их посадили по прибытии в Москву, собрали в количестве 7 тысяч человек в одном месте, окруженном частоколом, и прочитали приговор. Две тысячи из них были приговорены к повешению, а другие 5 тысяч к отсечению головы. Это было выполнено в один день следующим образом.

Их выводили по 10 человек из огороженного места, о котором только что говорилось, на площадь, где были установлены виселицы, чтобы повесить там 2 тысячи человек. Они были связаны по 10 человек в присутствии царя, который их считал, и в присутствии всех придворных, которым он приказал быть свидетелями этой казни. Царь хотел, чтобы во время казни солдаты его гвардии показали, как они несут свою службу.

После казни этих 2 тысяч стрельцов приступили к расправе с теми 5-ю тысячами, которым следовало отрубить головы. Их выводили так же по 10 человек из огороженного места и приводили на площадь. Здесь между виселицами положили большое количество брусьев, которые служили плахой для 5 тысяч осужденных. По мере того как они прибывали, их заставляли ложиться в ряд во всю длину и класть шею на плаху, сразу по 50 человек. Затем отрубали головы сразу всему ряду.

Царь не удовлетворился лишь услугами солдат своей гвардии для выполнения этой экзекуции. Взяв топор, он начал собственной рукой рубить головы. Он зарубил около 100 этих несчастных, после чего роздал топоры всем своим вельможам и офицерам своей свиты и приказал последовать его примеру.

Никто из этих вельмож, а среди них были такие, как известный адмирал Апраксин, великий канцлер, князь Меншиков, Долгорукий и другие, не осмелился ослушаться, слишком хорошо зная характер царя и понимая, что малейшее непослушание поставит под угрозу их собственную жизнь и что они сами могут оказаться на месте мятежников.

Головы всех казненных были перевезены на двухколесных телегах в город, насажены на железные колья, вделанные в бойницы кремлевских стен, где они оставались выставленными, пока был жив царь.

Что касается главарей стрельцов, то они были повешены на городских стенах напротив и на высоте окна с решеткой, за которым сидела в тюрьме царевна Софья. И это зрелище она всегда имела перед своими глазами в течение тех пяти или шести лет, на которые она пережила этих несчастных.

Мне остается лишь рассказать о судьбе тех стрельцов, которым удалось разбежаться после поражения, нанесенного им генералом Гордоном. Во всей Российской империи было запрещено под страхом смерти не только давать им убежище в домах, но даже снабжать их пищей или водой. Жены и дети этих стрельцов были вывезены в пустые и бесплодные места, где им было выделено некоторое количество земли и приказано им и их потомкам никогда не покидать этих мест.

На всех больших дорогах были поставлены каменные столбы, на которых были выгравированы описания их преступлений и их смертный приговор, для того чтобы это осталось в памяти и чтобы само воспоминание о них было ненавистно для будущих поколений.

П о я с н е н и я

Барон Левиссон, который под вымышленным именем барона Ивана Нестезураноя опубликовал книгу, озаглавленную «Мемуары об истории Петра Великого», так бегло коснулся там темы стрельцов, что его нужно отнести к историкам недостоверным и находящимся на содержании. Он действительно находился на содержании у царя и описывал его деятельность. Этот автор сделал все, что он мог, чтобы доказать, что Петра несправедливо называют варваром после этой казни. Я соглашусь с ним в том, что всякий человек, хорошо знакомый с теми преступлениями, которые совершили стрельцы, будет видеть лишь справедливое возмездие в том, как царь поступил с ними. Но нельзя оправдать то, что он утолял свою ненависть с топором в руках и в крови этих преступников. Поэтому барон Левиссон счел нужным высказаться очень сдержанно по этому поводу. Так же он поступал в ряде других случаев. Этим он справедливо заслужил славу пристрастного и недостоверного историка, так как он не мог не знать всех обстоятельств.

Когда однажды я вступил с ним в объяснение по поводу труда, который он опубликовал, он сам мне признался, что знал эти обстоятельства. Мне было сделать это очень просто, потому что у меня были два свидетеля, которые могли подтвердить те упреки, которые я ему адресовал.

Эти свидетели находились в свите царя в день казни, и они ему подтвердили, что их заставили обезглавить нескольких из этих стрельцов. Опираясь на рассказ этих двух свидетелей, я и написал все, что было изложено выше об этой казни. Один из них был беглый француз, его звали Авэ. Он сопровождал царя в качестве

хирурга в его поездках. Другой был офицером гвардейского Преображенского полка и денщиком царя во время казни. В обязанности человека на должности денщика входят те же функции, что у первого камердинера при других дворах. Эти обязанности имеют нечто общее с обязанностями простых дворян.

К тому, что я уже сказал, дабы ввести читателя в тему о мемуарах Левиссона, опубликованных под вымышленным именем барона Ивана Нестезураноя, нелишним будет добавить, что господин барон, немец по происхождению, не владел достаточно хорошим французским языком, чтобы писать по-французски, не придавая своим выражениям и фразам древнегерманские или немецкие обороты. Голландский издатель, который взялся за второе издание этих мемуаров, решил изложить их на более правильном французском языке. Этим занялся один писатель, француз по национальности, нашедший убежище в Голландии. Он превзошел по своему изложению автора, язык которого он решил улучшить. Но, к несчастью, желая улучшить оригинал, он не потрудился проверить, были ли факты, приводимые автором, справедливыми и точными. Вместо того, чтобы добавить к этому значительное количество деталей, которые там отсутствовали и которые намеренно замалчивались в оригинале, он удовольствовался тем, что передал нам, далеко не совершенно, мысли барона Левиссона в более цветистом стиле, с еще большей лестью, чем та, которой уже был наполнен оригинал. Но хуже всего то, что, желая улучшить порядок изложения и установить связи между фактами, приведенными в мемуарах, издатель так их запутал, что почти невозможно установить их хронологическую последовательность. Что касается добавлений, которые он якобы сделал к этим мемуарам, то они не стоили ему большого труда. Он лишь включил несколько довольно плохо переведенных кусков сообщений, которые были опубликованы во многих немецких газетах и в «Mercure de France». Таковы сведения, касающиеся процесса над царевичем. Было бы лучше, если бы он раскрыл нам действия царевича, дав представление о тех интригах, которые имели место в это время при дворе царя Петра I. Несмотря на то, что мемуары, которые он нам дает, очень подробны и написаны хорошим французским языком, они стоят не больше первого их издания, которое само по себе не заслуживает того, чтобы люди, знакомые с историей России, верили им.

III. Короткие рассказы о жизни царицы Евдокии Федоровны, первой жены царя Петра I

Евдокия Федоровна, первая жена[10] царя Петра, прозванного Великим[11], несомненно, была самой несчастной государыней своего времени. Даже в самой глубокой древности найдется мало примеров такой несчастной судьбы.

Ее жизнь со времени замужества была сплошной цепью событий, одно трагичнее другого.

Родилась она в Москве 8 июня 1670 года. Ее отец, Федор Абрамович Лопухин, очень богатый человек, происходил из одной из самых старинных фамилий Новгородского княжества. Евдокия Лопухина была очень красива и поэтому была выбрана в жены Петру I из многих сотен девушек дворянских семей, представленных царю, когда совет этого государя решил, что ему можно жениться[12]. Поскольку выбор царя, павший на Евдокию Федоровну Лопухину, не встретил никаких препятствий, брачная церемония проходила со всей торжественностью, принятой в России[13].

Меньше чем за два года у нее родилось двое мальчиков. Одного звали Александром. Он умер естественной смертью в раннем возрасте. Но некоторые злонамеренные личности, не забывшие историю царевича Димитрия, хотели воскресить его во время правления царицы Екатерины. Однако она сумела ловко предотвратить все неприятные последствия, которые этот обман мог иметь, если бы она проявила меньше твердости[14].

Другого сына звали Алексеем Петровичем. Он был женат на принцессе из Вольфенбюттельского дома. От нее у него было двое детей: сын и дочь. Впоследствии он был приговорен к смертной казни за мятеж против отца и погиб в тюрьме на 29-м году жизни, через несколько часов после того как ему объявили о помиловании[15].

Доброе согласие между царем и его женой не было длительным. Царица была ревнивой, властолюбивой интриганкой. Царь был непостоянен, влюбчив, подозрителен, резок в своих решениях и непримирим, когда он питал к кому-нибудь неприязнь.

На третьем году своей женитьбы он без памяти влюбился в молодую, красивую девицу Анну Монс, родившуюся в Москве[16]. Отец и мать ее были немцами. Царица Евдокия, после бесполезных преследований этой соперницы, устроила сцену ревности своему мужу, запретив ему являться к ней в спальню и поссорившись со вдовствующей царицей, своей свекровью. Царю только этого и было нужно. Поощряемый как господином Лефортом, так и прекрасной иностранкой, в которую он был влюблен, он решил выполнить то, что уже давно замышлял: развестись с женой и заключить ее в женский монастырь, где эта несчастная государыня была вынуждена постричься в монахини. Всеми забытая, она провела там много лет. А в это время ее муж предавался своим страстям, беспрестанно меняя любовниц.

Так продолжалось до тех пор, пока он не был пленен чарами одной ливонской пленницы, которую ему уступил князь Меншиков. Он не только женился на ней, но даже, в ущерб правам царевича Алексея Петровича, передал наследование российской короны детям, которых он имел от этой пленницы, ставшей царицею и известной с тех пор под именем Екатерины. С нею он отправился путешествовать по различным европейским дворам[17]. Все это восстановило против него многих членов его семьи, а также семьи царицы Евдокии[18].

Эта последняя, будучи насильно постриженной в монахини и заточенной в монастырь, не была настолько мертва для дел мирских, чтобы не завести тайной любовной интрижки с дворянином из Ростовской губернии Глебовым. Его брат, архиепископ той же губернии, поощрял эту страсть и подстрекал, как только мог, заговор царевича, направленный на то, чтобы в отсутствие отца свергнуть его с престола. Но этот заговор был раскрыт, прежде чем заговорщики приняли необходимые меры его осуществления. Петр I вернулся в свое государство при первых же подозрениях, которые у него возникли, и наказал, невзирая на лица, всех, кто участвовал в заговоре, в том числе царицу Евдокию.

Ее уличили письма, написанные ее рукой, свидетели и ее собственное признание не только в государственной измене, но также в супружеской неверности, в ее связи с бояриномl[19] Глебовым.

Она была заключена в четырех стенах Шлиссельбургской крепости, после того как ей пришлось пережить осуждение и гибель в тюрьме ее единственного сына Алексея Петровича, смерть своего брата Абрама Лопухина, которому отрубили голову на большой московской площади, а также смерть своего любовника Глебова, который был посажен на кол на той же площади по обвинению в измене.

Глебов вынес эту пытку с героическим мужеством, отстаивая до последнего вздоха невиновность царицы Евдокии и защищая ее честь. Между тем он знал, что она сама признала себя виновной вследствие естественной слабости, свойственной ее полу, и под угрозой тех пыток, которые ей готовили, чтобы заставить ее признать себя виновной[20].

Она пробыла в этой тюрьме с 1719 до мая 1727 года. И единственным ее обществом и единственной помощницей была старая карлица, которую посадили в тюрьму вместе с ней, чтобы она готовила пищу и стирала белье. Это была слишком слабая помощь и часто бесполезная. Иногда она была даже в тягость, так как несколько раз царица была вынуждена в свою очередь сама ухаживать за карлицей, когда недуги этого несчастного создания не позволяли ей ничего делать.

Облегчение ее страданиям наступило лишь после смерти Екатерины — второй жены Петра I, которой она наследовала и которую пережила на два года с небольшим.

Когда Петр II, сын несчастного царевича Алексея, был возведен на русский престол, благодаря интригам Меншикова и Венского двора, Евдокия Федоровна, бабушка этого молодого монарха, была освобождена из тюрьмы, где она сохранила свой властолюбивый дух и стремление к интригам. Едва она вышла оттуда, как тотчас начала проделывать всякие махинации, чтобы снять с себя постриг и освободиться от обета в надежде быть провозглашенной регентшею или, по крайней мере, надеясь принимать самое активное участие в управлении делами в пору правления малолетнего внука.

Однако министры этого юного государя, зная честолюбие и беспокойный характер этой женщины, сумели так повернуть дело, что заставили ее продолжать вести прежний образ жизни и оставаться монахиней в одном из московских монастырей, откуда она могла выходить лишь время от времени, чтобы нанести церемониальный визит своему внуку. Для расходов ей назначили пенсию в 60 тысяч рублей, которая тщательно выплачивалась вплоть до ее смерти. Она недолго пользовалась этими деньгами, так как Петр II, ее внук, заболел оспой и умер в начале третьего года своего царствования[21]. Прожила она после этого мало вследствие той огромной боли, которую причинила ей потеря внука. Она, казалось, переживала это горе сильнее, чем все прежние свои несчастья, и умерла от тоски 10 сентября 1731 года[22].

(Окончание следует)

Примечания

1. Этот государь не считал сдержанность в интимных вопросах абсолютно необходимой. Ему нравилось беседовать со своими приближенными об их похождениях с придворными и с иными дамами. Он сам, первый, любил рассказывать о собственных приключениях, и дурных и хороших.
2. Эта дама, признавая, что она была больна, приписывала возникновение этой болезни постоянным похождениям царя с разными особами. Этот довод не был лишен оснований и мог бы вполне послужить к ее оправданию. Доктор Арскинс, англичанин по происхождению, являвшийся лейб-медиком царя, которому были известны его любовные приключения, говорил, имея в виду темперамент царя и то как он им злоупотреблял, что в его теле сидел, видимо, целый легион демонов сладострастья.
3. Имелось обстоятельство, которое могло дать повод предположению, что Петр Первый был отравлен своей второй женой Екатериной, чтобы избежать его гнева и мести, которую, как были уверены, он замышлял против нее из-за ее скандальных и постыдных отношений с господином Монсом де ла Круа. Обстоятельство это состоит в том, что этот государь умер вскоре после того, как эта интрига была открыта, а царица Екатерина слыла женщиной достаточно ловкой и смелой для того, чтобы попытаться быстро и любым способом отделаться от оскорбленного и беспощадного мужа, гнев которого был особенно страшен, когда он его скрывал.
4. Он только что уличил свою жену Екатерину в измене с камергером Монсом де ла Круа, которого он приказал обезглавить публично за преступления, в которых этот человек признался, хотя и не был в них виновен, чтобы скрыть тем самым истинную причину, по которой его решили погубить. Мало найдется мужчин таких красивых и так хорошо сложенных, каким был этот человек. Все его движения отличались естественной грацией, которая не покинула его даже в момент казни. Хотя он был уверен, что его казнят, он поднялся на эшафот и держался там с уверенностью человека, который ожидает милости или который не боится смерти. Он выслушал приговор с уверенным и спокойным видом, что вызвало восхищение всех присутствующих. Поблагодарив того, кто должен был его убить, он отвел в сторону лютеранского священника, которого ему дали, чтобы подготовить его к смерти, и подарил ему золотые часы, на которых на эмали был изображен портрет императрицы. Затем он подошел к тому месту, где находилась плаха, и поклонился народу направо и налево. Он сам разделся, стал на колени, помолился, положил голову на плаху и мгновение спустя поднял руку, чтобы сделать знак палачу выполнять свой долг. В подкладке его брюк нашли портрет царицы, украшенный алмазами, который он, по-видимому спрятал, когда находился в тюрьме. Он считал себя французом по происхождению. Его фамилия и имя, казалось, подтверждали это предположение, хотя он родился в Москве, а его отец и мать считались немцами.
5. После смерти Адриана царь ликвидировал в своих владениях сан патриарха, авторитет которого был равен, если не стоял выше авторитета русского императора. Петр I рассматривал этот акт как самый важный, самый умный и самый смелый акт своего царствования. И в этом он не был совсем не прав. Известно то влияние, которое имеют плохо понятая религия и предрассудки на народы в тех государствах, где большую роль играет полиция, как опасно там затрагивать монахов и священников. Однажды царю указали сравнение, сделанное английским наблюдателем господином Stéele, между его царским величеством и покойным французским королем Людовиком XIV, где автор отдает предпочтение Петру I, российскому императору, но ничего не говорит о тех переменах, которые он произвел в своем духовенстве и его религии. Царь на это ответил: «Эта параллель неточна. Людовик был более великим, чем я, во многих отношениях, но в чем я его превосхожу, так это в том, что я привел свое духовенство к миру и послушанию, в то время как он покорился своему духовенству».

6. На всех праздниках, которые давал государь, он имел привычку, когда все присутствующие уже были разгорячены вином, прохаживаться между столами и слушать все, что говорилось. Если кто-нибудь произносил слова, которые ему нужно было взвесить хладнокровно, то он записывал их на дощечки, чтобы в свое время при случае использовать их.
7. Когда человек, который не нравился царю, напивался на этих праздниках и падал на пол, царь приказывал, чтобы его оттащили в сторону, а чтобы он лучше заснул, его заставляли проглотить еще несколько глотков водки, что делалось с помощью воронки. Пробуждаясь, такой человек видел, что он не единственный, кому царь приказывал давать подобное снотворное.
8. Проживающий в Петербурге монах по имени сир Кайо, который вел беспутную жизнь, послужил образцом, чтобы одевать всех на его манер. Царь был доволен тем впечатлением, которое поведение этого монаха-католика могло вызывать у католиков. Он решил ввести этого монаха в состав шутовских кардиналов, но тот отказался от этого вследствие настойчивых просьб Кампредона, являвшегося полномочным министром Франции при русском дворе.
9. Не нужно придавать этому термину то широкое значение, которое он имеет во французском языке. Хотя всем, участвующим в этом празднике, было приказано приходить переодетыми, это, однако, не означало, что им было позволено носить маски. Как раз наоборот, это им недвусмысленно запрещалось. Царь, зная натуру своих подданных, никогда не разрешал им носить маску на лице. Исключение составляли лишь полномочные министры иностранных дворов, которых отличали благодаря этому.
10. Царь Петр I имел двух жен, которые жили в одно и то же время. Евдокия Федоровна была его первой женой. Под предлогом недовольства ее поведением царь решил развестись с ней и заставить ее уйти в монастырь, с тем, чтобы он мог при ее жизни жениться на Екатерине, столь известной в истории России.
11. Он побывал во Франции во времена праления герцога Орлеанского, то есть в начале царствования Людовика XV. У него было намерение посетить Францию еще при Людовике XIV, но тот не прислушивался к намекам, которые ему делались по этому поводу. Причину своего отказа он мотивировал тем, что поездка царя во Францию будет неприятна шведскому королю Карлу XII, находившемуся в то время далеко от своих владений, в Бендерах. Людовик XIV не хотел причинять ему в его несчастном положении неприятностей.
12. В эти времена в России существовал следующий обычай. Когда царя нужно было женить, в большом зале Московского дворца собирали самых красивых девушек страны. Они съезжались со всех концов страны в Москву, чтобы царь, посмотрев на них, мог выбрать ту, которая была ему по вкусу. В таком собрании царь Петр I, обойдя все многочисленные ряды русских девушек, выбрал Евдокию Федоровну Лопухину. Он часто говорил после этого, что если бы он хорошо знал ее характер, то никогда не отдал бы ей предпочтение.
13. Когда царю стала надоедать жена, он тайно посоветовался с духовенством и опытными людьми, желая узнать, нельзя ли найти какую-то зацепку, чтобы получить право на развод. Не получив благоприятного ответа, он заявил, что все они невежды и что, если бы он посоветовался по этому вопросу в Риме, там бы нашлись более ловкие люди.
14. В 1726 г. на площади, находящейся напротив Петропавловской крепости, казнили двух самозванцев, каждый из которых выдавал себя за царевича Александра, якобы укрытого в раннем возрасте от тирании своего отца матерью-царицей Евдокией Федоровной. Оба они были очень похожи на покойного царя Петра I. Один был солдатом гарнизонного полка в Казанской стороне, другой — сержантом армейского полка, стоявшего в Астрахани. Рассказы этого сержанта о своем происхождении вызывали доверие среди солдат и, может быть, привели бы к большим беспорядкам, если бы командующий русскими войсками в Персии не арестовал этого самозванца вовремя и не отправил его быстро в Петербург, где он и был казнен вместе с другим самозванцем.
15. Всеобщее мнение гласит, что царевич умер вследствие сильного потрясения, вызванного тем, что ему объявили почти одновременно о смертном приговоре и о помиловании. Но те, кто прекрасно осведомлен о том, что происходило в это время при русском дворе, знают, что царь Петр, на словах помиловав своего сына, послал к нему хирурга, которому приказал сделать царевичу сильное кровопускание. Он сказал: «Я приказываю тебе открыть ему четыре вены». Эта операция была выполнена в присутствии царя в Петропавловской крепости. Так утверждают многие люди.
16. Ревность государыни была тем более обоснованной, что Петр I непременно женился бы на Анне Монс, если бы эта иностранка искренне ответила на ту сильную любовь, которую питал к ней царь. Но она, хотя и оказывала ему свою благосклонность, не проявляла нежности к этому государю. Более того, есть тайные сведения, что она питала к нему отвращение, которое не в силах была скрыть. Государь несколько раз это замечал и поэтому ее оставил, хотя и с очень большим сожалением. Но его любовница, вследствие особенностей своего характера, казалась, очень легко утешилась.
17. Он побывал с ней в Копенгагене, Берлине, Дрездене и Амстердаме, откуда хотел отвезти ее во Францию. Однако эта поездка не состоялась из-за вопросов церемониала, которые были нарочно приду-

маны герцогом Орлеанским, знавшим всю историю ливонской пленницы. Проблема заключалась в представлении Екатерины герцогине де Берри, первой принцессе крови и внучке короля Франции.

18. Кроме царевича Алексея Петровича, сестра царя тоже вступила в этот заговор и была приговорена как соучастница к 100 ударам батогами. Ее били по обнаженным плечам и пояснице в присутствии многих придворных дам и мужчин.
19. Титул «боярин» можно перевести на французский язык термином «дворянин самого старинного рода».
20. Несомненно, Глебов имел любовную связь с царицей Евдокией. Ему это доказали показаниями свидетелей и перехваченными письмами государыни к нему. Но, несмотря на эти доказательства, он неизменно продолжал отрицать обвинения. Он оставался твердым в своих показаниях и ни разу не выдвинул ни малейшего обвинения против чести государыни, которую он защищал даже во время самых различных пыток, которым его подвергали по приказу и в присутствии царя. Эти пытки длились в течение шести недель и были самыми жестокими, которым подвергают преступников, желая вырвать у них признание. Но вся жестокость царя, доходившая до того, что заключенного заставляли ходить по доскам, усеянным железными остриями, была напрасной. Во время казни на московской площади царь подошел к жертве и заклинал его всем самым святым, что есть в религии, признаться в своем преступлении и подумать о том, что он вскоре должен будет предстать перед Богом. Приговоренный повернул небрежно голову к царю и ответил презрительным тоном: «Ты, должно быть, такой же дурак, как и тиран, если думаешь, что теперь, после того как я ни в чем не признался даже под самыми неслыханными пытками, которые ты мне учинил, я буду бесчестить порядочную женщину, и это в тот час, когда у меня нет больше надежды остаться живым. Ступай, чудовище, —добавил он, плюнув ему в лицо, — убирайся и дай спокойно умереть тем, кому ты не дал возможности спокойно жить».
21. За границей ходили слухи будто этот юный государь был отравлен. Это совершеннейшая ложь. В течение двух недель после его смерти он был выставлен лежащим на парадном ложе с открытым лицом. Всем позволяли смотреть на него. И весь московский народ убедился, что он умер от оспы, так как руки и лицо его были покрыты оспинами.
22. Она была похоронена без больших церемоний в том же монастыре, где она и умерла, а не в обычном месте погребения царей и цариц.

Ученый, предприниматель, меценат Тенишев

Л. С. Журавлева

Вячеслав Николаевич Тенишев родился 2 февраля 1843 г. в Варшаве, где его отец, генерал-майор Н. И. Тенишев, занимал пост управляющего железными дорогвми Царства Польского. Род князей Тенишевых происходил от крещеного касимовского мурзы Тениша Кугушева. После смерти матери Анны Савельевны (урожд. Ладыженской) трехлетний Вячеслав был отправлен в Тверскую губ. к дяде, в доме которого и воспитывался. В 1858 г. он поступил в московскую гимназию, затем в Петербургский университет, но пробыл там недолго и в связи с политическими волнениями в студенческой среде был отозван отцом в Варшаву, после чего в 1861 г. поступил в политехникум в Карлсруэ (герцогство Баден-Вюртемберг).

Получив образование инженера путей сообщения, Тенишев начал «службу на железной дороге техником с содержанием в 50 руб. в месяц» и в дальнейшем приобрел «состояние собственным трудом»[1]. Современники называли его за деловую хватку «русским американцем». В продолжение 20 лет занимался он развитием отечественной промышленности. Принимал участие в строительстве Брянского машиностроительного завода, причем вложил в дело пай в 200 тыс. рублей. По его инициативе был возведен стан для прокатки профильного железа, и в 1874 г. прокатана первая партия железных рельсов.

В Петербурге Тенишев владел Электромеханическим заводом, осуществлял контроль над продажей электроприборов, держал подряды на их устройство, принял участие в создании первого в России завода по производству автомобилей, в Орловской губ. имел два лесопильных завода и несколько конезаводов, был членом правления Брянского, Варшавского и Путиловского акционерных обществ, членом советов двух международных коммерческих банков, членом Совета торговли и мануфактур, членом Общества для содействия промышленности и торговле.

Тенишев не придавал никакого значения своему княжескому титулу, не тяготел к высшему свету и активно занимался благотворительностью: строил больницы, ремесленное училище, школы, столовые, дома для рабочих. Он любил музыку, играл на виолончели (чему учился у известного педагога К. Ю. Давыдова), был членом дирекции Петербургской консерватории и председателем дирекции Петербургского отделения Русского музыкального общества с 1883 по 1887 год. Правда, его деятельность на этом посту вызывала критику современников.

Композитор А. Г. Рубинштейн был недоволен коммерческой сделкой Тенишева при продаже доходного дома, выстроенного на средства Музыкального общества. 16 декабря 1885 г. в газете «Новое время» критиковалась инициатива Вячеслава Николаевича, решившего пригласить в Россию для выступлений немецкого пианиста и дирижера Х. Бюлова, хотя Тенишев

Журавлева Лариса Сергеевна — искусствовед, член Союза художников СССР, сотрудник Смоленского музея-заповедника.

подчеркивал, что «всякий беспристрастный посетитель концертов признает, что иметь такое выдающееся музыкальное явление, как г. фон Бюлов, — есть громадное преимущество для СПБ отделения Рус. Муз. Общества»[2].

Одно время дом Тенишевых на Английской набережной в Петербурге являлся своеобразным музыкальным салоном: там бывали композиторы, музыкальные критики и исполнители, в том числе П. И. Чайковский, А. А. Брандуков, А. Н. Скрябин, А. В. Вержбилович, Л. С. Ауэр. Это было во многом связано с инициативой второй жены Вячеслава Николаевича Марии Клавдиевны, оперной певицы, художницы, коллекционера, создательницы художественного центра в с. Талашкино Смоленской губернии. Она писала о муже: «Этот сильный человек с громадной волей, эта отвага, — я должна сознаться, — были мне по душе»[3]. Директор Тенишевского училища А. Я. Острогорский отмечал: «В действиях своих он всегда был решителен и смел, поступал и думал, повинуясь только своему уму и убеждениям, не считаясь с тем, понравится ли это тому или другому»[4].

Властный по натуре, прямой в общении, Вячеслав Николаевич был требователен к окружающим, даже к друзьям. Виолончелиста Давыдова он принудил поступить на службу в банк, «говоря ему, что у него достаточно времени и для одного и для другого, и что мыслящему человеку быть исключительно музыкантом — недостаточно и унизительно для его достоинства»[5].

Живописец К. А. Коровин , оформлявший русские павильоны на Всемирной выставке 1900 г. в Париже, где Тенишев был главным комиссаром Русского отдела, писал друзьям: «Ухожу из дому к князю в 10 часов утра, а домой прихожу в 1 час ночи. Какова служба — поймите»[6].

Тенишев старался оградить жену от «неоправданных затрат» на поощрение художников, покупку произведений искусства. «Князь, попросту сказать, не любит всего этого и если ассигнует что-либо, то это потому, что с княгиней иначе нельзя, но, верьте, это делается неохотно», — писала А. Н. Бенуа подруга Тенишевой Е. К. Святополк-Четвертинская[7]. Это, однако, не свидетельствует о том, что Тенишев не понимал искусства. Просто в этом проявилась его натура дельца.

Его житейский опыт, увлечение сочинениями О. Конта, Г. Спенсера, Ч. Дарвина позволили ему выработать свои представления о развитии страны, сформулировать идеи функционализма и стать одним из первых, кто создавал социал-дарвинистскую школу, причем многое из своих убеждений он постарался воплотить в жизнь. В 1895 г. Тенишев вообще отошел от коммерческих дел и занялся наукой и педагогикой, затрачивая на них немалые средства. Он с детства был увлечен точными науками, особенно математикой. В 1886 г. в Петербурге вышла его книга «Математическое образование и его значение», в которой он пытался установить связь «отвлечений с живыми представлениями». Его занимали вопросы психологии, особенно в связи с воспитанием и обучением подростков.

В 1896 г. в Петербурге на Моховой он купил участок земли и, затратив более 1 млн. руб., выстроил там здание Коммерческого училища. С 1898 г. в нем размещалась школа, которая находилась в ведении Министерства народного просвещения, а с 1900 г. — училище, подчинявшееся Министерству финансов. Его программа, разработанная Тенишевым, отличалась новыми взглядами. Училище имело «целью дать учащимся в нем общее образование, воспитать в них самодеятельность и действительный интерес к знанию, а также сообщить необходимые коммерческие знания. Для достижения этой цели в курсе каждого предмета уделяется место лишь самому существенному, действительно имеющему образовательное значение. Преподается лишь то, что отвечает возрасту и умственным запросам учащихся, может быть ими прочно и сознательно усвоено, без излишнего обременения памяти учащихся. Так как детей всего больше интересует окружающая их природа, то в курсе училища уделено значительное место естествознанию, преподающемуся с первого до последнего класса, и притом преимущественно экспериментальным путем. И вообще широкое проведение наглядности и развитие в учащихся умения приобретать знания путем наблюдения и самостоятельной работы составляет отличительную черту преподавания в тенишевском училище»[8].

Еще в 1889 г. в книге «Деятельность животных», изданной в Петербурге, Тенишев писал, что ребенку необходимо знакомиться со всем окружающим миром; он большое место отводил при этом личному опыту как источнику знаний. Защищая свои педагогические взгляды, которые подвергались нападкам справа, он в 1900 г. опубликовал очерк «Опыт как источник знания».

В тенишевском училище были обязательными занятия в физической и химической лабораториях, столярной мастерской и многочисленные экскурсии как в окрестности Петербурга, так и на Кавказ. Почти отсутствовали учебники. Заданий на дом в младших классах не

было (в старших, наоборот, их было много), отсутствовали оценки и экзамены, наказания или поощрения. Ученики переводились из одного класса в другой на основе характеристики педагогического совета, в состав которого входили известные ученые: акад. И. Р. Тарханов (он читал лекции по физиологии), литературовед и историк проф. А. К. Бороздин, доктор медицины А. С. Виренчус, редактор журнала «Педагогический сборник» А. Н. Острогорский, математик А. Н. Страннолюбский. Состав учащихся — более 300 юношей разных сословий, включая крестьян.

Хотя училище было коммерческим, программа была рассчитана на воспитание гармонично развитого человека. Изучались произведения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, преподавались история искусств, рисование, пение, ручной труд. Среди педагогов были историк И. М. Гревс, В. В. Гиппиус, будущий доктор филологических наук А. М. Астахова, выпускник Академии художеств А. Штурман. «В Тенишевском училище весьма поощрялись всякие дарования. Рисованию обучали всерьез и хорошо»[9].

Большое внимание в училище уделялось физическому воспитанию мальчиков, играм на свежем воздухе в любую погоду. Обязательным был горячий завтрак. В штате училища имелось три врача, проводились занятия по личной гигиене, закаливание плаванием. Тенишевское училище окончили известные художники Л. А. Бруни и Н. Н. Купреянов, писатели О. Э. Мандельштам и В. В. Набоков. Мандельштам оставил о нем воспоминания: в форменной одежде ученики походили на студентов Кембриджа; начало учебного года проводилось наподобие заседания парламента; «в соседстве с таким домашним форумом воспитывались мы в высоких стеклянных ящиках, с нагретыми паровым отоплением подоконниками, в просторнейших классах на двадцать пять человек и отнюдь не в коридорах, а в высоких паркетных манежах, где стояли косые столбы солнечной пыли и попахивало газом из физических лабораторий»[10].

Добрых слов заслуживал директор училища А. Я. Острогорский, автор «Живого слова», хрестоматии для изучения русского языка и редактор журнала «Образование», где печатался молодой А. А. Блок. Острогорский в некрологе о Тенишеве отметил, что тот любил бывать в училище. «Вячеслав Николаевич был человек очень скромный и удивительно простой, невзирая на свое богатство и княжеский титул. Ни тому, ни другому он не придавал значения, во всю свою жизнь не искал никаких почестей, не жертвовал денег из-за наград и орденов. В нем не было и тени мирской суетности; как человек здравого ума, он относился ко всяким внешним отличиям со снисходительной насмешкой»[11].

Капитальной работой явились многолетние исследования Тенишева по социологии и этнографии. В 1889 г. он опубликовал труд «Деятельность животных», полагая, что прежде чем исследовать жизнь человека, необходимо изучить поведение животных в стае. Тенишев обращался и к новейшим открытиям в области физиологии; здесь большое влияние оказала на него дружба с Тархановым. «Чем больше, — писал Вячеслав Николаевич, — развита общественность, тем больше мы находим разделение труда и вместе с тем обособляется класс защитников отечества. А потому изучение тех способов, которыми человек достигает выполнения необходимых условий жизни, должно идти рука об руку с изучением его общественности»[12]. Одной из форм развития общества он как раз и считал разделение труда: «Вот почему безусловная нивелировка всех членов общества, на необходимость которой подчас указывают, равносильна его разрушению». Здесь Тенишев близок к позитивисту О. Конту, который обобщал: «Вместо революции — эволюция, вместо классовой борьбы — солидарность, основанная на разделении труда»[13].

Будущее России Тенишев связывал с развитием промышленности и науки. Являясь убежденным материалистом, он отрицал любые формы «шарлатанства» типа магии и гадания. «Вот кому не было никакого дела до чего-либо мистического, таинственного, невыразимого. То, что не поддается простейшему «научному» объяснению, что не отвечает практической полезности, отбрасывалось Тенишевым как нечто лишнее и даже вредное»[14], — заметил А. Н. Бенуа.

Поскольку социологические и политические взгляды Тенишева не находили прямой поддержки в России, он обращался к западноевропейским научным кругам. Дружил с социологом Е. В. де Роберти, высланным из России за свои политические убеждения и читавшим лекции в Брюссельском университете; с Рене Вормсом. Вячеслав Николаевич был избран почетным членом Парижского социологического общества, членом Социологического института и принимал активное участие в работе этих учреждений.

В 1896 г. Тенишев начал работу над большим трудом по этнографии, пожелав «выполнить завет академика Бера, оставленный им в статье «Об этнографических исследованиях

вообще и в России в особенности». «Если бы богатый человек, — писал Бер, — желая оставить прочный памятник своей любви к наукам и к России, спросил меня, что ему сделвть для этого, я отвечал бы: доставьте возможность исследованием России в течение нескольких лет составить полное этнографическое описание нынешнего населения ее и дайте средства издать подробное описание. Этим вы оставите по себе сочинение, которое никогда не может быть изменено и улучшено и с коим будут справляться самые отдаленные потомки так, как ныне мы ищем сведений в творчестве Геродота и вообще в первых литературных произведениях народов»[15].

Тенишев первым в отечественной этнографии сумел выработать научную методику составления программ по собиранию народоописательных сведений. Он обратился со своими идеями в этнографический отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва), но не нашел поддержки и тогда открыл частное этнографическое бюро в своем петербургском доме. А первую такую программу из 67 вопросов, касавшуюся крестьян, издал в 1896 г. в Смоленске. Она была разослана в 23 губернии; 350 сотрудников стали собирать материалы и присылать их в столицу.

Нв следующий год увидела свет книга Тенишева «Деятельность человека» — своеобразное пособие по собиранию такого рода сведений. От отмечал, что соответствующие исследования необходимо проводить в конкретной социальной среде, исходя из потребностей человека и той деятельности, которая удовлетворяет эти потребности: «Чем более будет найдено и исследовано таких соответствий, тем полнее будет изучена деятельность человека. Собранный фактический материал, в подходящей классификации, явится важной отраслью знания, а при повторении однообразных обстоятельств можно будет не только указать на соответствующие поступки и поведение человеквь, но и предвидеть их»[16].

Как врач вначале собирает данные о болезни человека, а уж потом ставит диагноз и рекомендует лечение, так и Тенишев намеревался сначала собрать сведения, а затем рекомендовать «лечение» общественного недуга. «Собранные и приведенные в порядок сведения не только прольют свет на поступки и поведение людей, с которыми нас связывает жизнь, но еще дадут нам возможность во многих случаях предвидеть, как эти люди отнесутся к предстоящим обстоятельствам»[17]. В разделе «Выходящие из ряда обстоятельства» он рассматривал стихийные явления, разлад в общественном строе, «противные интересам общества» действия властей, социальные группы неудовлетворенных, заговоры и возмущения, сопротивление населения властям, стачки.

В 1897 г. Тенишев издал в Смоленске второй вариант «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», в которую было включено около 500 вопросов. К соответствующей работе он привлек известного этнографа С. В. Максимова, который писал: «Работа моя у кн. Тенишева приняла теперь внушительные размеры, и я затянулся в нее, что изывается, по самые уши»[18]. В тенишевском бюро работал и доктор медицины Г. В. Попов. Многие активные корреспонденты помогали деятельности бюро. Успех этой работы определялся и личными качествами Тенишева. А. Я. Острогорский заметил: «Поэтому так легко и приятно было работвть с князем: он никогда не пользовался своим положением, «спорил до слез», как он любил выражаться, но всегда уступал, когда убеждался в своей неправоте. К тому же он был человек с широкой натурой, лишенный какой-либо мелочности, без ложного самолюбия, веривший в преданность других людей своему делу и одушевляющей их идее, и предоставлял своим сотрудникам самостоятельность и свободу инициативы»[19].

В 1898 г. Тенишев издал третий вариант программы, увеличив ее вводную часть. А в 1899 г. в № 26 гвзета «Гражданин» выступила с нападквми на программу. При этом обращалось особое внимание на вопросы, касавшиеся отношения крестьян к властям, сходкам, неповиновению, бунтам, использованию оружия. После этого Министерство внутренних дел начало расследование, и издание было запрещено как недозволенное. Но автор успел за три года собрать так много фактического материала, что на базе его позднее были подготовлены следующие публикации: в 1903 г. — книги С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», Г. В. Попова «Русская народно-бытовая медицина», А. Стеллинг «Рассквзы из народного быта», тенишевский двухтомник «Быт великорусских крестьян-землепашцев», его сына В. В. Тенишева «Правосудие в крестьянском быту» (Брянск. 1907) и «Административное положение русского крестьянства» (СПб. 1908).

Работал Вячеслав Николаевич и над программой по изучению русского чиновничества, но осуществить ее не успел. Ведущий советский этнограф С. А. Токарев отмечал: «Эта программа, кстати, — едва ли не единственная в истории всей этнографической науки попытка разработать методику этнографического изучения городских классов населения»[20]. Тенишев занимался социологией и этнографией до конца своих дней. Будучи комиссаром Русского

отдела на Всесмирной выставке в Париже, он готовил к ней специальное издание (о чем сообщила газета «Новости дня» 24 января 1898 г.).

Скончался Тенишев в Париже 25 апреля 1903 года. Поскольку он был иагражден орденом Почетного легиона, проводы его тела в Россию прошли с почестями. В прощальном слове Рене Вормс, говоря о социологических исследованиях покойного, подчеркнул: «Он был уверен, что наука эта имеет своим назначением вершить судьбы народов, обеспечивая их непрерывное движение к прогрессу и служа им щитом в случаях изнемогания или сильных потрясений»[21].

Тенишев успел подготовить на французском языке обращение к социологам с предложением собирать данные по истории народных волнений XVI — XIX вв. и назначил премию за лучшее сочинение на эту тему, преследуя цель «выяснить причины возникновения революции»[22]. Острогорский писал в некрологе: «По своим общественным взглядам князь был ие только человек безусловно свободомыслящий, но и приверженец демократических тенденций. В последние годы жизни он особенно интересовался судьбами России, желая дожить до того дня, когда «над русскою землею взойдет свободная заря»[23].

Похоронен был Тенишев на хуторе Фленово близ Талашкино, под Смоленском. Гроб с его телом вплоть до 1917 г. стоял в подклети церкви св. Духа, расписанной Н. К. Рерихом. Потом гроб выбросили, а над останками надругались; спустя какое-то время они были захоронены на кладбище, однако могила не сохранилась. Сознавая ценность собранных ее мужем материалов, М. К. Тенишева передала их в 1903 г. в Русский музей, откуда они попали в Музей этнографии народов СССР, где находятся поныне.

Примечания

1. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 189.
2. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 123, оп. 1, д. 422.
3. ТЕНИШЕВА М. К. Впечатлення моей жизни. Париж. 1933, с. 111.
4. Памятная книжка Тенишевского училища. СПб. 1905, с. 8.
5. ТЕНИШЕВА М. К. Ук. соч., с. 170.
6. Цит. по: МОЛЕВА Н. М. Жизнь моя — живопись. М. 1977, с. 163.
7. Государственный Русский музей, ф. 137, д. 1713, л. 20.
8. Памятная книжка Тенишевского училища. СПб. 1902, с. 5.
9. Н. Н. Купреяиов. Литературно-художественное наследие. М. 1973, с. 45.
10. МАНДЕЛЬШТАМ О. Тенишевское училище. — Книжное обозрение, 1987, № 14.
11. Памятная книжка Тенишевского училища. 1905, с. 7—8.
12. ТЕНИШЕВ В. Деятельность животных. СПб. 1889, с. 2—3, 77.
13. Там же, с. 163; цит. по: КОН И. С. Позитивизм в социологии. Л. 1964, с. 21.
14. БЕНУА А. Н. Мои воспоминания. Т. 2. М. 1980, с. 377.
15. Цит. по: СЫРОМЯТНИКОВ С. Н. Заметки оптимиста. — Новое время, 27.IV.1903, № 9749.
16. ТЕНИШЕВ В. Н. Деятельность человека. СПб. 1897, с. 3.
17. Там же, с. 4, 10, 55.
18. МАКСИМОВ С. Избранное. М. 1981, с. 20.
19. Памятная книжка Тенишевского училища. 1905, с. 7—8.
20. ТОКАРЕВ С. А. История русской этнографии. М. 1966, с. 404.
21. Смоленский вестник, 1903, № 102.
22. Там же.
23. Памятная книжка Тенишевского училища. 1905, с. 9.

Вятские историки XIX — начала XX века

В. А. Бердинских

XIX в. — время складывания разночинной интеллигенции. Сыновья крепостных, дьячков, ремесленников прославили русскую науку, литературу, искусство, стали известны всей России, но мы знаем имена лишь некоторых из них, преимущественно тех, чья деятельность проходила в Москве и Петербурге. Между тем в Нижнем Новгороде, Твери, Иркутске, Вятке и других губернских центрах России были культурные слои, и в каждом из этих городов превалировал интерес к чему-либо одному — музыке, живописи или литературе. Вятские поэты и историки, солигаличские художники, нижегородские музыканты — разночинцы-интеллигенты, не получив широкой известности, ревностно выполняли свою культурную, просветительскую миссию.

Одним из аспектов ее было развитие исторической мысли, которое в российской провинции XIX — начала XX века имело существенные особенности, о чем свидетельствуют материалы Вятского края.

Интерес к истории стал здесь традицией, а любительские занятия краеведением — почетными. Основная часть местных историков не выезжала в столицы; их таланты обнаруживали себя, получали признание в самой Вятке.

Историческая культурная традиция проявилась здесь в формировании устойчивого интереса к прошлому родного края у представителей местной интеллигенции: учителей, священников, чиновников, разночинцев. Можно предположить, что истоки этой традиции уходят в то время, когда неизвестным автором в прекрасной литературной форме была написана «Повесть о стране Вятской» (конец XVII — начало XVIII в.) — сочинение, которое целое столетие удовлетворяло общественный интерес к прошлому края[1]. Довольно широкая распространенность списков повести (десятки экземпляров) не только среди жителей Вятки, но и в Котельниче и других городах края говорит о том, что ее читали и чтили.

Связь ее материалов с общерусской историей, выход за рамки провинциального быта отметил в начале XIX в. первый вятский историк А. И. Вештомов (1768 — около 1830 г.), подчеркнув, что они были необходимы вятчанам, ошеломленным реформами Петра I, «когда любезное наше Отечество стало из ветхого переходить в новое состояние»[2]. Вештомов показал, что у Вятского края имеется своя история, которая также может стать темой научного сочинения. Эта мысль поразила местных жителей, но приняли ее и развивали в первой половине XIX в. лишь единицы. Вештомов был сторонником идей просветителей, романтиком по складу характера и деятельности. Свои изыскания он хотел направить на «благо

Бердинских Виктор Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент Кировского государственного педагогического института.

поселян — сей основы государства». Впрочем, «История вятчан» оставалась рукописной на протяжении всего XIX века[3].

1860—1880-е годы стали временем интереса разночинной интеллигенции к истории, экономике, культуре родного края. Высокая цель — вывести русский народ из унижения и темноты путем просвещения — одушевлялв десятки известных, малоизвестных и совсем еще неизвестных вятских историков. Народническая закалка А. С. Верещагина (1835—1908), А. А. Спицына (1858—1931), П. Н. Луппова (1867—1949) отразилась на их деятельности. Для историков этого поколения характерны внимание к повседневному быту крестьян, постижение глубинного течения народной жизни, мощной древнерусской струи в обыденности. Из этой среды вышел выдающийся советский этнограф Д. К. Зеленин (1878—1954)[4].

Разнообразен круг интересов местных историков: этнография и фольклористика, топонимика и география, статистика и археология. Подобная нерасчлененность в подходе к историческому познанию давала им серьезные преимущества. Колоритна личность каждого из них. Верещагин — реалист щедринского типа. Для него интерес к прошлому и форма самоутверждения, проявления индивидуальности, и единственный доступный путь ухода от действительности[5]. Для Спицына[6] вятская археология стала школой и трамплином для выхода в большую науку.

Но если труды Верещагина, Вештомова, Спицына, Луппова[7], историков первого по значимости круга, приобрели признание, то существуют сотни работ историков и первого, и второго, и третьего круга, изучением деятельности которых никто всерьез не занимался. К историкам второго круга можно отнести тех, кто длительное время исследовал прошлое родного края и оставил десятки статей: П. В. Алабин (1824—1895), В. Я. Баженов (1787—1831), Г. Е. Верещагин (1851 — после 1928), Н. Г. Первухин (1850—1889), Н. А. Спасский (1846—1920), В. П. Юрьев (1851 — после 1927). Инспектор народных училищ Глазовского уезда Н. Г. Первухин писал свои статьи будучи неизлечимо больным, на последней стадии чахотки. Об их значимости свидетельствует тот факт, что запросы на них приходили в Вятку даже из Парижа. Историки третьего круга — это люди, чье обращение к истории местного края, хотя и было эпизодическим, но оставило след: Н. П. Бехтерев (1835—1894), С. Я. Васильев, И. Г. Кибардин (1817—1876), П. Н. Кулыгинский (1798—1855), И. А. Лихачев, И. М. Осокин (1864—1921) и другие.

Вятские историки создали своеобразную «социокультурную матрицу» тематики и проблематики краеведческих исследований. Краеведы и историки опирались в своей деятельности на учебные заведения, официальные учреждения и общественные организации. Интерес Вештомова к истории и природе края был во многом сформирован его преподавательской деятельностью в Главном народном училище. Вятский губернский статистический комитет во второй половине XIX в. стал для краеведов губернии объединяющим и координирующим центром. Но будучи официальным учреждением, в какой-то мере даже в своей неофициальной работе опиравшимся на местный аппарат власти в уездах, комитет, по существу, противопоставлял себя народной массе. Однако в уездах членами его, как правило, были люди незаурядные, многие из них изведали на себе влияние народничества. Связь комитета с уездами, к сожалению, не была постоянной и прочной, но сбор и систематизация материалов, характеризующих различные стороны жизни края, — главная его заслуга. Расцвет деятельности комитета относится к 1880-м годам.

В 1904—1918 гг. существовала Вятская губернская ученая архивная комиссия (25-я по времени создания архивная комиссия в России), которая объединяла уже не всех краеведов, а лишь тех из них, кто интересовался историей края. Главными направлениями ее деятельности были сбор и публикация архивных документов[8]. Создание тщательно выверенного, скрупулезно прокомментированного корпуса источников по истории средневековой Вятки — такую задачу ставили перед собой местные историки в конце XIX — начале XX века. В значительной мере им это удалось. Регулярно публиковавшиеся труды комиссии вместили в себя значительный массив документов по истории Вятки XIV — XVII веков[9]. В то же время уход от изучения живой жизни народа приводил зачастую к серьезным потерям: книжной схоластике, отказу от осмысления и критики исторических документов.

Мощная бесписьменная культура, питавшая нравственные, эстетические представления народа, была культурой, часто неосознаваемой и нигде не фиксируемой. Местные историки были к ней ближе, чем столичные. В создании научных концепций, выдвижении гипотез первые, естественно, отставали от вторых, но по широте и многообразию конкретно-исторического материала, обнаруживаемого благодаря близости к источникам, их труды подчас имеют преимущества. Фактографичность, описательность, свойственные им, были не только следствием слабости их научной подготовки, но и результатом нацеленности на «исторический

факт». Выявление фактов местной истории, критическая их проверка, очищение от всего наносного, противоречащего истине местные историки считали своим глввным делом. Позднее из кирпичиков-фактов предполагалось создать здание местной истории.

Распространению в среде провинциальной интеллигенции исторических знаний о своем крае способствовало издание «Памятных книжек», наполненных разнообразным статистическим, этнографическим материалом, данными по экономике, культуре и другим сторонам жизни губернии. С 1854 по 1916 г. вышло 50 толстых томов, каждый тиражом в несколько сотен экземпляров[10].

Приход в 60—80-е годы XIX в. в краеведение двух-трех поколений разночинцев был закономерен, но в 90-е годы приток талантливой молодежи по существу прекратился, а в следующие десятилетия краеведение стало уже уделом немногих. На формирование мировоззрения этих людей огромное влияние оказала русская классическая литература. Их кумирами были М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, Л. Н. Толстой. Поэтому в творчество А. С. Верещагина, П. Н. Луппова органично входят историко-литературные работы. Классическая русская литература во многом определила язык и стиль местных историков. В каждом из них жил писатель, и часто на свои исторические статьи они смотрели, как на чисто литературные упражнения. Не случайно первыми публикациями для многих из них стали статьи в «Вятских губернских ведомостях»[11]. Грани между историческим исследованием, литературным повествованием и публицистикой историки второго и третьего кругов зачастую не проводили.

Отчетливо видны в работах провинциальных авторов взаимосвязь и взаимозависимость развития истории и других наук, в первую очередь естественных, своеобразное взаимопроникновение идей. Большинство любителей истории в Вятке было людьми разноплвновыми. «Чистых» историков среди них мало. Во многих работах прослеживается влияние эволюционного учения Ч. Дарвина. В этом отношении показателен и в какой-то степени закономерен тот факт, что первый вятский историк одновременно являлся и первым вятским ботаником. В становлении местных историков большая роль принадлежала публицистике. Именно она позволяла приобщиться к тем проблемам, которые составляли содержание общественной жизни того времени, выработать определенную гражданскую позицию. Показательны в этом плане полемические статьи в прессе А. С. Верещвгина[12].

Формирование высокой культуры чтения (чтение с размышлениями), нацеленность краеведческой литературы на побуждение читателя к деятельности, стремление выйти из привычного круга занятий — такова, думается, основная предпосылка обращения десятков любителей истории к творчеству. Эти занятия становились для них средством более полной реализации своей индивидуальности[13].

По социальному происхождению многие провинциальные историки были выходцами из духовенства: трое из четырех указанных выше вятских исследователей первого круга. Явление это было социально обусловлено — в селе, приходе функции, так сказать, официального историка, регистрвтора течения времени внутри узкой общности людей выполнял священник. В его ведении находился церковный архив, где зачастую хранились документы, «возраст» которых насчитывал несколько веков; он вел метрические и исповедные книги, составлял клировые ведомости.

Все это позволяло священникам более свободно ориентироваться в прошлом, а следовательно, и отделять его от настоящего. Именно эта среда в XIX в. создавала наилучшие условия для формирования массового исторического сознания. Правда, в ней можно обнаружить и немало примеров косности, неприятия нового, духовной лени, неспособности к элементарному историческому описанию. Простая принадлежность к духовному сословию никогдв никого историком не сделала; для того чтобы это произошло, требовались условия объективного и субъективного характера. Гуманитарная нацеленность системы духовного образования (несмотря на все ее пороки и недостатки) способствовала этому. Трудолюбие, скрупулезность в работе, тренироивнная память сформировались у многих историков именно в семинарии[14]. Авторам, вышедшим их этих кругов, присущи исследования (описания) на частные темы объемом от нескольких страниц до нескольких сотен листов. Работы одного автора тематически не были связаны друг с другом, не имели продолжения.

Наиболее распространенными среди сельских корреспондентов статистического комитета были статьи, содержавшие этнографические описания родных мест[15]. Понимание повседневной жизни крестьянства, ее достоверное отображение придают сегодня научную ценность твкого рода работам, поскольку быт, весь строй и образ жизни предшествовавших поколений — это часть общего культурного богатства народа. Эти работы достойны не только изучения, но и активного использования в современной жизни.

В XIX в. историзм пронизывает все стороны общественной жизни, но для разных категорий населения (дворян, купцов, крестьян, духовенства, разночинцев) открытие исторического времени происходило в разные периоды и в различной форме. В вятской провинции средневековье с его Св. Писанием и провиденциалистским пониманием истории даже в XIX в. представало как эпоха не очень далекая, связанная с современностью десятками нитей[16]. Лишь в губернском городе местные историки представляли собой тип личности с особым мировоззрением, характером, предметом и способом постижения прошлого. Но и здесь их творческие возможности были ограничены узостью общественных связей, социальных действий.

На протяжении столетия структура личности местного историка, разумеется, изменялась. Вештомов проявлял интерес ко многим отраслям знания, для него занятия историей — одна из форм самопроявления. Другое дело местные историки конца века: для многих из них история стала целью, главнейшей и единственной формой проявления своей индивидуальности. Характерна в этом отношении фигура И. М. Осокина, который даже в свои предсмертные часы диктовал статью о древностях Вятки[17].

Вряд ли были в XIX в. существенные отличия в методике труда местного и столичного историка, любителя и профессионала. Не очень отличался уровень распространенности исторических знаний в столице и губернском и уездном городе или селе. Интерес к истории общества то выдвигался на первый план, то отступал нв второй, что вызывало приток или отток талантливых любителей истории своего края.

Историческое мышление местных исследователей чаще всего было лишено философского осмысления прошлого. Значительное влияние на их мировоззрение и деятельность оказывали традиционные народные представления о мире, груз культурных и психологических, морально-этических и профессионально-прикладных характеристик, черт, качеств, присущих средневековью. В то же время весьма высоким в обществе XIX в. был авторитет записанного слова, печатного текста.

Культурный потенциал прошлого в значительной мере еще не востребован. Обращение к внутреннему миру провинциальных историков XIX — начала XX в., к их деятельности и трудам может способствовать дальнейшему рвспространению исторических знаний, развитию исторического мышления и исторического сознания.

Примечания

1. Повесть о стране Витской. В кн.: Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Вятка. 1905.
2. ВЕШТОМОВ А. И. История вятчан... Казань. 1907, с. 117.
3. Подробнее о Вештомове см.: Вопросы истории, 1988, № 1.
4. См.: Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л. 1979; Советская этнография, 1988, № 2.
5. См. Очерки истории Кировской области. Киров. 1972, с. 15—16.
6. О нем см.: Советская археология. Т. 10. М.—Л. 1948; ФОРМОЗОВ А. А. К биографии А. А. Спицына. — Советская археология, 1987, № 2.
7. См. Луппов П. Н. Биобиблиографический указатель. Ижевск. 1985.
8. См. Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905—1917 годы.
9. См. ЧУДОВА Г. Ф. В те далекие годы. Очерки по истории краеведения Вятской губернии. Киров. 1981, с. 115.
10. См. там же, с. 92.
11. См., напр., СПИЦЫН А. А. Известие о Вятской стране Герберштейна. — Вятские губернские ведомости, 1881, № 5.
12. См., напр., ВЕРЕЩАГИН А. С. Святительские тени г. Лескова. — Вятские епархиальные ведомости, 1881, № 23.
13. См. ПЕТРЯЕВ Е. Д. Вятские книголюбы. Киров. 1986.
14. См., иапр., ЛУППОВ П. Н. Мои воспоминания. Рукопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.
15. См., напр., ВЕРЕЩАГИН Г. Е. Знахарство в Вятской губернии. Вятка. 1909.
16. См. ЛУППОВ П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка. 1911, с. 176—178.
17. ОСОКИН И. М. Дневник 1920—1921 гг. Рукопись. Краеведческий отдел Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, ф. Д 1325/II, дд. 1—4.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Фюстель де Куланж (штрихи к портрету ученого)

А. Я. Шевеленко

Сегодня наша историография заново переосмысливает многие факты, составляющие ткань ее развития, и поэтому возвращается к оценке таких ученых, роль и место которых еще недавно казались в советской науке установленными раз и навсегда. К их числу относится и Фюстель.

Нюма Дени Фюстель де Куланж (1830—1889 гг.) начинал как археолог. По окончании в 1853 г. Высшей нормальной школы (Париж) он в течение двух лет участвовал в изучении античных древностей острова Хиос и в 1856 г. написал брошюру «Записка об острове Хиос», в которой уже заметны некоторые черты его будущей авторской манеры: особое внимание к источникам, четкость изложения, ясный язык, склонность к теоретическому осмыслению материала, полемичность. Следующие 15 лет он занимался как исследователь почти исключительно античной историей. Преподавая в Амьенском городском лицее, Фюстель подготовил две докторские диссертации — «Значение культа Весты в частной жизни и публичных учреждениях у древних» и «Полибий, или завоеванная римлянами Греция». В первой содержится главная идея, которой Фюстель постоянно следовал, когда касался античной истории: о решающей роли религиозных верований для становления древнего общества; во второй — идея, приложенная им впоследствии к средневековью и новой истории: о цивилизаторской, прогрессивной роли сильного государства, в котором правит просвещенная аристократия.

Получив в 1858 г. ученую степень доктора словесности, он преподавал затем в парижском лицее св. Людовика и одновременно готовил к публикации свою первую книгу, увидевшую свет, когда Фюстель читал ежегодный курс всеобщей истории, будучи с 1860 до 1870 г. профессором Страсбургского университета: «Античный город»[1]. В нашей историографии эта книга бытует под разными названиями. Она длительное время считалась главным его трудом, ибо открывала новые горизонты в освещении мировоззрения древних и связанных с ним общественных начал. С той поры во французской историографии второй половины XIX в. наиболее выдающимися авторами принято было считать Ж.-Э. Ренана с его «Жизнью Иисуса», И.-А. Тэна с «Происхождением современной Франции» и Фюстеля с «Античным городом».

Фюстель выводил общественный строй древних греков и римлян в I тыс. до н. э. из первоначальных понятий о душе, загробном мире, почитании мертвых, священном огне и домашней религии. Эти культовые понятия, как он доказывал, породили конкретные формы семьи, систем родства и правовых отношений в сфере собственности. На следующем этапе общественного развития, когда победила новая религия — мифы, им стали соответствовать вызванные к жизни изменившимися представлениями людей фратрии, курии, филы и трибы. Из них выросли гражданские общины, имевшие уже новых богов и новые повседневные ритуалы, установилось полновластие ранних монархов, а всякие индивидуальные свободы отсутствовали, поскольку люди были целиком связаны в своем поведении общепринятыми священными обычаями. Появлвние патрициев, плебеев и клиентелы повлекло за собой свержение монархов аристократами (первый исторический переворот), распад рода (второй переворот), включение плебса в гражданскую общину (третий переворот), водворение демократии (четвертый переворот) и ее падение от рук тиранов. По мере превращения многобожия в единобожие Римская республика покоряет соседние народы и торжествует принцип «один бог на небе — одно государство на Земле». Вот почему дальнейшая эволюция религиозной идеологии приводит к монотеистическому христианству, влекущему за собой, по мнению Фюстеля, победу Римской империи. Тут кончается античное общество в собственном смысле этого слова: на место материальной основы древнего политеизма, когда люди создавали богов по своему подобию или выводили их из сил природы, пришел единый и надматериальный христианский бог. Он сделал каждого человека индивидуально свободным, потому что тот почитал теперь превыше всего такого бога и стал духовно независимым от государства и его правителей. Христианство, по Фюстелю, неотделимо от зарождения и становления Средневвковья.

Идеалистическая по направленности, данная книга сразу же оказалась в центре внимания. Научное ее значение состояло в том, что в ней чрезвычайно обстоятельно рассмотрены систематизировввные и показанные в историческом развитии античные религиозные взгляды и их социальная специфика, исчезнувшая в последующих религиях. Клерикалы осуждали Фюстеля за то, что христианский бог изображался им не как самосущая величина, а как результат эволюции предшествовавших представлений о божестве. В то же время его апология христианства снискала у передовых людей отношение к автору именно как к клерикалу, против чего Фюстель протестовал (ибо, соблюдая католическую обрядность, был неверующим), но тщетно.

Научные его приемы уже твердо определились. Он воссоздавал былое только по письменным источникам, игнорируя любую историографию. Этот культ источника («Тексты, тексты и только тексты!» — его любимый девиз) Фюстель провел через все свои последующие сочинения. При этом никакому источнику он не доверял «просто так», все подвергая сомнению, строгой проверке и перепроверке. Он заранее намечал схему будущего исследования, искусно и тонко интерпретируя в соответствии с нею прямые и косвенные сведения из источников. Став медиевистом, он впоследствии еще более усовершенствовал свою высокую технику исследования текстов.

Фюстель отвергал роль случайностей в историческом процессе, объясняя все происходившее совокупностью реальных обстоятельств, и выступал почти как фаталист, усматривавший историческую неизбежность всех решающих событий. Позднее, будучи медиевистом, он сменил фатализм на детерминизм с материалистической подоплекой и распространил такой подход на всю европейскую историю. Получалась единая линия развития истории, до конца, впрочем, нигде им не очерченная. Основой истинного прогресса он считал медленную и постепенную эволюцию, а революции как двигатель прогресса отвергал, видя в них проявление разрушительных тенденций. Он твердо признавал наличие объективных закономерностей в истории, возможность выявить их и познать и особенно уверенно реализовывал в своем творчестве этот постулат как медиевист. Зато Фюстель отвергал сколько-нибудь серьезное значение деятельности «выдающихся личностей», войн, дипломатии, вообще больших политических событий в истории, считая, что историю делают те тысячи людей, чьи усилия, вольно или невольно, ткут ткань саморазвития общества вследствие некоей заложенной в нем внутренней потенции. Именно здесь Фюстель приблизился к материалистическому объяснению истории.

Подобное сочетание исследовательских приемов и образа мыслей было тогда редкостью. Вот почему «Античный город» породил жгучий интерес к автору. Но Фюстель, изначально отвергавший использование любых чужих работ по той же тематике, лишь искажавших, по его мнению, фактический ход истории, навсегда обособился тем самым в научных кругах и долго считался среди собратьев по профессии белой вороной. Уже тогда в науке бытовало то представление об историографии, что она действует в трех аспектах: повествует о прошлом; воссоздавая его на страницах авторских произведений, сама как бы творит это прошлое, поворачивая его всякий раз в зависимости от субъективного подхода исследователей; является составной частью духовного содержания своей эпохи[2].

Шевеленко Анатолий Яковлевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом редакции журнала «Вопросы истории».

Но к Фюстелю приложить эту схему непросто. Оппоненты не раз задавали вопрос: если он относится к произведениям других историков негативно, то идентичный подход может быть распространен и на его собственные работы; зачем же в таком случае они нужны?

Фюстель, трудясь над античной, а затем и средневековой тематикой, продолжал читать общий курс французской истории по XV столетие[3] и расширял круг специальных исследований, используя их для усовершенствования своей первой книги при неоднократных ее переизданиях[4]. Однако внезапно в спокойное течение профессорской жизни вторглась та самая текущая политика, роли которой он как ученый принципиально не признавал: в 1870 г. грянула франко-прусская война, потом образовался Второй рейх и Эльзас с Лотарингией отошли к Германии. Фюстель оказался на два года полностью выбитым из колеи. Живя в Париже и почти забросив преподавание, он страстно переживал военное поражение под Седаном, возмущался Бисмарком и включился в полемику. Когда берлинский профессор Т. Моммзен выступил со статьей, в которой доказывал изначально германскую принадлежность Эльзаса, последовала серия контрстатей Фюстеля на злобу дня. Чтобы уяснить, правы ли многочисленные немецкие специалисты, вслед за Моммзеном подводившие историческую базу под прусские завоевания, Фюстель переключился теперь в основном на изучение процессов I тыс. н. з. Став в 1870 г. профессором Высшей нормальной школы, перейдя в 1875 г. в Сорбонну, где специально для него организовали кафедру истории средних веков, работая с 1880 г. директором Высшей нормальной школы и возвратившись в 1883 г. в Сорбонну, он до конца своих дней занимался изучением преимущественно Средневековья и свою следующую книгу («История политических учреждений древней Франции»; у нас бытуют тоже разные названия) написал о путях становления феодализма в Галлии и Франции. Сегодня этот труд расценивается большинством специалистов как главный вклад Фюстеля в науку. С тех пор он как исследователь трудился только по тематике своих двух книг, и все дальнейшие его публикации расширяли либо углубляли уже высказанные им ранее положения[5]. Фюстель превратился, как принято называть его во французской науке, в «двукнижного историка».

Сначала увидел свет первый том его нового сочинения, посвященный поздней Римской империи, германцам в Галлии и Меровингскому королевству[6]. Отказавшись от взгляда на религию как основу развития общества, Фюстель исходил уже из сугубо материальных факторов (хотя в ряде мест книги прослеживается авторский дуализм). Он предпочитал теперь прежде, чем обобщать, глубоко изучить все имеющиеся письменные источники и выдвинул тезис, который старался непреложно соблюдать: «Для одного дня синтеза нвобходимы годы анализа». И если первая его книга была синтетической работой на идеалистической основе, то вторая явилась аналитическим трудом на материалистической основе.

В новой монографии Фюстель доказывал, что Римская империя — не упадок Рима после республики, а качественно новая и более высокая ступень развития, на которой вще в III—V вв. созрели зкономические предпосылки социальных и административно-правовых ячеек Средневековья в виде крупных поместий[7]. В них зксплуатировался труд посаженных на землю рабов-сервов (серваж стал главной формой раннего крепостничества), попавших в зависимость колонов и утративших былую свободу лиц из числа поселившихся в империи германцев. Все они в совокупности составили позднее класс крепостных. Государственные и общественные порядки в меровингской Галлии почти целиком определялись римским наследием, а вовсе не исключительной ролью германских варваров, якобы принесших туда древнюю свободу, общину-марку и политическое устройство. Напротив, германцы уже не знали прежней свободы и социально расслоились, вместо общинного землевладения существовала частная собственность, а франкские, бургундские и вестготские государственные, фискальные и судебные органы лишь копировали институции римского права. Да и вообще не было какого-то сокрушительного вторжения германцев с завоеванием римских провинций, ибо в Галлию постепенно переселялись на протяжении длительного времени немногочисленные германские племенные группы, союзные Риму, либо отдельные разбойные отряды, причем ни те, ни другие не были способны создать принципиально новое общество и только приспосабливались к прочным романским традициям. Обобщая, говорил Фюстель, то есть социологизируя всю череду тех событий (поскольку «настоящая история есть социология»), убеждаешься: феодализм, победивший уже в VII в.[8], — детище не германское, а всевропейское; он был порожден не германской спецификой, а внутренними закономерностями исторического процесса, в данном случае проявившимися еще до переселения германцев, в недрах Римской империи. Сформулированные сначала в сжатом виде, эти положения нашли развернутое отображение в переработанном т. I (его третье издание стало тремя отдельными томами) и в следующих трех томах книги, особенно в пятом[9].

П. Вьоле и другие сторонники марковой теории встретили в штыки мысль Фюстеля об отсутствии общинных отношений у галлов и германцев и противопоставили ей массу конкретных возражений, лишь частично отвергнутых Фюстелем. Отрицался ими и самый подход Фюстеля к истории. Особенно последовательно возражал ему приверженец традиционной манеры анализа источников А.д'Арбуа де Жюбэнвиль[10]. Английские ученые, далекие от «континентальных» французско-немецких коллизий, восприняли концепцию Фюстеля спокойно и достаточно уважительно. Этому способствовала позиция влиятельного историка Ф. Сибома, который исповедовал близкие взгляды, а затем уравновешенная точка зрения П. Г. Виноградова, в начале XX в. перебравшегося из России в Англию и творчески соединившего и углубившего положения романистской вотчинной теории Сибома и германистской общинной теории Г.-Л. Маурера. Именно Виноградов впервые обстоятельно рассказал широким кругам российских читателей о второй, многотомной книге Фюстеля, не ограничиваясь одной критикой и объективно осветив ее положительные и отрицательные стороны[11]. Ряд других российских специалистов (Ф. Я. Фортинский, В. Г. Васильевский, П. И. Беляев) отнесся ранее к Фюстелю гораздо критичнее, особенно являвшийся одним из ярких сторонников общинной теории М. М. Ковалевский[12]. Однако в начале XX в. концепция Фюстеля обретает в России новых последователей благодаря И. М. Гревсу, ранее не принимавшему идей Фюстеля[13], но затем неоднократно популяризировавшему их и ставшему научным редактором и автором предисловий в русских переводах второй книги Фюстеля, а также в одной из важнейших его брошюр[14].

Немецкие историки были шокированы трудом Фюстеля, который как бы вознамерился отвергнуть те «общеизвестные» факты, что германцы сломили Западную Римскую империю, а затем заложили в Галлии основы феодализма. Поэтому они просто игнорировали этот труд, довольно долго вообще не принимая его во внимание. Однако Фюстель развернул длительную деловую полемику, выступив со статьями, в которых гораздо детальнее аргументировал свою концепцию, чем в упомянутом первом томе[15]. Эта концепция содержит своеобразную трактовку феодального строя. Мы не станем уделять ей здесь внимание, оставив это для специальных изданий.

Важнейшие из этих его статей, никогда, к сожалению, полностью не изучавшиеся в нашей медиевистике и даже не всем известные, имеют самостоятельное научное значение как исследовательские зтюды, богатые материалом: «Очерк происхождвния феодального порядка» (1874—1875 гг.), «Политические учреждения времен Карла Великого» (1876 г.), «Неравенство вергельдов во франкских законах» (1876 г.), «О составлении законов времен Каролингов» (1877 г.) «Подати в средние века» (1878 г.), «Как исчез друидизм» (1879 г.) «Очерк меровингского иммунитета» (1883 г.), «Римский колонат» (1885 г.), «Земельные порядки в древней Германии» (1885 г.), «Германская марка» (1885 г.), «Судебная организация во Франкском королевстве» (1885 г.), «Знали ли германцы собственность на землю?» (1885 г.), «Сельское поместье у римлян» (1886 г.), «Очерк относительно главы о пвреселенцах в Салической Правде» (1886 г.), «Несколько замечаний о Правде франков-хамавов» (1887 г.), «Проблема происхождения земельной собственности» (1889 г.). Кроме того, Фюстель капитально переработал т. I рассматриваемой книги, превратив его, как уже упоминалось, в три монографии: «Римская Галлия», «Германское вторжение и конец империи», «Франкская монархия», а также вчерне подготовил их продолжение в виде трехтомного исследования меровингско-каролингской Франции. Его публикация — заслуга видного специалиста по истории Галлии К. Жюльяна. Позднее все тома переиздавались в разные годы, но уже в рамках шеститомника.

Фюстель хотел довести свой труд до XVIII века. Он членил дореволюционную историю Франции на две зпохи: до XIII в., когда торжествовал феодализм, и с XIV в., когда стала возникать централизованная монархия. Однако успел охарактеризовать монографически лишь период до X в., оставив о последующем периоде только отдельные статьи. Зато он многократно возвращался к раннему Средневековью, освещая различные аспекты социально-экономических отношений, юридической практики и политического режима.

Далее замалчивать его труды стало невозможно даже в Германии. И немецкие историки вступили в научное сражение, отстаивая свою правоту. Особенно заметными были выступления Г. Вайца и Р. Зома, позднее — Г. Бруннера и К. Лампрехта. Фюстель неизменно отвечал им, резко, но на основе конкретной фактологии. Примечательны его статьи «Высшее образование в Германии» (1879 г.), «Об анализе исторических текстов» (1887 г.) и серия публичных писем немецким оппонентам. Он обличал их в национализме, перерас-

тающем в шовинизм, сам категорически отказываясь базироваться в исследованиях на любых расовых либо национальных предпосылках; писал об их неумеренных восторгах при виде всего германского и весьма скептическом отношении ко всему негерманскому; подчеркивал, что немецкие историки используют тексты источников, как завоеванную страну.

Довольно резко спорил Фюстель и с французскими оппонентами, особенно с учеником Вайца Г. Моно (между прочим, основавшим и редактировавшим журнал «Revue historique», в котором Фюстель неоднократно печатался). Они же все трактовали точку зрения Фюстеля как крайний романизм, просто повторявший высказывания Ж.-Б. Дюбо еще в XVIII в., когда впервые столкнулись концепции романизма и германизма. О чем же шла речь?

В посмертно опубликованном трактате историка, политика, философа и астролога графа А. де Булэнвилье, выступавшего в защиту дворянских привилегий и против претензий третьего сословия на равенство, дворяне обрисовывались как потомки франков, в V в. покоривших Галлию и потому заслуженно обладающих привилегиями по праву завоевания перед простонародными потомками галлов[16]. Вскоре секретарь королевской Академии, историк и переводчик аббат Дюбо сформулировал иную версию событий: никакого франкского завоевания Галлии не было, оно сочинено составителями источников в VII в. или даже позднее; дворяне же приобрели привилегии только после IX в., узурпировав их у нижестоящих слоев общества; поэтому третье сословие имеет все исторические основания для того, чтобы отобрать у аристократов свое прежнее достояние[17].

В дальнейшем поддержавшие версию графа германисты и версию аббата романисты использовали их в зависимости от собственных политических взглядов. Либералы среди первых подчеркивали прогрессивную роль принесенных древними германцами народной свободы в борьбе с римским рабовладением и общинного коллективизма в его противостоянии римским виллам; консерваторы националистически выпячивали германский приоритет. Среди вторых демократы мотивировали историческую правомерность борьбы третьего сословия в целом, а позднее — вышедшей из его рядов буржуазии, за политическую власть, которую надо вырвать у франкских последышей; консерваторы отрицали социальный разрыв между античностью и Средневековьем во имя континуитета — непрерывности развития Западной Европы. Но теория континуитета была декларативна, ей недоставало ранее широкого научного фундамента. Она обрела его с появлением труда Фюстеля.

Вплоть до середины XX в. в немецкой историографии мысли Фюстеля либо замалчивались, либо излагались в качестве курьеза, либо вызывали злобную отповедь. Особняком держался австрийский медиевист А. Допш, который принял тезис о континуитете, но изображал древних германцев не варварами, а цивилизованным этносом; вот почему, считал он, слома Римской империи действительно не произошло, и в результае плодотворно сочетались две культуры — римская и германская. В гитлеровской Германии имя Фюстеля было проклято. Лишь после второй мировой войны там нашли место более объективные оценки, обобщенные, в частности, Ю. Фоссом[18]. Но это касается только мира ученых. Широкие круги читателей либо вообще не встретят имени Фюстеля в немецких энциклопедиях[19], либо в лучшем случае узнают, что это был автор ряда работ о континуитете античных учреждений. И всё![20]

Во Франции конца XIX — начала XX в. благодаря усилиям учеников Фюстеля К. Жюльяна и П. Гиро[21], а также вследствие массового обращения к романизму широких кругов общественности, помнивших о военном поражении 1870 г. и психологически стремившихся опрокинуть повседневную политику в историческое прошлое, настроение постепенно менялось в пользу Фюстеля, хотя большинство ученых по-прежнему не принимало его концепции. Подлинный поворот к ней осуществился только в связи со 100-летним юбилеем ученого в 1930 г., и вскоре там стали называть Фюстеля «национальным историком»[22].

Во второй половине XX в. французские ученые (прежде всего А. Мару, Л. Алькен, А. Герро) обращают внимание на значение работ Фюстеля как теоретика и как аналитика, во-первых, для установления объективной истины относительно событий I тыс. н. э. в Галлии и Франции, выражающейся в конечном признании не приоритета германцев либо галло-римлян, а полнокровного романо-германского синтеза, без которого не сложился бы «классический» тип западноевропейского феодализма; во-вторых, как образцов высокого научного профессионализма при овладении технологией ремесла историка[23]. Появляются, чаще в Англии и США, и сугубо описательные работы о Фюстеле[24]. Сейчас во Франции его трактуют как автора, оказавшего сильнейшее воздействие на современную историческую

науку страны; как родоначальника научного метода в истории; как основателя новой исторической науки[25].

В СССР в 20—30-е годы отношение к Фюстелю было трезво-критическим: признавался его вклад в науку, но отмечалась и односторонность его взглядов. Такой, суммированный подход присущ, например, учебнику О. Л. Вайнштейна[26]. Резкая перемена отношения, когда основное внимание уделялось уже не столько конкретным достижениям ученого, сколько его «антинародной», «архиреакционной» устремленности, была порождена как общей атмосферой в советской исторической науке тех лет, так и выходом в свет монографии М. А. Алпатова. В ней появление всей концепции Фюстеля о путях становления феодализма объяснялось тем, что он действовал «под влиянием страха перед Парижской Коммуной» 1871 года.

Схема, намеченная Алпатовым, такова: до Фюстеля германо-романский спор был во Франции сугубо внутренним делом (борьба дворянства и буржуазии за власть), а в Германии — внешнеполитическим (борьба за гегемонию в Европе); после 1871 г. Фюстель, осуществляя «прямое извращение истории» как классовый заказ буржуазии, повернул во Франции спор тоже во внешнеполитическое русло, чтобы помешать ее рабочему классу выступать против буржуа и сплотить всю нацию против Германии, превратив гражданскую классовую борьбу в орудие империалистических замыслов; тем самым он переиначивал романо-германскую проблему в «проблему антипролетарскую»[27]. Особое негодование у Алпатова вызывал тот факт, что Фюстель не признавал революционного характера перехода от античности к Средневековью и слома варварами Римской империи; между тем, как подчеркивал Алпатов, И. В. Сталин четко указывал, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» и что «не-римляне, т. е. «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»[28].

Монография Алпатова, написанная талантливо в литературном отношении и хлестко в политическом, сулила каждому, кто отказался бы тогда в СССР от подобного подхода к Фюстелю, возможность подвергнуться обвинению в идеализации буржуазной историографии. После этого обличительные формулировки по отношению к Фюстелю надолго воцарились у нас в обращении. Попали они и в учебники[29]. Даже высококвалифицированные специалисты при рассмотрении трудов Фюстеля, сохраняя объективность в разборе конкретного их содержания, были вынуждены переходить на резкость тона при общей их характеристике[30]. Только в последние годы вернулось стремление, не идеализируя Фюстеля и честно рисуя его промахи[31], подытоживать то главное, чем обязана ему медиевистика: удар по односторонним германистам, приведший сегодня к торжеству «промежуточной» идеи о становлении западноевропейского феодализма на базе романо-германского синтеза и положения об отсутствии пресловутой «коренной революции» рабов и колонов, о которой советская наука безапелляционно говорила еще сравнительно недавно[32].

Поскольку литература о Фюстеле не слишком обширна, пользуемся случаем, чтобы сказать о свежей работе директора Отдела исследований в сфере социальных наук французской Высшей исследовательской школы Ф. Арто «XIX столетие и история. Дело Фюстель де Куланжа»[33]. Эта книга примечательна публикацией рукописных статей Фюстеля или их фрагментов, преимущественно не изданных и хранящихся в его архивном фонде (Национальная библиотека в Париже). На основе писем и других бумаг Фюстеля автор доказывает, что Фюстель при всей своей внепартийности принадлежал по партийной окраске к либералам. Отсюда видно, что неприятие им революций еще не свидетельствует о его обязательной принадлежности к лагерю реакции. Действительно, идентичное явление было характерно для многих либералов той эпохи (У. Гладстон в Англии, К. Д. Кавелин в России, Р. Вирхов в Германии и пр.). Кроме того, Арто пришел к заключению, что, не приемля революций, Фюстель вовсе не отрицал сильного их воздействия на историю. Любопытна сумма доводов Арто в пользу того, что Фюствль, которого обычно считают научным главой лагеря романистов, достаточно обоснованно отвергал это мнение, поскольку неизменно выступал против привнесения этнических или расовых побудительных мотивов в строго научное исследование. Весьма интересны страницы книги, где Арто демонстрирует, как Фюстель практически интерпретировал исторические тексты, вылавливая в них «микробы истины». Думается, что некоторые уроки Фюстеля по препарированию смысла источников доныне не утратили методического значения. Особое внимание специалистов должен привлечь к себе раздел, в котором Арто прослеживает, как Фюстель постепенно превращался во Франции в «национального историка».

Вместе с тем нельзя согласиться с Арто, когда он полагает, в духе конца XIX в. и в отличие от других современных нам авторов, что правильнее называть Фюстеля все же не «человеком двух книг», а «человеком одной книги» — об античной гражданской общине, тем более что последний всегда оставался «скорее античником, чем медиевистом». Дело в том, что при всей своей внутренней стройности и впечатляющей манере изложения первая книга Фюстеля в научном отношении сильно устарела, а вторая еще не вышла из научного обихода.

Самостоятельное значение имеет публикационная часть книги. Коснемся трех важнейших ее компонентов. 1) Выдержки из 935-страничного текста «Очерки истории [франко-прусской] войны и Коммуны». Основная идея: Франция нуждается во имя лучшего будущего в просвещенной республике с преобладающей властью аристократов. Следовательно, демократизм Фюстеля, отмечаемый Арто, не более чем слова. Другая мысль Фюстеля: социализм был и остался утопией, ибо сделать жизнь человека надежной и счастливой может не обязательная всеобщая уравниловка, а только честный труд. Не споря насчет труда, спросим все же: а был ли знаком Фюстель с марксизмом или исходил из сочинений авторов, относившихся к другим социалистическим направлениям? На этот вопрос сложно ответить, ибо, как констатирует Арто, во всем письменном наследии Фюстеля К. Маркс упоминается единожды, причем попутно. 2) Из заметок Фюстеля об историческом методе самой примечательной представляется та, в которой он отбрасывает популярное некогда суждение, будто до 1789 г. Франция не знала революционных потрясений, и доказывает, что и до того они не раз имели место в ее истории. Любопытно мотивируемое им с разных сторон утверждение (в статье «История как очерк, предпринятый человеком»), что прошлое всегда есть зеркало, в котором люди каждой эпохи ищут свое отражение. Высоким уважением к собственному ремеслу проникнут набросок «Сотворение работы историка». 3) Ряд статей публикуется заново. Причина: их малоизвестность либо наличие каких-то существенных авторских примечаний либо дополнений, не вошедших в общеизвестный текст. Особенно отметим знаменитый в свою пору ответ Фюстеля Моммзену: «Эльзас — он немецкий или французский?» Главный контрдовод Фюстеля против германиста: Эльзас исторически и тот, и другой, но он не может сейчас быть немецким, поскольку не хочет им быть[34]. Книга Арто приоткрывает нам Фюстеля не только таким, о каком мы привыкли читать у нас до сих пор. Тем самым уточняется характеристика места, которое по праву занимает в историографии Фюстель, прежде всего как медиевист и как личность.

Одна из черт советской медиевистики последних лет состоит в том, что специалисты, не упоминая имени Фюстеля, все чаще берут на вооружение некоторые его идеи. Приведем лишь два примера. В обобщающем, основанном на новейших достижениях науки труде о процессе феодализации Европы признается, что «данные, касающиеся романизации и ассимиляции германцев в варварских королевствах Средиземноморья, позволяют сделать вывод о преобладании римских элементов над германскими в процессе их взаимодействия»[35]. А в ходе недавней дискуссии о возникновении государства как исторического явления подчеркивалось, что еще до прямых контактов с Римом «у древних германцев не было ни социального, ни имущественного равенства»[36]. Вот тезисы, которые ряд возражавших Фюстелю германистов счел бы попросту криминальными. Уравновешенная точка зрения проникает и в вузовские учебники[37]. Полагаем, что нашим медиевистам сегодня стоило бы читать работы Фюстеля не только как объект критики, но и для использования интересных выводов и полезных наблюдений.

Примечания

1. FUSTEL DE COULANGES N. D. Cité antique: étude sur le culte, le droit, les institutions de la Crèce et de Rome. P. 1864. Одно из первых русских изданий (ФЮСТЕЛЬ-КУЛАНЖ. Древнее общество: обзор культа, права и учреждений Греции и Рима. СПб. 1867) включило в себя две первые части: «Древние верования» и «Семья». Другое (ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖ. Гражданская община древнего мира: исследование о богослужении, праве, учреждениях Греции и Рима. М. 1867) охватывало еще три части: «Гражданская община», «Перевороты», «Муниципальный порядок исчезает».
2. См. подробнее: BEUMANN H. Wissenschaft vom Mittelalter. Köln. 1972, S. 8 etc.
3. Этот курс был предназначен также для придворных Наполеона III. Нам известно второе его издание (FUSTEL DE COULANGES N. D. Leçons à l'impératrice sur les origines de la civilisation française. P. 1930).

4. 7-е прижизненное издание вышло в 1878 г.; 14-е, идентичное первому, — в 1893 году. Позднее книга многократно переиздавалась с предисловиями.
5. Таков, например, этюд «Очерк собственности в Спарте» (1880 г.), существенно дополняющий те общие соображения об античной собственности, которые были высказаны в «Античном городе». Свидетелем того, как рождался этот этюд из лекций Фюстеля, стал будущий академик Кареев (КАРЕЕВ Н. И. Прожитое и пережитое. Л. 1990, с. 149).
6. FUSTEL DE COULANGES N. D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Pt. 1. P. 1874—1875.
7. FUSTEL DE COULANGES N. D. L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne. P. 1889, pp. 462—464 (позднее данная книга составила т. IV исследования в целом).
8. Ibid., pp. IV—XII.
9. FUSTEL DE COULANGES N. D. Les origines du système féodal: le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne. P. 1890, p. 429.
10. ARBOIS DE JUBAINVILLE H. de. Deux manières d'écrire l'histoire: critique de Bossuet, d'Augustin Thierry et de Fustel de Coulanges. P. 1896.
11. ВИНОГРАДОВ П. Фюстель де Куланж: итоги и приемы его ученой работы. — Русская мысль, 1890, кн. I, рубр. XII.
12. КОВАЛЕВСКИЙ М. Древнегерманская марка (ответ Фюстель де Куланжу). — Юридический вестник, 1886, № 4.
13. ГРЕВС И. Новое исследование о колонате. — Журнал Министерства народного просвещения, 1888, ноябрь, отд. II.
14. ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖ. История общественного строя древней Франции. Тт. I—VI. СПб. 1901—1916; ЕГО ЖЕ. Римский колонат. СПб. 1908.
15. Позднее все эти статьи вошли в сборники: FUSTEL DE COULANGES N. D. Recherches sur quelques problèmes d'histoire. P. 1885; E J U S D. Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire. P. 1891; E J U S D. Questions historiques. P. 1893.
16. BOULAINVILLIERS H. de. Histoire de l'ancien gouvernement de la France. Vol.I. La Haye et Amsterdam. 1727, pp. 24—27, 36, 74—76.
17. DU BOS J.-B. Histoire critique de l'établissement de la Monarchie françoise dans les Gaules. Vol.I. Amsterdam. 1735, pp. 2—17.
18. FOSS J. Das Mittelalter im historischen Denken Frankreichs. München. 1872, S. 388 etc.
19. Brockhaus Enzyklopädie in 24 Bänden. Bd. 8. Mannheim. 1989, S. 87—68.
20. Meyers grosses universal Lexikon. Bd. 5. Mannheim—Wien—Zürich. 1982, S. 358.
21. См., в частности, ГИРО П. Фюстель де Куланж (жизнь и труды). М. 1898; JULLIAN C. Histoire de la Gaule. Vol. 7—8. P. 1926.
22. Об этой новой оценке Фюстеля см.: TOURNEUR-AUMONT J.-M. Fustel de Coulanges (l'homme et l' oeuvre). P. 1931; GÉRIN-RICARD L. de. Fustel de Coulanges. P. 1936.
23. MARROU H.-J. Le métier d'historien depuis 100 ans. — Revue de l'enseignement supérieur, 1969. N° 44—45, p. 19; HALKIN L.-E. Initiation à la critique historique . P. 1973, pp. 39—40; GUERREAU A. Le féodalisme: un horizon théorique. P. 1980, pp. 47—52.
24. Крупнейшая: HERRICK J. The Historical Thought of Fustel de Coulanges. Wachington. 1954.
25. Dictionnaire encyclopédique Quillet. Vol. Et — Hel. P. 1979, p. 2693; Grand dictionnaire encyclopédique Larousse. T. V. P. 1983, p. 4602; Nouvelle encyclopédie Bordas. Vol. IV. P. 1985, p. 2130.
26. ВАЙНШТЕЙН О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.—Л. 1940, с. 233—237.
27. АЛПАТОВ М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.—Л. 1949, с. 7—9 сл.
28. СТАЛИН И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, с. 447, 468.
29. История средних веков. Т. I. М. 1952, с. 71—73; История средних веков. Т. 1. М. 1966, с. 41—42.
30. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М. 1960, с. 322, 339, 362; САДРЕТДИНОВ Г. К. К критике куланжистской методики исторического исследования. — Труды Томского государственного университета, 1964, т. 173, вып. 2; ЕГО ЖЕ. Суд Салической правды в интерпретации Фюстель де Куланжа. — Там же, 1965, т. 178, вып. 3.
31. ГУТНОВА Е. В. Историография средних веков. М. 1985, с. 178—192.
32. Напр., Всемирная история. Т. II. М. 1956, с. 815, 817.
33. HARTOG F. XIXe siècle et l'histoire. Le cas de Fustel de Coulanges. P. 1988.
34. Ibid., pp.44, 73, 90—91, 149—155, 217, 222, 381.
35. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. М. 1985, с. 184.
38. Вестник древней истории, 1990, № 1, с. 102.
37. История средних веков. Т. 1. М. 1990, гл. 3, § 4.

Н. Л. РОГАЛИНА. Коллективизация: уроки пройденного пути. Изд-во Московского университета. 1989. 224 с.

Рецензируемая книга посвящена проблеме, находящейся сегодня в фокусе современного историографического поиска. Главное внимание в ней уделяется осмыслению экономического и социально-психологического опыта коллективизации в различных районах СССР. Автор стремится расширить традиционный круг источников, шире привлекает свидетельства очевидцев, пересматривает некоторые оценки и формулировки. Вместе с тем, складывается впечатление, что книга написана как будто разными авторами, придерживающимися диаметрально противоположных подходов. Первая глава — «Советская деревня в первое десятилетие Советской власти» — и начальные параграфы второй главы, посвященные «кануну» коллективизации, написаны в основном со старых позиций.

Противоречия, встречающиеся в книге, не отражают реальной действительности, но порождены стремлением автора совместить практически несовместимые позиции. Сказывается и приверженность авторв к некоторым застарелым стереотипам, особенно относительно кулачества (с. 33, 88 и др.) и объективной необходимости коллективизации (с. 33, 201, 211). По-старому трактуются вопросы о продовольственной диктатуре и деятельности комбедов в 1918 году. Едва ли можно согласиться с мнением о том, что 20 тыс. рабочих погибли в борьбе против кулачества (с. 11), поскольку во многих местах внеэкономическому изъятию хлеба противились все крестьянские слои.

Рогалина уверена в необходимости уничтожения мелкого товарного производства, поскольку оно-де является базой для роста кулачества, причем решить эту задачу можно лишь с переходом к «крупному коллективному социалистическому производству» (с. 33). Разрешение в годы нэпа «трудовой аренды земли, подсобного найма — сдачи рабочей силы и средств производства», по мнению Рогалиной, «означают известный рост капитализма» (с. 22). Неубедительно обоснование процесса «окулачивания» середняков: прогрессивный процесс развития крестьянского хозяйства выдается за «окулачивание».

Рогалина чрезмерно доверяет официальным данным о численности и удельном весе кулаков в 1926/27 г., полученным на основе недостоверных сведений налогового учета. Не выдерживают критики ее формулировки: «кулаки использовали преимущества крупного по своей сути производства над мелкотоварным,.. доходы кулацкого хозяйства коренным образом отличались от доходов трудового хозяйства по своим источникам, специфическим видом кулацкой эксплуатации в послереволюционной деревне явился «найм» кулака к соседям под видом сдельного рабочего с лошадью» (с. 41—42). Автор не без иронии, но крайне неубедительно критикует «буржуазных авторов» за то, что те не признают «советских кулаков» сельскими капиталистами, преуменьшают их удельный вес, пытаются «растворить» их в группе зажиточных крестьян.

Анализ данных динамической (гнездовой) переписи 1926/27 г.[1], касающихся самых зажиточных курских крестьян со средствами производства свыше 3600 руб., убеждает в несостоятельности старых трактовок кулачества. Всего в нашей выборке таковых насчитывалось 19 из 16 075 хозяйств (0,1%). Средняя численность одной семьи составляла 10,4 человека, в том числе 5,2 работника. На одно хозяйство приходилось в среднем 1,9 лошади, 2 коровы, 2,1 сельскохозяйственной машины в личном и 0,4 — в совместном пользовании, 11,9 дес. посевов, включая арендованные. Главным источником доходов этих крестьян служили надельная земля и семейная рабочая сила. К потребительской аренде земли прибегали 13 хозяйств из 19. Наемный труд применялся в восьми хозяйствах, из них только в трех — по одному сроковому рабочему. На одно нанимающее хозяйство приходилось 135 дней работы сроковых рабочих (где они были), 6 дней поденных и сдельных и 3,5 дня невооруженных отработок. В то же время семейные работники могли выработать от 1,5 до 2 тыс. дней.

Таким образом, доходы самых зажиточных курских крестьян принципиально не отличались от доходов других слоев трудового крестьянства. Думается, разработка аналогичных источников по другим районам страны позволит скорректировать данные об удельном весе кулаков в сторону его значительного понижения (быть может, на несколько порядков). Пора уже исследователям прекратить смешивать мелкое товарное производство с капиталистическим.

Вряд ли правомерно рассматривать «ленинский кооперативный план как собирательное понятие для обобщения взглядов основоположника Советского государства на закономерности, пути, формы и методы перехода мелких товаропроизводителей к социализму и коммунизму через систему социалистической кооперации» (с. 57). Взгляды В. И. Ленина на кооперацию в послереволюционный период претерпели весьма заметную эволюцию. Если в годы непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению он рассматривал кооперацию как составную часть государственного аппарата, то в начале нэпа — как одну из форм государственного капитализма, а в статье «О кооперации» — как социалистическую форму организации производства. Ленин указывает: «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм» заключается в том, что «центр тяжести... переносится на мирную организационную «культурную» работу... А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование». В статье «О кооперации» нет упоминания о колхозах, между тем Рогалина представляет дело так, будто Ленин считал, что простые формы кооперации «подведут» крестьян к коллективизации.

Вызывает возражение утверждение автора о якобы недостаточном внимании государства к производственным видам кооперации в середине — второй половине 20-х годов. Приводимые в книге данные опровергают эту оценку: в 1926/27 г. кредит обеспечивали от 60 до 75% прироста общественных фондов колхозов, в оснащенность их машинами была в 5 раз выше, чем у единоличников (с. 70). Но может быть, именно по этой причине колхозное производство «сумело обнаружить определенные преимущества перед индивидуальным хозяйствованием», не получавшим столь масштабной государственной поддержки? И потом, непонятно, как можно ставить вопрос об усилении производственного кооперирования при отсутствии соответствующей материально-технической базы, о чем справедливо пишет автор (с. 97, 142).

Рогалина, в сущности, повторяет явно устаревший тезис о том, что для рационального использования техники нужна обязательно укрупненная площадь, а не «единоличные клочки земли» и даже «разбросанные участки мелких колхозов». Ни мировой, ни отечественный опыт последних лет не подтверждает этого. Трудно согласиться и с мнением, что «бедняцко-середняцкое хозяйство вплотную подходило к пределам благосостояния, возможного в противоречивой хозяйственной обстановке нэпа» (с. 92). Крестьянское хозяйство далеко еще не исчерпало возможностей своего развития, о чем прямо говорилось на XVI партконференции.

Преувеличенное представление о степени распространения и развития капиталистических элементов в сельском хозяйстве наложило свой отпечаток на освещение вопросов о хлебозаготовительных затруднениях и классовой борьбе в деревне второй половины 20-х годов. Среди причин возникновения хлебозаготовительного кризиса называется «сознательный саботаж кулачества» (с. 87); сообщается, что «кулаки были склонны поступиться своими личными интересами, сознательно подчиняя их классовым» (с. 88). Впрочем, тут же автор указывает на влияние рецидивов продразверстки, чрезвычайщины, обостривших обстановку в деревне (с. 90).

Думается, Рогалина преувеличивает, когда считает сравнительно быстрые темпы коллективизации в первой половине (до осени) 1929 г. «подлинным движением снизу» (с. 93). Тут действовали такие факторы, как разгул насилия, раскулачивание и т. п. Нельзя согласиться и с мнением автора, что и без машин «простейшая кооперация труда, основанная на соединении крестьянских средств производства... давала определенный хозяйственный эффект», равно как и с его позицией по вопросу, допускать ли кулака в колхоз? (с. 97).

Можно было бы сделать и другие замечания по рецензируемой монографии. Исторической науке надо смелее и решительнее освободиться от стереотипов прошлого.

Л. М. Рянский

Примечания

1. Государственный архив Курской области, ф. Р-327, оп. 2, д. 417.

Совет министров Российской империи 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л. Наука. 1990. 476 с.

В 1982 г. появились первые выпуски продолжающегося и поныне издания «Особые журналы Совета министров царской России». К сожалению, эта уникальная публикация остается почти недоступной для широкого читателя. Рецензируемый сборник, подготовленный сотрудниками Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ) и Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР),[1] содержит документы и материалы, предшествующие «Особым журналам», которые велись с мая 1906 г., и охватывает период деятельности кабинета С. Ю. Витте, то есть октябрь 1905 — апрель 1906 года.

Последнее обстоятельство уже само по себе не может не вызвать повышенного интереса у историков. Хотя политика правительства Витте изучалась многими исследователями и немало документов введено в научный оборот (не говоря уже о воспоминаниях самого Витте), далеко не все здесь освещено в должной мере. К тому же работа с документами архивного фонда Совета министров (ЦГИА СССР, ф. 1276) за названный период связана с определенными трудностями.

Дело в том, что, как отмечает в археографической части предисловия Б. Д. Гальперина, в первые месяцы после реформы 19 октября 1905 г. «делопроизводство Совета министров еще не

отлилось в стабильные и неизменные формы, носило черты импровизации и даже в какой-то степени, возможно, отражало характер самого главы правительства» (с. 22—23). В частности, при Витте был нарушен традиционный для российского государственного делопроизводства порядок, предусматривавший составление журналов заседаний коллегиальных органов. Это затрудняет ориентировку в документах фонда, а археографы попали в ситуацию, когда «пойти по пути публикации документов одного или немногих видов оказалось невозможным, ибо документы одного вида не являются настолько аутентичными, чтобы судить о деятельности Совета в этот период» (с. 23).

Составители сборника поступили правильно, избрав путь реконструкции деятельности Совета министров по его заседаниям и вопросам, на них обсуждавшимся. Принцип публикации документов «по заседаниям» позволяет рассматривать сборник в общем археографическом контексте «журнальной» документации. К тому же метод реконструкции документальных комплексов заседаний широко применяется нашими археографами при публикации материалов революционных организаций 1917 года. Благодаря применению указанного метода публикаторам удалось решить ряд сложных и специфических задач.

Больших усилий потребовало составление перечней заседаний Совета министров и обсуждавшихся на них вопросов. В готовом и полном виде таких перечней не существовало, и их пришлось разработать на основании широкого круга разнообразных источников. В результате выявлены данные о 57 заседаниях за период с 29 октября 1905 г. по 18 апреля 1906 года. Ранее в литературе фигурировало 31 заседание[2]. Установление дат заседания правительства Витте имеет самостоятельное научное значение.

Комплексы документов, относящихся к соответствующим заседаниям, стали основными структурными единицами (разделами) сборника. Формирование этих комплексов также оказалось очень непростым делом. Далеко не все нужные документы имеются в фонде самого Совета министров, их пришлось выявлять в бумагах «смежных» учреждений и личных фондах государственных деятелей. В результате в сборник вошло 207 документов, из которых 195 публикуются впервые.

При создавшихся условиях состав документов в разных разделах оказался неодинаковым. В сборник вошли следующие разновидности документов: а) извещения о заседаниях; б) протоколы (велись с 10 января 1906 г. и содержали только перечни обсуждавшихся вопросов); в) мемории; г) всеподданнейшие доклады председателя Совета министров, касающиеся вопросов, обсуждавшихся на заседаниях; д) проекты некоторых «правительственных сообщений» и мемории, утвержденные Советом, но не поданные на рассмотрение царя. Основными документами здесь являются мемории и всеподданнейшие доклады.

Весьма трудоемкая работа проделана составителями по комментированию публикуемых документов. Каждый отдел открывается справкой, где указываются сведения из учетно-регистрационных материалов, перечисляются вопросы, рассматривавшиеся на заседании и публикуемые по этим вопросам документы, приводятся краткие сведения об инициативных документах и архивные шифры к ним. В конце же каждого раздела располагаются комментарии, порой значительные по объему и имеющие как исторический, так и источниковедческий характер.

Наряду с разъяснениями, часто имеющими исследовательский характер, о чем и о ком идет речь, комментаторы приводят здесь сведения об архивных документах и других источниках, непосредственно связанных с публикуемыми материалами и дополняющих их. В результате каждый раздел сборника, включающий справку, собственно документы и комментарии, образует как бы единый информационный блок, представляющий выдающуюся ценность для исследователя. Тщательно выполнены также текстологические примечания и легенды, дающие представление о внешних особенностях документов, имеющих иногда самостоятельное значение.

В качестве приложения в сборнике (с. 475) помещен перечень основных вопросов, рассматривавшихся Советом министров (с указанием дат соответствующих заседаний). Составителями выделены 18 вопросов, из которых 4 рассматривались по одному разу (закон о собраниях, внешняя политика, религия, положение и быт фабрично-заводских рабочих), 2 — по два раза (подготовка основных законов и финансовая политика) и 2 вопроса (переселенческое движение, а также административное деление и управление) — по три раза. Остальные вопросы потребовали обсуждения на гораздо большем числе заседаний.

Борьба с революционным движением рассматривалась на 35 заседаниях, аграрный вопрос — на 13, деятельность же Государственной думы и Государственного совета, выборы в них, структура и функции Совета министров и других высших правительственных учреждений, законы об обществах и союзах, о печати и т. п. (а также закон о собраниях и Основные законы) обсуждались почти на всех заседаниях. Вместе с тем Совет министров уделял внимание промышленности и транспорту (9 заседаний), национальному вопросу (6), средним и высшим учебным заведениям (13).

Поскольку подавляющее большинство документов сборника опубликовано впервые, возникла возможность, да и прямая необходимость, написать историю правительства Витте заново (в сочетании с «Особыми журналами» — это относится и ко всей внутренней политике царизма в годы первой революции).

В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на документ № 207 — «Программу вопросов, вносимых на рассмотрение Государственной думы», переданную Витте своему преемнику И. Л. Горемыкину в качестве своеобразного завещания. Этот документ (вместе с комментарием) дает очень много для понимания общего смысла политики Витте и ее итогов. Вместе с тем не может не броситься в глаза очень существенное сходство между этой программой Витте и последующей программой П. А. Столыпина (включая аграрную реформу). Заметим, кстати, что многие документы сборника убедительно свидетельствуют, что именно при Витте постепенно созревало все то, чему суждено было войти в историю под не слишком справедливым названием «столыпинской реформы». Данное обстоятельство хотелось бы подчеркнуть особо, поскольку сейчас получили широкое хождение взгляды, преувеличивающие историческую роль Столыпина и степень его государственного новаторства.

Конечно, публикуемые документы, относящиеся к заседаниям, далеко не исчерпывают всю документацию Совета министров за освещаемый период. Фонд 1276 содержит массу ценных материалов, публикация которых заняла бы не один том. Поэтому можно сожалеть, что составители не включили в книгу хотя бы краткий обзор этого фонда. Думается, назрел вопрос и об издании соответствующих описей.

Исследователю конкретной темы необходимо учитывать, что рассматривавшиеся в совете вопросы, как правило, вносились министерствами, а многие из них потом переходили в Государственный совет или в особые совещания. Отметим в данной связи, что аппарат сборника окажется очень полезным для поисков документов в «смежных» фондах.

Можно надеяться, что выход рецензируемой книги сможет стимулировать подготовку тематических публикаций по истории внутренней политики царизма, поскольку имеющиеся сборники «Государственная дума в России» (М. 1957) и «Аграрная реформа Столыпина» (М. 1973) давно уже устарели (не говоря о более ранних изданиях).

Документы и материалы Совета министров убедительно говорят о той роли, которую играли его председатели — в данном случае Витте. Деятельность премьера выходила далеко за рамки подготовки и проведения заседаний и имела во многом самостоятельное значение. Деятельность Витте как премьер-министра занимает центральное место в исторической части предисловия, написанной Р. Ш. Ганелиным. Большое внимание уделено здесь сложным взаимоотношениям между Витте и Николаем II.

Можно с полным основанием сказать, что историческая литература обогатилась изданием, которое будет способствовать как развитию исследований в ряде областей, так и совершенствованию практики научной публикации источников.

А. Д. Степанский

Примечания

1. Редакционная коллегия: Б. Д. Гальперина, Р. Ш. Ганелин (отв. редактор), М. П. Ирошников, И. А. Торопов, В. А. Шишкин. Составители: С. С. Атапин, Б. Д. Гальперина (отв. составитель).
2. КОРОЛЁВА Н. Г. Первая российская революция и царизм. М. 1982, с. 57.

Н. И. ПАВЛЕНКО. *Петр Великий*. М. Мысль. 1990. 591 с.

Доктор исторических наук, профессор Н. И. Павленко шел к написанию этого, в известной степени, итогового труда — биографии Петра I — долгим путем. В рецензируемой книге автор не стремится к сенсациям и парадоксальным версиям. Россия петровской поры и сам царь-преобразователь в главном и основном предстают такими, какими они устоялись в научном историческом сознании. Специалист, возможно, обратит внимание на некоторые новые оценки ряда общественных движений и эпизодов классовой борьбы на рубеже XVII—XVIII вв., на характеристику процесса формирования бюрократической государственности или констатацию отдельных промахов петровской политики всеобщего преобразовательства. Но главное впечатление, что Павленко показал, насколько точным и убедительным, при желании и при тщательности историка, может быть наше историческое знание. Такую книгу о Петре Великом, без преувеличения, ждала историография истории России. Это исследование, где события истории не отделяются от личных действий, намерений, помыслов Петра.

Заслуживают особого упоминания отличающиеся большой выразительностью страницы, посвященные гетману И. Мазепе, интересный

источниковедческий анализ знаменитых записей о Петре Великом Я. Я. Штелина. Но одновременно можно было бы сказать и о том, что не все сложилось в ясную картину в описании внешнеполитических проблем, непрочитанной осталась история политических истоков Северной войны; описывая события Прутского похода 1711 г. и войны с Турцией, следовало, очевидно, остановиться и на отношениях между Россией и молдавским господарем князем Д. Кантемиром.

Вряд ли так уж важен вопрос, считать ли бунт К. Булавина на Дону восстанием или же крестьянской войной (с. 236—248). Но зато больше внимания можно было бы уделить судьбам православной церкви в период правления Петра Великого, который в собственных видах властно внес крупные новшества не только в церковное устроение, но и переформировал многие каноны и постулаты в духе лютеранства. Последнему (не через посредство ли Ф. Лефорта, близкого друга Петра?) обязана своим появлением в идеологии нового русского абсолютизма ополитизированная властью идея «общего блага» (видимо, не только случайностью стало то, что впервые эта идея декларировалась в обращенном к иностранцам манифесте 1702 г.).

Пожалуй, далеко не столь самобытными и обязанными только разуму Петра были его преобразования по части государственного устройства: в частности, знаменитые учреждения фискалата и прокуратуры были сколком прусских институтов, в правовые акты о них, вплоть до известной характеристики генерал-прокурора как «ока и уха государства», — всего лишь калькой с прусских указов.

Но не отдельные яркие детали или частные неточности создают лицо книги. Каковы же исторические образы Петра и преобразуемой им России? Отношение историка к ним? Образ Петра Великого издавна двоится в нашем сознании: «мудрость ума государственного» или самодурство «нетерпеливого самовластного помещика» (А. С. Пушкин). Трудный выбор историка засвидетельствовали строки о гетмане И. Мазепе: «Пороки можно было бы игнорировать, в особенности если они были подчинены достижению высоких идеалов» (с. 191).

Симпатии Павленко на стороне общественного движения к «высоким идеалам», деятельного героя-государя. Исток деяний Петра, утверждает автор, в том, что он был «одержимый идеей государственности» (с. 58) и, постигнув «веление времени... отдал на службу этому велению весь свой незаурядный талант, темперамент, упорство одержимого, отвагу, присущее русскому человеку терпение и умение придать делу государственный размах» (с. 46). Автор не забывает отметить и жестокость Петра и государственную его «манеру» запугивать подданных указами, но при этом ссылается на то, что «таков был век».

Возможно, в чем-то эта авторская симпатия излишне «очищает» образ Петра, когда, например, говорится, что «из таких людей, как он, позже формировались энциклопедисты» (с. 379), или когда отмечается, что в обществе известной Анны Монс царь всего лишь «проводил свободное время» (с. 27), или когда автор, отметив, что хронически не оправдывались прогнозы Петра насчет войны со Швецией, никак не хочет признать, что его герою был присущ самый обыкновенный авантюризм (ср. с. 370).

Наверное, создать крупный историко-биографический труд вообще невозможно без субъективной симпатии к личности и деяниям своего героя. Но сила непредвзятого исторического повествования состоит и в том, что читатель многое может почерпнуть и там, где автор по субъективным основаниям что-то оставил в тени или не подчеркнул. Во всяком случае, как бы ни маскировать внешнеполитические мероприятия Петра, видно, что дипломатом он был более чем неважным (ср. с. 124), а восточные походы 1720-х годов — чистые плоды его авантюризма (с. 428—431).

И в деле Кочубея Петр проявил не только государственную недальновидность, но и самую обычную человеческую подлость (с. 270—271), каковая выявилась и в его предательстве князя Хилкова (с. 134—135), да и в политическом обмане собственного сына (с. 393). И едва ли не как главнейшая черта личности Петра вырисовывается (во всяком случае куда более рельефной, чем «заботливость и предупредительность» — ср. с. 512) его полная безнравственность (оборотная сторона взвинченного властолюбия).

Возможно, именно это качество делало властителя более свободным в затеваемых преобразованиях. Но оно же определило свойства тех соратников — «птенцов гнезда Петрова», — без которых реформы были бы немыслимы. Павленко дает прекрасную обобщающую характеристику «компании» царя. Но отдавая дань деятельности Меншикова и Ягужинского, Шафирова и Толстого, их преданности «делу реформ», стоило бы отметить, что буквально все «новопризванные» Петром люди были мошенниками и подлецами безотносительно к любому времени. И когда монарху требовалось решить государственное дело «по чести и совести», приходилось звать столь ненавистных ему Голицыных и Долгоруковых.

Это же качество Петра-преобразователя не может быть игнорируемо при оценке самого исторического смысла преобразований.

Допетровская Русь не вызывает у автора больших симпатий; лишено было, как он отмечает, руководящей идеи и законодательство молодого Петра. Требования времени не находили еще политической реализации. Основные направления деятельности Петра сформировались в значительной мере в ходе борьбы за выход России к морю; петровские реформы — единственно возможный путь исторического движения страны. Таково основное философско-историческое содержание книги. С этой точки зрения оценен в книге конфликт старых и новых общественных сил: или по пути преобразований в Петровом духе, или отсталость (с. 409).

В этой альтернативе — и главный критерий оценки историком непокойных и неприятных для всех слоев общества тогдашней России действий монарха: «Без его понуканий дело практически заглохло бы» (с. 444). Праведность же самого «дела» для историка неоспорима, хотя он и не может не заметить, что «жизнь в обществе, основанном на произволе и угнетении, развивалась по своим законам, жестоко насмехалась над указами, поучавшими как лучше и проще добиться блаженства и довольства всех подданных» (с. 498). Созданный с финансовым надрывом для всей страны первый воронежский флот уже к 1708 г. без употребления сгнил (с. 301).

Цена и смысл Петровых преобразований? Н. И. Павленко завершает свой труд словами Феофана Прокоповича: в делах преобразователя обрела Россия «безмерное богатство силы и славы». В этом и для автора — оценка и оправдание «варварских приемов борьбы с варварством» (с. 187). Правда, этот подход подразумевает, что наше сознание (и не только историческое) вполне усвоило и способно разграничить, что есть варварство, а что нет. Во всяком случае, может и быть совсем иной взгляд на эту проблему. П. Сорокин писал: «Пора усвоить и другое: одно насилие никогда не ускоряло движение к далеким вершинам идеального. Вместо ускорения, оно лишь замедляло его. Примером в нашей истории может служить эпоха Петра, не давшая ничего, кроме пышного фасада, закрепостившая сильнее народ и погрузившая его на полтора столетия в бездну невежества и бесправия»[1].

Сила и общественная ценность крупного исторического повествования, иной раз даже независимо от прямых намерений автора-историка, в том, что оно будит мысль и сознание, способствует его очищению. Думается, книга Павленко побуждает к тому, чтобы освободиться от своего рода «разночинского восприятия» российской истории, упроченного в нашем сознании умилениями перед великими преобразователями и появившимися из ничего сподвижниками, объединенными «делами и свершениями». Может быть не случайно обращение наших современников к произведениям Н. М. Карамзина, для которого общественный прогресс и нравственное начало были нераздельны?

О. А. Омельченко

Примечания

1. Цит. по: Русский вестник. Пресс-сборник. № 1. Л. 1990, с. 51.

Новые работы Ежи Топольского

Научные публикации известного польского историка Е. Топольского за последние два года[1], а также курсы, читаемые им в Познаньском университете[2], свидетельствуют о неослабевающем его внимании к теоретико-методологической проблематике, которая рассматривается им в органическом единстве с практикой конкретно-исторических исследований. В своих работах Топольский неоднократно обращается к очень сложной и важной проблеме — язык историка, адекватная и способная быть общезначимой система исторических понятий.

В статье «Миф революции в историографии» он отмечает, что такие события, как революции, необходимо анализировать на языке, отвечающем критериям научной нейтральности. В одной из лекций он подчеркивал важность общего языка историков для единения мировой историографии. Разработка такого языка помогает дать ответ на принципиальные вопросы, возникающие в процессе исторического познания: в какой степени ход истории «запрограммирован», даже детерминирован расстановкой политических сил и в какой — история является результатом свободной деятельности людей, как, воссоздавая прошлое, отделить правду от лжи и возможно ли вообще действительно объективное отражение прошлого.

Топольский считает, что недостаточно просто призывать к научной нейтральности и единству языка историков. Необходима углубленная разработка и уточнение всей системы исторических понятий. Самого Топольского в последнее время привлекают такие исторические категории, как «нация», «государство», «революция», ставшие составными частями современного исторического сознания[3].

В книге «История и жизнь» он прослеживает соотношение этих категорий. «Критерий историчности» он видит в способности мыслить этими категориями на национальном и государственном уровнях. Определяя содержание понятия «историческое сознание», Топольский особо выделяет в нем так называемое фактографическое сознание, предполагающее свободный доступ к исторической информации на всех уровнях. Вместе с тем «фактографическое сознание», считает Топольский, не может исчерпать всего «исторического сознания», а его гипертрофия догматизирует последнее.

Топольский критикует «аисторическое мышление», как ствтичное, «не позволяющее выделить динвмичные цели деятельности, напрввленные на изменение существующей ситуации». Человек же, мыслящий исторически, «осознвет возможности перемен». Эта особенность характерна для всей европейской цивилизации, хотя, как отмечвет автор, мы и не обращаем внимания на то, что мыслим исторически. «Из сопоставительного анализа развития различных цивилизаций следует, что динамичный характер имели лишь те из них, которые опирались на динамичное мышление. Они прогрессировали до тех пор, пока сохранялась способность к твкого рода мышлению и утрачивали потенции развития, как только верх брало догмвтическое мышление, направленное нв воспроизведение статус-кво и не могущее сформулировать глобальную программу действий».

В любом случае историк неизбежно выходит нв анализ категорий «общество», «народ», «государство», идеальное состояние которых — взвимная гармония, поскольку «в государстве народ обретает возможность саморазвития» (с. 105). В качестве примера конкретных форм «государственного сознания» автор берет Шотландию и Северную Ирландию. Если судьбы первой были связаны в нвчале XVIII в. с Англией преимущественно экономическими мотивами, а вопрос о независимом шотландском государстве не стоит, то в случае с Северной Ирлвндивй ситуация совершенно иная, хотя и не столь уникальная. По мнению Топольского, отсутствие собственного государства, как это было в период раздвлов Речи Посполитой, не является препятствием для развития, в той или иной степени, «государственного сознания».

В последнем издании «Истории Польши» (нвписанной в соавторстве с А. Чубиньским), Топольский утверждает, что на протяжении большей части новой истории Речи Посполитой имеет смысл говорить скорее о национальном, а не о государственном сознании. В качестве специфической его черты соавторы отмечают «открытость» польского общества, выражавшуюся а полонизации непольских зтнических групп (с. III). Исследуя историю своей родины через призму категорий общественных противоречий, Топольский и Чубиньский отмечают два основаных конфликта, присущих развитию польских земель в XVIII—XIX вв.: во-первых, между иностранными государствами и формирующейся нацией; и во-вторых, между углубляющимися процессами формирования нации и отсталой общественной структурой.

Топольский отказывается от поисков черт универсального «национального характера» поляков, в той или иной степени детерминирующего якобы судьбы страны. Он считвет, что теоретически вообще нет оснований для подобных поисков. Это положение — одно из наиболве дискуссионных в его концепции. Критикуя далее понятие «шляхетский народ», он отмечает, что искусственное олицетворение шляхты со всем народом тормозило вызревание национального сознания. Аналогичные выводы делает Топольский и в еще не завершенной четырехтомной «Истории Познани». По его мнению, история города вполне подтверждает его вывод о том, что в национальном сознвнии поляков политические и исторические связи были сильнее, чем зкономические[4].

Продолжая разработку проблем «исторического сознвния», автор обратился к такой категории, как «революция». По его мнению, в современной историографии (и не только марксистской) укоренилось стремлвние приписыввть революциям черты неизбежности, то есть заданности в историческом процессе, придавать им «явно метафизический смысл». Революция трактуется как нечто справвдливое, как сила неизбежная, динамизирующая историю.

В статье «Миф революции в историографии» он выделяет утвердившиеся в современном историческом сознании догмы[5]. Среди них тезис о революции вообще или революции данного типа (например, «пролетврской революции») как о неизбежном компоненте социального развития; революционная схема или модель развития рассматривается как единственно возможная; революциям приписывается главная роль в свершении исторических переломов; в искаженном виде изображаются пред- и послереволюционная зпохи; уходят от анализа негативных последствий революции (оценки их «исторической цены»); в термине «революция» соединяют исторические явления с разным генезисом и характером с тем, чтобы усилить приписываемую им роль (в качестве примера приводится трактовка Мексиканской революции, длящейся, по мнению «официальной» историографии, с 1910 г. по сей день); наконец, анализ революции в языковых терминах не отвечает критериям нвучной объективности. Твк было с освещением в советской историографии многих революций в развивающихся странах (Куба, Никарагуа, Ангола и др.).

Избавление исторического сознания, в частности, самого понятия «революция», от указанных догм должно привести, по мнению Топольского, к воссозданию более адекватной картины исторического процесса нв общезначимом, идеологически нейтральном научном языке. Причем новая, научная картина не будет в принципе противоречить тому понимвнию истории, которое было свойственно самому К. Марксу[6].

Касаясь одной из «болевых точек» современной марксистской историографии, Топольский пишет: «Основная беда состоялв в том, что Маркс был интерпретирован позитивистки, в рамках концепции стадий исторического развития.

Его последователи взяли из марксизма лишь то, что касается по преимуществу идеологии. Но концепция К. Маркса былв нвстолько глобальной, что вся историография XX века либо дополнялв ве, либо корректировала. Без Маркса не было бы ни М. Вебера, ни М. Болка. Однако история не можат быть продолжением идеологии. Наиболее губительным для марксизма стало то, что он превратился фактически в государственную концепцию. Во многих социалистических странах это привело к утрате общего языкв с мировой историографией»[7].

Работы Топольского исполнены стремления преодолеть деформации исторического сознвния, накопившиеся за прошлые годы и получившие особенно сильное воплощение в терминологическо-категориальном аппарате историков, в развитии тенденций воспринимать зволюцию общества в духе исторического фатализма. Автор видит пути преодоления зтих деформаций в утверждении глобального, системного подхода к историческому процессу, истолкованию его в значительных по протяженности временных рамках, а соввршенствовании методологической основы научного исторического познания.

И. В. Будцын, А. С. Макарычев

Примечания

1. TOPOLSKI J. Historiв I życie. Lublin. 1988; e j u s d. Mif rewolucji w piśżniu historii. — Polityka, № 27(1679), 1989; TOPOLSKI J., CZUBIŃSKI A. Historia Polski. Wrocław, 1988; TOPOLSKI J. Dzieje Poznania. T. 1—4. Warszawa. 1988—1990.
2. Одному из авторов обзора довелось работать в качестве стажера в 1990 г. совместно с Топольским и прослушать читавмый им в Познаньском университете спецкурс «Свобода и необходимость в историческом процессе».
3. TOPOLSKI J. Historia I życie, s. 143.
4. См. также: TOPOLSKI J. Metodologia historii. Warszawa 1973; e j u s d. Teoria wiedzy historycznej. Poznań. 1982; e j u s d. Nowe idee współczesnej historiografii. Poznań. 1980.
5. Этой проблеме было посвящено выступление Топольского на XVII Международном конгрессе исторических наук в Мадриде в 1990 году.
6. См. твкже: TOPOLSKI J. Marksizm i historiв. Warszawa 1977; e j u s d. Prawda i model w historiografii. Łódź 1982.
7. Цитируется авторская запись лекции Топольского по историографии в Познаньском университете.

M. GILBERT. *Second World War.* Weidenfeld and Nicolson. London. 1989. XX+846 p.

М.. ГИЛБЕРТ. *Вторая мировая война*

Мартин Гилберт — английский историк, известный своими работами по истории Великобритании и европейской внешней политики. Участвовал в написании официальной биографии У. Чврчилля. Широко известен его вклад в историческую картографию.

На первый взгляд его работа — это хроника событий, призванная выполнять функции справочника. Действительно, событийная насыщенность издания очень высока. Впрочем, советский читатель легко заметит весьма существенные пробелы и лакуны, особенно в том, что касается событий в СССР и на советско-германском фронте. Во многом зто, наверное, связано с источниковой базой издания, которая состоит глввным образом из материалов, почерпнутых в западноевропейских и американских изданиях и архивах. Известную тенденциозность можно обнаружить и в подаче материала, хотя в книге отсутствуют прямые оценки, квк и попытки теоретического осмысления содержащейся в ней обширной информации.

Но, думается, правильно воспринять книгу Гилберта можно только с учетом ее жанровой специфики и тех целей, которые поставил перед собой автор. Издатели, представляющие книгу читателю, обращают его внимание, что в своей попытке написать целостную историю второй мировой войны Гилберт связывает, переплетавт друг с другом вса ве аспвкты — политические, дипломатические, военные, гражданские. «От недели к неделв, от месяца к месяцу, от года к году прослеживаятся ужасная поступь несущей смерть и разрушение колесницы Джаггернаута». Цель Гилберта и состоит в том, чтобы рассказать об истории войны не с точки зрения одной стороны, но в глобальной перспективе, в общечеловеческом ракурсе. Этой цели и служит сочетание хронологического и синхронистического подхода.

Вот почему повествование в книге имеет доствточно сложный и многоплановый характер. Не всегда читателю легко понять связь между политическими и дипломатическими акциями, сражениями на фронтах, действиями партизан, событиями в тылах воюющих армий.

Важной особенностью книги яаляется то, что автор на всем ве протяжении стремится включить в ткань событий непосредственных ее участников — солдат и генералов, государственных деятелей, бойцов Сопротивления, мучеников фашистских застенков. Специальное внимание уделяется миллионам людей, ставших жертвами гитлеровского геноцида. Это — одна из сквозных тем работы.

Гилберт пишет: «Точное число всех умерших

во время второй мировой войны никогда не будет уствновлено. Не учтены десятки миллионов мужчин, женщин и детей, убитых во время войны, не известно, где и при каких обстоятельствах они погибли. Ничего не известно и о миллионах солдат, павших в боях, безвестны их именв, квк и место их гибели» (с. 745). По мнению автора, если учитывввть только те группы погибших, численность которых превышает миллион человек каждая, то общее число жертв мировой войны 46 миллионов человек (с. 746).

Издание богато иллюстрировано; использован очень интересный, во многом новый фотомвтериал. Оно снабжено добротными квртосхемами. Можно только пожалеть, что в книге отсутствует нвучный аппарвт. Данное обстоятельство будет в определенной степени мешать использованию собранного Гилбертом богвтейшего фактического материала в дальнейших исследоввниях по истории второй мировой войны.

Книгу заключает глвва «Нвоконченное дело». В ней автор подчеркивает, что итоги и последствия войны не могут быть сведены к ствтистическим таблицам о жертвах и потерях. Нельзя забывать о людях, вернувшихся домой и «обреченных на то, чтобы доживать свои дни с ранениями, полученными в боях и так и не зарубцевавшимися, заглушая свои физические страдания и недуги квкими-нибудь надеждами». Вторая мировая война оставилв человечеству в наследие язвы и рубцы на теле и душах миллионов людей. Оно не может забывать об их страданиях. Оно должно помнить об этом своем неоплатном долге.

К. Е. Рогачвв

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О публикации документов по истории коллективизации

Выход в свет сборника «Документы свидетельствуют. Из истории коллективизации. 1927—1932 гг.» (М. Политиздат, 1989. 526 с.) побуждает к размышлениям о расширении источниковой базы по истории коллективизации.

Пожалуй, ни одно событие в нвшей истории не подвергалось такой фальсификации, как коллективизация. Думается, настало время серьезно обсудить вопрос о принципах отбора и публикации документов по этой теме. Вместо документов, уже известных по официальным публикациям, стоило бы шире представить архивные материалы, до сих пор недоступные современному читвтелю.

В частности, все еще мало внимания уделяется последствиям «массового колхозного движения» и периоду 1933—1937 годов. Публикация «Писем из деревни, год 1937-й» (см. «Коммунист», 1990, № 1) показывает важность источников, относящихся к этим годам, для выяснения социальной деструктурализации советской деревни и ве негативных последствий. Не раскрыт весь драмвтизм того, что происходило в ней в годы коллективизации. В местных архивах хранятся документы, содержвщие обстоятельную информацию, поступавшую в партийные оргвны через ГПУ, о характере, формах и масштабах сопротивления крестьян коллективизации, особенно в период так называемых перегибов.

Необходимо шире публиковать документы об экономических процессах, происходивших в деревне в годы коллективизации; показать, что стало тогда с арендными отношениями, различными формами собственности и кооперативной деятельности нв селе и др. При подготовке публиквций надо смелве отходить от ствреотипов, мешающих объективному и полному осмыслению этого сложнейшего периода нашей истории.

И. М. Чвикалоа

Так было ли соперничество?

В № 11 вашего журнвла за 1990 г. опубликовано сообщение Н. С. Кулешова «Россия и тибетский кризис начала XX века», в котором автор выдвинул оригинальную точку зрения по данной проблвмтике. Суть ве сводится к тому, что тезис об англо-русском соперничестве в Центральной Азии надуман и несостоятелен и что «Россия не имела ни политических, ни военных, ни экономических интересов в Тибете, продвмонстрировав свою полную непричастность к решению его проблем»[1]. По мнению Кулешова, «исследователи этой политики придерживаются прежних устарелых догм»[2].

Кулешов уже ранее высказывал свою точку зрения по данной проблеме. И удивительно, что она была далека от нынешней позиции[3]. Тогда он признавал, что среди ряда руководителей русской военной политики существовало определенное течение в пользу договоренности (между Россией и Тибетом. — *Е. Ч.*), они мотивировали свои взгляды близостью Тибета к России в географическом плане, наличием религиозных признвков, а также необходимостью противостоять распространению британского господства в Азии.

Говоря об англо-русской конвенции 1907 г., автор твк развивает свою мысль: «Признанием

такого сюзеренитета (Китая над Тибетом. — *Е. Ч.*) две империалистические державы — Великобритания и Россия, — отнюдь не озабоченные сохранением или приобретением Китаем праа на Тибет, стввили друг другу препятствия на пути получения соперничающей (!) стороной каких-либо преимуществ в Тибете»[4]. Твким образом, отвергая англо-русское соперничество в Тибете в своей новой публикации, Кулешов опроввргает самого себя.

Не может не вызаать возражения и его тезис об отстранении России от участия в тибетских делах. В результвте вторжения английских войск в Тибет в 1904 г. ему была навязана кабальная Лхасская конвенция, по которой тибетское правительство обязалось не допускать в Тибет представителей какой бы то ни было иностранной державы и ее войск, не допускать их амешательства в тибетские дела, не предоствлять какой бы то ни было иностранной державе концессий и т. д.[5] Таким образом, зта конвенция, нвправленная главным образом против России, обеспечивала Англии полный контроль нвд Тибетом.

Лхасский договор вызвал сильнейшве противодействие со стороны дипломатических кругов России. Ее правитвльство заявило английскому кабинету, что этот договор нарушает status quo и может имвть весьма неблагоприятное влияние на общве положение дел на Дальнем Востоке[6]. Именно благодаря нажиму со стороны России Лхасская конввнция к 1907 г. практически была аннулирована. В результате подписания соглашения в Петербурге между Россивй и Англией (18—31 аагуста 1907 г.) за англичанами в Тибете остались првимущества лишь в коммерческих делах. Таким образом, вести речь о нвучастии России в тибетских делах в начапе XX в. несостоятельно.

Совершенно согласен с утверждением Кулешоав о том, что МИД России стремился избежать вовлечения ве в тибетский кризис, и о том, что версии о русской угрозе Тибету, утвердившиеся в внглийских официальных источниках, были сильно преувеличены. Но ведь соперничество нельзя сводить только к открытому вооруженному противостоянию между державами. Могут же существоаать и другие формы соперничества, более мирные и скрытые — дипломатическое противоборство, закулисная борьба и т. д. И их нвльзя сбрасывать со счетов.

Интерес России к Тибету упал только к 1914 г., когда театр мировой политики переместился окончательно в Еаропу. А до этого, начиная с 90-х годов XIX в., Россия играла существенную роль в тибетском вопросе.

Е. А. Чеботврев

Примечания

1. КУЛЕШОВ Н. С. Россия и тибетский кризис начала XX векв. — Вопросы истории, 1990, № 11.
2. Там же, с. 154.
3. КУЛЕШОВ Н. С. Китай — пригималвйские страны и Индия. В кн.: Китай и соседи в новое и новейшее время. М. 1982.
4. Там же, с. 276.
5. См. УОДДЕЛЬ О. Лхаса и ве тайны. СПб. 1906; YOUNGHUSBAND F. India and Tibet. Lnd. 1910; СУВИРОВ Н. И. Тибет. Описание страны и отношение к ней Китая и Англии до последнего времени. СПб. 1905; БЕРЛИН Л. Англия и Тибет. — Новый Восток, 1923, кн. 2; ЛЕОНТЬЕВ В. П. Иностранная экспансия в Тибете. М. 1956; ОСТРИКОВ П. И. Империалистическая политика Англии в Китве в 1900—1914 гг. М. 1978
6. См. Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М. 1952, с. 392—393; Международные отношения и внешняя политика СССР. 1871—1957. М. 1957, с. 39—42.

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1991 г.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

ПУБЛИКАЦИИ

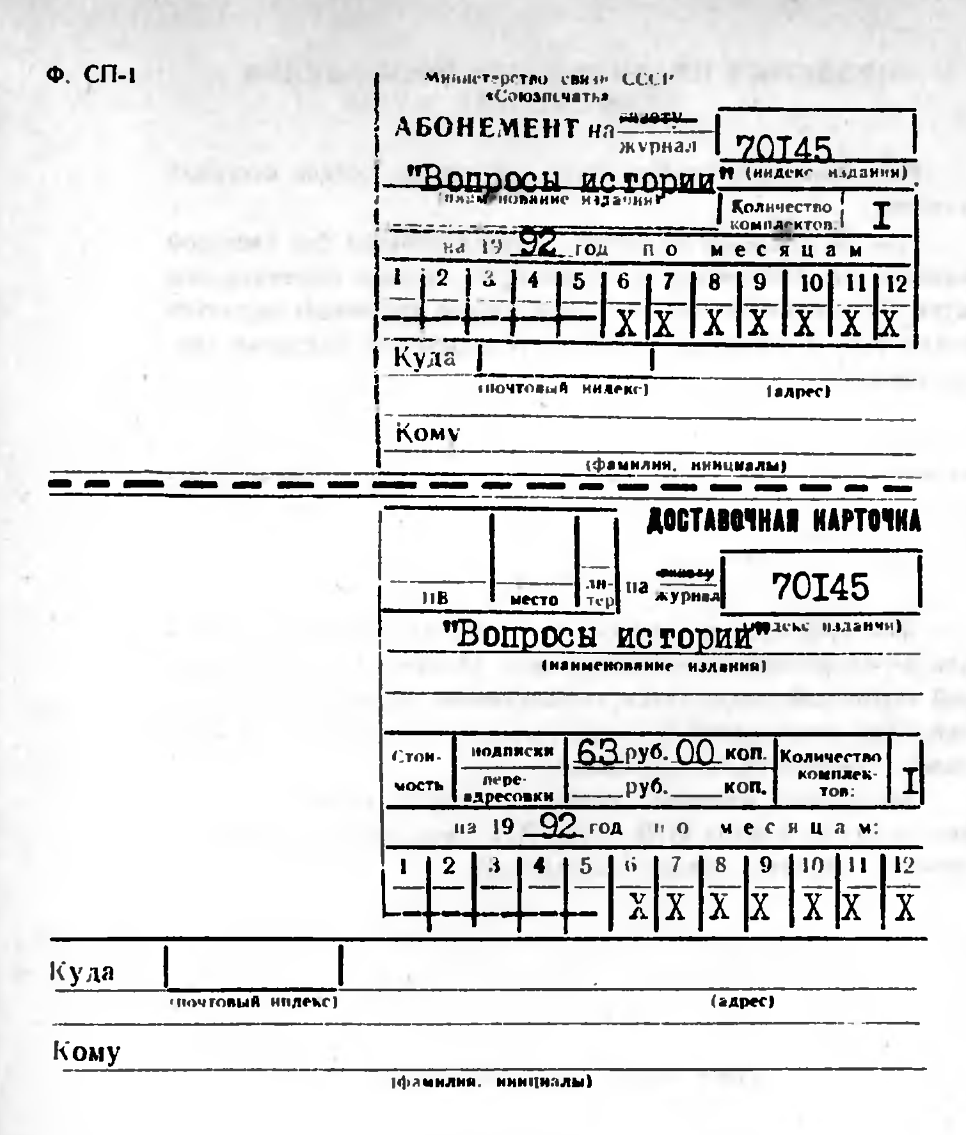
СООБЩЕНИЯ

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Contents

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал 70I45 (индекс издания)

"Вопросы истории" (наименование издания)

Количество комплектов: I

на 19 92 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
					X	X	X	X	X	X	X

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на ~~газету~~ журнал 70I45 (индекс издания)

"Вопросы истории" (наименование издания)

Стоимость	подписки	63 руб. 00 коп.	Количество комплектов: I
	переадресовки	___ руб. ___ коп.	

на 19 92 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
					X	X	X	X	X	X	X

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Учредители: Трудовой коллектив редакции журналв «Вопросы истории»
Академия нвук СССР
Издательство «Прогресс»

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

г. Брест. Облтип. Зак. 4189—10000000. 18. VI. 85 г.

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 12, 1991, 240 стр.
Адрес редакции: 103781 ГСП. Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 16.09.91. Подписано в печать 11.11.91. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Бум. л. 7,5. Усл. кр.-отт. 42,0. Уч.-изд. л. 26,20. Тираж 77508. Заказ № 2549. Цена 2 р. 25 к. Индекс 70145.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Министерства информации и печати СССР. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.